ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

44

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ АО ● 2011

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 44 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО, 2011. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт

Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Editor Felix Kokhrikht

Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2011

От редакции

Известно всем: Пушкин выписал Одессе Грамоту на бессмертие, добавим: Бабель ее продлил. Летом нынешнего года мы отмечаем их дни рождения: Александру Сергеевичу исполняется 211 лет, Исааку Эммануиловичу – 117. Даты, как видите, не круглые, но от этого не менее важные, как и дни рождения наших родителей.

Одесситы помнят своих великих поэтов, а Бабель таковым и является по способу восприятия мира, хотя и писал прозой. Пушкину посвящены два памятника – на Приморском бульваре, и по соседству – у дома, в котором он жил, отбывая Южную ссылку. Улица тогда называлась Итальянской, но уже много лет – Пушкинская. Имея пылкое воображение, присущее многим одесситам, можно представить себе, как Они по ночам встречаются у здания Археологического музея, перекидываются парой фраз (на древнегреческом?!) с семейством Лаоокона и читают друг другу стихи... "Ну что, брат Пушкин, – спрашивает тот, что помоложе и с тросточкой, – все пишешь?.." Впрочем, этот вопрос мог бы задать и Гоголь – дом, в котором он останавливался, тоже поблизости – на улице, носящей его имя.

На разговор (а поэтическая речь уже разносится по спящему городу) тянутся и другие замечательные персонажи, увековеченные в камне и бронзе: Дюк де Ришелье, основатели Одессы – птенцы гнезда Екатерины во главе с матушкой императрицей, светлейший князь Воронцов, Тарас Шевченко, Адам Мицкевич...

Вскоре – то ли летом, то ли осенью – одним памятником у нас станет больше. На углу Ришельевской и Жуковского будет создана скульптурная композиция, посвященная Исааку Бабелю. Автор – известный московский мастер Георгий Франгулян. Если на памятник Пушкину (тот, что на бульваре) в конце XIX века собирали деньги, как говорится, всем миром, то на мемориал Бабеля – всем Миром: средства приходили и приходят из многих стран, где живут и наши земляки, и почитатели таланта писателя.

Есть особый смысл в том, что улица, на которой жил юный Бабель, носит имя Ришелье – великого нашего градоначальника, а поэт Жуковский был ближайшим другом Пушкина. На их пересечении – не только дом Бабеля, но и школа, в которой, надеемся, будет создан филиал Литературного музея.

В этом выпуске альманаха мы продолжаем публиковать статьи под рубрикой "Одесский календарь", на сей раз посвященные именно улице Ришельевской. Среди них – уникальное исследование четы известных краеведов Дроздовских, содержащее интереснейшие сведения о семье Бабель.

"Итальянский след" – в материалах подборки "Путешествия", объединенных пушкинской строкой: "Язык Италии златой звучит на улице веселой".

Все неразрывно связано и причудливо переплетено в нашем городе, который Пушкин увидел юным, а Бабель – зрелым...

Сергей РЕШЕТОВ

Одесский кадетский корпус: страницы истории

16 апреля 1899 г. повелением императора Николая II был основан Одесский кадетский корпус, 24-й по счету сухопутный кадетский корпус. С этой даты принято отсчитывать его историю, которая делится на два неравных периода: первый, немногим более двадцати лет, с сентября 1899 г. по январь 1920 г. — на родине, и второй, с января 1920 г. по осень 1924 г., — на чужбине. Выпускники кадетских корпусов поступали в военные училища (воспитанники которых назывались юнкерами), после окончания которых распределялись офицерами в гвардию и армию соответственно успеваемости.

13 мая 1889 г. решением Военного совета была сформирована строительная комиссия по постройке зданий корпуса, а ответственным за строительство был назначен военный инженер полковник Залесский. До завершения строительства корпусу были временно предоставлены помещения Сабанских казарм на улице Канатной. В конце мая 1899 г. в Одессу прибыл назначенный директором корпуса генерал-майор М.Е. Дерюгин и руководящий персонал корпуса, который приступил к организации ремонта казарм и подготовке их к приему первых кадет. 26 августа 1899 г. состоялись экзамены, после которых в первый класс корпуса было зачислено 68 человек. 1 сентября был отслужен торжественный молебен и со следую-



щего дня начался первый учебный год. В конце осени 1900 г. корпус впервые посетил великий князь Константин Константинович, в марте того же года назначенный главным начальником военно-учебных заведений.



Генерал-лейтенант Павел Ефимович Кошлич В 1900 г. назначен ответственным за постройку зданий корпуса, а в 1914-1917 возглавлял его

В мае 1900 г. ответственный за постройку новых зданий корпуса полковник Залесский был заменен военным инженером П.Е. Кошличем (1861 г. р.), который частично завершил строительство к началу 1902-1903 учебного года, а окончательно — в 1904-1905 гг. Для постройки нового здания корпусу был отведен обширный участок на 4-й станции Большого Фонтана между лагерями одесского гарнизона и новым ипподромом Общества поощрения скакового и бегового коннозаводства (в одесских справочниках 1910-х годов адрес кадетского корпуса указывался как 4-я станция парового, а впоследствии — электрического трамвая Среднефонтанской дороги). 10 мая 1901 г. на этом участке была совершена торжественная закладка новых зданий. Богослужения возглавил архиепископ Херсонский и Одесский Иустин. 24 марта 1902 г. был устроен праздник Древонасаждения, и перед зданием корпуса кадеты под руководством специалистов засадили деревьями аллею вдоль забора, а кадеты каждой роты посадили по дубу в честь великого князя Константина Константиновича и его супруги (возле памятника великому князю, установленному недалеко от главного здания корпуса в 1999 г., перед одним из дубов была установлена табличка, на которой указано, что этот дуб посадил сам великий князь). 14 июня 1902 г. произошло поднятие над куполом, венчавшим корпусный храм, креста. По воспоминаниям одного из бывших кадет, через 20 лет на месте снесенного купола была установлена статуя красноармейца.

5 октября 1902 г. в Одессу вновь прибыл великий князь Константин Константинович, присутствовавший на состоявшемся на следующий день освящении корпусного храма в память святых равноапостольных братьев

Кирилла и Мефодия. В 1904 г. великий князь вновь посетил корпус. 17 сентября 1904 г. кадеты корпуса впервые представились императору Николаю II, который прибыл в Одессу, чтобы произвести смотр войскам Одесского 8-го армейского корпуса перед выступлением на Дальний Восток. 7 октября 1905 г. корпусу было пожаловано знамя, доставленное в корпус 10 мая 1906 г. генерал-лейтенантом Анчутиным, помощником великого князя. На следующий день, в день корпусного праздника, состоялось освящение знамени. 24 мая 1906 г. был утвержден жетон корпуса и основано Общество взаимопомощи бывших кадет и служащих Одесского кадетского корпуса. 30 мая 1906 г. первые 75 кадет окончили кадетский корпус. 65 человек из 75 поступили в различные военные училища.

Осенью 1910 г. к территории корпуса был присоединен большой участок лагерей (бывший лагерь 4-го стрелкового артдивизиона), простиравшийся от "садика" 1-й роты до 5-й станции Большефонтанского трамвая — до дороги к аэродрому и тюремному замку. На этой территории был построен тир и бараки, где кадеты проводили летний отдых до начала учебного года.

В 1912 г. корпус в последний раз посетил великий князь Константин Константинович, который скончался в июне 1915 г. Вскоре корпус получил название Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. По традиции, некоторые кадетские корпуса получали в качестве почетной приставки к наименованию учебного заведения имя шефа — члена императорской фамилии или видного военачальника: 2-й Московский императора Николая I, Донской императора Александра III, Оренбургский Неплюевский, Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетские корпуса и так далее. Великий князь Константин Константинович (1858-1915), чье имя получил корпус, был довольно неординарной личностью среди императорской фамилии. Внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал-адъютант (1901) генерал от инфантерии (1907), в 1900-1910 гг. он был главным начальником, а с 1910 г. генерал-инспектором военно-учебных заведений империи. С 1889 г. и до конца жизни он был президентом петербургской Академии наук, также был известен как талантливый поэт, переводчик и драматург (писал под псевдонимом "К. Р."), способный композитор и одаренный музыкант.

Как уже отмечалось, великий князь трижды посетил Одесский кадетский корпус с инспекторским визитом. С момента основания корпуса кадеты носили голубые погоны с инициалами "О. К." — Одесский кадетский, а после пожалования корпусу шефства великого князя погоны по-

лучили вензельное изображение его инициалов — "К. К." под великокняжеской короной.

В 1914 г. российские войска оставили Польшу. Был эвакуирован из Варшавы Суворовский корпус, при этом в Одессу был доставлен и помещен в кадетском корпусе памятник генералиссимусу Суворову, перед которым во время парадов проходили кадеты. (Таким образом, в Одессе в разное время находились как этот памятник А.В. Суворову, так и памятник работы Эдуардса, позднее переданный в Измаил, — в настоящее время поднимается вопрос об изготовлении и установке нового монумента великому полководцу.)

В марте 1917 г. начался новый, трагический период в истории корпуса и всей страны. Кадеты и подавляющее большинство преподавательского состава не приняли и свержение монархии, и установление власти Временного правительства. На параде в Одессе, который принимал командующий войсками округа генерал Маркс, представлявший Временное правительство, кадеты во главе с ротным командиром полковником Самоцветом отдали честь не ему, а памятнику императрице Екатерине II, а возвратившись в корпус, исполнили гимн "Боже, царя храни!". "Революционный трибунал" прислал в корпус комиссию, но дело закончилось лишь порицанием. В мае в Одессу прибыл министр Временного правительства Гучков, в честь чего был проведен парад. Кадет обязали явиться на парад с красными флагами, которые они сожгли. Произошел скандал. Левая пресса писала о корпусе как об "осином гнезде контрреволюции", называя кадет "волчатами" и "жандармскими паничами", а газета "Киевлянин", редактируемая В.В. Шульгиным, напротив, называла корпус "гнездом орлят", чем они весьма гордились.

В конце августа — начале сентября 1917 г. корпус был эвакуирован из Одессы в Ростов-на-Дону, а в середине сентября — в Новочеркасск, где находился в ужасных условиях. В середине октября приказом донского атамана Каледина корпус был расформирован, а кадетам предложено самостоятельно вернуться в семьи. Кадеты, большинство из которых было родом из Одессы, небольшими группами по 20-30 человек начали возвращаться домой. Часть из них вступила в различные формирования Добровольческой армии и уже вскоре они приняли участие в боях с красными частями, понеся первые потери убитыми и ранеными. К середине ноября 1917 г. в Одессу вернулись кадеты, добравшиеся сюда из Ростова и Новочеркасска. Кадеты были собраны в здании Епархиального женского училища, но не как кадетский корпус, а как некое заведение без наименова-

ния, но при руководстве прежнего директора полковника Бернацкого. Вскоре начались занятия.

Весной 1918 г. большевики вследствие наступления австро-германских войск оставили Одессу, и начался период гетманской Украины. Корпус был возрожден как гетманский, и ему были возвращены здания. В конце 1918 г. гетманат прекратил существование, а Одесса занята войсками Антанты. Ранней весной 1919 г. войска союзников начали готовиться к эвакуации, в связи с чем было решено эвакуировать корпус в Туапсе. В начале августа 1919 г. Одесса была занята войсками Добровольческой армии, а в начале октября корпус был возвращен в Одессу. В конце января 1920 г. части Добровольческой армии покидали Одессу. Как отмечено в истории корпуса, изданной в 1974 г. его выпускниками за рубежом, "Днем 25-го января 1920-го года закончилось существование Одесского Вел. Князя Константина Константиновича кадетского корпуса как такового, на своей русской земле, в родной Одессе". Из-за паники, возникшей в городе, и нерешительности директора корпуса полковника Бернацкого корпусу не удалось благополучно эвакуироваться. Части кадет удалось погрузиться в порту на суда и добраться в конечном итоге до Королевства Сербов, хорватов и словенцев (Югославии), а остальные кадеты во главе с директором корпуса, не сумевшие пробиться в порт, были вынуждены присоединиться к отступающим войскам и прорываться пешим порядком через румынскую границу, но выдворенные румынами, вернулись в Одессу (впоследствии часть их все же через Румынию попала в Югославию, понеся большие потери). В итоге к апрелю 1920 г. в г. Панчево (Королевство Сербов) собрались разрозненные группы кадет, выступившие в январе 1920 г. из Одессы.

По военной линии корпус был подчинен военному агенту главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, который назначил директором училища генерал-лейтенанта Б.А. Адамовича. Еще ранее, в марте 1920 г., по приказу военного агента, Одесский кадетский корпус был лишен своего названия и переименован в "Сводный кадетский корпус" (кроме одесских кадет в него вошли кадеты Киевского и Полоцкого корпусов). В августе того же 1920 года корпус был назван "Русский кадетский корпус в Сербии", в сентябре — "Русский Киево-Одесский корпус", а в сентябре 1921 г. — "Русский кадетский корпус в Королевстве Сербов, хорватов и словенцев", или "1-й Русский кадетский корпус". В 1924 г. состоялся V Сараевский, или XIX Одесский выпуск окончивших корпус кадет. Это были последние кадеты, в числе всего семи человек, принятые

в корпус в Одессе, и, по мнению бывших кадет, издавших в 1974 г. историю Одесского кадетского корпуса. С этим выпуском закончил свое идейное существование Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (1-й Русский кадетский корпус прекратил свое существование с занятием советскими войсками Югославии в 1944 г.).

Директорами Одесского кадетского корпуса были: генерал-лейтенант Михаил Евсеевич Дерюгин (в 1899-1906), в 1906 вышедший в отставку с чином генерала от инфантерии; генерал-майор, затем генерал-лейтенант Николай Алексеевич Родкевич (в 1906-1914), в 1914 г. назначен командиром бригады 8-й кавалерийской дивизии в действующую армию; генерал-майор Павел Ефимович Кошлич (в 1914-1917), летом 1917 вышедший в отставку; полковник Владимир Александрович Бернацкий (лето 1917 — январь 1920); в Королевстве Сербия — генерал-лейтенант Адамович (с 1920 г.). Бывшие второй и четвертый директора корпуса — генерал-лейтенант Родкевич и полковник Бернацкий — остались после 1920 г. в Одессе (последний служил в Красной Армии). В 1931 г. оба были арестованы по делу "Весна". Родкевич скончался в ссылке в Алма-Ате, а Бернацкий был расстрелян.

По свидетельству историка белого движения С.В. Волкова, из 99 офицеров, окончивших Одесский кадетский корпус и дослужившихся до генеральских и штаб-офицерских чинов, 71 получили их в белых армиях (по 7 в Императорской и болгарской, 6 в польской, 5 в югославской, по 1 в гетманской, грузинской и литовской), из 25 капитанов, занимавших штаб-офицерские должности, — 14 (12 в Императорской, по 1 в югославской и РОА). Из 235 погибших выпускников корпуса 70 погибли в первой мировой войне, 128 в белых армиях (в том числе 56 в 1920 г.), и еще 32 в борьбе с большевиками после гражданской войны. Из 1196 выпускников корпуса в белых армиях служили 446, то есть подавляющее большинство тех, чья судьба известна (из прочих 70 погибли в мировую войну, 53, в том числе иностранцы, служили в иностранных армиях: 15 в польской, 13 в югославской, 12 в болгарской, 8 в грузинской, 3 в гетманской, по 1 в литовской и английской, несколько десятков после корпуса не стали офицерами, а об остальных нет сведений). В эмиграции объединения Одесского корпуса издавали в Париже журнал "Досуг одесского кадета", в Нью-Йорке — информационный бюллетень, в Торонто — "Бюллетень горя".

В советское время в зданиях бывшего кадетского корпуса размещались различные военно-учебные заведения. Так, во второй половине XX века здесь находился Одесский институт Сухопутных Войск, а с 2008 г. —

Военный институт Одесского политехнического университета. В 1999 г., к 100-летию со дня основания кадетского корпуса, недалеко от главного здания был установлен памятник великому князю Константину Константиновичу работы скульптора Токарева с надписью "Романов Константин Константинович" (хотя по традиции, ни в отношении императора, ни в отношении членов императорского дома не употребляли фамилию).

Сравнительно недавно началось восстановление и функционирование Кирилло-Мефодиевской церкви, действовавшей при кадетском корпусе в 1902-1919 годах, освященной в январе 2006 г. Она расположена на втором этаже главного корпуса учебного заведения, проводятся реставрационные работы, установлен купол храма, по выходным в церкви проводится служба. Не пожалейте своего времени и посетите церковь, попасть в которую можно с проходной военного института на Фонтанской дороге, 10. По дороге к храму вы пройдете перед величественным главным зданием Одесского кадетского корпуса и прикоснетесь к его истории. На первом этаже главного здания расположен музей, в экспозиции которого собраны документы и раритеты, рассказывающие об истории Одесского кадетского корпуса и соседнего Сергиевского артиллерийского училища, а также учебных заведений, которые позднее находились в их стенах, с начала XX века до сегодняшнего дня.

Хочется завершить статью словами из истории Одесского кадетского корпуса, составленной кадетом В.А. Качоровским в 1965 г.: "Не уклонившись ни на йоту от вложенных в них корпусом устоев честного, преданного Престолу и Родине воинского служения: "ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ", с честью поддержали на должной высоте имя ОДЕССКОГО КАДЕТА, возвеличив этим "СЛАВУ" нашей родной военно-отроческой школы — Одесского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса. ЧЕСТЬ И СЛАВА ИМ!".



Олег ГУБАРЬ

"Энциклопедия забытых одесситов"
Из новой книги

Двадцать тысяч лье над водой

Упоминание о Жюле Верне тут вполне уместно: это же его литературный герой "Упрямец Керабан" из одноименного романа оказался в Одессе единственно по причине своего сумасбродства. Не желая платить в Стамбуле пошлину за переезд через Босфор, он обогнул все Черное море против часовой стрелки, зато посетил наш благословенный город. Тем не менее, встречались в старой Одессе светские шалопаи и порельефнее. Вот один образчик.

Чудное семейство

Родственное окружение нашего героя представляется занимательнейшей галереей. Кологривовы — старинный дворянский род, первоначально носивший фамилию Пушкины, но поскольку патриарх Иван Тимофеевич служил княжеским конюшим, ходил, так сказать, около гривы, то и получил прозвище "кологрив". Потомки — один другого ярче. Дмитрий Михайлович, обер-церемониймейстер и гофмейстер, тайный советник, камергер, масон, сводный брат князя Александра Николаевича Голицына, рельефный персонаж "Старой Москвы" М.И. Пыляева, большой оригинал. Вместе с другим князем Голицыным, добродушным толстяком Федором Сергеевичем, они устраивали выдающиеся розыгрыши и мистификации, порой принимавшие скандальный оттенок. Переодевшись нищенками или монахинями, они приставали к прохожим, ругались на чухонском наречии (не по фене, а по-фински), проникали в великосветские особняки, вплоть до гостиной Т.Б. Потемкиной, где принялись плясать в присядку, задрав рясы и до смерти перепугав богомольную хозяйку, скандалили на паперти с "конкурирующей фирмой", а однажды перед развернутым строем кавалерийского полка в Гатчине и в присутствии императора пронеслись верхом ряженые, изображая влюбленную парочку со свитой. И все сходило им с рук. По слухам, Дмитрий Михайлович мог бы сделать и лучшую карьеру, если бы на каком-то важном приеме украдкой не вытащил стул из-под важного заморского дипломата.

Супруга кавалергардского полковника Петра Алексеевича Кологривова Прасковья Юрьевна, урожденная Трубецкая, в первом браке княгиня Гагарина — первая русская воздухоплавательница и не последняя красавица. А.С. Грибоедов немножко переименовал ее:

Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам...

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до Поста,
И летом праздники на даче.

По словам декабриста Д.И. Завалишина, Прасковья Юрьевна "прославилась особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов". Ее старшая дочь Вера Федоровна вышла замуж за князя П.А. Вяземского. Многие Кологривовы — знакомые Пушкина.

Отец нашего героя, генерал от кавалерии Андрей Семенович Кологривов, — выдающийся военачальник и широко образованный человек либерального направления, кавалер орденов Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского с алмазами, Святого Георгия 3-й степени, командор ордена Иоанна Иерусалимского. Верный императору Павлу, был арестован собственными подчиненными в ходе покушения, однако в дальнейшем героически возглавлял кавалерию в сражениях при Аустерлице, Фридланде и др., занимался организацией кавалерийских резервов в 1812-1813 годах, его адъютантами состояли братья Бегичевы и Грибоедов. Мать — кавалерственная дама Екатерина Александровна, урожденная Челищева. Дядя, Лука Семенович, — тверской губернатор. Двоюродный брат, Александр Лукич, — декабрист.

Огромной популярностью пользовался дом Кологривовых на Тверском бульваре (отделан в 1823 году), обустройством которого занималась главным образом Екатерина Александровна. Был он одним из наиболее значимых культурных гнезд старой Москвы, где, например, заправлял балами знаменитый ту пору танцмейстер Петр Иогель, упоминаемый

Л.Н. Толстым. Здесь веселилась золотая молодежь, перебывали все известные лица своего времени. В те годы сын Андрея Семеновича и Екатерины Александровны Мишенька Кологривов под руководством своего наставника Б.И. Иона, швейцарца, превосходного воспитателя, эрудированного юриста, прежнего гувернера, а затем секунданта Грибоедова на небезызвестной двойной дуэли Заводовского и Шереметьева (где А. С. должен был драться с Якубовичем), изучал классические языки и штудировал римское право. После кончины отца в 1825 году опекунство над мальчиком принял его бывший адъютант и родственник Д.Н. Бегичев, впоследствии воронежский губернатор, известный литератор. Говоря короче, полихромное окружение юного Кологривова предвещало неординарный результат.

"От Севильи до Гренады"

Со сказанным интеллектуальным и эмоциональным багажом, а в перспективе — поместьями, дававшими, по крайней мере, 200 тысяч рублей чистого годового дохода, подобно современным пушкинским героям, отправился он на ученье в Германию. Однако в отличие от них, явно не без влияния Иона, выбрал "протестантский богословский факультет" в Тюбингене, что было, конечно, поступком неординарным для потомственного российского дворянина. Сопровождаемый преданным наставником, юноша усердно прослушал шесть семестров, сдал соответствующие экзамены, получил диплом доктора теологии, но пастором, естественно, не стал, а направился в Париж, где поступил в знаменитую Политехническую школу. Едва Кологривов с отличием закончил курс наук, как грянула июльская революция 1830 года. Студенты школы приняли более чем активное участие в этой заварухе, и наш выпускник сражался на баррикадах с монархистами под соответствующими лозунгами, и даже получил "июльский крест" от сформированного впоследствии парламента. Говорят, он состоял чуть ли не адъютантом при знаменитом Лафайете.

Далее в Кологривове возобладал присущий ему дух противоречий, он вступил волонтером в войско реакционного претендента на испанский престол дон Карлоса Мария Исидоро ("Священный легион" генерала Ф.-Э. Мина), пересек Пиренеи и, стало быть, готовился сражаться уже против только что превозносимых им парламентских и конституционных идей, за легитимную монархию, был адъютантом генерала Мина, заслужил чин лейтенанта испанской армии. Впрочем, так называемых "кар-

листских войн", развернувшихся с 1833 года, он так и не дождался. Необычные экзерсисы взбалмошного россиянина дошли до "высочайших ушей", и тогда император Николай Павлович велел немедленно разыскать его и воротить в Россию, уточнив, что в противном случае наложит секвестр на все движимое и недвижимое имущество ослушника. Опекун Бегичев и наставник Иона по мере сил покрывали своего подопечного. Но тут и сам искатель приключений припустил на родину после недолгих раздумий: как свидетельствует мемуарист, промен "своих воронежских мужичков и тысячи десятин чернозема" превосходил меру его преданности "убеждениям".

Грозный монарх лично потребовал объяснений, на что Кологривов якобы восторженно заявил: "Желал, ваше величество, показать иностранцам, как умеют драться люди, имеющие счастье быть вашими подданными". Император, сказывают, чуть не прослезился: "Узнаю в тебе достойного сына России". И расцеловал храбреца. Встреча эта имела, однако, самые непредсказуемые последствия. Восхищение Николая I не помешало ему на следующий же день отправить "героя" рядовым на Кавказ в сопровождении жандарма.

"Кавказ подо мною"

Судьба М.А. Кологривова привлекла внимание двух советских академических "кавалерственных дам" — правоверной компартийной Ольги Орлик и интеллигентной рафинированной Милицы Нечкиной. Первая некогда на полном серьезе написала: мол, Кологривов не вынес испытания солдатчиной (с 1832 года), и молодым отдал Богу душу. Вторая откровенно заявила о лакунах в его биографии. Длительный одесский период жизни Кологривова остался совершенно вне поля зрения исследователей.

Меж тем Михаил семь лет провоевал в самых "горячих точках", показал-таки себя смельчаком, был произведен в офицеры, вышел в отставку подпоручиком, перебрался с кавказского побережья в европеизованную Одессу. Тут он нашел старого знакомого по Кавказу, служившего в портовой таможне любимца общества Льва Сергеевича Пушкина, который перезнакомил его со всеми здешними светскими львами, гуляками и вообще "золотой молодежью средних лет", включая графов Николая Самойлова и Павла Гагарина, выдающихся остряков Ильина, Соколова, Ягницкого (Ивана, брата адъютанта Воронцова). Тогда, в конце 1830-х, город был наводнен известными в русской и региональной истории персонажами, осо-

бенно в купальный сезон, еще можно было отобедать у Отона, остановиться в пушкинском номере клубного дома барона Рено, совершить морскую прогулку на его же хутор, где в последнюю турецкую кампанию обитали императрица с инфантой, посетить итальянскую оперу, завести интрижку с солисткой, совершить экскурсию по трактирным заведениям и "пансионам без знания древних языков" немецкого, итальянского, греческого, турецкого и прочего формата. Как вполне совершеннолетний и легальный гражданин Кологривов был избавлен от опекунов, вступил во владение полагающейся ему львиной долей наследства. Наш искатель приключений купил два великолепных приморских хутора и избрал весьма оригинальную стратегию поведения, а равно социальных и научных занятий.

Он застал еще в Одессе графа М.С. Воронцова, назначенного через несколько лет кавказским наместником, какового просил о дозволении "произвести на купленном им небольшом судне ученое исследование берегов Черного моря". Генерал-губернатор всегда поощрял подобные проекты, а потому велел начальникам всех прибрежных мест оказывать всяческое содействие "ученому исследователю". Получив протекцию, Кологривов доверху загрузил кораблик алкоголем и отправился в круиз по крымско-кавказской линии. Зайдет в порт, бросит якорь, перезнакомится со всеми наличествующими морскими и армейскими офицерами, зазовет к себе на яхту, "и начинается питье насмерть". Споив всех до единого, идет себе дальше — из Феодосии в Керчь, из Керчи в Тамань, вдоль всего кавказского побережья. Так и двигался, "укладывая последовательно в лоск мадерою и коньяком военный персонал располагавшихся там одно за другим укреплений", резко повышая боевую и политическую подготовку. Когда Воронцову доложили о результатах оных "ученых трудов", непроницаемый вельможа подлинно британской закваски, никогда не позволявший себе даже намека на дурное слово, будто бы процедил сквозь зубы: "Этот господин Кологривов совсем негодный человек".

"Восток — дело тонкое"

Справедливости ради заметим, что наш герой ярко отличился на ниве благотворительности (1842-1850 гг.). Так, он чрезвычайно деятельно участвовал в устройстве Александровского детского приюта и Одесской богадельни сердобольных сестер, был отмечен по этому поводу самой императрицей и принят в почетные члены Одесского городского попечительства детских приютов. Однако дух противоречий продолжал толкать его на по-

ступки прямо противоположного свойства. Один из щедрых жертвователей Стурдзовской общины, он, по свидетельству мемуариста, в то же время устраивал вакхические безобразия на могиле графини Р.С. Эдлинг, урожденной Стурдзы. При этом Кологривов утверждал, что подобного рода акции имеют социальное значение.

Дело в том, что покойная графиня почиталась чуть ли не святой, а потому в народе ходили слухи о чудесных исцелениях на ее могиле, что в потустороннем мире она как бы вымаливает выздоровление недужных. Благонамеренный доктор теологии и политехники находил нужным рассеивать подобные бессмысленные суеверия черни "восточной деспотии", а потому и избрал памятник местом, "где, как дошло до начальства, совершались по ночам самые возмутительные оргии". Место погребения близ Воскресенской церкви — бывший хутор умелого садовода, отставного ротмистра Иосифа Чижевича — находилось на обрывистом морском берегу, и открывалось мореходам, следовавшим в гавань со стороны мыса Большой Фонтан и тамошнего маяка, так называемого Одесского. Разжигаемый по ходу очередного "сейшна" большой костер, кроме всего прочего, дезориентировал навигаторов, и возникала та же аварийная ситуация, что когда-то привела к устройству упомянутого маяка. В конце концов, подменявший находившегося уже на Кавказе Воронцова генерал-майор П.И. Федоров, говорят, сделал Кологривову деликатное замечание "не подавать повода ходящим по городу слухам о производящихся будто у него бесчинствах".

Здесь опять-таки следует оговориться: Михаил Кологривов действительно синхронно значится владельцем солидной недвижимости в этом районе и именуется помещиком. Но, как известно, хутор Стурдзы и бывший хутор Чижевича, где похоронена графиня Эдлинг, две разные, хотя и не столь уж отдаленные друг от друга территории. Да и сам А.С. Стурдза, отставной дипломат, известный теолог, литератор, в ту пору был живехонек, принимал на своей даче Гоголя и т. д. и прочее. Так что слухи в какой-то мере гипертрофированы.

Впрочем, Кологривов и в самом деле представляется фигурой довольно экстравагантной. Об этом можно судить и по основанной на реальных событиях литературной мистификации П.П. Вяземского — небезызвестным письмам Оммер де Гелль (прототипы, супруги Ксавье и Аделаида Оммер де Гелль — реальные лица, участники естественнонаучной экспедиции в Южную Россию, издавшие в Париже соответствующие ученые записки), в которых Михаил Андреевич именуется графом Кологриво-

вым, жившим в Одессе вертопрахом под формальным надзором полиции и соорудившим грандиозный "укрепленный замок Бастилию", где устраивал грандиозные светские гулянья. Его часто и охотно навещали принимавшие активное участие в тех же, что и Михаил Андреевич, благотворительных акциях графини Воронцова и Шуазель-Гуфье, с первой из которых они нередко уединялись в тенистом саду и практиковались в стрельбе из пистолета по мишеням. Этим же временем датируется посещение Одессы родственниками и друзьями Кологривова — Бегичевыми, Челищевыми, Ионами.

"Это была оригинальная фигура, — несколько противоречиво замечает мемуарист, — роста немного ниже среднего, несколько сутулый, широкоплечий, в очках, с длинными по плечи волосами. Облеченный в длинное черное пальто и бархатную шапочку совершенно монашеского покроя, к женщинам он питал непримиримую ненависть и обладал, как уверяли меня лица компетентные, огромною начитанностью".

Исчерпав, если позволительно так выразиться, Одессу как полигон своей бурной деятельности, наш искатель приключений навострился за рубеж. Известно, что он отправился на издавна очаровывавший его Восток, где, как говорили, попал "в большую милость к тамошнему хедиву Измаил-паше, которого тоже споил-де насмерть". Этот молодой человек, как и Кологривов, учился в Париже, и в 1849 году вернулся в Каир совершеннейшим европейцем. Впоследствии Измаил правил страной настолько либерально и расточительно, что привел ее к полному банкротству. Тем не менее, за время правления он устроил первые железные дороги, умножил сеть каналов, улучшил Александрийскую гавань, создал театры и школы по европейским образцам. По всему видно, влияние взбалмошного россиянина имело место быть.

В четвертой части изданной князем Петром Долгоруковым "Российской родословной книги" указана дата кончины Михаила Кологривова — 1851 год, которая вызывает некоторые сомнения. Нами документально зафиксировано: в конце 1840-х он был еще в Одессе, а Измаил-паша в Париже. Что до последующего общения с хедивом, то оно изображено информированным мемуаристом как процесс, растянутый во времени. Не следует упускать из виду и тот факт, что в 1851 году Измаил еще не был хедивом (правителем Египта), то есть речь может идти о гораздо более поздних контактах. Далее. Высокопоставленные родители и близкие Кологривова покоятся на кладбище Данилова монастыря, причем мать ушла из жизни 14 декабря 1857 года. Трудно предположить, что тело Ми-

хаила, буде он скончался в Египте, не было бы доставлено из Каира в Одессу, и затем в Москву, как тогда практиковалось (можно привести множество примеров). Тем паче он, как и другие Кологривовы, располагал значительными средствами, да еще и был в фаворе у египетской верхушки. Что-то тут не стыкуется. Неспроста, повторяю, такой серьезный автор, как М.В. Нечкина, прямо пишет о многих пробелах в информации о его судьбе.

Мне удалось еще установить, что ранее, в январе 1844 года, отставной подпоручик Михаил Кологривов совершил путешествие (паломничество?) из Одессы в Иерусалим в сопровождении "дворового человека Ивана Федорова". Подробности этой поездки неизвестны, но сам факт можно занести в протокол как противоречиво характерный.

В последний раз, говорят, Михаила Андреевича видели в так называемой практической части одесского порта перед отходом рейсового парохода на Стамбул (который тогда в России упорно именовали на византийский манер Константинополем). Кологривов исподлобья, но как-то похорошему, прощально поглядывал на город, где прожил "несколько лет этою своею назидательною и душеспасительною жизнью".



Софронис ПАРАДИСОПУЛОС

Социально-экономический профиль греческой общины Одессы в конце XIX века

Цель этой статьи — показать, что представляла собой греческая община Одессы в конце XIX века. Материал, который я обработал, происходит, в основном, из результатов первой всеобщей переписи населения Российской империи, которая была проведена в 1897 г. в 89 губерниях.

Вклад переписи заключается в концентрации большого количества информации, которая составляла общественно-экономические характеристики жителей и излагала в общих чертах ход их переселения и обустройства в городе. Главным критерием классификации жителей и разграничения национальностей в городе служил родной язык, который использовался статистическими службами в систематизации данных о населении и в их сравнении между собой.[1] Следовательно, перепись представляет собой первостепенный источник для исследования заселения в городе, национального состава и социальной стратификации.

В общем количестве жителей города греки на основе родного языка составляли весьма незначительную группу (5.086 человек), что являлось всего лишь 1,26% от населения Одессы.

Донесения как властей, так и консулов на протяжении XIX века ясно показывают уменьшение греческого населения. Несмотря на то, что мы не располагаем официальными данными, относящимися к переписи, соответственно в 1892 и в 1897 г., мы знаем, что греки были одними из первых поселенцев, имели особые привилегии, были особо многочисленной группой на первом этапе развития русской торговли пшеницей с организованным предпринимательским и образовательным присутствием.[2] По оценкам консульских служб, во время беспорядков между греками, русскими и евреями в марте 1871 года, потрясших город, греческое население превосходило, по самым сдержанным подсчетам, по крайней мере, вдвое данные 1897 года.[3]

Ослабление греческого присутствия в Одессе объясняется различными причинами. Из историографии известно о перемещении греческих переселенцев обратно в греческое государство после 1871 г., куда возвращаются и капиталы,[4] а также и о втором перемещении торговцев во второй половине XIX века из Одессы в порты Азовского моря, куда переместился основной объем экспорта зерна. Некоторое ослабление экономического значения города и трудности, с которыми

встретилась торговля одесской пшеницей на британском рынке из-за американской конкуренции, возрастающее присутствие евреев и их соперничество с греками в одних и тех же профессиях (торговля зерном и магазины колониальных товаров) привели к закрытию дел многими греками.

Перепись 1897 года дает достаточно данных для понимания греческого присутствия и для исследования формирования или ослабления общины. Как мы увидим дальше, греки, рассеянные по трем подданствам (греческое, турецкое и русское), с каждым новым поколением сливались с русским обществом и теряли поэтапно как родной греческий язык, так и греческие фамилии.

Кто такие греки Одессы?

Логика переписи и изучаемый образец

Как уже упоминалось выше, по логике переписи греками считаются те, кто заявил греческий как родной язык, и те, кто имеет греческое подданство. Вторая группа включается в первую, за исключением значительного количества женщин-супруг и детей греческих подданных, которые, несмотря на то, что греческий не являлся родным языком, после свадьбы или деторождения приобретают греческое подданство. Пофамильный подход к переписи, который был методологическим выбором для выявления греческих семей, используемый нами, определил широкий круг людей греческого происхождения. Составили базу данных, в которую занесли 233 греческих хозяйства, где проживали 934 человека, включая обслуживающий или рабочий персонал, либо служащих, которые переписывались вместе с хозяином.[5] Наш образец сохранил, насколько это было возможно, относительное представление из всех районов города. Широкий круг лиц греческого происхождения позволил нам выявить не только существующих греков на основании родного языка, но и процесс их ассимиляции.

Первоначальное рассмотрение широкого круга лиц с греческими фамилиями и сравнение между собой их характерных и политических отождествлений, которые они принимают на себя, позволило выделить воображаемую группу лиц, говорящих на греческом языке, которые получили три различных подданства.

Греческие подданные (с греческим родным языком):	263
Турецкие подданные (с греческим родным языком):	123
Русские подданные (с греческим родным языком):	52

Греки Одессы в 1897 году находятся под тремя подданствами, которые они приобретают по административным и политическим причинам.

Рассматриваемые нами греческие подданные делятся на переселенцев первого и второго поколений. Для достаточно большого процента из них (27,3%) русский язык является родным. В своем большинстве это лица, родившиеся в Одессе или в России, в основном женщины, которые по причине брака с подданным Греции, или дети, рожденные от них, приобретают греческое гражданство.

Подданных Турции с греческими фамилиями было 165. У 123 из них был родной язык греческий, у 32 — русский, у 9 — албанский, и у одного — армянский. Наконец, 181 человек носят греческие фамилии и имеют русское подданство. Из них для 52 человек греческий является родным (28,7%), для 126 — русский, для одного болгарский и для двоих румынский. Мы должны, тем не менее, отметить, что самые удачливые и деятельные члены греческой общины, которые добились важных должностей в русском государстве, взяли русское подданство и в большинстве случаев после третьего или четвертого поколения не говорят на греческом. Только греческая фамилия осталась как дальний отзвук их греческого происхождения.[6]

Национальное самосознание и подданство
("Идентичности" и "самосознание")

Здесь необходимо уточнить, что вопрос подданства для переселенцев зависел от политической конъюнктуры, от царской политики в отношении меньшинств, привилегий или административных принуждений, с которыми они должны были считаться, отсутствия или наличия консульских греческих учреждений. И не всегда оно являлось мерилом национального самосознания. Конечно же, утрата родного языка и образовательная ассимиляция с национальной системой образования являются предвестниками процедуры ассимиляции с принимающим обществом. Нелишне было бы отметить, что принятие одной идентичности не всегда действует в направлении отрицания другой. В наивысшем социальном классе Одессы имеем множество примеров, когда российское подданство и российские государственные посты, действовавшие как "служебная" идентичность, сосуществовали со второй, "эмоциональной" идентичностью, соответствовавшей месту рождения, которая дополняла первую и, конечно же, была особенным отличительным признаком человека.

Соотношение количества мужчин и женщин

Из результатов переписи по соотношению числа мужчин и женщин замечаем, что количество мужчин превосходит количество женщин. На каждые сто жителей приходится 53,7 мужчин и 46,3 женщин. Не только развитие промышленной сферы, которое толкает мужчин в город, но и перепись мужчин в войсках, находившихся в пределах Одессы, увеличили процент мужского населения.

Заслуживает, однако, внимания исследование соотношения мужчины/женщины по национальностям для понимания особенностей групп, составлявших население Одессы.

Отклонения от среднего уровня свидетельствуют о характерном облике определенных групп населения, например, таких, как евреи, которые хотя и скапливаются в городе, обустраиваются по семьям в многолюдные крепкие хозяйства. У них стабильная семейная жизнь, высокий уровень рождаемости, низкий процент детской смертности, они многократно женятся и разводятся и т. д.[7] Напротив, другие группы населения со значительным превосходством мужского населения (греки, армяне, турки) обладают повышенной подвижностью, торговым характером и большим количеством мужчин — женатых, холостых или вдовцов, которые прибыли в город без своих семей. Греки представляют как раз такой характерный пример. Наконец имеем и группы населения, где преобладают женщины по причине профессиональной занятости, например, французы. Известно, что француженки переселялись в Одессу, для того чтобы работать домашними воспитателями детей в городских семьях.

Распределение греческого населения по участкам Одессы

Важная польза переписи заключалась в сравнительном анализе групп населения и как следствие присоединение греков к русскому многонациональному составу.

67,03% жителей, заявивших греческий как родной язык, проживают в расширенном центре города, и приблизительно 30% — в рабочих и бедных кварталах. Французское присутствие почти оккупировало центральные районы. Немцы рассеяны, большинство в центральных районах, но значительное их количество — в районах, где производится торговля

зерном. Что касается евреев, то 54,18% из них сконцентрировано в районах вне центра.

Распределение греческого населения по участкам города отражает и социальную стратификацию греческой общины. Значительный средний класс, по утверждению Патрисии Херлихи, сосредоточен в кварталах, расположенных в пределах порто-франко.[8] То есть они относятся к первоначальному жилому ядру города. Сравнение с еврейской общиной свидетельствует о более позднем переселении евреев, после принятия мер, разрешающих их свободное поселение. Очевидно также, что они расселились в районах, которые получили свое развитие после отмены привилегированного режима порто-франко. Такое различие в расселении послужило одной из важнейших причин, воспламенивших вспышку насилия между греками и евреями в 1871.[9] Описывая общественность Одессы в конце XIX века, Исаак Бабель, который пережил в детские годы еврейские погромы, писал: "В Одессе очень бедное, многочисленное и страдающее еврейское гетто, очень самодовольная буржуазия и очень черносотенная городская дума".[10]

Занятость населения

Одними из важнейших фактов переписи являются данные, касающиеся занятости национальных групп. В бланках переписи учитывался источник доходов каждого человека, подлежащего переписи, а при наличии экономически зависимых членов семьи, каковыми считаются дети, супруги и престарелые, — их связь с хозяином.

Социально-экономический профиль греков, проживавших в городе, является смешанным. Всегда есть крепкое торговое ядро вокруг торговли зерном и колониальными товарами, несмотря на то, что первый вид деятельности находился в упадке.[11] Однако вне торговли сформировалась возросшая социальная группа из непривилегированных слоев, прибегающих к наемным работам для обеспечения средств к существованию. Речь идет либо о низких дневных заработках в промышленности с продолжительным рабочим днем и социально незащищенной работой, либо о работе по дому. Картина, когда крупные купцы "сидели на золотой жиле", и существовали сильные греческие торговые дома, отчетливо изменилась, так как большинство из них уехали из города или сократили свои работы. В каталоге адрес-календаря за 1890 год лишь 3 из 40 экспортеров зерна являются греками. Речь идет о торговых домах "Сыновья Мавро", "Георгиос Вучинас" и "Ф.П. Родоканаки".[12] Немногочисленны и греческие

предприниматели, занимающиеся промышленностью. В списке промышленных и кустарных предприятий Одесского градоначальства, составленного в 1898 году, из 513 единиц 31 является греческой и 141 еврейской.

Грамотность и образование

Процент грамотности и уровень образования видны из данных переписи. Образование было неравномерно распределено среди мужского и женского населения, а также среди жителей города и пригородов. Из всех жителей Одессы старше 7 лет грамотными были 67,5% мужчин и 46,2% женщин. Однако в городских предместьях, где проживает, в основном, сельское население, процент грамотности падает у мужчин до 50,36% и у женщин до 23,9%.

В сравнении с другими национальностями греки имеют высокий процент грамотности: 70,05% против 47,3% у евреев и 46,8% у русских. Уступают, однако, немцам, французам и итальянцам. Заслуживает внимания высочайший уровень грамотности французов, проживающих и работающих в Одессе.

Из греков 44,39% знали русский язык и 15,34% окончили греческие школы в Одессе или у себя на родине. Эти проценты соответствуют процентам у французов — 15,74%, и более высокие, чем у немцев (12,85%) и у евреев (5,31%).

В греческих семьях забота об образовании является закономерной и проявляется больше, нежели у других национальностей. Большинство учащихся занимается в Греческой коммерческой школе и в Родоканакиевском женском училище, в которых обеспечен полный цикл обучения от дошкольного возраста до прогимназии. Из русских учебных заведений учащиеся греческого происхождения распределялись в городские гимназии, народные школы, реальные училища, Мариинскую гимназию и Ришельевский лицей.

Происхождение

Одним из преимуществ переписи было указание места рождения, и следовательно, выяснение происхождения переселенцев первого поколения. Частота мест происхождения и географическая связь между ними позволяет нам представить вероятные пути, которыми и следовали переселенцы в путешествии к крупному порту Юга России. На первом месте

находятся острова Эгейского моря, в основном, центральные (Киклады) в количестве 22,4% и южной и северной части Эгейского моря в количестве 18,2%. Затем идут Ионические острова — 13,1%. Наконец, имеем старейшие сухопутные пути из Эпира и Албании, 5,4%, и значительный процент из Константинополя и прилегающих к нему областей, таких, как Фракия, Адрианополь, Редестос, и с Понта Эвксинского[13] — 16,2%. Островами, с которых отправилось наибольшее количество переселенцев, являются Сандорини, Кефалония, Патмос, Миконос и Хиос.

Демографические характеристики

Из 5.084 греков Одессы 1.560 были дети и молодежь до 19 лет. На продуктивный возраст 20-49 лет приходилось 2.634 человека, и 890 человек были старше 50 лет. Мы сравнили возрастную пирамиду греков Одессы с аналогичными возрастными данными в общем количестве жителей города.

Результаты показывают, что в общем, у одесситов больше детского населения. Это не значит, что греки рожают меньше детей. Просто большое число одиноких эмигрантов снижает процент детского населения среди греков по сравнению с одесситами. Также больше населения приходится у них на первое десятилетие продуктивного возраста. Это соотношение изменяется, когда речь идет о лицах среднего возраста и престарелых. Характерна разница в количестве греков мужчин и женщин в продуктивном возрасте (20-49 лет), обстоятельство, делающее логичным вывод о том, что в город прибывает в поисках работы много мужчин, холостых или женатых, но без своих семей.

Уменьшение разницы между греческими переселенцами и одесситами во второй возрастной категории, 10-19 лет, не дает нам права сделать точный вывод о повышенном проценте в пользу греков, так как в общее число входят и эмигранты. Греки в сравнении с одесситами — в общем, это община с ярко выраженным присутствием лиц среднего возраста и высоким процентом пожилых людей.

Семья и домашние группы

Образец греческих семей состоит из 934 человек, разделенных на 233 хозяйства. Из этого количества имеем полные данные на 169 хозяйств, которые мы использовали для классификации домашних групп.[14] Типология обустройства 233 греческих хозяйств показывает, что мы имеем четы-

ре основных типа: расширенные (22,48%), без семейной структуры (8,88%), простые (нуклеарные) (48,52%), одинокие (19,52%). В нашем образце встретили только один пример сложной семьи (0,6%).

Греки Одессы проживают в простых малочисленных по составу хозяйствах, члены которых состоят в родстве между собой. Простые группы являются группами "городского" типа, подразумевают длительное обустройство в городе и обычно неолокальность. Характер организации и развитие связей между членами семьи ограничивается супругами и детьми.

Вторыми по очереди являются расширенные хозяйства. По нашему мнению, категория этих хозяйств ассоциируется с родственной связью между восходящим и нисходящим родством членов, проживающих в них (переселенцы первого и второго поколения), и способом обустройства в городе (одновременное или постепенное переселение членов семьи и родственников). Имеет отношение и к степени инкорпорации в принимающем обществе, и к их экономическому положению. Наличие значительного среднего класса и необходимый временной размах греческого переселения, который охватывает два поколения, в 1897 году являются факторами, способствующими превращению расширенных хозяйств в простые хозяйства.

Квартиросъемщики

Исследуя формы использования жилья греков и динамику преобразования их хозяйств, отмечаем растущее количество квартиросъемщиков, в большинстве мужчин, но не только, которые проживают в четырех различных семейных группах:

1) вместе с расширенными семьями, включающими более чем одно поколение;

2) вместе с другими соседями, не имеющими родственных связей между собой;

3) вместе с простыми нуклеарными семьями;

4) в хозяйствах других национальностей (евреев, итальянцев, русских).

Вывод

Перепись 1897 года, чрезвычайно полезная для оценки социальных характеристик жителей многонациональной Одессы, представляет грече-

ское общество как слабеющую малочисленную общину коммерческого характера со значительным процентом средних слоев, но и с сильной тенденцией пролетаризации. Имеет низкую тенденцию воспроизводства, высокий ожидаемый возраст брака и значительную продолжительность образования. Это община, которая будет напугана революционными событиями и будет искать защиты и поддержки в союзнической интервенции 1919 года, будет приветствовать вступление греческого походного корпуса и в большинстве своем последует большому "выходу" в Грецию, когда большевики усилят свою власть и на Юге.

Примечания

[1] Результаты переписи и их обработка представлены в "Первой всеобщей переписи населения Российской империи", 1897, т. Одесса, Москва, 1903.

[2] Για τη των Ελληνων κατα την πρωτη δεκαετια και τη δυαμικη συμμετοχη τους στη διοικηση της πολης βλ.: Τρ. Καραφυλλυδη, "Η συμμεροχη των Ελλήνων εμπορων στα οινα της πολης, 1794-1803", ανακοινωση στο Διεθνες Συνεδριο *Ο Ελληισμος της πρωην Σοβιετικης Ενωσης*, "*Περα απο τις Συμπληγαδες*", 9-11 Μαιου 1997, δημοσιευτηκε με τον τιτλο "Τα κοινα της πολης" στα *ΙΣΤΟΡΙΚΑ της Ελευθεροτυπιας*, 23 Νοεμβριου 2000, τ. 58, σ. 8-16. Για τις φασεις αναπτυξης του ρωσικου σιτεμποριου και τη συμμετοχη των Ελληνων σε αυτο βλ. Ε. Σιφναιου, "Οι αλλαγες στο ρωσικο σιτεμποριο και η προσαρ–μοστικοτητα των ελληνικων εμπορικων οικων", ΤΑ ΙΣΤΟΡΙΚΑ, τ. 40, Ιουνιος 2004, σ. 53-96.

[3] Ο αμερικανος προξενος περιγραφοντας το πρωτο πογκρομ εναντια στον εβραικο πληθυσμο το 1871 εκτιμα τους Ελληνες σε 20.000. NACRO, Despatches from US Consuls in Odessa, Russia, 22-4-1871.

[4] Βλ. Γ. Δερτιλης, *Το Ζητημα των Τραπεζων*, Αθηνα καθως και τις περιπτωσεις των επι–χειρηματιων Α. Συγγρου και Δ. Βικελα.

[5] Листы "Первой всеобщей переписи населения Российской империи" хранятся в Государственном архиве Одесской области, фонд 2, опись 8, дело 326.

[6] Приводим характерный пример Криона Папаникола Константина Николая, главы семьи, 41 года, потомственного почетного гражданина Одессы, родился в Одессе, женат, имеет троих детей, окончил классическую гимназию Одессы и является помощником руководителя государственного хранилища.

[7] P. Herlihy, Odessa. A History, 1794-1914, Harvard 1986, p.256-257.

[8] P. Herlihy, *The Greek Community of Odessa*, Journal of Modern Greek Studies, v. 7, 1989, p. 239.

[9] См. E. Sifneos, "The Dark Side of the Moon: Rivalry and Riots for Shelter and Occupation Between Greek and Jew Population in the Multi-Ethnic 19th c. Odessa" сообщение на 7th International Conference on Urban History, организованном European Association of Urban Historians на тему European City in Comparative Perspective, университет Пантио, Афины, 27-30 октября 2004.

[10] Исаак Бабель. Одесса, с. 58.

[11] Э. Сифнэу, "Изменения....", с. 86

[12] C.A. Blengini de Torricella, *Livre d'Adresses des Negociants de la 1-re et 2-nde Guilde d'Odessa*, Одесса, 1890.

[13] Возможно было бы ожидать большее количество переселенцев из турецких провинций на побережье Черного моря, несмотря на то, что основной объем переселения был в сторону Кавказа и Закавказья. См. И. Хасиотис, Греки России... с. 85-174.

[14] 64 случая записаны в не греческие хозяйства. Речь идет о квартиросъемщиках, прислуге или родственниках, проживающих с другими лицами не греческого происхождения.

Из дневника Н.В. Брусиловой

Жена видного русского полководца А.А. Брусилова Надежда Владимировна Брусилова-Желиховсхая (1864-1938) оставила обширные воспоминания и дневники, относящиеся как к дореволюционному, так и к советскому времени.

Публикуемая ниже глава из дневника Н.В. Брусиловой относится к августу 1925 года и полностью посвящена герою гражданской войны Г.И. Котовскому. Надежда Владимировна подробно рассказывает о том, как благодаря ее помощи в 1916 году был помилован Г.И. Котовский.

Действительно, в октябре 1916 года Григорий Иванович Котовский был приговорен Одесским военно-окружным судом к смертной казни через повешение за вооруженные нападения на помещиков и представителей администрации. Приговор суда должен был утверждать главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов. И тогда Котовский обратился с письмом о заступничестве к находившейся в то время в Одессе Н.В. Брусиловой. Надежда Владимировна сразу же пересылает письмо Г.И. Котовского мужу и просит помиловать осужденного.

18 октября 1916 года генерал Брусилов своей властью заменил Котовскому смертную казнь каторжными работами.

В ЦГВИА СССР в коллекции военно-судных дел периода первой мировой войны обнаружено письмо Г.И. Котовского к Н.В. Брусиловой, а также ее письма мужу, связанные с помилованием Г.И. Котовского.

Учитывая большой интерес читателей к личности А.А. Брусилова и его окружению, мы публикуем эти письма.

Глава III
Август 1925 года

В газетах от 6 августа были напечатаны телеграммы из Одессы о том, что командир 20-го кавалерийского корпуса Г.И. Котовский предательски убит, и приказ, как всегда, с большим пафосом и неправильными сведения по этому поводу от Революционного Военного Совета СССР. Для исторической правды хочу добавить несколько слов. Убит он был будто бы из-за женщины, такая молва идет с юга, но это подробность, не имеющая большого значения. Человек он был действительно незаурядный, храбрости у него отнять никто не может, но чтобы это был идейный политический боец, это сущий вздор. Политика, революционность и борьба за меньшую братию и тем более коммунизм — эти ярлычки были приклеены ему го-

раздо позднее[1]. А в действительности в прежнее время он был форменный разбойник, грабитель в Бессарабии, это все знали, и судился за грабежи, и преследовался правосудием за разбои. Он говорил мне и даже писал, что награбленным делился иногда не только со своей шайкой, но и с подвернувшейся беднотой, но насколько это верно, я судить не могу, хотя возможность этого вполне допускаю. Это был человек типа пушкинского Дубровского, не лишенный симпатичных сторон. По его словам, он был сын артиллерийского офицера в Бессарабии и с самых ранних лет не хотел систематично учиться, не хотел жить в городе, принадлежать своей семье, его тянули леса и поля, большие дороги, жизнь бродяги и впечатления воли и буйного ветра в степи. Живя в Одессе, я много слышала о нем, и мне он казался удалым молодчиной. Когда однажды в обществе я услышала в разговоре военных юристов, что Котовский опять попался и на этот раз "мы его держим крепко", у меня невольно вырвались слова: "А я буду очень рада, если он опять удерет". Мужчины засмеялись, а дамы были весьма шокированы и укоризненно на меня посмотрели.

Прошло несколько лет. Во время германской войны он сидел в одесской тюрьме, его судили, и, читая газеты, я видела, что на этот раз дело его действительно плохо. Он был приговорен к смертной казни через повешение.

В то время А. А. [Брусилов] был главнокомандующим Ю[го]-З[ападным фронтом], [и] ему подчинены были двенадцать губерний. Я жила во дворце на бульваре и играла большую роль во всевозможных тыловых делах. Работы у меня (и по благотворительности, и по снабжению войск подарками и медикаментами, и санитарные поезда-бани, лазареты, госпиталя и приюты для детей и беженцев) было бесконечно много*. У меня было три секретаря, и несмотря на это, приходилось работать иногда целыми ночами. Как-то раз около полуночи я сидела за своим письменным сто-

[1] В автобиографии, датированной 1920 г., Котовский писал: "Ведь я с первого момента моей сознательной жизни, не имея еще тогда никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще революционерах, был стихийным коммунистом... Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина — отсюда моя активная месть к богачам сегодня и моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба и насилием и террором отбирал от богача эксплуататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства создавал своим трудом... И не зная партии, уже был большевиком" (Г.И. Котовский. Документы и материалы. — Кишинев: Молдавия, 1956. — С. 8). — **Прим. Н.М. Шабанова.**

* В то время кроме моих прежних дел "братской и повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям" на мне лежали все дела склада государыни императрицы Александры Федоровны на Юго-Западном фронте. Я получала 60 тыс. рублей в месяц на это дело, и ответственность эта была мучительна. — **Прим. Н.В. Брусиловой.**

лом, когда вошедшая горничная подала мне письмо со словами: "Это принес какой-то мальчишка из тюрьмы. Швейцар и дворники его гнали, а я гуляла с собачатами и согласилась взять письмо: уж очень он просил. Жизнь человека, говорит, от этого зависит".

— Хорошо сделали, что взяли письмо, — одобрила я ее.

Это письмо было от Котовского, длинное, обстоятельное, красноречивое. Я очень сожалею, что не сохранила хотя бы копии с него. Но минуты были сочтены, наутро его могли повесить. Он уже несколько дней тому назад написал мне это письмо, но его до меня не допускали. Он клялся, что лично никогда никого не убивал, а только дирижировал своей шайкой. Но ведь это то же самое. Кроме того, он умолял меня просить моего мужа помиловать его, отправить на фронт в самые опасные места, что он с радостью погибнет за Родину в бою с немцами, что в крайнем случае он умоляет его расстрелять, но не вешать, как собаку, что он сын офицера, и такая позорная смерть для него ужасна.

Я читала это письмо и с жутким чувством сознавала, что в первый раз в жизни у меня в руках жизнь и смерть человека. Это была большая ответственность перед Богом, и мне очень жаль, что это письмо не сохранилось у меня, оно было приложено к делам военного прокурора на Юго-Западном фронте (С.А. Батога)[2]. Думать не было времени, нужно было действовать. Я перекрестилась и стала звонить в телефон генерал-губернатору Эбелову[3], градоначальнику Сосновскому, Одесскому военному прокуро-

[2] Генерал-лейтенант С.А. Батог родился в 1863 г. состоял на военной службе по военно-судному ведомству. Занимал должности: 1894-1902 гг. — помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда; 1902-1907 гг. — военный следователь Одесского военного округа; 1908-1912 гг. — военный судья Одесского военно-окружного суда; 1912-1915 гг. — военный прокурор Киевского военно-окружного суда; 1916-1917 гг. — заведующий военно-судной частью штаба армий Юго-Западного фронта. (ЦГВИА СССР, ф. 409, оп. 1, послужной список № 6801 на 1907 г.; Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 490; Список генералам по старшинству. Составлен по 10 июля 1916 г. — Петроград, 1916. — С. 59.)

[3] Генерал от инфантерии М.И. Эбелов — родился в 1855 г. Состоял на службе с 1873 года. В 1885-1886 гг. — старший адъютант штаба пехотной дивизии, затем старший адъютант штаба 6-го армейского корпуса. В 1887-1890 гг. — начальник строевого отделения штаба Брест-Литовской крепости. В 1890-1902 гг. — заведующий передвижением войск Варшавского района, затем начальник военных сообщений Варшавского, Приамурского, Кавказского военных округов, в 1902-1906 гг. — начальник штаба 20-го армейского корпуса, в 1906-1909 гг. — военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска, в 1909-1911 гг. — начальник 34-й пехотной дивизии, в 1911-1913 гг. — помощник командующего войсками Иркутского, затем Одесского военных округов, с 1914 года — главный начальник Одесского военного округа. С августа 1917 года — в резерве чинов Одесского военного округа. (Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 148; ЦГВИА СССР, ф. 409, оп. 1, послужной список № 57-826 на 1916 г.; Список Генерального штаба. — Петроград, 1917. С. 8.)

ру (на вспомню теперь его фамилии)[4]. Я умоляла задержать казнь Котовскому, дать мне возможность списаться с мужем. Надо мной смеялись, даже возмущенно говорили: "Охота Вам беспокоить Алексея Алексеевича, на рассвете вздернут эту собаку Котовского и баста..."

— Я удивляюсь вам всем, какие вы христиане. Мне тошно подумать, что человека "вздернут", по вашему выражению, — возражала я.

Наконец мне все же удалось уговорить отложить казнь Котовского на несколько дней. Я облегченно вздохнула и стала писать письмо мужу. Едва я его кончила, как в комнату вошла опять моя горничная.

— Тут жандарм едет курьером в штаб генерала. Очень боится опоздать на поезд, спешит. Но говорит, что, как обещал раз и навсегда генеральше, никак не может уехать с бумагами в штаб, не заглянув к Вам.

— Зовите его скорее сюда. (Господи! Я положительно увидела з этом совпадении руку Провидения.)

Вошел мой усатый приятель, звякнул шпорами.

— Не прикажете ли чего передать Его Высокопревосходительству или братцу господину полковнику?[5] Если что готово, а то мне до поезда полчаса осталось.

— Готово, готово, милый мой, спасибо, что зашли, вот мы спасем с Вами жизнь человеку, Господом дарованную, а мы не имеем права ее отнимать, — говорила я, безумно торопясь положить письмо в конверт, всунув туда же письмо Котовского. Руки у меня дрожали и голос тоже, и мой приятель унтер-офицер, вероятно, не все понял, что я бормотала, и был немало удивлен.

— Отдайте в руки генералу, как только приедете, скажите Григорию, чтобы доложил о вас ему, это очень важно, и что я приказала как можно скорей в руки передать генералу.

— Слушаюсь, будет исполнено, не сумлевайтесь, Ваше Высокопревосходительство.

И вот на другой же день к вечеру мне стало известно, что Алексей

[4] Военным прокурором Одесского военно-окружного суда был в это время генерал-майор И.П. Огонь-Догановский. Родился в 1864 г. Состоял на службе по военно-судному ведомству, в 1892-1895 гг. — кандидат на военно-судную должность при военном прокуроре Одесского военно-окружного суда, в 1896-1901 гг. — помощник военного прокурора Киевского военно-окружного суда, в 1902-1907 гг. — военный следователь Киевского военного округа, в 1908-1915 гг. — военный судья, в 1916-1917 гг. — военный прокурор Одесского военно-окружного суда. (Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. — Петроград, 1914. — С. 529; Список генералам по старшинству. Составлен по 10 июля 1916 г. — Петроград, 1918. — С. 73.)

[5] Имеется в виду Р.Н. Яхонтов.

Алексеевич говорил по прямому телеграфному проводу с Одесским штабом и что он совсем отменил смертную казнь Котовскому и заменил ее каторжными работами. Спасибо Алексею Алексеевичу, он избавил меня от тяжелого впечатления казни человека, кто бы он ни был.

Тут вскоре разыгралась Февральская революция, и смута душевная все усиливалась. В городе было неспокойно. Уголовная и политическая тюрьма разбежалась. Котовский мне просил передать, чтобы я была спокойна, что он пользуется таким авторитетом среди разбежавшихся, что соберет их всех обратно и водворит порядок, что он и выполнил. Я была ему крайне благодарна, так как по городу ходили чудовищные слухи. Жители боялись вечером выходить на улицу, грабежи участились и т. д., и т. д.

Дня через два, в то время, когда у меня в залах было много дам и барышень, моих помощниц по делам благотворительности, мне позвонил журналист Горелик. Это был очень симпатичный еврей, газетный работник, и я много раз имела с ним дело. Он по телефону просил меня принять его вместе с Котовским. Я отвечала согласием.[6]

Мои девицы и дамы — врассыпную, визжат и охают.

— Как Вы не боитесь, Надежда Владимировна, ведь он разбойник...

— Ну да, конечно, он сейчас ворвется и всех нас перестреляет, — трунила я над ними. Минут через двадцать швейцар докладывает лакею, тот мне, и появляется Горелик в обществе совершенно бритого человека с умным энергичным лицом.

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас, позвольте поцеловать ручку, которая даровала мне жизнь.

Я, в свою очередь, поблагодарила его за энергичную помощь властям в тюрьме в борьбе с уголовными преступниками. Мы обменялись еще несколькими словами. В тот день как раз были телеграммы о том, что вызванный было в армию с Кавказа великий князь Николай Николаевич остановлен на пути[7], что Временное правительство передумало и отклонило

[6] Встреча с Г.И. Котовским произошла 13 марта 1917 г. В этот день Н.В. Брусилова писала мужу: "Дорогой мой, жду сейчас Котовского, разбойника бессарабского, который пожелал "поцеловать мне руку за то, что я ему жизнь даровала". (ЦГВИА СССР, ф 162, оп. 1, д. 16, л. 126.)

[7] Великий князь Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим 2 марта 1917 г. До этого командовал войсками Кавказского фронта. 10 марта 1917 г. он прибыл в Ставку в Могилев, а на следующий день отдал приказ, где говорилось: "Письмом от 9 сего марта министр-председатель князь Львов уведомил меня, что при создавшемся положении Временное правительство считает неизбежным оставление мною поста Верховного главнокомандующего как члена дома Романовых... Предписываю во временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего вступить генералу от инфантерии Алексееву". (ЦГВИА СССР, библиотека, инв. № 16325, с. 2.)

свое решение. Это, конечно, было сделано по распоряжению солдатских и рабочих депутатов, то есть по указанию большевиков. Но Котовский тогда их не знал, ничего общего с ними не имел, они позднее его к себе пристегнули.

Он тогда, увидев на моем столе большой портрет великого князя, заговорил об этом вопросе сам:

— Какую ошибку делает Временное правительство. Разве можно в то время, когда война не кончена, устранять от армии такого опытного, популярного, всеми в войсках любимого человека.

Это его подлинные слова. Что-то на большевика не похоже.[8]

Мы с ним простились, и вскоре, уехав из Одессы сначала в Каменец-Подольск, потом в Могилев, потом в Москву, я забыла о нем.

Налетел вихрь большевизма, арестов, расстрелов, горя, голода, холода... Как-то в 1918 году ко мне приезжал офицер, фамилию которого я забыла, с юга, привез мне из Одессы письма и рассказал, что в пути, на Украине, претерпел большую тревогу, был взят в плен какой-то шайкой бандитов, приговорен к расстрелу за то, что будто бы был у белых и пробирался в Москву как шпион. Это была неправда, он просто ехал к родным и вез письма друзьям и знакомым.

Но на эту банду налетел отряд Котовского, он сам выслушал его, пересмотрел его пакеты и, увидев на нескольких из них мое имя, вернул все ему и отпустил, сказав: "Кланяйтесь Алексею Алексеевичу и Надежде Владимировне, скажите, что Григорий Иванович Котовский всегда рад им служить".

Прошло еще несколько лет. Кажется, в 1922 или в 1923 году[9] мы с мужем пошли в военный лазарет навестить больную родственницу Алексея Алексеевича, там лежавшую. В коридоре лазарета к нам вдруг подходит в халате, с рукой на перевязи какой-то человек. Раскланивается и говорит: "Вы меня не узнаете? Я бывший разбойник Котовский, вы даровали мне жизнь. Но теперь я командую дивизией в Красной Армии".

Мы с Алексеем Алексеевичем спросили его об его здоровье и раненной руке. Он сказал, что поправляется и что скоро вернется к своей дивизии,

[8] С августа 1917 г. Г.И. Котовский служил рядовым в 136-м пехотном Таганрогском полку, был членом полкового солдатского комитета, в ЦГВИА СССР хранятся протоколы заседаний полкового комитета 136-го Таганрогского полка за октябрь 1917 года, из содержания которых следует, что Г.И. Котовский в то время был близок к эсерам. (ЦГВИА СССР, ф. 2126, оп. 5. д. 32, л. 1.)

[9] Встреча Брусиловых с Г.И. Котовским произошла не в 1922-23 гг., как пишет Н.В. Брусилова, а летом 1921 года, когда Котовский лечился после ранения в госпитале в Москве на Арбате в Серебряном переулке.

и что жизнь в боях и всевозможных происшествиях его крайне удовлетворяет, и что только теперь жизнь его полна и осмысленна. Еще и еще раз заверял нас в своей преданности и благодарности... И больше я его не видела.

А теперь бедняга погиб. Нашла коса на камень. Сложил свою буйную головушку совершенно неожиданно. Карма. Возмездие по-индусски — карма**.

Но повторяю, ни большевиком, ни тем более коммунистом он никогда не был.

Впоследствии мы много слышали, какую хорошую роль он сыграл относительно офицеров, юнкеров и кадетов в 1920 году во время их бегства из Одессы в Бессарабию. Румыны их обстреливали и гнали назад, и многие из тех, кто попадал к Котовскому, благословляли его. Он их устраивал в имениях, на хуторах, принимал в свою армию и обращался с ними по-человечески. Я это слышала от самих потерпевших беглецов.

Человек соткан из противоречий.

ЦГАОР СССР, ф. 5972. оп. 1, д. 21а. лл. 52-57.
Машинописная копия с правкой Н.В. Брусиловой

* * *

Письмо Г.И. Котовского Н.В. Брусиловой

8 октября 1916 года

Ваше Высокопревосходительство!

Коленопреклоненно умоляю Вас прочесть до конца настоящее письмо. Приговором Одесского военно-окружного суда от 4-го числа сего октября я приговорен к смертной казни через повешение[10] за два совершенных мною разбойных нападения, без физического насилия, пролития крови и убийства. Приговор этот подлежит конфирмации Его Высокопревосходительства господина главнокомандующего армиями Юго-Западного

** Перевод не совсем точный. Карма — одно из основных понятий индийской религии (индуизма, буддизма, джайнизма) и философии, дополняющее понятие сансары, в широком смысле — общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения, перевоплощения.

В узком смысле — влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования. (Советский энциклопедический словарь. Изд. второе. — М.: Советская Энциклопедия. 1987. — С. 549.)

[10] Отдельные места письма подчеркнуты Н.В. Брусиловой.

фронта. Ваше Высокопревосходительство! Сознавая всю степень виновности своей перед Отечеством и обществом за совершенные преступления, принеся публично в суде полную повинную за них и полное искреннее и чистосердечное раскаяние и признавая справедливость вынесенного мне судом приговора, я все-таки решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с мольбой о высоком и великодушном заступничестве пред господином главнокомандующим — Вашим высоким супругом — о смягчении моей участи и о даровании мне жизни. Я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с этой мольбой только в силу следующего: ступив на путь преступления в силу несчастно сложившейся своей жизни, но, обладая душой мягкой, доброй и гуманной, способной также на высшие и лучшие побуждения человеческой души, я, совершая преступления, никогда не произвел ни над кем физического насилия, не пролил ни одной капли крови, не совершил ни одного убийства. Я высоко ценил человеческую жизнь и с любовью относился к ней, как к высшему благу, данному человеку Богом. Был случай здесь, в Одессе, когда я выстрелил в своего соучастника по преступлению, позволившего себе произвести выстрел в хозяев дома, где мы находились, и этим выстрелом, ранив его в руку, выбил ему из рук оружие. К женщине и по чести я относился всегда как к святыне, и женщины при совершении мною преступлений были неприкосновенны. Производя психическое насилие, я и здесь старался, чтобы оно было наименее ощутительно и не оставляло после себя следа. Материальные средства, добытые преступным путем, я отдавал на раненых, на нужды войны, пострадавшим от войны и бедным людям. Преступления я совершал, не будучи в душе преступником, не имея в душе ни одного из элементов, характерных преступной натуре. Был случай в Кишиневе, когда, явившись в дом богатых коммерсантов с целью совершить преступление, мы застали там одних только женщин; увидев их испуг, я вывел в другие комнаты своих соучастников, потом, вернувшись, успокоил хозяек дома и ушел, не взяв ничего, несмотря на то, что в кассе хранилась крупная сумма денег, причем прибегнул к обману, заявив своим соучастникам, что открывал кассу и там ничего не оказалось. И вот теперь, поставленный своими преступлениями перед лицом позорной смерти, потрясенный сознанием, что, уходя из этой жизни, оставляю после себя такой ужасный нравственный багаж, такую позорную память, и, испытывая страстную, жгучую потребность и жажду исправить и загладить содеянное зло и черпая нравственную силу для нового возрождения и исправления в этой потребности и жажде души, чувствуя

в себе силы, которые помогут мне снова возродиться и стать снова в полном и абсолютном смысле честным человеком и полезным для своего Великого Отечества, которое я так всегда горячо, страстно и беззаветно любил, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и коленопреклоненно умоляю — заступитесь за меня и спасите мне жизнь, и это Ваше заступничество и милость будут до самой последней минуты моей жизни гореть ярким светом в моей душе, и будет этот свет руководящим, главным принципом всей моей последующей жизни. Я желал бы, чтобы Вы, Ваше Высокопревосходительство, могли бы заглянуть в душу писавшего это письмо, во все ее тайники, и Вы тогда увидели бы пред собой не злодея, не прирожденного и профессионального преступника, а случайно павшего человека, который, сознав свою виновность, с душой, переполненной тоской и непередаваемыми переживаниями от угрызений совести, пишет Вам эти строки мольбы.

Вы увидели бы пред собой не аморального, отказавшегося от всех моральных ценностей, на которых основана жизнь культурного и честного человека, преступника, а человека, не выдержавшего жестоких ударов суровой жизни и павшего под ними, но не погибшего душой, и верьте, Ваше Высокопревосходительство, что Вам не придется раскаиваться за свое высокое заступничество за меня, я сумею быть достойным его и, нося Ваш светлый, благородный и великодушный образ в своей душе, создам из своей жизни по своей честности, бескорыстности и облагораживающего человеческую душу труда высокий образец человеческого существования.

Если же Вы, Ваше Высокопревосходительство, не найдете возможным ходатайствовать перед господином главнокомандующим, Вашим высоким супругом, о даровании мне жизни, то как потомок военных, дед которого, полковник артиллерии, сражался и проливал кровь за Отечество, умоляю как о высшей милости и чести ходатайства Вашего Высокопревосходительства пред Его Высокопревосходительством господином главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта о замене им смертной казни через повешение смертной казнью через расстрел. Я знаю, что как отверженный я лишен права чести умереть от благородной пули, но как потомок военных, как искренний и глубокий патриот, стремившийся попасть в ряды нашей героической армии, чтобы умереть смертью храбрых, смертью чести, но не имевший возможность это сделать в силу своего нелегального положения, умоляю об этой высшей милости, и последним моим возгласом при уходе из этой жизни будет возглас:

"Да здравствует армия!" Приговор о смертной казни с делом суда отосланы для конфирмации Его Высокопревосходительству 7-го числа октября 1916 года в 5 часов пополудни.

Коленопреклоненно умоляющий Ваше Высокопревосходительство Григорий Иванов Котовский.

Одесская тюрьма.
Октября 8-го дня 1916 года.[11]
ЦГВИА, ф. 16142, оп. 2, д. 41, лл. 773-776 об.
Подлинник

Из писем Н.В. Брусиловой А.А. Брусилову

* * *

16 октября 1916 года

Дорогой мой, я позволяю себе телеграфировать об Котовском, так как никогда в жизни не была в таком тяжелом положении относительно жизни и смерти человека. Прочти это письмо или хоть подчеркнутые мною места. Начальник тюрьмы, председатель военного суда и очень много других лиц говорят мне, что он производит впечатление действительно кающегося человека. Так хоть замени виселицу расстрелом, если нельзя даровать жизнь, как он и просит. Но лучше всего совсем спаси человека.

...Может быть, можно отправить этого разбойника Котовского на фронт на суд Божий. Подумать только, как часто такие разбойники бывают честнее и благороднее всяких чинушек военных и штатских, обкрадывающих русское правительство и народ исподтишка...

* * *

Конец октября 1916 года

Милый мой, ты прости, что я такую суматоху подняла из-за приговора Котовского. Я не знаю, действительно ли он разбойник или идейный анархист, я не следила за процессом, у меня нет для этого времени. Но раз человек обратился ко мне, то уж ты устрой так, чтобы на моих руках крови не было. Бог все разберет. Иной разбойник лучше иного министра. Здесь все на меня рассердились, что я задержала исполнение приговора военного суда на целые сутки, пока не довела до тебя всей этой истории. Я телеграфировала ночью прокурору и генерал-губернатору и градона-

[11] Одновременно Котовский обратился с прошением аналогичного содержания к генералу Брусилову. (ЦГВИА СССР, ф. 16142, оп. 2, д. 41, лл. 777-778.)

чальнику, пока не добилась своего. И как удачно, что твой милый усатый жандарм заглянул ко мне прежде, чем на поезд, с экстренными бумагами из штаба. Я вижу в этом Божью волю. И вот жизнь человека спасена. Я даже не знала, что у тебя есть право совсем отменить смертную казнь, и только надеялась, что ты сможешь приказать пересмотреть дело вновь, все же он бы видел, что я сделала, что могла. Слава Богу, что так вышло. Спасибо тебе...[12]

ЦГВИА, ф. 162. оп. 1, д. 16, лл. 96-97
Копия

Публикацию подготовил В.М. ШАБАНОВ,
старший научный сотрудник ЦГВИА СССР



[12] В биографической литературе о Г.И. Котовском содержатся далекие от истины описания обстоятельств его помилования. В книге А. Есауленко и романе Б. Четверикова говорится, что генерал А.А. Брусилов был якобы напуган ростом революционного движения в стране и поэтому помиловал Котовского. (Есауленко А. Легендарный комбриг. — Кишинев: Картя молдовеняскэ. 1967. — С. 37-38.)

Это не так. Например, в январе 1917 года Брусилов отклонил прошение о помиловании и утвердил смертный приговор группе солдат 223-го пехотного Одоевского полка, осужденных за участие в антивоенных выступлениях. 26 января 1917 года он телеграфировал в Ставку: "Необходимо для примера немедленно привести приговор в исполнение. Совершенно недопустимо никакое снисхождение". (ЦГВИА СССР, ф. 16142, оп. 2, д. 107, ч. 2, л. 1353.)

Владимир КАТКЕВИЧ

Самый неудобный капитан

В 1939 году с падением Испанской Республики пять испанских грузопассажирских судов были переданы их капитанами на баланс ЧМП. В этом году 110 лет со дня рождения одного из капитанов-политэмигрантов Родриго Эрнандеса, связавшего свою жизнь с Одессой.

Капитан Эрнандес с мостика: "Почему задерживается отход?"
Матрос: "Флора Иванова, ваша жена, не села".
Эрнандес: "Убрать трап! Вира концы!"

Морской анекдот

Республика пала

25 июня 1936 товаропассажирский теплоход "Domina" компании "Trans Mediterran Sun" с 230 пассажирами на борту прибыл для бункеровки на остров Гран-Канария. Супервайзер сообщил, что на архипелаге уже второй день правят бал франкисты. Молодой капитан-республиканец Родриго Эрнандес, не медля ни минуты, приказал майнать разъездной баркас. Через полчаса баркас ошвартовался к борту стоявшего под парами линейного марсельского парохода "Asou", с капитаном которого Эрнандес, свободно владевший французским, был знаком лично.

По прибытии в Марсель Эрнандес "явился доложиться" в генконсульство Испании. Ревкомитет Испанской Республики назначил Эрнандеса капитаном парохода "Isla Gran Canaria", на котором он совершил три рейса в черноморские порты СССР с детьми и женщинами.

Четвертый рейс делал на грузопассажире "Siudad de Tarragona". На Майорке в тюрьме Санта-Мария уже томились экипажи одесских пароходов "Комсомолец" и "Макс Гельц". В октябре 1939 ошвартовались в Одессе у 14-го причала. Вице-консул сообщил, что республика пала.

Привезенных в СССР испанских детей-беженцев расфасовали по двум уютным особнякам на Пролетарском бульваре. В специнтернатах из них готовили подрывников-диверсантов. Сейчас важно было вредить, рвать на куски, мстить за горечь изгнания, которую они еще в полной мере не ощутили. И ужас изгнания.

На первых порах республиканцы нарекали младенцев Иосифами и наивно верили в торжество детища Троцкого, IV Интернационала. Потом стали будоражить слухи о беспримерно жестоких репрессиях против троцкистов в СССР.

Осевший в испаноязычной стране Троцкий пользовался у республиканцев колоссальным авторитетом. В последних работах, которые в первую очередь были переведены на испанский, и с которыми самые активные морские офицеры успели ознакомиться еще на родине, койоканский затворник рассматривал Сталина как роковую величину для социализма. Он призывал трудящихся сбросить власть товарища Сталина и его клики.

В КомиЛАГе заговорили по-испански

Дипломированный капитан Эрнандес сдал пароход представителю УЧП, Управления Черноморского пароходства, и попросил политического убежища, став безлошадным советским капитаном Рохелием Рохельичем. В городе Хихон, родовом гнезде династии капитанов Эрнандесов (династия прослеживалась до пятого колена, один из пращуров отличился в Трафальгарском сражении), остались жена и сын.

УЧП вскоре передало "Таррагону" в Севастополь, наркомат обороны получил дармовые плавказармы, а пароходство — одного из самых неудобных за всю историю капитанов.

С 1939 по 1941 Эрнандес, быстро освоив русский язык, работал капитаном на "Судкоме", "Полине Осипенко", "Севастополе", став "кавказским пленником", то есть невыездным политэмигрантом, обреченным горбатиться на Крымско-Кавказской.

В период оккупации Одессы остался в городе, власти почему-то о нем просто забыли. "Почему остался?" — будут донимать следователи МГБ. "Этот вопрос не ко мне", — язвительно ответит, он быстро усвоит одесские интонации. А где ему было оставаться? На руках новорожденная дочь Фелиция и вторая жена Флора, одесситка с Садовой, Ефросинья Ивановна.

После освобождения города в 1944-м работал капитаном на судах "Интернационал", "Зырянин", "Котовский".

Но давала знать прогрессирующая на волне победной эйфории шизофрения Сталина, и в 1948-м гнев вождя обрушился на республиканцев. Эрнандес был арестован в Одессе и осужден на 10 лет по ст. 54 УК УССР. Наказание отбывали в г. Инжа (КомиЛАГ). Освободили в 1955 "за прекращением дела с полной реабилитацией".

После освобождения вялился в резерве.

"Домашние обстоятельства и зарплата, которую я получаю по резерву, не дает мне возможность обеспечить содержание моей семьи", — писал

красивым старомодным почерком с вензелями Рохелий Рохельич 13 июня 1955 начальнику Азовского р-на УЧП Передерию.

Пустили. С 1957-го капитанил на пассажирах-рысачках: "Котовский", "Горловка", "Павлодар", "Белоостров".

"Колхиду" ставят в угол

Незаслуженное наказание, безусловно, повлияло на переосмысление неприглядных реалий, но возникший конфликт с кормчими ЧМП был спровоцирован отнюдь не Эрнандесом. Наверное, впервые за историю пароходства в тандем "капитан — помполит" было заложено противоречие. На должность капитана рекомендовали беспартийного. Первых помощников, должности которых на каботажных линиях выглядят откровенно дармоедскими, не воспринимал рефлекторно, кожей, он их даже "комиссарами" за глаза не называл, как русские, а обозначал обтекаемо "политработниками", получая горячее одобрение у судовой молодежи. Рохелий Рохельич не скрывал неприятие доносительства. Чтоб обезопасить себя от "стукачей" и "слухачей", индивидуально питался в каюте. Состряпали "маляву", что завел личную буфетчицу, штатным расписанием должность не предусматривалась.

Зарплату выдавал лично по западному образцу в конвертах, уволив четвертого помощника, в круге обязанностей которого бухгалтерия. Когда "кадры" снова благословили четвертого прорываться на судно, Эрнандес дал отбой под предлогом отсутствия каюты. Рохелий Рохельич умел держать удар, даже если этот удар под дых.

Партком пароходства не мог его приструнить, мог только одернуть. Даже за "аморалку". Женская тема отдельным и едва не заглавным пунктом в доносах на горячего капитана-испанца.

Многочисленные проверяющие строчили докладные: "...самоустранился от воспитания командиров...", "...политически подготовлен слабо...", "...в своих редких выступлениях не связывает вопросы жизни экипажа с решениями XXIII съезда КПСС...", "пренебрегает решениями...".

Он не просто пренебрегал решениями общественных организаций судна, он их отменял.

— Решение судкома, — отменяю! — говорил.

Лично распределил премию за четвертый квартал и лично выдал. Чтоб не расположинили.

Пренебрегал еще и дурацкими распоряжениями военно-морского ко-

мандования "О порядке движения в режимной акватории Севастополя". В рапортах сообщалось, что Эрнандес "не уступил дорогу соединению военных кораблей, находился на дистанции 3-5 кабельтовых от Константиновского равелина вместо 20...". Своенравную "Колхиду" с пассажирами на борту задержали и поставили в наказание на якоря в бухте Матюшенко. Как в угол. В другой раз, "11 февраля 1963, самовольно отошел от морвокзала и на рейде был задержан дежурным командного пункта управления рейдом и поставлен на якорь". Снова в бухте Матюшенко.

В другом рейсе жарким днем разрешил сомлевшим пассажирам купание на рейде Анапы. На пароходе-душегубке вентиляция была ни к черту с постройки в Ленинграде. Правда, Эрнандес убедительно оправдывался, сообщал, что в Анапе "были брошены для безопасности купающихся три спасательных круга, и он лично пристально наблюдал в бинокль за купающимися". Особенно за дамами. За Анапу — строгий выговор.

Редактору журнала "Морской флот" рекомендовалось приостановить публикацию очерка об экзотическом капитане Эрнандесе, который, кстати, регулярно перевыполнял план по пассажироперевозкам.

Единоначалие вместо опеки помполитов

Красный Крест время от времени присылал запросы, интересовался, не обижают ли иноземцев, а власти парламентарно пудрили Стокгольм невнятностями: "Проявляет излишнюю темпераментность в решении некоторых вопросов".

Низвержение политэмигранта сулило к середине шестидесятых громкий международный скандал, и потому в резолюциях обтекаемо отписывались: "Критику признает, работает над ошибками". Хотя он и не собирался.

В идеологические клещи его было не обхватить. Профессионализм его высочайшего класса признавал даже матрос Т., друживший с помполитом и наверняка на Эрнандеса "стучавший". Оставалось поймать на живой копейке, не аморалку припаять, так уголовку.

Написал комиссар "телегу", что пользуется дома занавесками и бельем с судна. Говорил же Флоре, чтоб не увлекалась. Он подарил им целый пароход, который, кстати, привез золотой запас Испании, а они попрекали его простынями.

К 70-му, концу морской карьеры, преследования трансформировались в откровенную травлю. Заключения проверяющих выглядели приговорами: "Комиссия считает, что оставлять на судне капитана Эрнандеса неце-

лесообразно по мотивам преклонного возраста (69 лет), нервной истощенности, раздражительности, забывчивости. У Эрнандеса наблюдается мнительность, граничащая с манией преследования". Вот так, сначала "ату!" кричали, а потом уличали в "манечке".

На Эрнандеса обрушился поток кляуз, для которых он сам порой безоглядно давал повод. Вот что докладывает помполит начальнику пассажирской службы ЧМП Сидорову И.А. и серому пароходскому кардиналу секретарю парткома Олешкевичу Г.А.:

"На судне создалась крайне ненормальная обстановка. Его жена Флора Ивановна, находясь на судне, во время рейсов систематически устраивает с ним скандалы и драки, незаслуженно оскорбляет и терроризирует женщин членов экипажа тт. Л-о и Го-ву, уличая их в сожительстве с капитаном. 28 августа 1964 учинила физическую драку с капитаном и вместе с ним прибежала ко мне в каюту. Капитан, в свою очередь, обратился ко мне с просьбой защитить его, ибо он дальше не в состоянии командовать судном. В беседе со мной капитан Эрнандес заявил, что он вынужден разойтись или учинить над собой крайнюю меру".

Во какой накал! Одесский темперамент столкнулся с бискайским штормовым Эрнандеса, родина его Хихон на берегу Бискайского залива. Так из заурядной "бытовухи", о которой завтра сами фигуранты забудут, лепятся выгодные оргвыводы.

Свою каботажную кормилицу "Колхиду", разделившую с ним невыездную судьбу, никогда не обзывал галерой, одушевлял, обозначал исключительно по-одесски "моя ласточка", он ласточку искренне и мучительно любил. Как и город, название которого на бакборте. Как и жену Флору Ивановну, с которой можно помимо инсульта и в огонь, и в воду Крымско-Калымской, и в оккупацию, водоплавающая жена перебывала с ним везде, в КомиЛАГ на "личняк", личное свидание, тряслась в "стовеселых". Так не прощают единственно любимым, ради которых сожжены мосты.

Партком рекомендовал иезуитски оставить на один рейс Эрнандеса в Одессе "для урегулирования своих семейных дел с женой Флорой Ивановной" и прислать на это время капитана Зелинского.

Учитывая, что до отхода судна было мало времени, Зелинскому предписывалось по приходу в Сочи принять дела. Капитан же Эрнандес из Сочи обрушился на ЧМП с "грубыми РДО". На мостик так и не пустил, Зелинский вынужден был улететь из Адлера. Крепость выдержала штурм. А помполита заменили.

Пришли другие капитаны, которые годились Эрнандесу в сыновья, они вырывались на лайнерах седьмого класса в средиземку. Заходили в Валенсию, на Канары.

— Как там Лас-Пальмас? — спрашивал Эрнандес своего второго помощника.

— В Пальмасе агент приходил, — рассказывал второй. — Он из интерната на Французском бульваре. Мануэль Гарсия.

— Не помню.

— Не мудрено. Ему было девять лет, когда вы, Рохелий Рохельич, привезли его в Одессу на "Гран-Канария".

Помнит. Мануэль в эвакуации кочевал по Казахстану. На гармошке жарил с переборами. Привет передавал.

"Из него готовили в спецдетдоме подрывника, — думает Эрнандес, — а он стал судовым агентом. Правильно и логично. Что сейчас взрывать? Страну стукачей? Говорят, Лас-Пальмас преобразился, расстроился".

"Прошу для улучшения материального состояния перевести меня на судно большего класса", — напишет Эрнандес начальнику пароходства.

"Министерство не находит оснований поддержать ваше ходатайство", — ответят из ММФ.

Эрнандес из осады перейдет в аргументированное контрнаступление, изгоняя "комиссаров" с помощью их же чернильной отравы.

"Первый помощник Се-ов заявил пассажирке, что капитан Эрнандес — очень плохой человек, — напишет Эрнандес, — аристократ по происхождению, и для того чтобы удовлетворить свои аристократические потребности, заставляет пассажирского помощника делать деньги нелегальным путем.

Я не аристократ. Все мои предки с далеких поколений были капитанами дальнего плавания. Я — республиканский демократ, преданный Республике до последнего дыхания. После Генеральной амнистии 1969 много испанцев уехало домой. Но я никогда не покину СССР, где я приобрел любимую семью, которая не оставила меня в самые тяжелые годы.

Во имя экипажа и для меня лично прошу вас направить на судно политработника, умеющего работать в контакте с капитаном, человека сознательного, который может решать все вопросы в пользу производства".

Комиссар, в свою очередь, огрызнется рапортом: "Эрнандес стал на путь распространения склок против меня".

Эрнандес мужественно по-донкихотовски защищался, боролся за место на мостике, за персональную пенсию, отодвигая неминуемую отставку на год или хотя бы на месяц, пока судно в ремонте. В отпуск сошел добро-

вольно, только когда 10 августа 1970 в одесский порт зашел шикарный испанский лайнер "Кабо Сан Рок", где капитаном на мостике стоял его сын, которого не видел 34 года (!). Из отпуска снова начал отчаянно проситься на "Колхиду": "В связи с визитом сына я отремонтировал квартиру и поиздержался...", "У моей семьи каждый рубль на счету, а меня хотят освободить от работы...".

"Кроме несправедливого отношения к себе, угроз и унижений семилетнего заключения, я больше ничего не чувствовал, и моя душа устала от таких ударов, — напишет рапорт, путая падежи, капитан "Колхиды" начальнику ЧМП А.В. Голдобенко. — Никому нет дела, как человек будет обеспечивать свою старость и свою семью, как страдать. Какой это страшный финал для человека, который 34 года в СССР ничего не испытывал, кроме переживаний! Я понимаю, что я иностранец и буду абсолютно чужой до последних минут своего пребывания в СССР".

29 сентября 1973 напишет рапорт заместителю начальника ЧМП по кадрам Лисюку В.Н.:

"Выполнение моего трудового стажа 25 лет для получения пенсии в размере 120 р. заканчивается в ноябре 1974.

Первого июня 1974 года задолженность по выходным дням и отпуска, неиспользованные мною, позволяют мне уйти с флота до срока, указанного выше.

В настоящее время, благодаря моему хорошему состоянию здоровья, я совершенно не нуждаюсь в отдыхе. Кроме того, мне необходимо плавать до конца года для получения 13-й зарплаты, а также отрегулировать мое денежное положение, тем более с 1939 г. все время в каботаже.

Разрешите заверить Вас в том, что после указанного срока я ни одного дня не буду работать на флоте!"

Эрнандесу разрешат вернуться в каботажные дали в последний раз. Возвращение будет отмечено свежими кляузами, часть доносов застрянет в делопроизводстве. Чернить будут примитивно:

"Несмотря на свои 74 года, капитан позволяет себе вести интимный образ жизни с официанткой Та-ук 1947 г. р. Капитан выгоняет ее с судна за то, что она полюбила кладовщика Мартынюка".

И подпишется: "первый помощник капитана т/х "Колхида"... такой-то-сякой, очередной. И вовсе не помощник капитану. И не моряк.

Когда в 1974-м сгоряча назначат комиссию для разбирательства, на ходовом мостике "Колхиды" будет стоять другой.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Четыре угла

От редакции. Первые четыре номера нашего альманаха (год рождения – 2000) открывались небольшими, но удивительно емкими замечательными очерками известного краеведа Ростислава Александрова о четырех углах двух легендарных одесских улиц, Дерибасовской и Ришельевской. Эти первые номера альманаха спустя 10 лет стали библиографической редкостью, и мы вновь публикуем эти материалы для новых читателей.

Улица – элемент городской структуры. И подобно тому, как каждая клеточка организма содержит его генетический код, каждая улица в своей истории содержит нечто специфичное для города, коему она принадлежит. На перекрестках двух улиц их история, резонируя, создает "мемориальное поле" такой напряженности, что, только ступи сюда, как оно пронзит тебя, генерируя в памяти не только давно забытое, но, казалось, никогда не ведомое.

И если это относится к каждому перекрестку, то что уже говорить о таком, как Дерибасовская угол Ришельевской... Здесь отдает негромкой прелестью Пушкинской, изяществом Ланжероновской, искрометностью Дерибасовской, респектабельностью Ришельевской, а вокруг "годовыми кольцами" отложилась веселая, печальная, мудрая, бестолковая, трагичная, счастливая и неповторимая двухсотлетняя история прекрасного города. Доказать это можно только рассказами о каждом доме на Дерибасовской угол Ришельевской и самим содержанием альманаха "Дерибасовская – Ришельевская", дай ему Бог, как говорили в Одессе, "здоровья, счастья и немножко деньгами".

Второй угол. У Бабы Ути

Чешский писатель Ян Отченашек справедливо отметил, что "старые дома, как старые люди, полны воспоминаний". Более того, по словам Константина Паустовского, "история домов бывает подчас интереснее человеческой жизни", поскольку "дома долговечнее людей и бывают свидетелями нескольких людских поколений". Правда, и дома, как все под луною, не вечны, но, периодически сменяя друг друга, "нарабатывают" историю места. А если это место, к тому же, — в самом сердце Одессы, коим только и можно назвать угол Дерибасовской и Ришельевской, то история "откладывается" тут пластами мощными и символичными, сберегающими характерные черты города в целом. И одной из них изначально была животворная, Пушкиным воспетая пестрота наций, представители которых населяли Одессу:

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,

Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Поэт не случайно перво-наперво вспомнил язык солнечной средиземноморской страны, поскольку, как показал замечательный наш краевед В.А. Чарнецкий, изрядную заслугу в обретении Одессой облика, шарма и славы европейского города надлежит числить за итальянцами. Как говорят в Одессе, "лишним подтверждением" того и осталась история дома Кирико, испокон XIX века занимавшего на углу Дерибасовской и Ришельевской с добрую половину квартала по каждой улице. И если меломаны наслаждались итальянской оперой, а игроки отводили душу в казино итальянца Луиджи Лемми, то в 1830-х годах к услугам гурманов была в доме Кирико ресторация Матео с великолепной итальянской кухней, обогатившей потом кухню одесскую. В том же доме являл свое искусство "золотых и серебряных дел мастер" Розагути и благоухала знаменитая кондитерская Замбрини, позже перенесенная в Пале-Рояль, где ее удостаивал посещениями А.П. Чехов. Местные барышни музицировали на инструментах из "Магазина фортепиан и нот Занотти на Дерибасовской в доме Кирико", жовиальные негоцианты обделывали дела в дыму ароматных сигар "от Роджери", который держал здесь "Табачную торговлю", и одесские модницы почитали удачей попасть отсюда к куаферу-итальянцу Контесини.

Его сменил потом коллега Жан, и это была уже французская страница истории дома, на которой — имена некогда популярных в Одессе парижских портных Наполеона-Луи Лангле, Мишеля, Тесье. А одесситов немецкого происхождения, талантом, трудом да усердием способствовавших процветанию города, представляли тут оптик Штейнгардт, впоследствии состоявший при Новороссийском университете, и "часовых дел мастер" Штерн, по ежедневному сигналу которого стреляла полуденная пушка на Приморском бульваре, — давняя традиция портового юрода, утраченная, но заслуживающая возрождения. И еще в 1833 году немец Вагнер открыл в доме Кирико со стороны Ришельевской улицы первый в Одессе действительно универсальный магазин с товарами сотен наименований.

Как утверждал историк А. Скальковский, "история торговли в Одессе — есть, в сущности, история города", и этнографический экскурс в историю дома Кирико естественно переплетается с торговым. А он никак не может

быть полным без упоминания продававших здесь мануфактуру еврея Лазаревича и караима Эгиза, "Торговли кяхтинскими и кантонскими чаями" русского купца Крапивина, предлагавшего десятки сортов чая, каждый из которых можно было тут же дегустировать, известного "Магазина галантерейных вещей" Петрококкино — соплеменника хозяина дома.

В начале 1870-х дом Кирико отошел к потомку основателя канатного производства в Одессе купцу Новикову, а в 1912 году на этом месте по проекту архитектора С. Ландесмана возвели величественное пятиэтажное здание, числящееся на Дерибасовской улице под № 12. И хотя отголоском уходящей в прошлое старой Одессы еще "задержалась" тут корсетная мастерская, уже открылось представительство французской и швейцарской фирм по производству новомодных вышивальных да вязальных машин, а в расположенном по соседству со стороны Ришельевской и тоже принадлежавшем Новикову двухэтажном доме обосновалась респектабельная Банкирская контора Ашкенази...

Но и это все скоро стало достоянием энергично предаваемой забвению истории, и появилась в теперь уже бывшем доме Новикова масса учреждений с длинными и скучными названиями типа "Областной кулинарный совет", "Конфексион швейной фабрики имени товарища Воровского", "Общегородская театральная рабочая касса" или "Одесское областное отделение всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев". К слову, последнее потом тихо разогнали, поскольку "великий вождь и учитель", подобно незабвенному Михаилу Самуэлевичу Паниковскому, не любил большого скопления честных людей в одном месте. Помещение же банкирской конторы Ашкенази, в котором теперь Дворец бракосочетаний, превратили тогда в "Зал Губпрофсовета", где легендарная "литературная Одесса 20-х годов" еще успела прозвучать голосами местных и заезжих поэтов Веры Инбер, Семена Кесельмана, Владимира Нарбута, Алексея Чичерина, Георгия Шенгелия...

А в первые послевоенные годы, когда еще не все здания были восстановлены, на Дерибасовской, 12, помещался исполком горсовета да множество разных учреждений — от противоползневого управления и карточного бюро до междугородней телефонной станции и "инкубаторно-птицеводческой конторы". Но это "ближняя" история, а "дальняя" музеем восковых фигур сегодня застыла там, где, казалось, недавно еще была популярная шашлычная, известная под фольклорным названием "У Бабы Ути", — колоритная черточка Дерибасовской угол Ришельевской, которую приятно вспомнить...

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ

Роль земледельческих машин в судьбе Исаака Бабеля



Ришельевская, 17

В ближайшее время Одесса украсится еще одним памятником, который предполагают установить на углу Ришельевской и Жуковского улиц, против дома, в котором жил вместе с родителями всемирно известный писатель, одессит, автор "Одесских рассказов", "Конармии" и других замечательных произведений Исаак Бабель.

Отец будущего писателя — Эммануил Исаакович Бабель — был коммерсантом, избравшим объектом своей посреднической деятельности всевозможные сельскохозяйственные машины, изготовляемые на крупных машиностроительных заводах Юга Российской империи. Доходы от этой деятельности позволили предпринимателю содержать семью, в которой вырос и сформировался Исаак Бабель.

Споры о степени богатства Эммануила Исааковича не утихают до сих пор. Его сын в автобиографии писал: "Родился в Одессе, на Молдаванке, в семье торговца-еврея". Понятно, что на заре советской власти не принято было выпячивать богатство своих родителей.

Некоторую ясность в вопрос доходов семьи вносит впервые публикуемый редчайший документ, напрямую связанный с торгово-посреднической деятельностью Э.И. Бабеля, — фирменный бланк его конторы.

Видимо, бизнес Эммануила Исааковича сложился в Николаеве, куда молодая семья переехала через некоторое время после рождения сына Исаака.

Вернувшись в Одессу в 1905 году, когда торговые дела отца заметно улучшились, семья Бабелей поселилась поначалу в квартире родственников на Тираспольской, 12. Позднее, через два года, Эммануил Бабель смог себе позволить переехать с семьей в просторную кварти-

ру в престижном доме на углу Ришельевской и Жуковского улиц, построенном архитектором С.С. Гальперсоном в начале XX века.


Э. И. Бабель, Одесса | E. J. Babel, Odessa

УСТРОЙСТВО
МУКОМОЛЬНЫХЪ МЕЛЬНИЦЪ и ОБОРУДОВАНІЕ МАСЛОБОЙНЫХЪ ЗАВОДОВЪ.
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ и ОРУДІЯ.

5-го Іюня

Э.И.МЕЛЬГОЗЕ

В. А. ЯСКУЛЬСКІЙ

Э. БУРГАРДЪ и Ко.

Я. Г. НИБУРЪ

И. І. НЕЙФЕЛЬДЪ и Ко.

ВѢСЫ

„ИДЕАЛЪ" въ Любекѣ.

ГАРНИТУРЫ

Милостивые Государи,

Руководствуясь Вашим почтенным письмом от 2 с/м. я имѣю надобность въ самомъ же продолжительномъ времени имѣть по дѣламъ въ Екатеринославскую губ., часть либо сообщить, что мнѣ было бы весьма пріятно воспользоваться случаемъ и повидаться уже и у Васъ, а потому если Вами принципіально рѣшено о передачѣ мнѣ представительства Вашихъ фабрикатовъ для района моей дѣятельности, причемъ, въ принципѣ не противъ, сообщить мнѣ указанія Вашему уполномоченному на Юженъ ветградной Выставкѣ, отправить обѣихъ съ полнымъ составомъ, тогда, по полученіи Вашего благопріятнаго отвѣта, я съ удовольствіемъ заѣхалъ бы къ Вамъ для личныхъ переговоровъ.—

Въ ожиданіи Вашего благопріятнаго отвѣта, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Хотя позднее, в 1912 году, по данным Р. Александрова, обнаруженным им в справочнике "Вся Одесса на 1912 год", контора Э.И. Бабеля находилась в квартале от квартиры, на Полицейской (Бунина), 21, угол Ришельевской улицы. Возможно, это было связано с некоторым расширением дела, потребовавшим увеличения офисной площади.

Однако вернемся к фирменному бланку, яркий дизайн которого вполне согласуется со стандартом, существовавшим 100 лет назад для такого рода документов. Сверху, после фамилии и адреса самого предпринимателя, указана специализация фирмы: "Устройство мукомольных мельниц и оборудование маслобойных заводов. Земледельческие машины и орудия".

Бланк использовали для напечатанного на машинке письма, направленного 5 июня 1911 года в Харьков владельцу крупного завода сельскохозяйственных машин Э.И. Мельгозе, открытого в 1873 году. Адресат получил письмо 7 июня, о чем говорит штамп конторы завода. Прежде чем перейти к тексту письма, скажем, что адресат упоминался в статье В.И. Ленина как пример того, что крупные российские машиностроительные заводы находились в начале XX века в руках иностранного капитала ("Капитализм и "парламент", ПСС, т. 21).

Текст письма, посланного Э. Мельгозе, составлен самим Э.И. Бабелем или его секретарем Я. Файверовичем в своеобразном подчеркнуто вежли-



вом деловом стиле столетней давности, полностью исчезнувшем в советские времена. Весь текст, кроме обращения и подписи, состоит из одного предложения, занимающего 12 строк машинописного текста, и заслуживает того, чтобы привести его полностью:

"*Милостивые Государи.*

Руководствуясь Вашим почтенным письмом от 2 с/м, и имея надобность в самом непродолжительном времени выехать по делам в Екатеринославскую губернию, честь имею сообщить, что мне было бы весьма приятно воспользоваться случаем и побывать еще и у Вас, а потому, если Вами принципиально решено о передаче мне представительства ваших фабрикатов для района моей деятельности, причем, в принципе не прочь, согласно моему указанию Вашему уполномоченному на Елисаветградской Выставке, строить сеялки с железными сошниками, тогда, по получении Вашего благоприятного ответа, я с удовольствием заехал бы к вам для личных переговоров.

В ожидании Вашего благоприятного ответа, честь имею быть, с совершенным почтением"...

Подпись под текстом письма поставлена карандашом и принадлежит, по всей вероятности, Эммануилу Бабелю.

Как видим, речь идет о представительстве фирмой Бабеля продукции одного из крупнейших на Юге России завода сельскохозяйственного оборудования Э.И. Мельгозе.

Стать агентом такого престижного предприятия было для одесского предпринимателя очень почетно, да и выгодно.

В начале XX века в Россию ввозилось множество разного вида сельскохозяйственного оборудования, что составляло 44% по стоимости всех необходимых для нужд страны машин. Но почти такое же число — 41% — конкурентоспособных по отношению к заграничным агрегатов изготовлялось машиностроительными заводами Южной России и здесь же исполь-

зовалось. Только 15% необходимого оборудования выпускалось в других районах страны.

Как видно из чудом сохранившегося бланка, Э. Бабель сотрудничал и распространял продукцию предприятий, в основном, сосредоточенных на Юге Российской империи.


Товарищество Елисаветградского
машиностроительного и чугунолитейного завода
В.А. Яскульскій
въ Елисаветградѣ

На этом бланке первым из сотрудничавших с Э. Бабелем заводов указано Товарищество Елисаветградского машиностроительного и чугунно-литейного завода в Елисаветграде (теперь Кировограде) В.А. Яскульского. На фирменном бланке с видом предприятия Яскульского сказано, что у него представительства есть во многих городах, в том числе и в Одессе. Понятно, что речь идет о посреднической конторе Э.И. Бабеля.

Еще один завод сельскохозяйственных машин, с которым сотрудничал Эммануил Бабель, был основан немцем-колонистом Я.Г. Нибуром в 1894 году в колонии, названной на американский манер: "Нью-Йорк", расположенной в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Завод выпускал буккеры (однолемешные плуги системы Буккера), рядовые сеялки, жатки (в том числе кукурузные), катки, молотилки, чугунное литье для сельскохозяйственных машин и др. Годовой объем производства в 1909-1910 годах составлял 200 тысяч рублей.

Еще одно солидное предприятие, представителем которого был Эммануил Исаакович, — Акционерное общество машиностроительного и чугунно-линейного завода И.И. Нейфельда — было создано немецкими колонистами в колонии Вальдгейм Бердянского уезда Таврической губернии в 1890 году (ныне — село Владовка Запорожской области).

Завод производил однолемешные плуги системы Буккера с подъемниками и без них (т. н. скоропашки), жатвенные машины с ручным сбросом хлеба (т. н. лобогрейки), конные молотилки, веялки, соломорезки, рядовые сеялки (дрилли). Общий оборот предприятия в 1909-1910 годах составлял 350 тысяч рублей.

Все сведения о заводах южного региона России почерпнуты из справочника "Статистико-экономическое описание Российской империи. Торгово-промышленный адрес-календарь России".

Кроме перечисленных Э.И. Бабель представлял весовую фабрику "Идеал" в Люблине, предлагал клиентам паровые молотилки, газогенераторные, керосиновые и нефтяные двигатели.

Из списка на фирменном бланке мы намеренно упустили еще одного крупного производителя земледельческих машин и орудий в Елисаветграде — "Товарищество Э. Бургардт и К°", сотрудничавшее с фирмой Бабеля. Мы оставили этого фигуранта, так сказать, "на закуску", так как именно сотрудничество с ним, а особенно с его преемником, сыграло большую роль в личной жизни писателя И.Э. Бабеля — сына одесского предпринимателя.

Предприятие было основано в Елисаветграде в 1868 году обрусевшим немцем Эбельгардтом Бургардтом с компаньоном Краузе, позднее владельцем числилось Акционерное общество "Э. Бургардт и К°". В 1913 году завод выпускал около 20 наименований продукции: конные молотилки с приводами, бункера, одно- и многолемешные плуги, маслобойные и мельничные машины, сноповязалки, жатки, корнерезки и пр. Многие из них были удостоены на конкурсах и выставках как в России, так и за рубежом, наград высшего достоинства. В 1915 году Эмиль Бургардт продал завод купцу первой гильдии из Киева Борису Вениаминовичу Гронфайну.

В Киеве Б. Гронфайн обосновался лишь в 1909 году, до этого купец успешно вел дела в некоторых городах Киевской губернии.

В конторе Б.В. Гронфайна продавали для Киевской губернии всевозможные орудия и механизмы для аграриев и сопряженной с сельским хозяйством промышленности. Но самой доходной машиной, которую предлагал покупателям Б.В. Гронфайн, был локомобиль производства "всемирно известного", исчисляющего свою историю с 1840 года машиностроительного и котельного завода "Рустон, Проктор и К°" в английском городе Линкольн.

В 1910-1911 годах Борис Вениаминович построил в Киеве большой пятиэтажный дом в готическом стиле по проекту архитектора И. Зекцера на углу Мариинско-Благовещенской и Кузнечной улиц (теперь улицы Саксаганского и Горького).

Знатоки биографии писателя И.Э. Бабеля уже догадались, почему мы так подробно освещаем деятельность богатого киевского купца Б. Грон-

файна: ему и Э.И. Бабелю суждено было породниться в 1919 году.


ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА
„Л. Иссерлисъ“
ОДЕССА.
Тираспольская, 5. Телефонъ № 8-30.
Представительство и складъ разныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Сливкоотдѣлитель (сепараторы) „ЭХО“
Паровые молотильные гарнитуры
соломорѣзки, конные приводы и т. д.
Жатки „Лобогрѣйки“, сѣялки, вѣялки, сортировки
Кукурузные молотилки. ▽ Плуги
Нефтяные двигатели.
Устройство и оборудованіе мельницъ, элеваторовъ и заводовъ.
Маслобойки и просорушки.
КАТАЛОГИ и ПРОСПЕКТЫ

Бланк письма Э. Мельгозе, который мы описали ранее, неожиданно дал нам сведения о том, что два предпринимателя, киевский Б. Гронфайн и одесский Э. Бабель, уже в 1911 году тесно сотрудничали, были хорошо знакомы и находились в доверительных отношениях. Вот отсюда начинается почти детективная история. На обороте исследуемого ценнейшего письма Э.И. Бабеля мы случайно обнаружили зеркально отпечатавшуюся часть рукописного письма, писанного чернилами и не высушенного, по правилам того времени. Послание адресовано Эммануилом Исааковичем Борису Вениаминовичу.

Письмо составлено в тот же день, что и послание Мельгозе, о чем свидетельствует дата, поставленная от руки аккуратным Э.И. Бабелем. Видимо, секретарь положил отпечатанное письмо Э. Мельгозе на подпись шефу поверх рукописного письма Б.В. Гронфайну, не заметив, что чернила еще не высохли. Таким образом, на обороте зеркально отпечаталась часть текста рукописного письма.

В письме, текст которого с трудом читается, речь идет об очень крупной "Технической конторе Л.Ф. Иссерлис" в Одессе на Тираспольской, 5, специализировавшейся на продаже сельскохозяйственных машин ведущих зарубежных заводов.

Судя по той части текста, которую удалось разобрать, Эммануил Исаакович доверил некую строго конфиденциальную информацию, связанную, видимо, с деятельностью коллеги Л. Иссерлиса, Борису Вениаминовичу Гронфайну.

"Мне все-таки непонятна эта история еще потому, — пишет Э.И. Бабель, — что в Вашей конторе имеются люди, которые выдают строго конфиденциальные сведения, тем более что такие сведения я предоставляю исключительно Вам. Другому, возможно, у меня не было бы интереса дать свои точные сведения..."

По вине служащих конторы Гронфайна произошла утечка доверенных

сведений, о чем стало известно Иссерлису. Э. Бабель пишет, что был приглашен по телефону в контору Иссерлиса для объяснений. Видимо, умудренному житейским опытом предпринимателю удалось выйти из сложившейся щекотливой ситуации, не подставив под удар свою репутацию. Однако продолжение письма не отпечаталось, к сожалению, на обороте нашего бланка, и мы не знаем, как именно Эммануил Исаакович вышел из затруднительного положения.

Таким весьма необычным способом мы получили автограф отца писателя, умелого предпринимателя и мудрого воспитателя, вложившего много сил и средств в образование талантливого сына.

В своих воспоминаниях о родителях сестра писателя Мария Эммануиловна Шапошникова писала: "Наш отец был прекрасным отцом, но строгим и требовательным. Его мечта была, чтобы дети хорошо и многому учились... Мать занималась хозяйством и воспитанием детей... Родители наши не получили никакого специального образования. Они оба рано потеряли отцов. Отец рано начал работать, он содержал свою мать. Мать наша помогала своей матери воспитывать младших сестер, которые получили образование".

Конечно, Эммануил Исаакович не помышлял о писательской карьере единственного сына, он видел Исаака крупным предпринимателем, дал ему полноценное коммерческое образование.

После окончания Одесского коммерческого училища имени Николая I семнадцатилетний И. Бабель поступил в Киевский коммерческий институт и проучился на экономическом отделении с 1911 по 1915 год.

Живя в Киеве, он по поручению отца бывал в доме и конторе Б. Гронфайна. Там он познакомился с дочерью Бориса Вениаминовича, учившейся в то время в женском коммерческом училище Володкевич, красавицей Евгенией Борисовной. О согласии родителей на брак не могло быть и речи: дочь киевского купца 1-й гильдии и сын среднего уровня одесского предпринимателя были неравной парой. Молодые тайно уехали в Одессу и вступили в законный брак в синагоге по еврейскому обряду. Так сельскохозяйственные машины и орудия повлияли на личную жизнь знаменитого писателя.

Советская власть приравняла богатых к бедным, лишила обоих предпринимателей их капиталов. Э. Бабель умер в 1924 году в своей квартире на Ришельевской, 17, успев порадоваться писательским успехам своего сына.

Э. И. МЕЛЬГОЗЕ

ХАРЬКОВЪ, КОННАЯ, 27.

ЗАВОДЪ и СКЛАДЪ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ.

ПАРОВЫЯ МОЛОТИЛКИ

и

ЛОКОМОБИЛИ

завода анц. общества бывшаго

Ѳ. ФЛЕТЕРЪ

въ Гассенѣ (Германія).

ЖАТВЕННЫЯ МАШИНЫ

и

КОННЫЯ ГРАБЛИ

завода

ПЛАНО

въ Чикаго (Америка).

Международная Компанія по производству жатвенныхъ машинъ.

Адресъ МЕЛЬГОЗЕ—Харьковъ

Телефонъ 1127.

МИРГОРОДСКІЙ СКЛАДЪ

помѣщается въ домѣ И. Я. ОСТРОВСКАГО, у моста.

Адресъ: Миргородъ, Полтавск. губ. Складъ Э. И. МЕЛЬГОЗЕ.



Миргородъ, Харьковъ 3 Августа дня 190 5 года.

Э. И. МЕЛЬГОЗЕ Харьковъ. Получ. 8 АВГ. 1905 года.

ОРДЕРЪ № 3875.

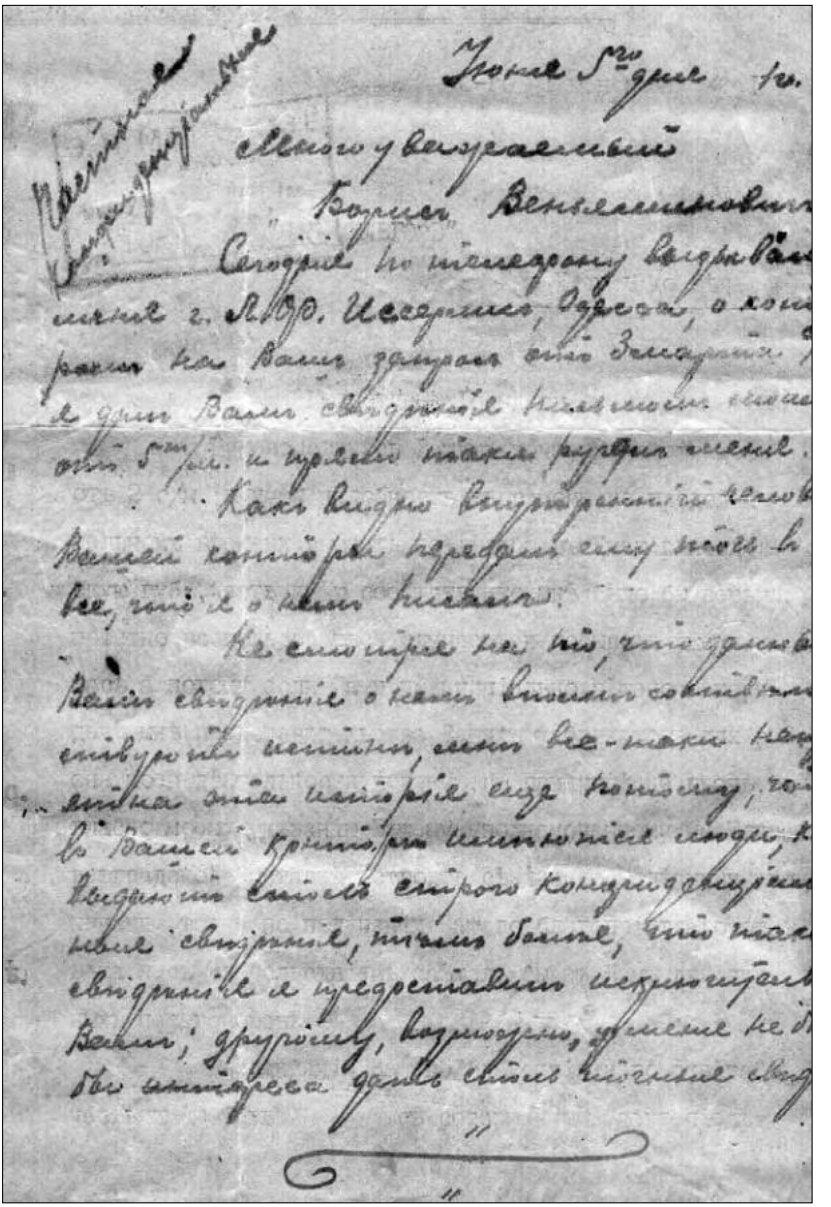
Контора

Прошу высылать, ввиду по-
требности, слѣдующія гвозди
для скидокъ:

1/4 пуд. колесо для передвижныхъ
осей къ молотилкамъ № 1 и 2 (гвозди
5 дюйм. СМЗ (коробочки ручной
выдѣлки)

10 шт. Кольцевъ бочковыхъ для
бочекъ съ рубцомъ въ 3/8" и 3 шт. съ рубцомъ
въ 1/4"

20 шт. чугунн. колпачковъ для осей передвижныхъ
къ молотилкамъ и приводамъ.



Б. Гронфайн умер в 1927 году в оставленной ему властями скромной квартирке в бывшем собственном доме. Хоронить его приехал из Москвы некогда неугодный зять Исаак Бабель, к тому времени уже прославившийся своими литературными произведениями. Жена И. Бабеля Евгения Гронфайн несколькими годами ранее уехала за границу, где изучала живопись и ожидала приезда мужа. Однако Исаак Эммануилович не решался уехать за границу навсегда, но часто навещал свою супругу. В 1929 году у них родилась дочь Наташа.

Вот такая почти детективная история вокруг уникального одесского документа.



Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Огонь

Перемена времен года перестала вселять надежду.

Лето перестало приносить удовольствие.

Перемена времен года уже не перемена к лучшему.

Грязь и туман зимы сменяются диким зноем и огнем лета.

Человеческие отношения в такую погоду берут перерыв.

Весна и осень исчезают.

Руководство страны вместо выезда на отдых вылетает на пожары.

Лыжникам не хватает снега.

Речникам воды.

Животные и люди чувствуют свою ненужность.

Чиновники руководят тем, что уже произошло.

Им кажется, что они смогут жить без людей.

А к отношению чиновника к простому человеку добавляются пожары.

Как разговаривать с человеком, которому негде даже сидеть.

И их много и у всех ничего нет.

Как же их любить.

Тех, у которых ничего нет.

Он как бы только появился на свет. Без папы, без мамы. Но уже с ожогами, болезнями и пожилой.

К себе, что ли, пустить?

А этот проклятый прогресс с его блокбастерами, мобильниками, интернетом и глобальным отупением, этот проклятый прогресс отучил людей впускать к себе переночевать бездомного человека.

Представьте, какая паника возникнет от ночного стука в дверь:

— Кто там? Кто?!

— Сынок, пусти переночевать.

Как? Кто? Чего?..

Куда его?.. С кем?.. Вместо кого?.. Белье ему постельное. Кормить его перед сном. И на дорогу...

Это если он уйдет.

А если нет?

А он еще откроет дверь изнутри, а там его семья, черная от дыма!

Даже если знакомый:

— Ты что, не мог позвонить?

— Чем? Все сгорело!

— Не знаю. К соседям беги.

(Это все через закрытую дверь.)

— Сгорело все!

— На почту сбегай.

— Сгорела!

— Без звонка не впущу. Звони.

Это называется — набери меня.

Вместо накорми меня, спаси меня, обогрей меня — набери меня.

А я наберу тебя.

Я и другого наберу.

Я вас всех наберу!

Вы у меня поскачете!

Такая ситуация.

Блоги вместо дела.

Есть же время писать!

Бесконечные одинаковые вопросы и бесконечные одинаковые ответы физических и умственных лиц.

На запросы миловидных девочек отвечают седые и интеллигентные.

Они отвечают не нам.

Они отвечают этим девочкам.

А транслируют это нам.

Отсюда эти приятные выражения лиц и выражения слов.

В общем, девушка, наберите меня, а я вас наберу.

Можно успокоить душу интернетом. Как бы постоять в толпе зевак возле пожара. Слышно все, а видно плохо.

А сгорает быстро!

Что бы там ни вещали взъерошенные девочками седины.

Правительство хоть что-то конкретное — "построим к зиме!". Это из всего и запоминается.

Но пусть держат руку на нагане при раздаче. Знаем тех, кто нам строить и жить помогает. Как они строят и как они живут.

А перед ними те, у кого нигде ничего.

Ни здесь, ни в Испании.

Уличай его, сличай его.

И самая главная фраза: "Ваши документы!" — смысла не имеет.

Она уже не вопросительная, а какая-то вымогательная: "А ну-ка, посмотрим, кто ты такой!".

И он же смотрел туда, куда ты смотрел сто раз. Но он же там что-то видел другое!

Так вот, начальник, все сгорело.

Что будешь делать?

Кого сажать?

Кому строить?

Кто вообще перед тобой?

Может, он из Киргизии или, не дай Бог, из Грузии...

Может, до выяснения, в КПЗ?

До выяснения личности.

Люди искусства шепчут:

— Личностей нет.

Есть они! Только без удостоверений.

Вот и правительство нерешительно так:

— Вообще-то верить надо. Но ... проверять.

Вот в этом многоточии вся трагедия.

Больше всего оно не верит своим.

Оно их знает.

Оно их боится больше, чем погорельцев.

У кого украдет погорелец?

И где он спрячет?
А свой — это другое!
Это совсем другое! Совсем-совсем другое!
Над каждым из нас есть кто-то повыше.
Над тем, кто выше, есть еще выше.
Над всеми нами — самый верхний.
А над ним тоже есть один, кто пониже.
Тот все и решает.
Но это все слова.
А огонь...
Это огонь!
Это крик ночью!
Это набат!
Это самое страшное слово, сказанное сзади.
Не дай Бог его услышать.
Лучше уж увидеть.
И как-то вместе пережить.



Алексей ЛУКЬЯНОВ

...показал мужик топор

Ребята у меня хорошие — оба низкорослые, рожи тупые-тупые, все время табак жуют, глядят исподлобья и носами шмыгают. Вылитые бандиты.

Этот, который песни пишет, как увидал моих молодцов — поплыл, хотя и сам после тюрьмы ничем от них не отличался: небритый, сутулый, в каждом встречном врага видит. Показали бы мне просто его карточку и сказали: медвежатник, — ни минуты бы не сомневался. Но следак на пересыльном сказал: какой-то поэт, из нонешних, нехорошо о Самом написал. Ну, написал и написал, таких проще этапировать: сидят тише мыши и меж собой, если не в одиночку едут, ругают Совнарком. Тут главное, чтобы они не шибко громко ругали, а то нам реагировать приходится.

Ну вот, сели мы на поезд и поехали. Эмильевич всю дорогу глаз не смыкал, все боялся, что мы его расстреляем. Хорошо, что баба его умнее оказалась, я ее, как мог, успокоил, обещал помочь, пока в Чердынь не приедем. Вроде попустило обоих. Этап — дело хлопотное и неприятное, особенно для таких элементов, тут важно с ними договориться. Только врагами зря их называют, не враги они, а так, пережитки. И, в общем, безобидные. Ну чего с этих стишков Самому сделалось бы? Подсуетился кто-то из питерских следаков, и состряпали дельце, прогнуться хотели. Да неужто Сам эти стишки читал? Я вот до сих пор даже не слышал про Эмильевича, а у Самого дел вообще невпроворот, зачем ему какой-то еврей с полунеприличной фамилией?

Ну и вот, только наших клиентов попустило слегка, только они нам доверять начали, Пушкина почитать дали, как мы в Соликамск приехали. Здесь-то Осип Эмильевич чуть с катушек и не съехал. И, прошу заметить, не по нашей вине.

Сам-то я в Соликамске не раз уже бывал. И сюда возил, и дальше — в Чердынь да в Ныроб, и поодиночке, и семьями, и цельными этапами гонял. Да вы не смотрите так, не зверь же я. Эту работу тоже делать кому-то надо, причем так, чтобы никто не взбунтовался, не кинулся на конвой или, того хуже, на гражданских. А народец-то разный, не только политические, на тех, можно сказать, душой отдыхаешь, потому что в основном люди культурные и спокойные, по матушке не пошлют. По нынешним временам только на таком этапе и встретишь приличного человека. Ребята мои, хоть лицом и не вышли, а вполне соображают, чем доктор наук от урки отличается, и обхождение, заметьте, у нас в таких случаях диф-фе-рен-ци-ро-ван-

ное, прости господи, выговорил! Конечно, наш брат разный бывает, ну так то не моя вина, устав на то и устав, чтобы его каждый по-своему нарушал.

Так вот, я про Соликамск начал. Приходилось мне тут бывать, и, скажу я вам, парадокс в этом месте есть. Ну, глухомань, железную дорогу лет шесть назад только дотянули, узкоколейку. Как есть белогвардейское гнездо, пермские города вообще все сплошь контрреволюционные, а вот приедешь — спокойно на душе. Ну вражье же место, сюда спокон веков политических сгоняли, тут вообще очаг антигосударственной политики пылать должен, сплошь оппозиционеры, со Средних веков. Тут надо бы бдеть в оба глаза, а не хочется. Неспешное место, неторопное. Я, когда в первый раз приехал сюда с этапом, спросил у какого-то мужика, далеко ли до пристани? Тот говорит: два часа. Я говорю: а в метрической системе, папаша? А тот улыбается: два часа, милок, два часа. Я зверею уже: это пешком или на подводе? И, думаете, что он мне сказал? Хоть, говорит, на автомобиле, а все равно два часа. Ну, я ноги в руки, искать, кто нас повезет, потому что под конвоем два мошенника, и обоих на Вишеру надо, а "лапотник" отчаливает через час, если верить расписанию. Нашли фургон, загрузили жуликов, поехали. И в лесу — вот засада! — застряли. Пока толкали машину, пока то да се, приехали — точно, два часа прошло. В следующий раз был зимой, от вокзала взяли сани, спешить было некуда — санный путь по Каме уже открылся, так что ехали ни шатко ни валко, остановились в чайной, перекусили, на церкви полюбовались, нужду справили, двинули дальше... и тоже за два часа добрались. Это вам не Курская магнитная аномалия, это посерьезней па-ра-докс.

А уж чего понастроили за это время: глаза разбегаются. Домов всяких, заводов, башен, бараков. У них тут раньше, говорят, море было, да высохло, а соль осталась. И шибко для крестьянства полезная соль, говорят: посеешь с нею зерно — будет сто зерен, капусту посадишь — больше тыквы вырастет.

Приезжаем, выходим из вагона. Гляжу — в дальнем конце станции пульман стоит правительственный. Спрашиваю обходчика: откуда пульман?

— Нарком тяжелой промышленности приехали, у нас тут комбинат строить собираются.

— Еще один?

— А чего, места хватает пока. Железо лить будем.

— Ты, — говорю, — папаша, языком мели осторожней, я тут классовых врагов перевожу, а ты, трепло, государственные секреты разбалтываешь.

Папаша, конечно, испарился, а я конвойному говорю для поднятия духа:

— Гляди, Осип Эмильевич, сам нарком не боится в Соликамск ездить, и ты не бойся.

Но Эмильевич что-то захандрил, заерзал.

Ему, видите ли, показалось дурным знаком, что здесь заканчивается железная дорога.

— Конец, конец, — бормочет. Посмотрел на жену, вцепился ей в плечо: — Тут нам конец, понимаешь?

Ребята хмыкнули, схватили вещички и потащили к грузовику. Это, между прочим, серьезное должностное преступление: где вы видели, чтобы вертухаи помогали конвойным вещи нести? Даже будь он не Мандельштам, а сам Пушкин — не помогли бы. Хотя Пушкин, тот царей не боялся, и котомки бы свои, будьте уверены, сам бы тащил, бабе своей не доверил.

Яковлевна, та, конечно, смотрит на меня виновато — мол, простите, нервы у человека. Оно, конечно, понятно — тонкая натура, изящная словесность, но совесть тоже иметь надо, в конце концов. Мы что — спать ему не давали эти пять суток? Я рукой только махнул. Сегодня в пароход загрузимся, завтра я их в Чердыни сдам тамошнему начальнику, и прощайте, товарищи поэты. С учеными как-то поспокойнее.

И вот мы мчимся через Соликамск на открытой бортовой машине, солнышко пригревает, окрестности глаз радуют, а эта поэтическая натура держится за бабу и как-то нехорошо косит на плотника, который имел неосторожность сесть в кузове неподалеку. Персональной машины нам не положено, так что приходилось вместе с обычными гражданами ездить, а тут попутчиков вообще много оказалось: целая плотницкая артель. И все с инструментом. Вот Эмильевич смотрел на них, смотрел, и увидел этого, с топором. Мужик, справедливости ради замечу, и впрямь какой-то был... ко-ло-рит-ный. Долговязый, в красной косоворотке и с большим топором. Вылитый палач.

И Эмильевич говорит, негромко так, но все услышали:

— Петровская казнь какая-то получается.

Все посмотрели на него. Потом на мужика. И тут артельские как начали хохотать:

— Никанор, да ты никак кровь с топора стереть забыл! Вон арестанты волнуются!

— Тюкай аккуратнее, Коля, браку не допусти!

— Да здесь-то не маши, погоди, в лес заедем!

И смех, и грех. Эмильевич глазами лупает, ничего понять не может,

Яковлевна покраснела, а ребята мои, как ни в чем не бывало, жуют табак да по сторонам поглядывают. Я тоже не реагирую: коли смеются, так и переживать нечего, главное, чтоб до ругачки не дошло.

Никанор этот, конечно, насупился, но понимающий мужик оказался. Посмотрел на Эмильевича этак злодейски и говорит:

— У моих курей шеи в два раза толще, а тут инструмент затупить можно.

Артельские еще больше хохотать, а тезка мой нахохлился, чтобы, значит, незаметнее казаться. Еще бы — он тут хотел жертвой прикинуться, а его тощей курицей обозвали.

Так вот, с шутками да прибаутками доехали мы до пристани. Там уже "лапотник" под парами, и я, чтобы только ослабить напряжение, снял с Эмильевича наручники и купил им с Яковлевной отдельную каюту. Бог с ним, с уставом, с парохода они никуда не денутся. Да и куда? Кругом лес, лагеря, денег нет. Это жулик в побег может рвануть, а политические — они безобидные. Их там полная Чердынь уже набилась, так что и моим скучно не будет.

В дороге Эмильевич совсем захворал, так что по прибытии мы его тут же в больницу определили, и я к начальнику комендатуры зашел, командировочные отметить и потолковать.

— Вы этого клиента не обижайте, он на голову слабый, набедокурит еще.

Комендант злой, как собака, — марксисты ссыльные одолели — отвечает:

— Ну и набедокурит, хрен с ним. У меня своих кормить нечем, на подножном корму живут. Ладно, лето сейчас, а что зимой делать? Работы нет на ссыльных, местные с ними не водятся, боятся. А зимой еще теплые вещи нужны, валенки, дрова. Как я их снабжать буду? А помрет кто — отвечать обратно мне. Так что пусть бедокурит.

И ведь как в воду глядел! Выбросился Эмильевич из окна, в первую же ночь. Со второго этажа. Ну что за люди, даже помереть толком не могут, все у них с заломленными локтями и наполовину. Плюнул я в сердцах, даже Яковлевну не пожалел, и поплыли мы восвояси, от греха подальше.

Вот чапает наш пароход вниз по Колве, шлепает по воде, будто пятками, а я думаю: чего не живется людям, чего они все протестуют, бегают, стишки всякие пишут оскорбительные? Вон, другие железо льют, соль со дна моря таскают. Ну, не нравится тебе, чего в Париж не уехал? Нет, бегают, кричат, контрреволюцию разводят. И жалко их, и досадно: чего вам не живется, чай, не царизм, все равны, все пути открыты. Ну да, кому-то чего-то нельзя, рылом не вышел. Но ведь можно и перебиться.

И Сашка, один из моих ребят, говорит человеческим голосом, будто и не вертухай он:

— А зачем мой батя революцию делал? Чтобы перебиваться?

Я, оказывается, вслух это все говорил, а он слушал.

Не люблю я таких разговоров. Сомнения они всякие будят, а где сомнения — там контрреволюция и прочее томление духа. Приказал я Сашке отставить такие разговоры и спать лег. И приснилось мне, будто я наипервейший враг народа, и меня Сам лично этапирует в Чердынь. Сидит он напротив меня в красной рубахе, топор оселком точит. Вжик! — посмотрит на меня через лезвие, и снова — вжик! А потом говорит:

— Что же ты, Осип, имеешь против нашей советской власти?

— Ничего, — отвечаю, — Осип Виссарионович. Ошибка это.

— Может, тебе наши стройки не нравятся? — спрашивает.

— Нравятся.

— Может, ты жизнью недоволен?

— Доволен, товарищ Сталин.

— Так почему же ты, Осип, не в колхозе родном перебиваешься, а вертухаем на этапе?

И вот я сплю и думаю: а правда, почему?

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца, —
Там помянут кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд толстокожих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в лоб, кому в бровь, кому в пах, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Москва

Рада ПОЛИЩУК

Лапсердак из лоскутов
Фрагмент новой книги

Лоскут из широкого атласного галстука,

какие носили стиляги в пятидесятые годы прошлого века,
к примеру, как раз такой,
потертый почти до дыр в том месте,
где ловким привычным движением вывязывался
вершиной вниз маленький треугольник узла,
плотно подпирающего кадык:
по ярко-желтому фону разбросаны фиолетовые павлиньи хвосты
с белыми завораживающими овалами,
расцвеченные внутри всеми цветами радуги -
смерть мухам, как говорится, ослепительно до безобразия;
но стиляги фланировали по улицам
в этих убийственных галстуках и брюках-дудочках,
покачивали напомаженными коками,
поводили плечами взад-вперед,
лениво, как бы нехотя, пошаркивали ногами,
словно это хождение по земле,
привычное для мельтешащих вокруг людишек,
для них было лишь подступом к чему-то более возвышенному,
будто не по мощеным, истертым множеством подошв и каблуков
плитам тротуара приморского города-героя ступали,
а по взлетной полосе, с которой без всякого летательного аппарата
можно воспарить в такую высь, откуда обратного пути быть не может,
только выше, выше, пока сердце не разорвется от восторга,
и — никакого страха, сожаления,
никаких воспоминаний о прошлом...
И — никакого прошлого...

Додик Мутерперель, в молодости стиляга, первый модник своего двора, улицы и даже города, пижон и кутила, единственный сын строгой, скупой на нежности Хаси, племянницы известного в городе зубного техника Фишеля Трахмана по мужской еврейской линии его армянской жены На-

ны, души не чаявшей в Додике, сильнее, чем мать родная, отчего, наверное, его и дразнили в детстве обидным прозвищем "смесь армяшки с гуталином", — Додик чуть не плакал от обиды: ну почему — "армяшки"? почему — с "гуталином"? почему не как есть на самом деле — просто жидом? Позже стали обзывать "гибрид", "гибра", потом сокращенно "рид", что походило на нормальное американское имя, а он уже к тому времени безудержно и безоглядно тяготел ко всему иностранному, заморскому, недостижимому...

Тогда казалось — недостижимому.

Это сейчас он живет в Бруклине, старый еврей с седой вздыбленной копной волос, из которых даже лучший в мире парикмахер не сумел бы создать нечто благопристойное, потому что волосы, пережившие вместе с ним глубочайший стресс от перемены места жительства, так и не оправились — встали дыбом и торчат во все стороны, как у безумного короля Лира из трагической пьесы Шекспира.

Когда-то давным-давно он водил жену свою Любаню, тогда еще невесту, в Одесский русский драмтеатр, она вышла после спектакля зареванная, икающая, с опухшим лицом и заплывшими глазами. Он бережно вел ее за руку, как незрячую, и впервые ему захотелось избавиться от роскошного набриолиненного кока, который носил с гордостью и королевским достоинством. Вместе с коком рост его составлял один метр девяносто один сантиметр, и когда он появлялся на Приморском бульваре, с противоположного конца доносилось приветственное: хеллоу, Рид! Тогда он был заметной фигурой не только в смысле роста и атлетической стати, он был стилягой № 1 в славном городе Одесса. Его знали все.

Сейчас он один из многих, кто, едва передвигаясь на своих двоих или с палками и костылями, а то и в уличных креслах-каталках, снует бесцельно изо дня в день по Брайтон-Бич взад-вперед, и из последних сил делают вид, что это и есть настоящее еврейское счастье — мазаль или нахес. Выбирай, что больше нравится. В свободной стране — у каждого полная свобода выбора. Вот они и выбрали — еврейское счастье. Хоть на иврите, хоть на идише — все едино, никакой разницы.

Чтоб он так жил. Чтобы вы все так жили.

Господи, Боже ж мой! Можно подумать, что в Одессе нет бича, побережья то есть, на нашем родном русском языке — да в миллион раз лучше! Хоть Аркадия, хоть Лузановка, хоть Ланжерон. А шестнадцатая станция Большого Фонтана — ой, мама дорогая, это же лучшее место в мире: какой

песок, какая волна, а горизонт! Где вы еще видели такую линию горизонта, где, я вас спрашиваю?

Небо и море незаметно сливаются, и не понять — или это верх, или низ, плывешь ты, а может, паришь внутри шара, наполненного то ли водой, то ли воздухом.

Додик помнит, как впервые пережил ни с чем несравнимый восторг ужаса — он тонул в море, наглотался соленой воды, и волна несла его неудержимо — подкинула в небо, а оттуда низвергла в темные глубины, в толщу пучины морской. Ему было девять лет, он не умел плавать, но смело прыгал в высокую накатывающую на берег волну, как все. Страшно, едва выбрался, весь посинел и дрожал от макушки до пяток, но снова ждал — вот-вот сейчас накатит, обнимет его и унесет. Ожидание граничило с экстазом, ничего не осознавая, он рвался туда, не знает куда, как в сказке...

И вот дорвался.

Волна забросила его в Америку, на побережье Атлантического океана, на Брайтон-Бич. Не морская волна, другая. Сам не знает, как оказался в этом живом водовороте, его несло и несло — ни остановиться, ни оглянуться, ни одуматься, словно дурное зелье какое-то выпил, и ум на время помрачился.

И Любаня, жена горячо любимая, верная, рассудительная и осмотрительная, не в пример ему, легковесному пижону и заядлому гуляке, все годы их безмятежного супружества мягко окорачивающая его мятежную душу, его бунтарство и непокорность, твердила как заклинание: "надо ехать, ехать надо". Будто кто заговорил ее, гойку, в церкви крещенную в малолетстве.

"Надо ехать!" — за него решила Любаня этот мучительный вопрос извечных скитальцев-евреев. Испокон веков — мучительный.

Ехали родственники, дальние, ближние, ехали соседи, знакомцы ранних детских лет, с кем бок о бок пережил все лихолетья, все беды уходящего двадцатого века, и те, с кем свела жизнь в старости. Ехали кто от нищеты и неустроенности, кто за длинным рублем, кто вслед за детьми и внуками, не в силах расстаться, не зная, что ждет впереди. Прощаясь, многие отводили глаза, желая скрыть слезы и затаенный страх перед неведомым, бормотали второпях "на будущий — в Ерушалаиме", даже если ехали в Америку, Канаду или Германию, а не на Святую, Господом обетованную землю Израиля.

Почему не туда — отдельный вопрос, так и оставшийся без ответа.

Жили они с Любаней, как большинство одесситов, в нью-йоркском Бруклине, на Оушн-авеню угол Кей-авеню в шестиэтажном красном кирпичном доме в хорошей, даже прекрасной двухкомнатной квартире со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, вплоть до стиральной машины, СВЧ-печки и электродуховки, совмещенной с грилем.

Даже во сне не могло такое привидеться Додику в прежней жизни, где вонючий коммунальный дворовый туалет на два "посадочных места" стыдливо прятался за сараем с метлами, ведрами, граблями и всякой всячиной для уборки общественной территории. Конечно, они, как все, выгородили в кухне чуланчик для унитаза, но водопровод и канализация работали плохо, от бесконечных засоров в кухне витал неистребимый приторный запашок, ставший неотъемлемой частью головокружительных ароматов Любаниной стряпни, отчего она не в шутку страдала. А он ничем не мог помочь ей, хоть прочищал унитаз и раковину ежедневно, иногда по два-три раза в день.

Было это в Одессе, на Успенской угол Канатной, во дворе, где он родился и прожил всю жизнь до отъезда минус четыре года, проведенные в Казахстане, на станции Джусалы, куда занесло их во время войны — бабку Мару, тетку Изу и ее двух дочек, Ривушку и Басену, в которых он был горячо влюблен, в обеих сразу.

Нынешний адрес чем-то схож с прежним, дом тоже стоит на пересечении двух улиц — Оушн и Кей. Схож да негож.

И сны он видел здесь совсем другие, и редко-редко, почти никогда.

Ночами Додик не спал. Все думал, думал, ворошил в памяти жизнь свою, искал в ней смысл, простой и понятный. Для чего, хотел он уяснить для себя самого, стоя уже почти на краю, для чего явился в этот мир, именно он, Давид Шмулиевич Мутерперель, переименовавший себя когда-то в Дода Самуиловича Перля, что, в общем, оказалось не слаще редьки в свете всегда остро стоявшего в СССР национального вопроса, а попросту говоря — неистребимого повсеместного антисемитизма, сверху донизу.

Впрочем, он сам тогда был скорее здесь, чем там. То есть не за забором, где все евреи, не в гетто, пусть и условном, где у всех одна судьба, а возле забора, с другой стороны, откуда через широкую щель можно было отслеживать все происходящее, быть в курсе всех подробностей их жизни, чтобы не пропустить момент, когда еще можно будет протиснуться туда, где сбившись в кучку, спина к спине они, гордо воздев головы к небесам, бу-

дут петь свои молитвы, пятясь все ближе и ближе к краю обрыва. Тогда он встанет рядом, иного пути нет.

Но он отчаянно не хотел этого.

Он не любил евреев, как ни чудовищно это звучит. Евреев вообще, хоть ничего плохого они ему не сделали, правда, и хорошего тоже ничего, не каждый в отдельности, а все вместе. Но он не считался с ними, он просто их не любил.

К своим, конечно, это не имело отношения. Свои, родные, если и не были очень близки ему, то, во всяком случае, понятны, со всеми их пороками, причудами и завихрениями. Он слыл плохим родственником, его все осуждали всегда и за все, что бы он ни делал. Особо не распространялись по его поводу, отделываясь одной на все случаи фразой, не пропитанной никаким чувством и не имеющей никакого конкретного содержания: "Ой, что говорить за Дода, за него ничего не скажешь, чтоб он был здоров". И при этом все кивали головами, кто сверху вниз, как бы подтверждая сказанное, кто из стороны в сторону — не отрицая, а скорей выражая свое привычное уже осуждение в его адрес, кто с неким недоумением пожимал плечами — ну куда, мол, тут денешься, что есть, то есть.

Но все же — "чтоб был здоров", потому что не чужой — свой.

Вот и он к своим относился по-свойски: кого терпеть не мог, кого жалел, кого в упор не видел, не узнавал при встрече, не делал вид, что не узнает, а истинно не узнавал. А кое-кого любил и даже обожал. Их было немного — бабка Мара, тетка Иза и ее две дочки, Ривушка и Басена.

Бабку Мару, мать его матери Хаси, маленькую старуху, морщинистую, всю скукоженную, перекошенную на правый бок, как кривой сучок высохшего дерева, никто не любил. Больше того — избегали общения с ней, побаивались. Предпочитали держаться подальше. Хотя Додик не помнит, чтобы она чинила какие-то пакости, строила козни или просто ругала кого-то. Она больше молчала, — и накрывая скатертью стол к субботней трапезе, и зажигая свечи, наводя порядок в своем убогом жилище, сверкающем стерильной чистотой, стряпая, стирая, перебирая стручки зеленого гороха, вынимая кости из рыбы или снимая воздушную розовую пенку с варенья.

Он не сводил глаз с ее лица, пытаясь понять, о чем она думает, какую тайну скрывают ее всегда приспущенные веки и плотно сомкнутые губы. Он ходил за ней хвостиком, и она не гнала его, изредка клала ему на затылок свою невесомую, похожую на осенний лист ладошку и едва-едва про-

бегала пальцами по волосам, легким касанием, будто ветерок дунул, — было приятно и в то же время отчего-то страшно. Додик замирал, по спине ползли мурашки, а в низу живота сладко холодело.

Однажды он не выдержал и спросил:

— Что это? Почему так, Бамара?

Она молчала по обыкновению. Он заглянул ей в лицо и увидел ее пронзительно голубые глаза, из-под приспущенных век устремленные в какую-то недостижимую даль. Он тоже стал смотреть в ту сторону.

Но взгляд все время спотыкался то о мусорные баки, вокруг которых, отвратительно попискивая, суетились длиннохвостые крысы, то об увитые виноградом беседки двух пребывающих в пожизненной вражде соседок-старушек Арны и Мили, то о развешенное для просушки белье, стандартный набор — разноцветные линялые трико и кальсоны, наволочки, простыни и полотенца, то о выставленную у чьей-то двери крышку гроба, вкривь и вкось обитую слегка посеревшей от пыли розовой тканью, будто давно стоит, ожидая случая, то об угол дома с отколотой штукатуркой и добротно выбитыми срамными словечками, то о клочковатую тучу, набекрень залихватски нахлобученную на крышу.

Дальше дома и тучи он не видел ничего. И снова спросил:

— Что там, Бамара? Что?

Она почти не говорила по-русски, только по-еврейски, и с ним тоже. При этом он хорошо помнит, они понимали друг друга без слов, так было всегда. Но в тот раз — особый случай: она щекотно прижалась сухими шершавыми губами к его уху и тихо быстро заговорила. Долго говорила, взволнованно, он никогда не видел ее такой — даже румянец пятнами выступил на обычно бледных щеках и на лбу красные пятна выползли из-под темного платка, всегда прикрывавшего голову.

Странно, но он все понял, хотя ее слова показались ему полным бредом.

— Ты Давид и он Давид, — шептала она, подняв кверху указательный палец. — Он — царь и ты будешь царем, эйнекл*. Будешь! — она погрозила пальцем то ли ему, то ли кому-то на небесах. — Ты сейчас этого не понимаешь, и долго будешь сопротивляться, но ты станешь царем, мой мальчик, и музыке научишься, и петь станешь свою музыку, славя имя Его. Здесь это будет или там — не знаю, отсюда не видно. Пелена все застит, поближе подойду, должно проясниться.

* Внук (идиш).

Она опустила руки, они безвольно повисли вдоль туловища, тяжело втянула в себя воздух и добавила:

— А коли нет, уже оттуда подскажу, пока не знаю, как, но ты поймешь, эйнекл, обязательно поймешь.

Бамара умерла у него на руках. Он нес ее невесомое тельце, которое, может, еще не покинул дух, и чувствовал каким-то необъяснимым чутьем, что она уже не жива, но еще и не мертва. Ему захотелось что-то сказать ей на прощание, но на каком языке? Он посмотрел на нее — веки приспущены, губы плотно сжаты, ладошки перекрещены на груди, как два пожелтевших осенних листочка, чуть вздрагивают, отзываясь на его торопливый шаг. Ничего вроде не изменилось, только он несет ее на руках к машине "скорой помощи", понимая, что спешить незачем. И Бамара никуда не спешила, спокойно и удобно умостилась, как дите малое, прижалась к нему, теплые волны пробегали по его телу. Все окружающее исчезло, они остались одни, и тогда он напел ей что-то на ухо, прикоснувшись к нему губами.

Санитары уложили Бамару на носилки, накрыв сверху простыней, Любаня села в машину, и та, медленно виляя по разбитой дороге, растаяла в предсумеречном тумане. Додик стоял ошеломленный — ни слов, ни мелодии, которую напел только что Бамаре, он вспомнить не мог.

Она унесла их с собой.

Плакали над могилой Бамары только он, Любаня, Иза и Ривушка. Басена давно уж лежала в соседней могиле, а то бы она плакала горше всех. Остальные родственники скучились в сторонке, переступали с ноги на ногу, ожидая, когда реб Изя Крамер дочитает молитву, заученно, монотонно, лишь изредка взмывая голосом в поднебесье, при этом он откидывал назад голову и устремлял взор вслед исчезающему звуку, и на лице его вспыхивала неуместная случаю радость. Он вскидывал в стороны и вверх руки, становился похожим на птицу, готовую улететь вослед и никогда больше не возвращаться сюда, на грешную землю. Ничего хорошего он здесь не видел за всю свою жизнь, от рождения — бедную полуголодную жизнь в местечке, ранний тяжелый труд подмастерьем по выделке кож, погромы, войны, социализм, фашизм, антисемитизм... Да о чем говорить — он завидовал каждому покойнику, которого провожал в царствие Божие.

А над этой старухой плачут, будто дитя хоронят. Правда, всего четве-

ро из всей мишпухи*, да бывает, что и никто, а провожающих — толпа, как на праздничной демонстрации. А тут все в другой пропорции — провожающих восемнадцать человек, из них — десять мужчин, аккурат миньян, если бы понадобилось для правильного ритуала. Но об этом разговора не было, он сам предложил кадиш** почитать, не отказались, но и участия никакого не приняли. Равнодушно проводили старуху, никто волосы и одежду на себе не рвал.

Но четверо плачут, и не притворно, не показушно, а от всего сердца, уж кого-кого, а его, Изю Крамера, не проведешь. Уходя, он несколько раз оглянулся — все поспешно разбрелись кто куда, благо поминки по правилам не положены. Над могилой застыли четыре скорбные фигуры.

Они стояли у свежей могилы Бамары — Додик, Любаня, Иза и Ривушка, ноги скользили по влажной глине, могильный холм, ничем не прибранный, ни цветами, ни венками, производил удручающее впечатление. Только Любаня прижимала к груди шесть больших темно-бордовых георгинов, которые срезала утром в палисаднике Бамары. Знает, конечно, знает, что евреи не кладут на могилу живые цветы, не принято, но положит непременно, как всегда это делает, когда все разойдутся.

Каждый думал о своем.

Додик, простившись мысленно с Бамарой, не сводил глаз с фотографии Басены. Она улыбалась нежно, смущенно, а глаза сияли теплым светом, как живые, их васильковые блики отражались повсюду — на черном граните памятника, в небольших лужицах вокруг могилы, проступали прогалинами в разрывах туч.

Он помнит день смерти Басены в мельчайших подробностях.

Когда комья сырой глины застучали о крышку Басениного гроба, рядом с ним оказалась Ривушка, лицо зареванное, аж синее, а рот криво улыбается.

— Теперь, когда Басены нет, у тебя осталась только я, — прошептала, не разжимая губы. — Никуда ты от меня не денешься.

И посмотрела на него снизу вверх, искоса, сквозь тяжелые опухшие от слез веки, как-то странно, победоносно и даже радостно, показалось ему. Будто только того и ждала, чтобы Басены не стало. Его всего передернуло — и от этих слов, и от ее вида, и отчего-то еще дурного, непоправимого, хуже смерти.

* Мишпуха — семья (идиш).

** Поминальная молитва (иврит).

Ему сделалось не по себе, накатила тяжелая липучая дурнота, до обморока. В эту минуту Додик понял, что потерял их обеих. Навсегда. Он спрятался за спиной Бамары, чтобы не видеть разверстую могилу, в которую опустили простой грубо струганный деревянный гроб, последнее убежище Басены, заплывшее Ривушкино лицо, только что радостно улыбавшееся ему. Он глядел прямо перед собой и видел спину Бамары и верхушки тополей высоко в небе, больше ничего.

Все же он был очень мал для такого сильного потрясения, ему только исполнилось тринадцать, и хоть Бамара говорила маме Хасе про бар-мицву, та твердо сказала:

— Нет, мама, сейчас это не принято. Ничего делать не будем. Пусть растет как все дети. Он уже пионер, пусть будет как все.

— Но так нельзя, он ведь еврейский мальчик, — слабо возразила Бамара. — В нашем народе испокон века совершеннолетие мальчика отмечают как самый большой праздник в его жизни.

— Когда это было, теперь все по-другому, — стояла на своем мама Хася.

— Он уже взрослый, надо его спросить, — не унималась Бамара.

— Нет и еще раз нет. Простите, мама, и не сердитесь. И Фишель возражает. Будет так, как мы решили.

— Что твой Фишель? Ему фашисты на войне руки покалечили, а коммунисты — мозги, вот он и забыл, что он еврей, сын раввина и внук раввина, все мужчины в их роду проходили брит-милу* и бар-мицву**, все читали Тору и соблюдали шабес***.

— Мама, я вышла замуж за Фишеля и не хочу, чтоб вы его обсуждали и порочили.

— Ох, таки радость великая, замуж за Фишеля вышла, а чему радоваться-то, он тебе в отцы годится, это раз, сына твоего в дом не пустил, это два.

— Ой, мама, что ж вы мне рану ковыряете, вы ж знаете, почему Фишель не хочет, чтоб Додик жил с нами, — у него дети в гетто погибли, все трое, и мать его, и бабушка, и сестры с племянниками, почти все родственники погибли. Ему больно видеть в своем доме живых детей. Еврейских тем более.

— Ему вообще больно видеть евреев, и мертвых, и живых.

— Да, да, после всего, что случилось, он считает, что еврей должен сидеть тише воды ниже травы, никому в глаза не лезть. И я с ним во всем со-

* Брит-мила — обрезание, древнейший ритуал иудаизма (иврит).

** Бар-мицва — обряд, знаменующий вступление еврейского мальчика в совершеннолетие, тринадцать лет (иврит).

*** Суббота (идиш).

гласна. Не надо Додику без конца напоминать, что он еврей, не надо, мама, прошу и умоляю вас, пожалуйста. Пусть растет, как все советские дети.

Бамара ничего не ответила, только судорожно вздохнула.

Разговор этот подслушала и слово в слово передала ему Ривушка, она была старше и одна из всех детей хорошо понимала идиш, даже говорить умела.

Додик был ошеломлен, может быть, с этого момента всерьез началась его раздвоенность — он пионер, как все советские дети, он еврей, как все его родственники. Так кто же он?

Басена тогда отругала Ривушку:

— Ну, для чего ты рассказала это все Додику? Видишь, как он переживает. Он еще маленький, чтобы самому решать такие серьезные вещи. И знать ему это не надо, вырастет — сам все поймет.

Додик видел, что Басена очень расстроилась, да и он был сам не свой.

А Ривушка, глядя на них, хохотала, всплескивая руками.

— А вот и не маленький. Тринадцатилетний — совершеннолетний, мужчина по еврейским законам. Совершенно летний, совершенно зимний...

И не могла остановиться — такой веселой показалась ей вся эта история и шутка, которую придумала. Или просто ей было весело, независимо ни от чего.

— Ой, не могу, — вскрикивала, обессиленная смехом. — Ой, не могу. Умереть и не встать. Тетя Хася замуж вышла за деда Фишеля, а он ей дядей приходится. Кровосмешение, как у праотца нашего Авраама с Сарой, ой, не могу! Этот Фишель Трахман такой старый, зачем ей свою кровь с его смешивать? Ой, не могу! Зачем, спрашивается?

— Замолчи, пожалуйста. Ну что ты такое говоришь при ребенке. Авраам и Сара были двоюродными братом и сестрой. А Фишель тете Хасе не родной дядя, она не его племянница, а его первой жены тети Наны, которая умерла совсем молодая, никакого кровосмешения, глупости несешь, а зачем — не знаю. Тетя Хася пожалела дядю Фишеля за все, что он пережил. Она добрая и мудрая.

Ее глаза потемнели от огорчения, из васильковых сделались темно-синими и суровыми, как море перед штормом.

В эти минуты Додик любил Басену.

Но смех Ривушки звенел в ушах радостно, заливчато. Неважным делалось то, над чем она смеется, важно — как. И ее полные влажные припухшие губы, растянутые в улыбке, и белоснежные зубки, и розовый язычок, гуляющий между ними, — сводили его с ума. Ах, он был влюблен в нее безмерно, без всякой надежды на взаимность. Он готов был умереть ради

нее, за нее, во имя нее. Мысль об этом вызывала сладостную истому, дремотную, тягучую, обычно с этим он засыпал.

И видел во сне Басену, только ее, никогда Ривушку. И любил ее почти по-взрослому, переживая то, что еще никогда не происходило с ним наяву. Рассказать об этом он не отваживался никому — ни Ривушке, ни Басене, ни Бамаре, ни маме Хасе тем более. Тетя Иза все понимала, он видел это по ее взгляду, внимательному и чуточку насмешливому.

— Не переживай так, сынок, ничего страшного,— сказала она, застав его как-то в глубине старого сада под дикой грушей в страшном смятении, со слезами на глазах. — Просто ты взрослеешь, готовишься стать мужчиной, а девочки — твои сестры, это не любовь.

— А Авраам и Сара? — попытался он возразить по-взрослому, хотя ничего не знал и мало что понимал.

— Ах, когда это было, — отмахнулась тетя Иза. — Не повторяй ни за кем глупости. Все придет в свой час, сынок. Увидишь и вспомнишь мои слова.

Позже он часто вспоминал ее. А тогда, благодарный, ткнулся в нее мокрым лицом, она прижала к себе его голову, он затих на время, утопая в мягком теплом ее теле, источающем сквозь платье и фартук тонкий сладковатый незнакомый запах, сделалось томно, дремотно, он подумал, что тетя Иза во всем права — ни при чем тут Ривушка, и Басена ни при чем. Кажется, он тогда заснул, успокоенный.

Точку в этой истории поставила смерть Басены. Детское наваждение кончилось.

Ни мама Хася, ни Фишель не хоронили Басену, он не мог видеть мертвых детей, и мама осталась с ним. В этот день Додик потерял не только Басену, но и Ривушку, навсегда вычеркнул ее из своей жизни. Взросление в кругу семьи было нелегким.

И все же к своим он относился иначе, снисходительнее, что ли.

Да, конечно, они были разные, порой невыносимые. На свой характер, крутой, нетерпимый, Додик бы ни с кем не общался, если бы не Любаня. Она к каждому нашла ключик, жалела, помогала, чем могла, и слушала, слушала, давая душу облегчить.

— Все же свои, родные по крови, — говорила она, укоряя его за холодность, бескомпромиссность и безучастность.

— Конечно, конечно, родные по крови, — вторил он, пристыженный именно этими ее словами: не ей ведь, а ему по крови родные.

И он старался, как мог, перебороть свой эгоизм и принимать посильное участие в жизни родни, впрочем, удавалось это ему без особого успеха.

А к остальным евреям за забором Додик приглядывался с дотошным любопытством исследователя и одновременно с неприязнью, которую с трудом мог объяснить себе самому. А объяснение было проще простого — он не хотел быть похожим на них, не хотел, чтобы его с ними идентифицировали. С их картавостью, суетливостью и настороженностью, с их неизменным традиционным укладом жизни, с шумными обильными застольями, с их идишем вперемешку с украинским и русским, не язык, а суп-солянка с непременными добавками всего, что оказалось под рукой.

И главное, самое главное — с их извечной обреченностью на гонения, скитания, истребление, с затаенной в глубине их глаз неизбывной печалью, даже когда они веселятся, с отчаянной удалью, всегда — как в последний раз. Этот черный омут печали и скорби неудержимо манил его и отторгал одновременно, хотелось утонуть в этой непроницаемой черноте, чтобы навсегда избавиться от затаившегося внутри страха, изначального, от рождения или задолго до того.

"Смесь армяшки с гуталином" — ну что тут особенного? А "жид, жид, жид по веревочке бежит..."? Обычные детские глупости. Тогда откуда безотчетный страх и отделенность, отверженность, пробудившие в нем бессознательное поначалу желание оторваться от них, чтобы не быть вечно преследуемым?

Они, конечно, выжили, вот они здесь, рядом, только оглянись. И этот неоспоримый факт порождал в его душе непрошенную гордость за них. Он топил ее в привычном неприятии и отстраненности. Но тщетно.

Со временем все изменилось, он и не заметил, когда началась эта внутренняя перестройка. Собственно, никакой перестройки не было, просто все стало на свои места. Ему словно сделали операцию по пересадке всех жизненно важных органов и, пройдя все реабилитационные периоды, все рецидивы и осложнения, он будто родился заново. Лучше поздно, как говорится, чем никогда.

Поэтому когда Любаня сказала: "Надо ехать!" — он не почувствовал никакого внутреннего сопротивления, никакого противоречия — покинуть родной город навсегда, смешавшись с толпой евреев, извечных странников.

Долгие годы он заглушал голос, который не давал ему покоя ни днем, ни ночью, преследовал повсюду, отравлял каждую минуту жизни. Это был внутренний голос, его никто не мог услышать, даже он сам, не голос даже,

а некая живая сущность, плывущая по жилам, как по протокам реки, заполняя все самые мелкие ответвления. Она то гулко пульсировала в нем, вызывая тахикардию и необъяснимую тревогу, не имеющую ничего общего с текущим моментом повседневности; то билась, как птица с обломанным крылом, и он нервничал, раздражался, куда-то рвался, совершал необдуманные поступки, ночами бродил неуверенной походкой по улицам города, как лунатик по краю крыши, будто искал то, без чего завтрашний день может не настать; то ровным тягучим плачем едва слышно напоминала о чем-то давнем, не с ним происшедшем, жизненно важном, о чем он не имел права забыть. Короче сказать — этот голос не давал ему ни на миг забыть о том, что он еврей.

Ни на миг. Как он ни старался.

Его задевало все, что о них говорили, — с официальных трибун или с подножки трамвая, на Привозе или в фойе кинозала. Ему хотелось набить морду обидчику и одновременно ударить оскорбленного за то, что позволяет так с собой обращаться. Он будто дрался на ринге с самим собой и едва успевал уворачиваться и наносить удары.

Потому и не отходил далеко от забора, не бежал прочь, сломя голову. Попробовал поначалу, но повсюду натыкался на этот забор, много шишек набил. И остановился — вдруг резко расхотелось бегать. И тут же столкнулся со взглядом оттуда, с той стороны.

Знакомый взгляд печальных, настороженных, встревоженных глаз, они плыли за ним повсюду, как два воздушных шарика на невидимых нитях, ни на миг не оставляя его без присмотра. Это были глаза Бамары, Басены, матери, Фишеля, его убитых детей, всех прапрапрадедов и прапрапрабабок, прародителей Авраама и Сары, царя Давида, и еще множество глаз, вместивших всю муку, боль, страдание, надежду, достоинство и непоколебимую веру. Он отвернулся в последней попытке уйти, но не смог, потому что это были и его глаза.

Вот тогда он, Дод Перль, всю жизнь простоявший по другую сторону забора, с облегчением шагнул внутрь.

Наконец, закончились его метания длиною в долгую жизнь.

Теперь он отпустил бороду и хотел, чтобы его называли Давид, на Дод, Додик и Рид не откликался, старые одесские приятели не на шутку обижались, крутили пальцем у виска — мол, не в себе совсем старик, мишигене.

А вот и нет — не сумасшедший вовсе, совсем даже наоборот — нормальный, как и полагается в его возрасте, вдумчивый, неспешный, немно-

гословный, устремивший взор куда-то даже не внутрь себя, а как бы сквозь, куда-то дальше, глубже, где на самом дне колодца вечности лежит то, ради чего он пришел в этот мир. Разгадка, как ему казалось, приближалась, как неизбежно приближалась развязка — исход из этой жизни. Его единоличный исход.

Он много читал, знал о царе Давиде почти все... Иногда во сне пел псалмы на мотив, который являлся ему ночами, и тогда ему казалось, что он уже почти постиг смысл своей жизни. Пробуждение было тягостным — он что-то искал, прислушивался, ни с кем не разговаривал, даже с Любаней. Ее встревоженный взгляд нагонял на него тоску, а она во всем винила себя — не надо было тащить его в Америку. Умереть можно было дома, даже лучше — дома.

Почему-то Любаня думала, что Додик скоро умрет, носила в себе это предчувствие, прятала подальше от себя самой, но время от времени чувствовала в желудке жжение, боль и какое-то неприятное тяжелое перекатывание, будто камень в себе носила, и он все рос, рос. А она все молила Бога: "Прости ему все его прегрешения, и он будет спасен, отвороти от него все беды, болезни, страдания, и он будет жить долго и счастливо, вознося молитвы Тебе и благодарение". Все слова сама придумала и все за него просила, за Додика.

Пока не поставили ей диагноз, как приговор, который пересмотру и обжалованию не подлежит. Любаня сперва даже не испугалась, только удивилась, потом долго не могла поверить, смириться, но камень давил так тяжко и ворочался беспрерывно, как ребеночек, готовый к рождению. Наверное, так, не послал ей Господь эту радость, не знает она этого и не узнает никогда, а свою судьбу — не сбросить, не избыть. Видно, так предопределено. И она должна с этим совладать.

И постараться подготовить Додика, настроить его на жизнь, внушить, что она всегда будет рядом, всегда, что бы с ним ни происходило. Но как внушить закоренелому советскому атеисту, хоть и бывшему бунтарю и стиляге то, во что он категорически не верил. Так думала бедная Любаня, не подозревая даже, какие перемены произошли с ее Додиком, с ее мальчиком, себялюбцем и баловнем. Внешне — да, заметила, конечно, кто как не она угадывала всегда его настроение, все повороты и перепады. А вот поди ж ты — главное пропустила.

— Не зови меня Додик, прошу тебя, — настойчиво повторял он последнее время, просительно заглядывая ей в глаза. — Пожалуйста, Любаня.

Так бывало, когда о чем-то очень важном просил, редко случалось, она обычно сама все угадывала. А тут такой прокол случился.

Посмеялась даже над ним:

— Может, мне тебя не просто Давидом, а еще и по батюшке звать, и на вы. А что — самое время, всего-то полвека вместе прожили. В самый раз на вы перейти.

И засмеялась, и руку протянула, чтоб поерошить непослушные волосы, Додик любил, когда она это делала. А он резко дернулся в сторону, качнулся, чуть не упал. И с горьким укором сказал:

— Ничего-то ты, Любаня, не поняла, — помолчал и добавил сокрушенно: — Вот какая у нас с тобой оказия вышла.

И больше они почти не разговаривали. Так, по бытовым мелочам, о погоде в Нью-Йорке и в Одессе, о ценах в магазинах, о свадьбах, рождениях и смертях среди родных и знакомых здесь и там. Да и говорила больше Любаня обо всем, кроме своей болезни. Додик чаще молчал, не вступал в спор с ней по любому поводу, как бывало раньше, а она хоть и делала вид, что сердится, даже обижалась почти всерьез — на самом деле любила эти живые беседы, временами похожие на ссоры, но лишь похожие. Без них было скучно, она готова была часами слушать Додика, это не мешало никакому занятию, даже засыпала она под его голос лучше, чем со снотворным.

Вот такая вышла оказия.

Когда она лежала в больнице, мучительно доживая последние дни, Додик всегда был рядом, держал ее руку в своих ладонях, перебирал тонкие ломкие безжизненные пальцы и молчал. Она понимала — сказать ему нечего, ни утешить, ни обнадежить, ни помечтать, разве что вспомнить, как все было, всякого, разного накопилось за пятьдесят лет супружеской жизни. Если день за днем вспоминать, может, жизнь возродится, хоть ненадолго.

В полусонном бреду ей мерещились одесские запахи, голоса, озорные, крикливые, родные, мелькали лица, лица, лица, как маски, и кружились тени, тени, тени, хоровод теней... Они окликали ее через десятилетия и расстояния, с другого берега другого моря, она то путалась в лицах, то узнавала, то не могла вспомнить, кто склонился над ней, чьи слезы капают на лицо, чьи руки бережно перестилают постель, гладят ее тело, отгоняют боль и страх, родные руки, теплые, с мягкими подушечками пальцев, с коротко остриженными розовыми ногтями и тремя маленькими родинками-пуговками на правой руке с тыльной стороны ладони, как раз посередине, между средним и безымянным пальцами...

Господи, Боже мой — мама, мамочка, родная, как могла она не узнать! Видно, совсем плоха. Она повернула лицо к Додику, хотела поделиться

радостью — к ней только что приходила мама... Но голоса не было, она попробовала мимикой и жестами, он не понял ее.

Они отдалялись друг от друга, их разводили по разные стороны от барьера, к которому она подошла почти вплотную: ее толкали в спину, подгоняя, — вперед, вперед, а его — руками в грудь, подальше вглубь, подальше — в жизнь.

И это правильно, она так хотела. Чтобы он жил. Пусть без нее, конечно, обидно, что без нее, но кто-то же должен быть первым, если нельзя вместе, взявшись за руки, сорваться с утеса в бездну в затяжном прыжке без парашютов и подстраховки — смертельный номер в чистом виде, без всяких уловок, без обмана.

Если вместе нельзя, значит, — она должна уйти первая.

Так первая ушла мама, доиграв свою роль до конца.

Лежа в онкоклинике перед операцией, ругала почем зря своего мужа Петюню, большого красивого мужчину, без ума влюбленного в нее, ругала за все — за то, что потратил невесть на что месячную зарплату, которую оставила ему на время нахождения в больнице, за то, что плачет всякий раз, как только заходит в палату, и шмыгает носом, как невоспитанный школяр младшеклассник, за то, что замуж за него пошла вопреки воле матушки, за то, что каждый раз приносит марокканские апельсины с косточками, а она их не ест, просит хурму королек-шоколад, а он не знает, что это. За все-все, в общем, вдохновенно ругала, может быть, самую малость переигрывая.

А после операции, отлежав в реанимации положенные три дня, стала готовиться к переходу в отделение, в общую палату, где у нее своя плацкарта у окна, как в вагоне поезда дальнего следования. Надела розовый легкомысленный нейлоновый халатик, с разрезиками по бокам, откуда вытарчивали ее желтые сморщенные, тонкие, как макаронины, ножки, нацепила на реденькие сизо-рыжие волосики то ли бантик, то ли фантик, и церемонно взяв под руку медсестричку Наташеньку, вышла в коридор, стреляя по сторонам глазами. Навстречу шаркал мужичок с ноготок, лысый, тощий, как скелет, с огромным пузом, каждый шаг сопровождался то всхлипом, то всхрапом с присвистом — полный кошмар. Умереть от слез.

Отвернувшись, она похлопала своей невесомой ладошкой Наташеньку по руке и сказала, как бы подытоживая долгие свои сомнения:

— Ну и что мне теперь, менять моего раскрасавца Петюнечку на це шило? Да никогда в жизни.

А жизни осталось всего два месяца, мучительной, тягостной.

Мучительными и тягостными были и последние два месяца жизни Любани. Она шла след в след за мамой. Только роль свою забыла, играла кое-как.

Лишь в самый последний день, когда к ней вдруг вернулся голос, так бывает перед смертью, только она об этом не подумала, обрадовалась чему-то и тихо позвала:

— Додик, Додик.

Он не отозвался, хоть и сидел вплотную к ее постели, то ли задремал, то ли задумался о чем-то своем, теперь это часто бывает. Она бы отдала несколько дней жизни, хоть еще до конца не рассталась с ней, измученная, покалеченная, что-то еще удерживало — отдала бы, чтоб узнать, о чем он думает вдали от нее? О чем?

А Давид думал о ней. Хотя "думал" — это не совсем точно. Он всем существом своим ощущал ее уход, она покидала его, ему было больно, будто с него живого сдирали кожу, каждый нерв воспаленно вибрировал, сопротивляясь этой боли. А она все нарастала и нарастала, поглощая его целиком. Он ничего не мог противопоставить ей, да и что он такое — песчинка, молекула, которой играет какая-то неведомая сила. И Любаня — такая же молекула, злой жребий выбрал ее.

"Почему? За что?" — спросил он вчера рабби в синагоге на Оушн-авеню, куда забрел от полного отчаяния. Тот посмотрел на него с сожалением, будто Давид не вполне в себе, что задает такие наивные вопросы, а узнав, что Любаня гойка, чуть не вытолкал его из синагоги — иди, иди, Давид, нечего тебе здесь делать, ступай.

На улице он чуть не сшиб с ног бывшего соседа-одессита Соломона Глухмана, который и сейчас жил неподалеку, ходил в лапсердаке, шляпе, с пейсами.

— Ну, как Любаня? — спросил участливо.

Давид не ответил.

— Пойдем в синагогу, помолимся вместе.

— Нет. Я там уже был.

Соломон понимающе покивал головой.

— Ладно, ладно, я сам буду молиться, Господь милосерден.

— Нет! — выкрикнул Давид и резко выбросил вперед руки, будто защищаясь от чего-то. — Нет, — повторил твердо. — Она умирает. В чем же Его милосердие? Объясни мне, — попросил, — пожалуйста, объясни.

Черные глаза Соломона Глухмана наполнились слезами сочувствия. Ничего не ответил он Давиду.

— Я буду молиться за Любаню, — повторил тихо и зашаркал прочь, ссутулив спину и низко опустив голову, будто в чем-то виноват перед Давидом и перед Любаней.

Давид шел в больницу, не замечая ничего вокруг, будто по пустыне — только песок и солнце, даже горизонта не видно за желтой песчаной дымкой. Он шел и шел, увязая в песке, в какую-то даль, неся туда свою последнюю надежду — может быть, там все не так безжалостно и необратимо.

— Давид! Давид! — окликнула его Любаня, и он возликовал, услышав ее голос.

Она заговорила — значит, будет жить. Ах, он тоже забыл, что такое случается перед смертью, но он не хотел, чтобы Любаня умирала, он не мог с этим смириться.

— Давид, родной мой, очнись, я умираю... Давид, я ухожу, — повторила тихо, уже издалека.

Давид — сказала на прощание Любаня, будто благословила его. Как Бамара когда-то в детстве...

Давид очнулся, в палате было светло и тихо, кровать, на которой лежала Любаня, была аккуратно застелена белой простыней. Он сидел на стуле, сложив руки на коленях, сцепив в замок побелевшие пальцы и, слегка раскачиваясь взад-вперед, что-то напевал себе под нос. Седые волосы дыбом торчали вокруг головы, взгляд был пустой, блуждающий — точь-в-точь безумный король Лир из трагической пьесы Шекспира. Но рядом не было Любани, оплакать его безумие было некому.

После смерти Любани Давид не хотел жить — ни здесь в Америке, на Оушн угол Кей, ни в Одессе на Чичерина угол Канатной. Нигде. И он не знал, что будет делать.

На седьмой день ночью он проснулся внезапно, будто кто-то позвал его. Не голосом позвал, а как-то иначе. Он долго лежал на спине, не мигая, глядел вверх, сквозь потолок в кромешную тьму космоса, и прислушивался к чему-то. Сначала тьму нарушали отблески света за окном, мечущиеся по потолку светящиеся тени от проезжающих мимо машин, мигающий отсвет фонаря на перекрестке, потом все куда-то исчезло, и его широко раскрытые глаза окунулись в плотную однородную черноту, будто ослеп внезапно, заломило в висках, веки дрогнули и тяжело опустились. Ему вдруг сделалось страшно, дрожь пробежала по телу от голых пяток до макушки, он почувствовал, как шевелятся волосы, постукивают зубы и все

внутри переворачивается от цепенящего ужаса. Он лежал, раздавленный страхом, презрением к своей слабости, оглушенный, расплющенный. Не было сил ни двигаться, ни дышать, ни думать о чем-то.

И вдруг зазвучала музыка, едва различимая, откуда-то издалека, она рождалась в нем и вливалась в него одновременно, и он узнал ее. Это была его музыка, он всю жизнь носил ее в себе, беззвучную и прекрасную. И вот, наконец, услышал. И запел. Слова и мелодия слились воедино, душа до краев переполнилась счастьем, какого ни разу в жизни не довелось пережить ему. Ни разу. Никогда.

Пальцы его перебирали струны, голос звучал уверенно, вдохновенно, взгляд устремился за горизонт, волосы развевались на ветру, а босые ноги увязали в мокром прибрежном песке...

Океан штормил, никто не отваживался бороться с волнами. Только он, Давид Шмулиевич Мутерперель, бывший стиляга и бабник, а после — добропорядочный семьянин, верный муж и друг своей жены Любани до самого ее гробового порога на чужбине, в далеком от родной Одессы нью-йоркском Бруклине, на углу Оушн-авеню и Кей, только он шагнул в рухнувшую на берег волну, пережив ни с чем не сравнимый восторг ужаса, как когда-то в раннем детстве, когда волна понесла его неудержимо — подкинула в небо, а оттуда низвергла в темные глубины, в толщу пучины морской.

Сделалось легко, спокойно — все, достиг предела. Прибыл, куда стремился, а что это — знать не положено. Плыви себе! Лети! — нет больше никаких проблем и заковыристых вопросов. Все решено, что было отпущено.

Нет неисполнимых желаний, несбывшихся надежд, никуда не надо ехать и возвращаться никуда не надо.

Сколько Давид проспал — не помнит. Проснулся, как очнулся от летаргии, долго не мог понять, где он, что с ним, будто из давно прошедшего или из далекого будущего вернулся в день сегодняшний, за окном — безоблачно, на душе — светло и покойно, мысли — ясные.

"Господь со мной, не устрашусь, Господь со мной". То ли сам произнес беззвучно, про себя, то ли кто-то подсказал ему, и будто разлетелась на мелкие осколки, песком осыпалась тяжелая каменная глыба, под которой лежал раздавленный, — ни продохнуть, ни кончиками пальцев рук-ног пошевельнуть, ни веки приподнять.

Легко встал с постели, впервые надел черный пиджак и шляпу, подаренные Любаней на последний его день рождения за полгода до ее смерти. Мимолетно взглянув в зеркало, с удивлением отметил, что волосы не

торчат дыбом, улеглись легкими волнами, и борода не топорщится, как развахренная половая щетка, и глаза не горят лихорадочным блеском. Все в нем успокоилось — и внешне, и внутри. И на улицу выйти не страшно.

"Шалом, Давид!" — окликали его с противоположного конца Брайтон-Бич, едва он появлялся на берегу с неизменным томиком псалмов Давида под мышкой. Вместе со шляпой рост его составлял один метр девяносто один сантиметр, как когда-то в прежней жизни, когда он был заметной фигурой в родном городе Одесса, где его знали все.

Сейчас его тоже все знают. Многие собираются здесь специально для того, чтобы послушать, как он поет псалмы Давида на музыку, которая рождается тут же, всякий раз заново. Дивная музыка, божественная. Давид поет вдохновенно, легкий атлантический бриз треплет его волосы и бороду, глаза устремляются в далекую даль, казавшуюся ранее недостижимой.

— Что там, Давид? Что? — иногда спрашивают его со страхом и надеждой, как когда-то давным-давно он сам спрашивал Бамару.

Он вглядывался до боли в глазах, потом зажмуривался, прикрывал ладонями веки, ища в темноте отпечаток того, чего взор не достиг.

— Не знаю, отсюда не видно, — отвечал честно. — Пелена все застит, поближе подойду, должно проясниться.

Так говорила ему Бамара, слово в слово. Он и возраста ее уже почти достиг, и все страхи оставили его, кроме одного — увидит ли он там Любаню. Только это волновало его, все остальное выстроилось.

Она часто приходила к нему по ночам, он не успевал разглядеть ее, изменилась ли она или все такая же, какой была на земле, только слышал ее голос: "Мы всегда будем вместе, Додик, не переживай, родной, — всегда, где бы мы ни были...".

"Додик", — улыбался в усы Давид. — Ну, пускай "Додик", пускай.

Главное — чтобы они всегда были вместе. Здесь он знает, как, здесь он не отпускает ее от себя ни днем, ни ночью — засыпая, чувствует ее теплую ладонь в своей руке, и просыпаясь, и тенью на песке лежит рядом с ним она, и нежным порывом ветра ласкает лицо, он то видит ее спину со сведенными, как у маленькой девочки, лопатками и угловатыми плечиками, то изящный поворот головы, то легкие, как крылья чайки, руки, взметнувшиеся над волной. Здесь она всегда рядом.

Главное — чтобы там никакая сила не разлучила их. Главное — там, по другую сторону надежды, куда отсюда никому заглянуть не удается.

Москва

Михаил ЛАНДЕР

Прощай, Батуми!

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...
А.С. Пушкин

Я любил приходить в этот порт, как в свой родной город.

Впервые я увидел Батуми до военного лихолетья. Там часто бывал в командировках мой отец, и на летние каникулы мать уезжала к нему, прихватив меня и сестренку. Отец жил на квартире у гречанки по имени Евтерпия. Интереснейшая семья, каких в Батуми, оказывается, было немало. Евтерпия была верующая католичка и исправно посещала церковь, а ее муж Самсон Пичхадзе носил кипу и посещал синагогу. Их двое детей — Жанна и Витя — вообще никакие молельные дома не посещали, но в доме все праздники двух религий исправно соблюдались. Еще Батуми мне очень напоминал Одессу своей многонациональной палитрой. Я многим обязан этому городу. И за то, что во время войны он приютил моих родителей, и что там я получил свое первое морское образование, что там я приобрел много прекрасных друзей и познакомился с удивительными людьми. Впервые я увидел Батуми, когда мне было 12 лет. Это было мое первое путешествие морем в город солнца, пальм и дождей. Горы овощей и фруктов на каждом углу, пряные запахи и незнакомая речь произвели на меня, мальчишку, огромное впечатление. Я быстро подружился с Жанной, моей однолеткой, и мы подолгу бродили по городу, где я осваивал улицу за улицей. Впервые я увидел цветущую магнолию и почувствовал ее колдующий запах. В Батуми нет ни одной улицы без магнолии. Жанна была прекрасным гидом и знатоком всех растений. Кроме всего, она прекрасно владела грузинским и греческим языками, была хорошо воспитана, не в пример мне.

За столом сидела прямо, красиво пользовалась ложкой и вилкой, никого не перебивала при разговоре и спрашивала разрешения встать из-за стола. Моя мать всегда незаметно толкала меня в бок и шипела: "Видишь? Учись!".

За столом перед едой Жанна закрывала ладошками лицо и что-то шептала. Евтерпия нигде не работала, но весь дом со всем хозяйством был на ней, и Жанна была первой помощницей. Когда мы утром возвращались с пляжа, нас ожидал на столе типичный грузинский завтрак — стакан мацони и горячий хачапури.

Самсон работал на "БэНэЗэ", как здесь сокращенно называли Батумский нефтезавод. Отец Евтерпии — Сергеев, русский дворянин, ранее владел несколькими домами отдыха в Кобулети — курортном пригороде Батуми, но после советизации Грузии дома отобрали, семья обнищала, и через несколько лет он умер. Вскоре умерла мать Евтерпии — красивая афинская гречанка. Обо всем этом мне рассказал мой отец, и о том, как Самсон влюбился в Евтерпию, как из-за нее покинул отчий дом. Самсон соответствовал своему античному тезке — был могучего телосложения, очень добрым, трудолюбивым и мастером на все руки. Своими руками построил добротный дом на несколько комнат вместо старой развалюхи. Отец познакомился и подружился с Самсоном на этом самом "БэНэЗэ". Каждый год, приезжая на летние каникулы в Батуми, я все более осваивался в этом чудесном городе, понемногу учился языку и не чувствовал себя чужаком. Особенно меня поражало обилие слова "салон" на вывесках — салон обуви, салон мебели, парикмахерский салон, салон модной одежды и другие многочисленные салоны, как салон цветов. Оказывается, под именем салон подразумевалось частное предприятие, артель. Уже повзрослев, я понял, что Грузия, как и страны Прибалтики, живут своей внутренней отдельной жизнью, и советские законы, идущие вразрез с многовековыми традициями и укладом, здесь попросту не работают. Вечерами в гости к чете Пичхадзе приходили знакомые, в основном, сверстники из старого общества отца Евтерпии. Однажды в дом пришел статный грузин в белой черкеске, с кинжалом в серебряном окладе и газырями. "Знакомьтесь, — сказала Евтерпия моим родителям, — князь Ираклий Асатиани". "Не Ираклий, а Иракли, с ударением на втором слоге (в грузинском языке буквы "Й" нет)", — сказал он с еле заметным акцентом. Я пропустил его титул мимо своих детских ушей — для меня что князь, что шах в те годы было все равно непонятно. С ним была очаровательная грузинка в национальной одежде и белой шелковой с кистями накидкой. "Это моя Русудана", — сказал князь, снимая с ее плеч расшитую бисером накидку. Самсон и Евтерпия накрыли в саду стол. Запах кофе перебил аромат магнолии. Уже будучи взрослым и повидав свет, такого вкусного густого ароматного кофе, как готовили в Батуми на горячем песке в специальных малюсеньких кофейниках — джезвах — я не пил нигде.

Утром, как обычно, мы бежали к морю. Купались всегда у старого разрушенного причала в центре набережной города. Когда-то, до революции, этот причал принадлежал местному яхт-клубу, который, как понятно, содержался имущими людьми. Но исчезли имущие люди со своими яхтами,

причал стал разрушаться, и когда я его увидел, это были отдельные торчавшие из воды ржавые металлические трубы. Когда построили набережную с пассажирским причалом, остатки старого так и остались как граница от грузового порта.

С этого причала мальчишки подплывали к борту пассажирских судов и ныряли за брошенными им монетами, складывая их за щекой. Жанна рассказала мне, что князь Асатиани богатый человек и большой меценат, имеет несколько ресторанов, а его жена Русудана — учительница грузинского языка и литературы, принадлежала к известному роду Чавчавадзе, на одной из женщин которого был женат Грибоедов. С детства князь был влюблен в Евтерпию, но она полюбила рыжего Самсона, сына состоятельного скотовода Пичхадзе. Братья Пичхадзе пользовались в Батуми всеобщим уважением за меценатство и внесли большие деньги на строительство оперного театра, но решение Самсона жениться на католичке встретили в штыки. Дело кончилось ссорой, и Самсон ушел к обедневшей Евтерпии. Тут им на помощь пришел Иракли. Так они и дружили. Все это я узнал частично от родителей, но большей частью от Жанны.

За год до войны я поступил в только что созданную одесскую военно-морскую спецшколу и вместо обычной поездки в Батуми у меня началась летняя практика.

Потом война. С потерей Крыма и Одессы флот перебазировался в Поти и Батуми.

В этот город я попал на несколько часов в декабре 1943 года, куда наш корабль зашел на пополнение водой и топливом. Был поздний дождливый вечер. У свай старого причала на якоре стоял дежурный корабль, перегородив вход в порт. Увидев меня, Евтерпия с грохотом выронила поднос с посудой. На шум выбежала моя мать и, охнув, присела на ступеньки. Я пробыл около часа. Моя сестренка мирно спала. Отец был на ночной смене, Жанна работала в госпитале. Самсон был где-то в десантной части. Через несколько часов, поморгав свои позывные дежурному кораблю, мы ушли на очередное задание. Следующее свидание с Батуми, длиною с полгода, состоялось в 1947 году. Я был направлен для сдачи экзаменов экстерном по программе мореходного училища, только что открытого на базе морского техникума. Поскольку экстернат предусматривал только морские дисциплины, мы — а нас было шестеро — были освобождены от многих общеобразовательных предметов. Учебный день для нас составлял 10-12 часов. Для отдыха и "проветривания мозгов" я посещал училищную библиотеку, где Русудана Давыдовна читала курс исто-

рии и литературы Грузии. Конечно, она меня не узнала. Ведь прошли годы, да и видела она меня всего лишь раз, мальчишкой. Лекции она читала увлекательно, как мастер художественного слова. От нее я узнал много интересного. Что из всех грузин самые настоящие — это картвелы, и поэтому грузинский язык по-грузински называется картули. Я научился грузинскому алфавиту и сумел читать все вывески. И еще я узнал, что в грузинском языке есть специфические гортанные звуки, по которым можно определить настоящего грузина. Этот звук нельзя написать по-русски — он звучит как "кхк", и между ними "гр". Есть специальная фраза. Русский перевод ее — "лягушка на воде кваквается (то есть квакает). По-грузински она звучит "бакхкакхкы цхалши кхкикхкинепс" — да простят меня грузины за мою транскрипцию. Даже этнические русские с многолетним проживанием в Грузии правильно произнести ее не могут. Както я напомнил Русудане Давыдовне о себе. "Так это вы? — произнесла она. — Никогда бы не узнала". Я спросил ее об Иракли. "Батоно (господин) Иракли очень занят и много работает, — ответила прохладно она. — И пожалуйста, не распространяйтесь, что я замужем за князем". Конечно, я навестил Пичхадзе. Самсон лишился половины левой ноги, но лихо водил свой трехколесный инвалидный мотоцикл — "фаэтон", работал попрежнему на "БэНэЗэ". Евтерпия очень постарела. Вообще, по моим наблюдениям, южные женщины быстро стареют. Жанна училась в Московском университете, а Витек готовился к поступлению в мореходное училище. Последний раз я видел их после выпускного вечера. После этого я не попадал в Батуми более пятнадцати лет.

Работая в Северном пароходстве, я изредка посещал Черное море, но это были Новороссийск, Одесса или Варна, но никак не Батуми. И только после возвращения в Черноморское пароходство я снова увидел Батуми. В летнее время многие пассажирские суда снимались с круизных загранрейсов для обслуживания Крымско-Кавказской линии. Билеты на эти круизы закупались централизованно профсоюзами и распределялись по всей стране. В эти рейсы приглашались для концертов лучшие эстрадные артисты. Обычно такие рейсы занимали неделю и были очень популярными. Изредка в Батуми был перестой — ночевка. И вот после длительной разлуки — первый заход. Солнце чуть-чуть вылезло из-за гор, и у подножия белой подковой открылся знакомый город. Только ошвартовались к блестящему от росы причалу, как от трапа позвонили — к вам капитан порта. На пороге каюты стоял Вахтанг Чхеидзе, бывший капитан танкера "Майкоп", а ныне капитан батумского порта.

Мы не виделись много лет. Когда-то он был у меня младшим помощником, и на его курчавую голову не налезала ни одна форменная фуражка. Сейчас Вахтанг был совершенно лысым. Где-то в Южной Атлантике он попал под радиоактивный дождь и прошелся с дозиметром по палубе, не доверяя приборам внутри рубки. Всем ничего, а он схватил дозу. Пришлось расстаться с морем. Теперь он был под наблюдением на химеотерапии и литре красного вина в день. А мне вспомнилась аналогичная история в той же Атлантике, когда у нас ночью завизжали от дозиметров сигналы тревоги, и мы, задраив наглухо все двери и иллюминаторы, включили систему смыва, пока приборы не замолчали. И еще сутки смывали весь пароход, и на палубу не выходили. Тогда для меня все обошлось.

...— Пошли откушать грузинский завтрак, — сказал Вахтанг, предугадав мое давнее желание, — здесь рядом с моей конторой приличное кафе.

Ах, какой это был давно забытый вкусный завтрак — густое мацони и горячее хачапури с яйцом. Это мы сделали традицией. Домика Пичхадзе я не нашел — на этом месте стоял пятиэтажный дом, и их след я потерял. Каждый приход в Батуми меня встречал Вахтанг, и мы отправлялись завтракать по-грузински. Двухэтажный домик конторы капитана порта с сигнальной вышкой стоял в конце пассажирского пирса у самой воды рядом с торчащими остатками старого причала. Я спросил Вахтанга, почему не расчищают это место. "Дело в том, — ответил он, — что это очень дорогостоящие работы. Когда делали этот причал, изготовили бетонные десятитонные блоки и в них вмуровали арматуру, потом подготовили дно и уложили туда эти блоки. Надо бы срезать эти трубы и массивы поднять, — но это подводные работы. В общем, пока торчат и никого не беспокоят. Вообще, некрасиво и для мальчишек опасно, уже колючей проволокой ограждали, и все бесполезно. В следующий твой приход поедем в горы, в ресторан "Горный аул", тебе понравится, только оденься потеплее".

Следующий рейс выпал с ночевкой в Батуми. Старенький, видавший виды "Москвич", петляя между гор в сторону турецкой границы, через час доставил нас в "Горный аул" на обрыве у реки Чорох. Грубо сколоченные столы из тесаных досок и такие же скамейки. На столах толстенные огромные свечи в чугунных плошках. Все столы отделены ширмами, но под одной общей крышей. Кувшины с вином стояли в огромной цементной ванне, через которую струилась горная холодная вода. На цепях висели огромные куски копченого мяса. Как поведал мне по дороге Вахтанг, это ресторан для "макушки" города — партийных боссов, крупных дельцов и влиятельных гостей. Все здесь "батоно". Женщин тут не бы-

вает. Оркестр из нескольких национальных инструментов, двое певцов — они же и танцоры. Здесь я впервые увидел знаменитый танец "кинтоури". Вахтанг что-то шепнул стоявшему у входа мужчине в национальной аджарской одежде с башлыком, и нас провели к столу. "Сейчас придет хозяин, — сказал Вахтанг, — всех новых гостей он встречает сам". И вот к нам подходит постаревший, поседевший с лихо закрученными усами, в белой черкеске с кинжалом князь Иракли Асатиани. Он поздоровался, и не узнав меня, пожал мне руку. Я, обалдев, лишился слов. "Вам нехорошо? Вы первый раз в горах? — спросил князь. — Сейчас подадут холодное вино — и все пройдет". "Нет, мне очень хорошо, — ответил я, — ведь я вас знаю с детских лет". И я напомнил ему о нашей встрече. Теперь обалдел он. От него я узнал, что Евтерпия и Самсон ушли из жизни два года назад с разницей в одну неделю. Жанна живет где-то за границей, а Виктор на Дальнем Востоке. Наш ужин со многими витиеватыми тостами закончился грандиозной пьянкой. Денег, конечно, с нас не взяли. Поздно ночью я вернулся на пароход. Князь отвез нас лично на своей машине, только за рулем сидел аджарец.

В следующий приход в Батуми меня встречал Вахтанг с князем. Мы поехали на кладбище навестить могилу Пичхадзе. Памятник, который им поставил князь, меня поразил. Две половинки черного и белого мрамора, соединенных в единый прямоугольник. На белой половине позолоченный крест и имя, на черной половине звезда Давида и имя. А под этим на весь памятник одна фамилия — Пичхадзе. На обратном пути мы молча зашли в какой-то духан помянуть Евтерпию и Самсона. Когда мы вошли, все сидящие там встали — князя знали все. Я в шутку предложил на месте старого причала построить ресторан-"поплавок", наподобие сухумского. Но князь принял идею всерьез и сказал, что если Вахтанг договорится с портом, то построит. Через несколько рейсов я наблюдал, как слово превращается в дело. На открытии ресторана я не был, но, как рассказывал мне Вахтанг, была вся "макушка" бесплатно. Князь назвал его "Сазгвао" (по-грузински — "Морской"). Все тридцать четырехместных столиков были прибиты к палубе. Навес из оранжевого брезента надежно защищал от батумских дождей. Удобно расположенный, он быстро завоевал симпатии всех моряков, посещавших Батуми. Здесь можно было встретить и греков, и мексиканцев, и чопорных скандинавов. Какой-то шутник поставил у входа мачту от старой яхты, и на ней вместо флага развевалась продетая через рукава полосатая морская тельняшка.

Прошло несколько лет, я очень редко бывал в Батуми. Вахтанг уже не работал — у него быстро развивалась лейкемия. Но когда он меня встречал, мы по-прежнему шли традиционно завтракать. Князя я больше не видел. Однажды меня встретил Вахтанг и вместо завтрака молча повел в "Морской". На входе висела цепь с замком. У двери стоял стол, а над ним — портрет князя с черной лентой, на столе несколько кувшинов с вином, лепешки лаваша и нарезанные ломтики грузинского сыра сулугуни. "Помянем Ираклия, — сказал Вахтанг. — Батоно был настоящим человеком". Мы молча выпили. А еще через рейс не стало и Вахтанга.

Больше в Батуми я не попадал.

Пришла новая эпоха. Развалился Союз. Украина лишилась одного из крупнейших в мире Черноморского пароходства, исчезла знаменитая Крымско-Кавказская морская линия, связь с портами распалась. Откол Грузии опустошил кавказское побережье. Братская автономная Абхазия, пережив войну за независимость, разорилась, многие курорты разграблены и закрыты. Сухумские гостиницы зияют выбитыми окнами, разбита Пицунда. Знаменитый Новоафонский монастырь лишился купола, исчезли черные лебеди из монастырского пруда. Недавно я посетил Сочи. Порт пустует. Попасть в Батуми можно только через Тбилиси или Стамбул. Живописная железная дорога вдоль моря, соединявшая Сочи и Сухуми, заросла бурьяном, а у мыса Гантиади стоит военный грузинский корабль и охраняет опустевшее побережье Грузии. От кого?

Моя мечта вновь посетить Батуми осталось мечтой. Да и вряд ли уже исполнится.

Майями — Сочи — Майями



Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ

По ту сторону Земли

Экспедиции по бездорожью, в которых мне довелось побывать с Михаилом Анатольевичем Абызовым и Анатолием Борисовичем Чубайсом, всегда отличались сложностью маршрута и слаженностью команды. Крепкий коллектив под руководством бессменного спортивного руководителя Александра Давыдова штурмовал горы, пустыни и байкальский лед. Притом, что экзотика всегда была важной составляющей наших экспедиций, основной целью оставалось преодоление: себя, дороги, техники. Джипы, квадроциклы и "Багги" становились родными, почти одушевленными. Естественно, к каждому потенциальному члену команды предъявлялись вполне серьезные спортивные требования. Помимо уникальных спортсменов из группы Давыдова, многие из которых — чемпионы Европы, мира и России по экстремальным видам спорта, завидной спортивной подготовкой обладают и Миша Абызов, и его жена Катя, а их сын Даня просто вырос в походах и экспедициях. Сын Чубайса Алексей выбрал организацию экстремальных путешествий своей основной профессией. Именно от него я регулярно получаю полезные уроки управления снегоходом, квадом или гидроциклом. Да и сам Анатолий Борисович показывает мастерство владения разнообразной техникой, причем на неизменно высоких скоростях.

В экспедиции "Транс-Инко" в нашей компании появилось сразу много новых людей: Александр Волошин и его супруга Галина, Татьяна и Валентин Юмашевы, дочь Валентина Борисовича Полина, она же жена Олега Дерипаско, Леня Казинец, который в свободное от экстрима время руководит одной из крупнейших строительных фирм Москвы, бизнесмены Василий Сидоров и Дмитрий Разумов. Из "завсегдатаев" нельзя не упомянуть Бориса Вайнзихера — одного из лучших российских энергетиков, который теперь еще и артист нашего театра*, поскольку в очередь с Сашей Гордоном играет в спектакле Гришковца "Дом".

Маршрут Перу — Боливия — Чили грозился превратить экспедицию в традиционную туристскую поездку, когда группу людей с фотоаппаратами высаживают из автобуса у подножия какой-либо достопримечательности и через двадцать минут так же организованно увозят.

К счастью, всем этим людям, которые объездили полмира и чего только не повидали, присущ не просто здоровый спортивный азарт. Многие из них обладают выдающимися достижениями в разных видах спорта. Леня

* Московский театр "Школа современной пьесы"

Казинец, например, рекордсмен мира в групповых прыжках с парашютом. Татьяна Юмашева — чемпионка Москвы по волейболу. А Александр Стальевич Волошин прошел за свою карьеру столько крутых политических виражей, что крутой маршрут "Транс-Инко" покорился ему без труда. Кстати, в этой поездке собрались три бывших главы Администрации Президента — Чубайс, Юмашев и Волошин.

О людях надо писать отдельную повесть. В эти заметки хотелось бы вместить как можно больше разнообразных впечатлений, привезенных из Южной Америки.

Перелет

Это первая экспедиция, когда все участники добирались из Москвы до места встречи порознь. Я не осознал этого: как обычно, ждал, когда позвонят и сообщат, в какое именно Внуково и к которому часу прибыть с вещами. Никто не звонил, а когда я спросил у Саши Давыдова, тот сослался на первую строку в описании маршрута, выданного членам команды задолго до отъезда: "Сбор участников группы в Лиме (Перу)". Хорошо, что это географическое открытие я сделал за несколько дней до вылета и успел купить билет.

Почти все рейсы в Южную Америку из Европы летят через Мадрид. Я разглядел в этом не столько техническую необходимость, сколько дань исторической традиции, и почувствовал себя немножко конкистадором, отправляющимся на завоевание новых земель. В Испании раньше бывать не приходилось, но то, что я увидел из иллюминатора, абсолютно совпадало с моими представлениями об этой стране. Когда начали снижение над Мадридом, под крылом самолета о чем-то запели горы и выжженные солнцем поля. Казалось, что вот-вот появятся Дон Кихот на Росинанте и Санчо на своем осле. Ничего такого не появилось, и в современном мадридском аэропорту мы пересели на рейс в Лиму. Перелет занял двенадцать с половиной часов. Самолет — огромный железный ящик. До сих пор не укладывается в голове, как такие ящики держатся в воздухе. Зачем-то начал подсчитывать, сколько пассажиров на борту: зашкаливало за четыреста. Пересекали Атлантику, я смотрел в иллюминатор и никак не мог увидеть землю. Далеко-далеко внизу — облака, а еще ниже, где обычно просвечивает земля, — сплошная небесная синь, как будто мы летим вверх ногами. Только это не голубое небо, а голубой океан. По моему ощущению, его должны были бороздить караваны судов, но никаких черных то-

чек на водно-небесной глади я не заметил. Может быть, потому что летели очень высоко.

Лима

Прибыли в Лиму ночью. Ждал острых ощущений и внезапного осознания того факта, что нахожусь по ту сторону Земли. Ничего подобного не произошло. Аэропорт, дороги, дома, деревья, горы совсем не производят впечатления находящихся в другом полушарии. Троллейбусы ходят, совсем как московские. Люди другие, основной типаж все-таки индейский, но это замечаешь не сразу. Нас отвезли в гостиницу, потом на ужин. Ресторан оказался у подножия пирамиды, которую, как выяснилось, построили две тысячи лет тому назад. Несмотря на то, что это местная достопримечательность, о чем говорит обилие табличек вокруг, никто толком не мог объяснить, откуда и зачем здесь это странное сооружение. Строители пирамиды, в отличие от древних египтян, явно не собирались поразить воображение потомков — такая простенькая пирамида пролетариата, сложенная из булыжников, не слишком высокая, да и кладка неровная. Хотя, наверное, прочная.

Попробовали местную виноградную водку — писко. Очень понравилась. Вкуснее чачи, граппы и других европейских аналогов. Не зря европейцы везли сюда через океан виноградную лозу.

Проснулся рано, только начинало светать. Открыл штору и не мог оторваться от окна, за которым распростерся Тихий и недвижный океан. И тут меня, что называется, прошибло: я почувствовал, что нахожусь очень далеко от дома, и сейчас начнется то самое невиданное и необычное, за чем мы сюда забрались.

Трансамерикан

Выехали из Лимы и поехали по шоссе, которое пересекает большинство стран Южной Америки. Называется оно Трансамерикан, и это первая асфальтированная дорога, связавшая два побережья материка. Где-то я читал, что строительству этой магистрали придавалось такое значение, что первый камень закладывали президенты трех государств — Бразилии, Боливии и Перу. Бразилия в нашем маршруте не значится, а жаль. Хотя эта страна настолько велика, что, наверно, требует отдельной экспедиции. Мы же едем вдоль океана из Перу в сторону Боливии. Дорога красивая: слева — каменистая пустыня с высокими дюнами, справа — океан.

Остров Балиестас

День был насыщенным — много картинок, много событий. Часов пять двигались вдоль океана на джипах, остановились на берегу. На быстроходных катерах помчались в сторону острова Балиестас, где проводники обещали показать океаническую фауну. Это небольшое скопление скал называют еще "Галапагосы для бедных". Чем ближе мы подплывали, тем яснее становилась какая-то нереальная по наполненности животным миром картина. Тучи, огромные стаи разнообразных птиц гнездятся на скалах самой причудливой архитектуры. Как может ветер, волны, землетрясения, как может природа сотворить такие удивительные формы с полукруглыми выемками, крошечными бухточками, рельефными берегами и бережками? Но главное — это не декорация, а действующие лица: пеликаны, пингвинчики, какие-то совсем незнакомые птицы, морские львы и котики, "молчаливые рыбы и те, кого нельзя видеть глазом...". Их тьмы, и тьмы, и тьмы. Людей они встречают человеческими эмоциями: хлопают ластами-ладошами, кричат что-то приветственное, демонстрируют, как можно грациозно уходить под воду и выпрыгивать у самого борта, подныривают под катер и оплывают вокруг, оставляя за собой белую пенящуюся дорожку. Оторваться от всего этого совершенно невозможно, какой-то космический зоопарк! Не верится, что в дикой природе может существовать такое организованное сообщество птиц и водоплавающих тварей, кто-то должен был собрать их вместе, посадить в такую выразительную мизансцену, дрессировать. В один момент из огромного углубления в скалах, гигантского грота вышли сотни ластоногих. Катер стоял метрах в пяти от берега, и эти котики и морские львы то ли в марше приветствия, то ли в марше протеста против нашего вторжения надвигались, как войско. Не хотелось бы в этот момент оказаться на берегу.

Снял куртку, потому что было довольно жарко, и какая-то большая птица тут же сделала сверху свое дело. Мне сказали, что это к счастью.

Живопись на песке

Вернувшись на берег, мы снова повели джипы вдоль океана. Через какое-то время пообедали в придорожной забегаловке. Там был шведский стол. Шведский стол в Южной Америке. Я не удержался и взял незнакомый перчик со знакомой рыбкой. С рыбкой все было нормально и вкусно, а вот от перчика в голове произошел атомный взрыв. Я стал задыхаться,

искать воду. Дальше вся еда превратилась в попытку избавиться от остроты этого перчика.

Въехали в легендарную пустыню Наска, где обнаружился маленький аэродромчик. Самолетики, служащие. Нам дали подписать какие-то бумаги: нужно было указать свой вес и согласиться с тем, что никто за наши жизни не отвечает.

Летели больше часа вглубь пустыни, чтобы увидеть знаменитые рисунки, о которых каждый что-то слышал. Происхождение их необъяснимо. В песок врыты камни метра полтора-два высотой, и если смотреть с самолета, они складываются в гигантские изображения. Первый из шедевров пустынной живописи — так называемый "канделябр", — мы рассмотрели с моря, подплывая к острову. Четко очерченные контуры большого подсвечника, напоминающего менору. Хотя древние инки вряд ли знали, что такое менора. "Собака" — животное на четырех лапах и с хвостом, "космонавт" — человек, как будто в шлеме и как будто в скафандре. Это "как будто" мешает впечатлению непознанного и неразгаданного, несмотря на то, что именно "космонавт" рассматривается как доказательство нашей связи с инопланетянами.

Когда возвращались к аэродрому, обратил внимание на следы наших джипов на песке. Если не знать, кто здесь проходил, тоже довольно инопланетная картина получается. Я — человек сомневающийся, мой девиз — "не верю". Наши фантазии по поводу того, как можно объяснить возникновение, движение и перспективы жизни на этой земле, — все-таки не более чем фантазии, домыслы трактующих. Мы способны узнать, воспринять и объяснить лишь то общее, что нас объединяет. Ну, может быть, с мелкими национальными особенностями и различиями. Вот женщина-дворник подметает мостовую в Перу, точно как таджик-гастарбайтер возле станции Жаворонки Московской области. Только метла из пальмовых листьев. К женщине подходит мужчина с прозрачным пластиковым мешочком в руке. Они рассматривают свертки с перуанской едой, переговариваются на своем перуанском испанском, и сейчас пойдут домой ужинать. Оказавшись на противоположной стороне Земли, видишь такую же ясную, несовершенную и прекрасную человеческую жизнь.

Пустыня Наска

Пустыня — место, которое предъявляет планету в первозданном виде. Я видел большое количество пустынных мест в Узбекистане, Монголии,

был в Сахаре. Пустыня Наска совсем другая. Песок крепкий, плотный. Дюны высокие, обрывистые, непоросшие.

Температура все время повышалась. Вначале за двадцать, потом за тридцать, потом за сорок. Включил в джипе кондиционер. "Холодный" воздух давал градусов тридцать пять в кабине. На очередной остановке меня догнал на мотоцикле Леша Чубайс, абсолютно красный и мокрый: "Кондиционер работает?" — "Работает, но плохо". — "Можно я чуть-чуть отдышусь?". Леша сел: "О! У вас замечательно холодно!". Я спросил, долго ли нам еще ехать, имея в виду сегодняшний маршрут. Леша ответил, что ехать еще где-то недельки две. Экспедиция только начинается, а уже столько событий, видов и ландшафтов!

Ближе к концу дня вышли на берег океана, преодолев несколько очень крутых спусков в дюнах. Поскольку я родился и вырос в Одессе, для меня любой берег — пляж. Сразу бросаюсь в воду. Вода оказалась очень холодной, градусов тринадцать. Это, конечно же, особое ощущение — войти в Тихий океан и выйти из него в пустыню Наска. Войти в Тихий океан и вспомнить, как заходил в эту же воду с другой стороны Земли во Владивостоке.

Наступила ночь, воздух стал охлаждаться, а песок продолжал держать тепло, то есть палатка оказалась с "теплым полом".

На следующий день шли больше двенадцати часов с короткой остановкой на обед. Не устаю восхищаться. Краски, которые невозможно воспроизвести в искусстве живописи и тем более описать их словами. В обычной жизни, когда говорят "песок", понятно, что он белый или желтый, или серый. А здесь до горизонта переливы от красного до зеленого, от розового до голубого. Бесконечные пески пустыни, накаленные бесконечным солнцем.

Сильнейший ветер при жуткой жаре. Когда едешь в машине, песок и ветер создают полное ощущение ливня, только ливня из песка. Я помню какие-то легенды про красный дождь. Теперь понимаю, что это такое: если в пустыне красный песок, то ветер способен согнать мелкие песчинки в грозовое облако и обрушить его на землю красным дождевым потоком. На стекла, как из огромного ковша экскаватора, сыплется песок. Он проникает всюду — внутрь машины, в герметичную сумку, во все карманы, за шиворот...

На краю пустыни попадали в небольшие деревеньки, которые производят жутковатое впечатление. Чудовищная бедность и разруха. Какие-то собаки, одинокий ослик... Кажется, что он пасется здесь всегда. К ночи остановились в небольшой гостинице, по своему виду напоминавшей испан-

ский постоялый двор из Сервантеса. На джипах мы пришли часа на два позже мотоциклистов, чьи вещи ехали в наших машинах. Первым делом все кинулись вытряхивать одежду и смывать с себя под душем следы пустыни. Переодеться не во что, единственное, что можно было надеть, — потрепанный махровый халат, выданный каждому постояльцу. Подъехали. Нас встретила группа людей в белых халатах.

Плато Альтиплано, или Из Наско в Куско без писко

Выходим на маршрут очень рано, почти ночью. Предстоит длинный путь в сторону столицы инков Куско по серпантину высокогорного плато Альтиплано. Когда я укладывал вещи в машину, обнаружил там баллоны с кислородом, которые могут понадобиться на высоте. Во время завтрака доктор Вася Мозжухин проинструктировал, как этими баллонами не нужно пользоваться, не нужно к ним привыкать, не нужно открывать крантик, чтобы не подсесть на кислородную зависимость, а потом раздал специальные таблетки. Появится возможность почувствовать, что такое серьезная высота и как она влияет на здоровье. Во всяком случае, Чубайс объявил на полном серьезе: из Наско в Куско пойдем без писко, чтобы излишне не нагружать организм.

От городка Наско поднимались вверх, добрались до высоты 4350 метров, потом вниз, потом опять вверх. Дорога впечатляет, но тяжело дышать, тяжело передвигаться, во всем теле из-за недостатка кислорода ощущение сильной скованности.

Въехали в крохотный городок. По обеим сторонам центральной улицы примостились одно-двухэтажные домики. Дорогу перегородила толпа разряженных детей в ярких латиноамериканских костюмах и масках. Девочки лет десяти-двенадцати стояли на крышах легковых автомобилей и разбрасывали конфеты. Оказалось, это местный карнавал, на котором чествуют победительниц конкурса латиноамериканских танцев. Шум, музыка, не меньше сотни прыгающих и танцующих школьников! Наверно, они так легко двигаются, потому что живут на высокогорье с рождения. Хотя доктор Вася сказал, что продолжительность жизни в таких условиях очень низкая. А если местным приходится спускаться вниз, к океану, они чувствуют себя совсем не лучшим образом.

Нашим, напротив, непросто давался набор высоты. Приходилось останавливаться, когда кого-то срубала "горняшка". Один из проводников (казалось, они-то должны привыкнуть!) на высоте около 4000 метров ре-

шил доложить начальству о своем неважном самочувствии, сделал несколько неоправданно резких шагов к машине Саши Давыдова и не дотянул... упал на землю прямо перед нашим джипом. Вася несколько минут уколами и таблетками приводил его в чувства. В экипажах регулярно менялись водители и штурманы. Кто-то постоянно зевал и засыпал. Поначалу я чувствовал себя сносно, но когда прошли самую высокую точку, к горлу подступила тошнота. Попросил остановить колонну и вышел из машины. Взял у Васи таблетку и стал отшучиваться, что меня тошнит от разговоров Чубайса и Вайнзихера: они уже битый час обсуждали системы автоматической безопасности гидроагрегатов.

Куско — столица инков

Поздно ночью приехали в Куско. Абсолютно испанские строения. Довольно грязно и бедно, но центральная площадь города и гостиница, где лучшие образцы колониальной архитектуры в соединении с современным дизайном, производят высокохудожественное впечатление. Очевидно, здесь работали большие мастера. Хочется ко всему прикоснуться, все потрогать, сфотографировать и запомнить.

На окнах в номере ставни. Открываю и вижу перед собой двор с красивейшими черепичными крышами — эффект двух поставленных друг напротив друга зеркал, в которых множатся изображения черепичных крыш, в реальности убегающих вверх по склону, а может быть, само время, — зеленью, артистично оформленный предметами старинного быта. Седла, конная сбруя, колеса старой телеги, каменные большие кувшины для вина... Понятно, что это все поставлено рукой дизайнера, но вещи настоящие. Людей уже нет, а вещи сохранили дыхание времени, фактуру и дух страны, о которой я раньше не имел никакого представления.

В Куско 400000 жителей. Невероятно, что на высоте 3500 метров живет такое количество людей, и не очень понятно, чем они там занимаются. Территория довольно сложная — горы, горы, горы, горы, скалистые и дикие, почти не оставляющие земли для того, чтобы выращивать хлеб насущный. Промышленности не видно. Когда испанцы завоевали земли инков и их столицу, разрушили все, что было построено до них, и на старых инкских фундаментах возвели свои храмы. Иисус в перуанских католических храмах — совершенный утонченный испанский гранд, бог-колонизатор, совсем не похожий на местных жителей. Современные перуанцы, естественно, утверждают, что они потомки инков, почти все — индейцы, ко-

роткорослые, смуглые, плотные и очень экзотичные, хотя по нашим европейским меркам их трудно назвать красивыми. Почти все одеты в национальные костюмы, но тебя не покидает ощущение, что весь этот маскарад только для приезжих.

Рано утром вышел погулять, посмотреть и пофотографировать город. Возле нашей гостиницы стояла настоящая лама, тоже в национальном костюме — многоцветной попонке из каких-то лохмотьев ручной работы. Рядом примостилась не менее экзотическая местная старушка. Я стал искать ракурс, чтобы ее сфотографировать, Она сверхактивно позировала. Пока я искал кадр, рядом со старушкой и ламой появился Чубайс. Я очень обрадовался: "Ох, Анатолий Борисович! Я сейчас вас сфотографирую!". Но он почему-то был не в восторге от моей затеи и быстро ушел, а потом объяснил: "Вы знаете, что старушке, которую вы фотографировали, нужно было заплатить? Она не просто так гуляет здесь со своей ламой. Она пришла на работу. Она здесь стоит, чтобы создавать местный перуанский колорит, на фоне которого вы могли бы сделать снимок". Я понял, что со старушкой прокололся. Но оказался прав в том, что здесь много декораций и ряженых персонажей.

Мы гуляли по старым узким улочкам. На одном из величественных зданий, которое оказалось судом, обнаружили две пары огромных часов, показывающих разное время, причем ни одно из них не совпадало с реальным. Мы начали строить догадки, почему так. Кто-то сказал, что часы показывают время, остановившееся со времен инков, кто-то предположил, что одни часы показывают местное время, другие — среднеевропейское... Подошедший Миша Абызов, как всегда, высказался четко и определенно: и те, и другие часы не работают. И это была, кажется, верная версия.

Мачу-Пикчу

Едем поездом в одно из главных мест паломничества Латинской Америки. Одноколейка ведет из города Куско в Мачу-Пикчу. Мачу-Пикчу — таинственный город инков высоко в горах, который открыл американец Хирам Бингем в начале XX века. Едем по дну ущелья, по обеим сторонам горы. Иногда горы отступают, и тут же небольшие долины и ложбинки оказываются захваченными сельхозугодьями и фермочками местных жителей: кукурузные делянки, огородики... Пугающая беднота. И очень доброжелательные люди.

Дорога в Мачу-Пикчу построена специально для путешественников.

И все вокруг, кажется, устроено тоже с оглядкой на них. В вагоне сидят колоритные индейцы с гитарами и местными музыкальными инструментами из высушенных фруктов или овощей. Они бесконечно играют, выстукивают индейские ритмы, поют и что-то выкрикивают. На нас местные власти хорошо заработают: билет стоит 250 долларов. Да мы и не против, только комфортабельный туристский поезд по контрасту с бедными хижинами за окном подрывает доверие и к самому "седьмому чуду света", таинственному городу Мачу-Пикчу: может, и его построили специально для нас?

Что это за город-призрак, непонятно откуда возникший и куда исчезнувший? Мы ведь даже не знаем, как он назывался: предки нынешних перуанцев не оставили после себя памятников письменности, и тот самый американец, который открыл миру Мачу-Пикчу, попросту назвал город по имени горной вершины, на которой тот расположен. Это уникальное сооружение. Правильный экскурсовод сказал бы: "комплекс сооружений". Спланирован он так, будто какому-нибудь выдающемуся современному архитектору сказали: вот тебе территория, вот тебе точное количество жителей, построй для них всю городскую инфраструктуру. С домами, храмами, лавками и общественными туалетами. Все было продумано, расчерчено и выстроено из гладко отшлифованных каменных блоков, вырезанных или выпиленных из твердой горной породы. По объему это не блоки даже, а глыбы или целые скалы. Вес отдельных "камушков" больше ста тонн. Сложены они без всякого раствора, как объемный пазл, да так, что в щель между двумя блоками невозможно протиснуть даже лист бумаги. Кто, где, когда и чем выпиливал этот строительный материал? В нашем супертехнологичном мире не существует инструментов и устройств, которым было бы под силу решить такую задачку. И как все это доставляли на высоту, притом, что у инков не было даже колеса? На подъезде к Мачу-Пикчу дорогу перегораживает одна из древних стотонных глыб, так ее даже столкнуть с горы не могут! Нет такой техники, которая с этим справится!

Очень сомнительно, что это город инков. Постройки, инкское происхождение которых доказано научно (спектральный анализ и т. д.), сложены по-другому. Во всяком случае, все, что они пытались соорудить в окрестностях по образу и подобию Мачу-Пикчу, сильно отличается от оригинальных построек, и не в лучшую сторону. А может быть, инки этот город нашли и удивлялись не меньше нашего?

Одна из теорий возникновения Мачу-Пикчу в буквальном смысле допотопная. Если предположить, что Всемирный потоп все-таки был, то он, по мнению ученых, мог представлять собой серию гигантских цунами,

перехлестнувших через Анды и стерших все следы цивилизации строителей Мачу-Пикчу, кроме самого города.

Мачу-Пикчу — не единственный подобный памятник. На соседних горных вершинах тоже есть загадочные постройки, только они гораздо меньше изучены, и железную дорогу туда еще не провели.

Всем этим необъяснимым архитектурным чудесам обязательно должно найтись простое и внятное объяснение. Как часам на здании суда в Куско.

Пока мы впитывали легенды о происхождении загадочного города, нас покусали какие-то жучки. Доктор Вася предупреждал, что здесь водятся страшно неприятные твари, от укусов которых не спасает никакая мазь. Три дня после этого раны не исчезали, не заживали и очень сильно чесались — современная фармакология была бессильна. Может, эти жучки тоже из допотопной цивилизации?

Амазония

Мы все еще в Перу. Летим в столицу Амазонии город Икитос. Сегодня 7 ноября. В Москве снег, а здесь плюс 45. Очень тяжело, очень мокро, очень душно. Кажется, что выйдешь из помещения на улицу — и там свежий воздух. Выходишь — еще жарче, еще влажнее.

В Икитосе сели в смешной автобус. Он без стекол, чтобы продувался. О кондиционерах нет и речи! Из автобуса мы должны были пересесть на гидросамолет, чтобы лететь в центр Амазонки. Оказалось, он не вмещает всю команду, и нужно разделиться на две группы. Я оказался во второй. Сидим в аэропорту и дожидаемся, пока самолет вернется. Прошло часа два, но никто не прилетал. Перуанский гид долго вел переговоры и выяснил, что летчик не обнаружил на Амазонке точку, где стоит корабль, и вернулся. Первая группа показалась вдалеке на летном поле. Мы радостно замахали руками, но они исчезли так же неожиданно, как и появились: летчикам, наконец, сообщили точные координаты корабля. Снова ждем.

На стене в зале ожидания аэропорта неизвестный художник изобразил все, что знает о джунглях: на ветках попугаи и обезьяны, под веткой ягуары, еще ниже черепахи, ящерицы и змеи. Похоже, живописец работал в стиле передвижников, но получилась устрашающая лубочная картина. Примерно "Утро в сосновом бору" в виде тканого коврика с кистями, которые раньше продавали на базарах. Зато мы получили представление, где оказались, и очень хотели как можно скорее попасть в эту ожившую картинку. Чтобы не терять времени, решили поесть в городе. Взяли такси. Такси здесь —

трехколесные мотоциклы, впереди место для мотоциклиста-водителя, сзади что-то вроде инвалидной коляски с нависающей тряпочной крышей, куда с трудом помещаются два человека. Мне казалось, что до центра города ехать долго. Однако сразу за территорией аэропорта этот самый центр и начинался. Все равно как идти по Тверской и вместо Кремля упереться в Шереметьево-2. На первом же перекрестке увидели придорожную забегаловку и с удовольствием заняли большой стол. Попросили принести чего-нибудь местного и вкусного. На столе появились разные салатики: лук, овощи, морепродукты, потом основное блюдо — рыба в кляре. Олег Вайнзихер сказал папе Борису, что рыба очень вкусная, точно как у бабушки. Когда мы собрались уходить, официант спросил, как нам понравилось еда. Мы похвалили: "Нормальная рыбка!" — "Как рыбка?! Это аллигатор! Его только сегодня утром поймали!". Все разом прочувствовали, что мы в джунглях, и Миша Абызов немедленно заказал бутылку писко.

Погрузились в гидросамолет, взлетели и почти сразу увидели под собой Амазонку. Вид сверху впечатляет: огромное количество притоков, причем каждый из них — самостоятельная большая река. Становится понятно, откуда здесь столько буйной зелени: нескончаемые потоки воды плюс экваториальное солнце.

Посадка — приводнение. Самолет не может стоять на воде. Он приводняется по центру реки, максимально сбавляет скорость, но не останавливается. Моторная лодка движется параллельно гидросамолету, они выравнивают скорость, и мы по одному перескакиваем на борт моторки.

Оказалось, мы плывем в джунгли, в место, где между тропическими деревьями проложена подвесная дорога. Местный проводник повел по узенькой болотистой тропке в гущу леса. По-прежнему жарко и влажно. Шли, обливаясь потом, наступая на лианы, без привалов и остановок. Проводник торопился и говорил, что мы можем не успеть до темноты. Я впервые в джунглях, впервые вижу лианы и пальмы высотой с 20-этажный дом. Со всех сторон раздаются свисты и крики. От избыточной влажности — сильный запах гниения. Кто-то из наших полушутя-полусерьезно выразил надежду, что это натуральный природный запах, а не запах прошедших до нас путешественников.

Вот она, подвесная дорога в джунглях! Между деревьями переброшены доски, с обеих сторон натянуты тросы, чтобы держаться за них при переходе с одного дерева на другое. Нужно зайти на площадку и двинуться вверх по шаткому мостику, причем разом эта конструкция выдерживает не больше трех человек. Мостики разной длины, в среднем метров 15-20.

Каждый последующий мостик поднимает тебя выше и выше от земли: вот площадка в пяти метрах над землей, вот уже пятнадцать, двадцать, тридцать... Все выше и выше, и выше. И ты с высоты смотришь вниз. Впечатление острое. Вокруг — ожившая картинка из аэропорта. Бесконечное число всяких тварей, змей, обезьян и прочих обитателей тропического леса. По подвесной дороге проходим километра полтора. Проводник рассказывает, что эти мостки в джунглях соорудили лет сорок назад по заказу ученых одного американского университета, чтобы они могли сверху, затаившись, наблюдать растительный и животный мир в разные времена года. А когда они оставили свои наблюдения, дорога стала местной достопримечательностью, и теперь тропическую жизнь могут наблюдать не только ученые, но и обычные люди.

Довольно быстро стемнело. У кого-то оказались с собой фонарики, и мы электричеством освещали дорогу в джунглях. Неприятно наступать на землю: она мягкая, болотистая, под ногами многослойная листва и отжившие лианы. Кажется, что это змеи. Уже в полной тьме добрались до места на берегу, куда нас привезли лодки. Возле домика с пальмовой крышей обнаружили нечто похожее на наши дачные умывальники. Попробовали освежиться водой. Совершенно бесполезно, вода почти горячая... Очень хотелось поскорее на корабль, где обещали душ. Вместо этого проводник сообщил, что нас ждет шаман. Снова двинулись по едва протоптанной тропке в чащу леса. К счастью, двигаться было недалеко. В огромной хижине по кругу стояли скамейки. Местный человек раздал нам соломенные веера. Кто-то пошутил, что сейчас будет работать кондиционер. Появился шаман, долго бормотал непонятные слова и жестикулировал, подзывая к себе по очереди членов нашей команды. Пошли не все, я тоже остался наблюдать за происходящим со скамеечки. Шаман вдувал дым в голову, раскуривал "сигару" из специальных шаманских листьев и давал что-то понюхать. Очень похоже на банщика в бане. Я с трудом дождался конца всего этого шаманства, после чего мы довольно долго мчались по Амазонке к нашему кораблю. Кромешная тьма. Какой-то приток Амазонки. Капитан лодки одной рукой держал руль, другой — огромный фонарь, которым все время светил то направо, то налево, то в воду. Так продолжалось больше часа. Когда луч прожектора скользил по воде, казалось, оттуда кто-то выпрыгивает. И наконец, во тьме высветился высокий корабль. Нас распределили по каютам. Я вошел в свою и почувствовал, что оказался в морозильной камере. Работал кондиционер, и это казалось невероятным.

В кают-компании объявили ужин, кто смог, на него поплелся. Я до-

шел. Дали какой-то вкусный салат. Думал, что из капусты, оказалось — молодые побеги пальмы. Здесь многие фрукты и овощи по вкусу сильно напоминают нашу обычную еду. Сегодня я был уверен, что ем картошку, а это была кукуруза. Все время какие-то подмены.

В этой экспедиции мне несколько раз приходили в голову последние стихи Булата Шалвовича Окуджавы, которые он оставил Чубайсу: "Как нам жить, решаем сами. Мир по-прежнему велик...". Утром увидел через широкое окно каюты настоящую Амазонку. Многоводная река, далекий зеленый берег, лодки, редкие домики... Если не знать, что зелень на берегу — тропический лес, похоже на Среднюю Волгу. Смотрю в ночное небо. Какой-нибудь астроном сразу скажет, что это южное полушарие, а не северное, потому что созвездия другие. А для меня это просто звездное небо над землей. Мир по-прежнему велик и разнообразен, но он один для всех. Между северным и южным полушарием, между странами и городами гораздо больше сходства, чем различий. И можно без труда понять желания человека, находящегося рядом, даже не зная его языка, так же, как и он поймет мои желания и чувства. В осознании этой истины заключалось одновременно очарование и разочарование.

Приплыли в индейскую деревню. Аборигены к нашему приезду надели этнические костюмы из тростника и пальмовых листьев, раскрасили лица, при этом мы рассматривали их, а они — нас. Зрителей и исполнителей можно было бы спокойно поменять местами. Когда дошло до народных танцев, довольно примитивных и простеньких, наши с большим удовольствием включились в аборигенское действо — подпевали и пританцовывали. Местные воодушевились, и было заметно, что от работы они получают удовольствие. С азартом демонстрировали нам свое древнее искусство — стрельбу из воздушных ружей. Очень интересно: индеец дует в длинную деревянную трубку, и из нее вылетает тонкая стрела с острым наконечником. Поскольку отверстие в трубке узенькое, воздух выталкивает стрелу с большой силой, и она летит, набирая скорость, точно в намеченную цель. Наши восхищались мастерством индейских стрелков, а когда попробовали сами, оказалось, что и русские стрелки не уступают в меткости.

Вождь с празднично разрисованным телом и короной из перьев на голове сразу же определил, что среди нас тоже есть вождь — Анатолий Борисович Чубайс, и они без переводчика стали довольно активно общаться.

Мы ходили по хижинам, покупали местные сувениры ручной работы. Не смог удержаться и купил себе за полтора доллара нож, сделанный из зубов пираньи.

Кормили обедом: выставили много закусок, и было абсолютно очевидно, что это изобилие специально для нас. Местным жителям, и особенно детям, не разрешили даже подходить к столу. Таня Юмашева взяла большое блюдо с едой и начала угощать "хозяев". Никто не отказывался, а дети ели с особым удовольствием и были очень благодарны. Я заметил трехлетнего мальчика, решил, что он на меня похож, и попросил нас вместе сфотографировать.

Решили завершить этот замечательный день купанием в Амазонке. Нас пугали пираньями и крокодилами, но напрасно. Горжусь тем, что вошел в зеленовато-коричневую воду первым. Замечательно поплавали. Местные принесли амазонскую грязь, которая, как нам сказали, лечит все. Сначала никто не хотел, потом постепенно все измазались этой грязью.

В программе следующего дня — охота на пиранью. На лодках довольно долго идем по какому-то притоку. По берегам разбросаны хижины с крышами из пальмовых листьев. К воде ведут вырубленные из дерева лестницы. Купаются малыши, сидят рыбаки, женщины стирают белье. Нормальная жизнь амазонской деревни. Зашли в заводь, разобрали удочки — тонкие и гибкие ветки с привязанной веревкой и примитивным крючком. На крючки надели кусочки свежего мяса. Пираньи любят свежее кровоточащее мясо. Забросили эти нехитрые приспособления в воду, и уже через несколько минут кто-то радостно закричал и вытащил первую рыбку. Рыбка оказалась похожей на сома, небольшая, с усиками. Точно не пиранья. С некоторой регулярностью мы слышали крики на соседней лодке и стали вести счет пойманным рыбкам. Пиранью никто так и не поймал. Очевидно, в Амазонке они так же редки, как осетры в Волге.

Резко надвинулись тучи. Мы бросили рыбалку и поплыли в сторону корабля. Быстро темнело — из-за ночи или из-за туч. Тропический ливень обрушился мгновенно и дико, как стихийное бедствие. Кровать в моей каюте стояла напротив окна, затянутого белой занавеской, — точно как экран в кинотеатре. При вспышках молнии экран оживал, и на нем появлялись кадры "далекой Амазонки" — те же хижины и рыбацкие лодки, которые мы видели днем, только в черно-белом изображении. Картинка на экране гаснет, снова молния и — новый кадр. Корабль плывет, пейзаж за окном-экраном меняется. То ли это кино про Амазонку, то ли эта Амазонка — кино...

Под дождем собрались на верхней палубе, кто-то нашел гитару и в результате запели.

К утру вернулись в город Икитос. Оказалось, что это довольно большой город, в нем 700000 жителей. Здесь практически нет легковых авто-

мобилей. Увидеть автомобиль здесь так же сложно, как в Москве лошадь. В основном, весь город заполнен крохотными мотоколясками, как такси, на котором мы катались здесь в ожидании гидросамолета. На мой вопрос, почему нет машин, местные объяснили мне, что ехать некуда. Город островной, расположен в центре джунглей, вокруг Амазонка. Она растекается так, что ни перейти, ни переехать ее невозможно. Кроме города, шоссейных дорог нигде нет, поэтому в Икитосе ходят бывшие школьные американские автобусы с вынутыми стеклами и эти смешные такси. Самое холодное время года — зима, когда температура опускается до 24 градусов тепла. И это действительно настоящий холод. Поэтому стекла в транспорте — излишняя роскошь.

Титикака и владельцы частных островов

Самолетом перебрались на озеро Титикака. Высота этого озера — 3840 метров. Снова трудно дышать и лучше не делать резких движений. Погрузились на быстроходные катера, и в течение часа, пройдя разливы и мелководье, поросшее тростником, и "большую воду", достигли плавучего острова.

Здесь, в районе озера Титикака, живут племена, которые издревле умеют плести эти самые специальные тростниковые лодки-суда. Именно у них заказывал свою знаменитую лодку "Ра" Тур Хейердал. Правильный тростник для таких судов растет только в этих местах, он очень гибкий, а в сплетенном состоянии быстро твердеет и становится прочным, пригодным даже для дальних плаваний.

Живут эти люди семьями на плавающих островах, которые сами себе плетут из того же тростника. Нам довольно подробно показали технологию изготовления такого острова. Сперва нужно получить от властей разрешение на "строительство" острова. Потом руками плетутся несколько больших тростниковых плотов. Их накладывают слоями друг на друга, а между ними прокладывается смесь из земли и ила. Тростник прорастает, его перекладывают слоями справа налево. Остров может достигать площади в несколько сот квадратных метров. На нем стоят такие же плетеные хижины, в которых живут обычно несколько родственных семей. Возле каждой хижины — очаг.

Срок службы такого острова — сорок лет. Со временем нижние слои тростника подгнивают, остров становится тяжелее и идет ко дну. Обитатели плавучих островов очень хорошо знают, когда им нужно перебираться

на берег и сооружать новую территорию для жилья. Основное их занятие — изготовление и продажа тростниковых лодок. Попутно процветают и другие местные ремесла, весьма востребованные приезжими: изготовление яркой самотканой одежды и всевозможных сувениров.

Нас радостно встретили. Узнав, что мы русские, стали петь "Выходила на берег Катюша". Мы тут же рассказали слова второго куплета и спели вместе с ними. Одна немолодая женщина вспомнила, что знает еще "Пусть всегда будет солнце", и тут мы совсем растаяли. Леня Казинец стал тихонечко вынимать доллары и раздавать маленьким детям. Потом они предложили нам надеть свои одежды. В результате мы меняли наши шляпы и куртки на пончо и накидки.

На каждом острове обязательно есть президент с супругой, и у нас был официальный прием. Вышел местный президент, как обычно, толстый, представил себя, свою жену и все население острова. Население вместе с детьми — человек пятнадцать. Все были поражены, когда среди экзотических имен вдруг прозвучало имя Ольга. Естественно, президента приветствовал Чубайс и представил всех нас. Наши имена вызвали страшный хохот.

Нам дали попробовать очень вкусное, с точки зрения местных, блюдо. С нашей точки зрения, это абсолютно свежий тростник. Они его рубят, очищают, и остается белая ватная начинка. Здесь это основная еда. После трапезы мы отправились в северную часть озера Титикака, на небольшой частный остров Суваси. Плыли около трех часов. Титикака — огромное озеро, почти как наш Байкал. Собственно, их и соотносят друг с другом. Начались волны, катер стало подбрасывать. Кто-то пошутил: кого еще не дожала "горняшка", тех дожмет качка.

На острове нас встречали и кормили. Стемнело. Местные пытались зажечь свечки. Они горят очень плохо, на такой высоте не хватает кислорода. Мы прошли вверх метров 150 до гостиницы, и каждый шаг давался с трудом. В номере стоит печка-буржуйка. Потолок из плохо обработанных бревен. И все же у меня ощущение, что это одна из лучших гостиниц, в которых довелось побывать. Потому что за окном — прекрасное озеро Титикака.

Была очень холодная ночь, и радушные хозяева решили согреть нам постели. Каждому под одеяло положили бутылку с горячей водой. Утром делились впечатлениями. У всех были разные реакции на эту любезность: кто испугался, кто обрадовался, кто вообще долго не подходил к кровати. Кто-то в чудовищной усталости влез под одеяло и, обнаружив рядом с собой что-то теплое, решил, что это неведомое животное, и жутко испугался.

Утром вернулись на берег, где нас ждали джипы. Следующая ночевка будет на высоте 4300 метров. Мы едем в сторону границы с Боливией, пересечем ее, чтобы попасть в столицу Боливии — Ла-Пас.

Переход из Перу в Боливию

Мощное бездорожье на большой высоте. Начали с 3800 м, к концу дня добрались уже до 4200. Впереди самая высокая точка маршрута — 5500 метров.

Погранпункт на границе Перу и Боливии представляет из себя нечто немыслимое: кажется, эту будочку вчера сколотили из хлама, подобранного на соседней свалке. От будки к дереву тянется веревка, на ней сушатся вещи. Два человека в полувоенной-полугражданской форме осматривали наши машины и вглядывались в паспорта. Крутили, вертели, цокали языками и никак не могли решить, пускать или не пускать нас в Боливию. Саша Давыдов, в конце концов, дал команду разворачиваться и идти другим маршрутом. Другой маршрут оказался объездом "пограничной заставы" в пятистах метрах.

Вокруг мало что изменилось. Поля с худосочными растениями. Женщины с огромными мешками за спиной. Некоторые из них в щегольских мужских шляпах. Если местная женщина носит такую шляпу, значит, она замужем.

Столица Боливии Ла-Пас кичится тем, что она самая высокогорная в мире. Я видел бедные арабские города в Палестине. Ну, грязные, ну, заброшенные, но то, что мы увидели в Ла-Пасе, не поддается никаким определениям. Огромный миллионный бомжатник. Ощущение, что ни одно здание не достроено. Фантастическое количество мусора. При этом кто-то что-то продает, какие-то машины и мотоциклы куда-то едут. Мы, правда, не заезжали в самый центр, а спешили как можно быстрее выбраться из этой столицы. Люди смотрели на нашу колонну, как будто мы колонна космических кораблей. Причем не просто смотрели, а пытались потрогать или пнуть ногой. Дети и собаки неистово ревут и кидаются на машины. Машины едут куда хотят, водители не смотрят по сторонам, светофоры условны, не видно ни дорожной разметки, ни регулировщиков. На одном из перекрестков наш джип, перевозящий мотоциклы, притормозил на красный свет и был немедленно атакован двумя местными молодыми людьми, в буквальном смысле пытавшимися стащить мотоцикл с крыши. Хорошо, что водитель рванул, и они вынуждены были отстать. Час мы

пробирались через весь этот кошмар, и наконец, вырвались на дорогу, где возникло неожиданное препятствие. Дорога была перегорожена камнями и палками, а неподалеку стоял ржавый танк. Самодельным блок-постом руководили совсем не самодельные военные. Саша пошел разбираться. Переговоры закончились тем, что он вынул деньги. Палку-шлагбаум тут же подняли. Никто не проверял наши визы и паспорта. Наверное, боливийская армия собирает деньги на перевооружение.

Проехали более 400 километров. Стало быстро темнеть. Последний участок дневного маршрута — до вулкана Сахама. Это самая высокая точка Боливии — 6542 метра. Дорога идет как будто по пеплу этого вулкана, пыль в метр толщиной. Температура резко падает: 18, 16, 14 градусов, у места и вовсе не выше четырех. Очень холодно и тяжело дышать. Вулкан Сахама разглядел только утром. На его вершине лежал снег.

Вулканы и соляные озера

На разных видах транспорта двинулись на юг вдоль чилийской границы. Абсолютно дикие места — вулканы и соляные озера. Три белых ламы на белом соляном озере. Миша Абызов чуть не столкнулся с ламой. Она легла спать, а он проскочил на мотоцикле в полуметре от нее. Лама была поражена, что в местах, где ее никогда никто и шорохом не спугнет, несется страшный ревущий агрегат.

На дороге за нашей техникой тянется шлейф вулканической пыли. Пылью покрыто все. Попадаются гробницы, построенные инками. Я вошел в одну из них и был потрясен — гора костей и черепов. Все эти останки лежат здесь более пятисот лет и совсем не производят устрашающего впечатления. Обычное для инков захоронение. По логике вещей, в гробницах должны были объявиться археологи, что-то накопать и что-то объяснить. Похоже, что никто из ученых сюда не заглядывал.

На очередном из бросков у меня вылетает заднее стекло. Оказалось, что доктор Вася поверх общего оборудования положил в наш джип свои медицинские чемоданы с красными крестами. И эти ящики сыграли в ящик. Остановка. Ехать дальше невозможно — внутри машины ничего не будет видно. Ребята соорудили из скотча и картона загородку вместо стекла. Пока делали, подтянулась мото-багги-группа. Мы заметили неподалеку брошенный домик. Общее ощущение в этих местах, что все куда-то сбежали, спешно побросав дома и могилы предков. К домику был пристроен сарайчик из камней, разбросанных в округе повсеместно, сложен хилый

заборчик. К сарайчику прислонены два мешка с костями. Что за кости? Животных? Человека? Так и не поняли, но нас уже перестали удивлять следы ушедшей в небытие жизни. Натянули тент и здесь же устроили обед.

Пересекли несколько рек, неожиданно глубоких и активных. И ближе к вечеру увидели те самые соляные озера. Это уникальное природное явление: абсолютно белая поверхность, чуть-чуть потрескавшаяся, очень твердая. Озера высыхают летом, зимой они впитывают влагу и становятся вязкими, как болото. Одна из наших машин выехала на такое место, и мы все завязли часа на два. Может быть, это и хорошо, потому что, когда стемнело, пространство вокруг стало абсолютно белым, а небо как будто куполом накрывало землю. Можно было одним взглядом охватить половину звездного небесного свода. Другое небо, чужое небо, но небо этой Земли.

Когда мы, наконец, вырвались из вязкости озера и через некоторое время оказались на другом, где покрытие было тверже твердого, уже наступила полная ночь. Мы устроили довольно мощные гонки, где скорость и полоса движения не ограничены. Я предложил погасить огни. Впечатление одно из самых сильных за мою жизнь, будто бы мчишься на космическом корабле в космическом пространстве.

На ночлег остановились возле очередного вулкана — Тауа. Рядом соляное озеро Уюни. Возле этого озера какие-то боливийские ребята выстроили маленькую гостиницу из соляных блоков, вырезанных из самого озера. Кровать, на которой я спал, — это соляной камень, покрытый матрасом. Стол и стулья — тоже из соли.

Утром двинулись к вулкану. На отметке 4000 метров обнаружили пещеру с мумиями. Местные жители нашли эту пещеру год назад. Вход в нее закрыли железной дверцей, повесили замочек и за определенную мзду его отпирают. Огромная сводчатая пещера, по разным ее углам в позе эмбриона усажены мумии. Похоже, что здесь захоронены несколько поколений одной семьи. Рядом с ними предметы быта: чашечки, глиняные тарелочки и много другой утвари, очевидно, необходимой в загробной жизни. Все это в отличной сохранности — удивительно, ведь этим останкам и глиняным черепкам более двух тысяч лет! Дохристовый, доинковый период! Мы с Чубайсом присели на крохотный каменный выступ в пещере и просидели молча довольно долго. Внимали атмосфере и тишине. Никакого отторжения, ужаса и страха. Умиротворение и покой. Леша Чубайс сказал, что хотел бы утонуть где-нибудь в океане. Умрешь нормально, а через 2000 лет такие же, как мы, придут и начнут рядом фотографироваться.

Мы идем по совсем нетронутым местам. Вулканы извергли эту пыль

и камни, и они лежат здесь столетиями. Кактусы выше человеческого роста, самых невероятных цветов и оттенков. И горы: чуть-чуть меняется солнце, чуть-чуть меняется угол освещения, и это уже совсем другой цвет, другая прозрачность.

От пещеры мы спустились вниз к озеру. Вниз — это условно сказано, если учитывать, какая здесь высота. Озеро абсолютно высохшее, твердое. Какая фактура! Гладкая поверхность разбита трещинками на правильные пяти- и шестиугольники. Узнал от Чубайса, что наномолекулы стремятся к такой же структуре, потому что именно сочетание пяти- и шестиугольников дает материалу запредельную прочность.

Оказывается, все испытания новых гоночных автомобилей происходят именно на таких соляных озерах, потому что, с одной стороны, идеальная ровная поверхность, а с другой — очень сильное сцепление с колесами. Снова гонки без удержу, невиданная скорость и соленый ветер в лицо.

Заночевали в местечке Сан-Педро-де-Кемис. Утром нас ждал последний, финишный бросок. Мы пересечем границу Чили и выйдем к городу Сан-Педро-де-Атакама, снова в пустыню.

* * *

Такое ощущение, что прошел год, хотя экспедиция длится всего двенадцать дней.

Выехали рано, и первое, что увидели, — снова соляные озера. Белоснежная соль, рядом с ней плещется красная вода. И среди всего этого бело-красно-зеленого, местами синего, бродят розовые фламинго. Похоже на российский флаг. Спрашивали друг у друга, не мираж ли это. Разговоры о миражах были довольно частыми. Очередной "мираж" ждал нас за поворотом дороги. Ветер создал здесь из вулканического песка невероятные многометровые скульптуры. Одна из них была похожа на цветок. Не знаю, какой скульптор смог бы сначала придумать, а потом сотворить нечто подобное. На это ушло бы много-много лет. На одну из скульптур Чубайс взглянул и сказал, что это просто Эрнст Неизвестный.

Вслед за этим природным скульптурным парком возникали новые картины. Озеро, зеленая лагуна. Обилие вулканов, ледников, небольшие равнины, на которые ледник с помощью неведомой руки выбрасывает огромные валуны и раскладывает их в дизайнерскую композицию. Между валунами — зелень и кактусы.

А вот и долина гейзеров. Я видел гейзеры на Камчатке, там они дружелюбные. А здесь бурлит зловонная серая масса, и ты понимаешь, что это и есть ад.

Чили

Без труда мы поняли, что въехали в Чили, хотя до пограничного пункта оставалось еще километров шестьдесят. Сразу возникла цивилизация: размеченное шоссе, дорожные знаки. Хотя горы и жара те же.

Город Сан-Педро-де-Атакама. По показателям выпадающих осадков это самый засушливый город планеты. Земли вокруг города приближаются по своим свойствам к лунному грунту. Американцы проводили здесь испытание лунохода. Вчера, бросив вещи в гостинице, мы пошли на ужин в центр пешком. Темнота, светим под ноги телефонами. Здесь восстановилась связь, и можно связаться с домом.

Вернувшись в гостиницу, сидели у огня с гитарой, и сильнейшим аккордом дня стало небольшое землетрясение. Сначала никто не понял, что происходит. Зашаталась большая лампа и мебель. Интересно, что здесь землетрясения до шести баллов считаются просто толчками, а уже после шести — землетрясение.

Едем на автобусе в аэропорт и летим в Сантьяго. Ландшафт абсолютно марсианский. Красные пески, выжженные каменистые огромные пустынные места. Где-то вдруг возникает зеленый пейзаж. Видно, что это низина, куда стекается вода с тающих ледников. Видно, как эти ледники двигаются. Мелькают вершины кратеров.

В Сантьяго оказались часа в три дня. Саша Давыдов нашел некоего Олега из Киева, который живет здесь уже 14 лет, и он водил нас по центру города. Шли пешком, что для нас несвойственно. Президентский дворец, где застрелился Альенде. Трогательный памятник самому Альенде. До захвата власти Пиночетом к нему было крайне резкое отношение, но мужественное противостояние узурпатору сделало его народным героем. Несмотря на то, что Пиночет вывел Чили в число стран с высоким благосостоянием, он здесь, как Сталин у нас, — убийца, узурпатор и тиран.

Мы долго бродили по Сантьяго, зашли на самую высокую точку, где стоит фигура индейца. В чистом виде персонаж Фенимора Купера, имеющий очень опосредованное отношение к Чили. По мере подхода к парку, окружавшему памятник, на улочках нам встречалось все больше и больше магазинов "для взрослых". У нас на таких обычно красуется вывеска "Интим". В парке, у ног куперовского индейца, романтично прижавшись друг к другу, сидели парочки. Интересно, здесь воздух такой?

Путешествие подходит к концу. То, что мы увидели и впитали за две недели, можно растянуть на полгода, и даже в таком темпе жизнь покажется калейдоскопом ярких событий. Напоследок поехали в самый центр Сантьяго смотреть латиноамериканские танцы. Низкий прокуренный зал. Странные лысоватые мужчины танцуют с женщинами "за тридцать". Танцуют нечто экспрессивное и резкое, совсем южноамериканское, не наше, и от этого еще больше хочется поскорее оказаться дома, в Жаворонках, чтобы каждый день ехать в театр по московским пробкам, пока не созреет новое желание сорваться...

Завтра улетаем на нашу сторону Земли.

Москва



"Утоли мои печали..."

* * *

Сырым графитом пахнут доги,
Поет Лучано Паваротти...
А где-то — степь и холм пологий,
И кто-то ноет на болоте.

Игрой на той ли, этой ноте
Судьбы не скрыть и не умаслить.
Вон там — на дальнем повороте
Мотоциклист разбился насмерть.

И здесь покоя не обрящем.
Так далека Святая Пристань!
Нам мира в мире нет — летящим,
Лютующим мотоциклистам...

Мы робость возведем в обычай,
Друг друга чуть касаясь взглядом.
Но и в молчанье непривычном
Мы будем рядом, рядом, рядом!

А смертный час когда настанет
И ядом обернется пища,
Во мгле, клубящейся и странной,
Уйдем в стволы и корневища.

Уйдем в запущенные травы,
Росой закрытые от пыли.
За всё, в чем оказались правы,
Уйдем во всё, что мы любили.

Там, исходя осенним счастьем,
Укроют нас цветы и листья.
И мимо, мимо будут мчаться
Безумные мотоциклисты!

* * *

Ненастье. На кухне нахмурилась ложка.
(Захлопни окошко.)
Яйцо, вынутое из холодильника, засветилось
и тут же туманно погасло.
(Передай мне, пожалуйста, масло.)
Слышишь? На улице ветер погнался за дрожью.
(Мы стали как будто моложе.)
Слушайте! Слушайте все — монологи разбуженных улиц!
(Ставни замкнулись.)
Дождь. Это с копьями в город вошло Ассирийское
древнее войско.
(На улицах вольно. На улицах скользко.)
Дождь. Мы в постели, обнявшись, уснули.
(Дождь, дождь, дождь, дождь — в карауле.)

* * *

Утоли мои печали
Подорожником случайным,
Воробьем завечерелым
В парке сером, черно-белом.

Утоли мои печали,
Сделай чистыми желанья,
— То ли встречею случайной,
То ли тайной ожиданья.

Утоли мои печали
Чем-то светлым, легковейным,
Веток медленным качаньем,
Мельтешеньем муравейным.

Пробуди мой дух, тропинка,
Уводящая в надежду,
Там, где впадинка, горбинка
— Между трав, деревьев между...

* * *

Когда гнетет жара, и ветви тяжелеют,
И взвившейся пчелой вдруг замирает сквер,
И меркнет тишина, и тени ловят лепет
Листка, что не в себе и стал от солнца сер,
Когда все спит, и спит беспамятное тело,
Дурманным золотом пропахшее насквозь,
Круг бытия, дойдя до сонного предела,
Опять таков, как был, когда все началось.



"Жизнь моя смутно текла..."

Памяти Р.И. Ойгензихт

Я приходил к ней веселым и переполненным страхами,
рассуждая, что жизнь моя смутно текла.
Нет больше людей таких, как Раиса Исааковна —
худенькая женщина, состоящая из тепла.
Она мне в эпоху хмурую дарила Набокова,
Бердяева, Ходасевича: — Не показывай никому!
По лицу ее растекались седые локоны,
но глаза ее вечно сияли, пронзая зловещую тьму.
Какие чаи она делала, что из теста творила,
при этом на фортепьяно легко колдовала она,
что у птиц есть свобода, а у нас обрезаны крылья,
но мы все равно вернем их, едва наступит весна.
Она восхищалась не гвоздиками, а маками,
растущими на полянах и так, и сяк.
Нет больше таких людей, как Раиса Исааковна,
отгоняющая улыбкой тоску и мрак.

*

Расстрелянных поэтов имена
мне возвратила поздняя весна,
а я тогда застыл в своей печали,
застигнутый прекрасною строкой,
что радугой всходила, но едва ли
могла вернуть утраченный покой.

Расстрельный полк поэтов величавых,
не думающих никогда о славе,
не написавших главную строфу
и не закончившие свое соло.
(Умолкшие, подобно соловью,
не утолившие душевный голод.)

Горит по ним Поэзии свеча.
Они рубили все слова сплеча

и не боялись выйти в рост на схватки,
и не страшились траурных вестей,
но перед схваткою свои тетрадки
они просили сохранять друзей.

*

Как тяжело твой номер набирать,
и вновь сбиваюсь я в потоке цифр,
и кажется: вовеки не собрать
и не соединить наш общий мир.

Я делаю отчаянный прыжок,
как в юности, где все разрешено,
тоску свою отправив за порог,
загрунтовав чужое полотно.

Пружинит холст от каждого мазка,
опять бегут все чувства налегке,
но почему тогда твоя рука
прохладна так в обиде и тоске?

*

Прерывается сон, прерывается звон, прерывается лето,
прерывается колыбельная ветра.
Прерывается нота, прерывается счастье, прерывается горе,
прерываемся мы в своей ссоре.
Прерывается линия, прерывается ночь, прерывается стихотворение,
прерывается долгожданное потепление.
Прерывается сумрак, прерывается боль, прерывается даже тропинка,
прерывается действие поединка.
Прерывается горечь, прерывается сладость, прерывается мука,
прерывается лестница виадука.
Прерывается все, даже жизнь, но любовь не прервется —
мы уходим на Н
Е
Т, а она все равно остается.

"Все згадую роки дитячі..."

* * *

Вітаю вас, осінні чорнобривці,
Радійте, мамо, Бог вас береже.
Хвала йому, що ви в такому віці —
до віку повного прямуєте уже.

Старіє сад, пожухле зранку листя
Нагадує забуте і старе
Сільське подвір'я, сонячне обійстя —
І мама в сонці сорочки пере.

А ночви в піні, піна як вітрила —
Я їх і досі бачу уві сні.
Мені, малому, вже тоді ятрили
І душу, й серце мамини пісні.

* * *

За сльози радості й печалі
Пробачте, мамо.
Мене під пісню колисали,
Будили рано.

Привчали змалку нас до слова
Своєї мови.
Вона чарівна і шовкова,
Як чорни брови.

Вмирати буду та згадаю
Науку вашу.
Любов до мови і до краю
Віночком ляже.

* * *

Все згадую роки дитячі,
Такі далекі, як війна.

На власні очі знову бачу,
Як спалює хати вона.

І чую крик несамовитий —
Ридає жінка над дитям.
А навкруги одні убиті —
І жах охоплює життя.

Вціліли дивом — ми і мама,
Лиш батько-в'язень не вцілів.
За ним закрила доля браму,
Не знаємо, в якій землі.

Сліди у душах полишила —
Війна і в пам'яті моїй.
Дивуюся, де брались сили
Для оптимізму і надій.

Все згадую роки дитячі,
І спомини гіркі болять.
Над пам'яттю невтішно плаче
Дощем окутана земля.

* * *

В твоїх очах печаль і смуток,
А ти така ще молода.
Тебе не зможу я забути,
Хоч знаю: ти — моя біда.

Забуть не зможу ніжний погляд
І мову лагідну, як сон.
Душа беззвучно й досі стогне
Під сяйвом вранішніх ікон.

Пішла в служниці ти Христові,
Кохання з розуму звело.
Та карі очі й чорні брови
Шанує в пам'яті село.

Мій спів про тебе невеселий,
В дощах осінніх тихий плач.
Журба нам різні долі стеле.
Пробач любов мою, пробач.

* * *

Дві чарки на столі і самогон на травах.
З городу власного свіженькі огірки.
Давайте вип'ємо за вас, рідненька мамо,
за ваші довгі і тяжкі роки.

По чарці випили, по другій і по третій.
Бог любить трійцю — здавна повелось.
Ніхто не застрахований від смерті,
Так хочеться, щоб вічно вам жилось.

Живіть щасливо, не хворійте, мамо.
Зозуля хай не лічить вам роки.
Щоб на столі був самогон на травах,
І ми на спомин всі були легкі.



Изумруд Босфора

Цикл

* * *

Византия! Опять твое имя щекочет мне слух,
И в бурлящую Лету, подобно веслу,
Погружается память, где в звоне печальном вериг
Греет варваров пламя трепещущих свитков и книг.

Это Рима Второго, возможно, бредовая ложь,
Это в бархатных сумерках тени тщеславных вельмож,
Это злата и яда содружества тайная нить,
Это — грех, что без жертвы нельзя искупить.

Но зачем же тогда, как свирели пастушьей мотив,
Об Исминии юном с Исменой оттуда летит,
Феофановы фрески, мерцая, выходят сквозь чернь
И пленят, и медово пьянят так... зачем?!.

* * *

Море Черное, море Мраморное —
Те же волны, и пахнет липами,
И, как русские флаги в трауре,
Облака над Галлиполи.

Светотени родной истории,
Сквозь которые невыносимо
Пароходов гудящих стоны
Из Одессы и Новороссийска.

Там, где беды прошли, протопали
Меж двух Азий — Большой и Малой,
Над Стамбулом — Константинополем
День осыпался розой алой.

* * *

Сумерками город охватило,
Охладило улиц духоту.
Без потертой лампы Аладдина,
Как во сне, вступил я в сказку ту.

Сладко все же, если еще веришь
В мир, что сам себе вообразил,
А Султанахмет* кружит, как дервиш,
Мает душу, словно муэдзин...

Пешеходы около и мимо,
И меж ними — как же не узнать! —
В шали бирюзового отлива
Та, что Шаганэ могли бы звать.

* * *

Ну вот, еще одна осень...
Жаровен уличных дым,
Неторопливы осы
Над грудами сочных дынь.

Арбузов и винограда
Очередной прилив.
Из бывшего Царьграда
Привет, приятель, прими.

Щита на его воротах
Не отыскать следа,
Но чайки тут и вороны
Такие же, как всегда.

А Золотого Рога
Играющая волна —
Аллаха ль, иного Бога, —
В своей красоте равна.

* Квартал в старой европейской части Стамбула.

Быть может, я простофиля,
Но в спор не желаю лезть:
Прекрасна Айя-София
Такая, какая есть!

Дивлюсь делам и реликвиям
При звездах и в свете дня.
Не ладят подчас религии —
В культуре мы все родня.

Взглянув на месяц, что плошкой
Горит в синеве, как спирт,
Я в воду монетку брошу —
Под светом этим пусть спит.

* * *

За горизонт — стихия пенная,
Как Айвазовский без эскизов,
А я ищу, где ойкуменою
Казался греку берег скифский...

* * *

Улочки Галаты
Вверх и вниз
Юркие
Будто ящерицы

Старый трамвай
Как копилка с монетами
Позванивая
Тащится по Истикляль

Ары Гюлера
Ожившие фотографии
Смешиваются со страницами
Орхана Памука

* * *

Уз и шор не чтит
Туч гнедых табун,
Над Босфором мчит —
Будто мнет Стамбул.

* * *

Зачем арабских слов узор —
Коран венчающие стебли,
И краски, взятые у зорь,
Коврами под ноги мне стелет.

Я б речи той испил восторг
И, может быть, ей пригодился,
Когда б мне был родным Восток,
Да только я не там родился.

* * *

Не вступая с классикой в раздоры,
Птицей не взлетая в небеса,
"Никогда я не был на Босфоре..." —
Как Есенин мог бы написать.

Сколько лет назад... да разве важно!
Ведь отныне знаю я о том,
Как тут чайки режут воздух влажный
И вода вскипает под винтом.

Как соленый ветер бьет при этом,
Как восточной звездною семьей
Иглами османских минаретов
Вышит полумесяц над землей.

Сентябрь 2010
Париж



Мой мир

"Не королевствуй, мама..."
Лёвушка Гумилёв — Анне Ахматовой

Не королевствую, и знай же,
Что больше мучусь, чем витаю,
Что слов не сказанных пожарища
Я от себя не отметаю.

Вот, изогнувшись и устало
От долгого копанья в пепле,
Я саржей старой покрываю
Сегодня недопетое.

О, светословие — всем в радость.
Но Божеством себя не чту. —
Мне королевства не досталось,
Но словом царственным — живу.

* * *

Уже люблю я слово "долголетье"
И знаю скорбь вершины покоренной,
Цветущих трав ценю непревзойденность
И голосом чужим не стану петь я...

В расселине глухой за старым тыном,
В промокшей горсточке земли и тлена
Живет осколком праведной вселенной
Душа, укрывшись паутиной.

* * *

Мне бы вальс Свиридова —
Лирикой Пушкина меченый,
И сонеты Шекспира
В музыке Таривердиева.

Мне бы "Шопениану"
В серпантине балетного радения.
Мне бы "Донну Анну"
В Высоцкого исполнении —

Тогда — звездною пылью припорошенная,
В миры иные вознесенная и оглушенная,
Первозданно чистая, в поклоне Пречистой —
Еще поживу, еще выстою.

* * *

Воспой, душа, о бригантинах,
О братчинах и пенных винах,
О сладости предутреннего сна,
О радости, что поит допьяна
Посулами высокого витийства.
А где-то — небосвод искрится,
И птахой — вовсе не жар-птицей —
Трепещется моя судьба.

Когда в душе архангелоголосый тон,
Уходит боль и ясен небосклон.



Александр ЖИГУНОВ*

Записи офицера

* * *

Скала в отвес на том хребте,
Где я с тобой наедине
Вновь повстречался.
Но не видел в этом горя.
Смерть, как косою, у меня
Содрала кожу у виска
Со смертью близко так безжалостно не спорят.
Я шел по скалам впереди
С сержантом, белым, как саван.
Он поседел, а ему двадцать, — это горы.
С Р.107-ю на плечах
Пытался я в эфир кричать:
Душманы — П 10, Выше 3, быстрее, Боря.
А Боря знал, какой накал,
Что я его не просто звал,
Что П 10, Выше 3 — совсем как мизер.
Мы вызывали на себя
Огонь, который бушевал —
На той скале, где мы сидели
В наших жизнях.
Я вдруг почувствовал толчок,
И ободрало мне висок.
Смерть разъярилась — всюду
Взрывы и осколки,
Потом второй в плечо мое
И в голову — не повезло,
Но тот сержант был парень сильный,
И я выжил...
...Я помню гной из моих ран
И бинт, как грязный шарабан...
И глаз, зашитый мне врачом,
Едва не вытек.

* Автор — кадровый военный, сражался в Афганистане, в других горячих точках планеты. Издал сборник "Записи офицера", из которого взяты эти стихи.

Сержант остался жив со мной,
Вновь мы пойдем с ним вместе в бой.
Нет, еще рано уходить
Из этой жизни.

Серые гуси

Тихо машинка "Занусси"
Форму мою стирает.
Серым родился я "гусем" —
Значит, судьба такая.
Завтра я буду в Панаме,
А послезавтра — в Дели.
Жарко сейчас в Гаване,
Как дороги мне ели!
Корея, Вьетнам, Камбоджа —
Нам всё, как в рай ворота.
Мы ведь не просто "гуси",
Мы ведь с тобой — пехота...
...Осенний лист упал под ноги,
Дрожит от гула самолет.
Разлита на прощанье водка,
Душа торопится — вперед.
Куда? Сегодня я не знаю,
Ведь не подписан мной контракт.
Да, я давно вот так летаю,
Но рядом верный автомат...
И на болота Ганы
В Африке незабвенной
Падали серые "гуси" —
Будто со всей Вселенной.
Ангола от Пакистана
Так далеко — "Иисусе!"
Только и здесь, как ни странно,
Также упали "гуси"!
Люди без знаков отличий,
С темным загаром — налетом,
Могут бежать, не сгибаясь,

Не обливаясь потом.
Где-то за гранью чувств
Спрятано чувство утраты.
Как дорога им жизнь,
Только они солдаты.
Что же вперед толкает
Этих людей в опасность?
Снова разлита водка,
Эй, неизвестность — здравствуй!..
...Кровь запеклась на ране,
Кость не задета — цела.
Копоть от автомата —
Пот заливает глаза.
Пахнет анисом и водкой,
И над болотом туман.
Ком подкатился к глотке,
Слезы сплошные в глазах.
Много я в жизни знаю:
Как воевать, стрелять.
Карты, как Бог, читаю,
Сутки могу бежать!
Пить могу из болота,
Ночь напролет мечтать,
Жить под огнем пулемета
И под разрывы спать!..
...Только кольнет под сердцем
Грусть — ком подкатит к горлу.
Крик в пятьдесят килогерцев —
Горечь разлуки вспомню.
Ну, а потом струится
В жилах, в аорте, в мозгу.
Жизнью мне не напиться!
Я всё бегу, бегу!
Еду ли просто — в танке,
Или шикарном бусе,
А в облаках курлычат,
Перелетая, "гуси"...

Ушел герой...

Ушел герой... Лишь стул из гарнитура
Ручной работы ("Мастерская Гамбса")
О гнутых ножках лаковой фактуры,
Застыв, на Дерибасовской остался.

Ушел герой... Смахнет слезу украдкой
Бедняжка Грицацуева вслед мужу:
Красавец-бог с тигриною повадкой —
О, как он ей сейчас, поверьте, нужен!

Ушел герой... Мелькнул за поворотом
Подметкой "апельсинного" штиблета.
И шарф, концом цепляясь за ворота,
Не смог сдержать того, кто канул в Лету.

Ушел герой... Закрыл на ключ эпоху
Романтиков и искрометных шуток.
Ах, боже мой, как было бы неплохо
Вернуть его, хотя бы на минуту!

Ушел герой... Безмолвно... Тихо вышел...
Унес мечту — каемочкой на блюдце.
Но где-то там (не в Рио, а повыше),
Нам Ильф с Петровым грустно улыбнутся.

Зимний сон

Зима, как зверь свирепый, мглу
грызет, являя прикус волчий.
Мой крик сползает по стеклу,
но молча.

Слепая ночь горчащий яд
со льдом мешает в кружке стужи,
рождая сто миров, где я
не нужен.

Мой сон метелью снежных бритв
разбит на множество осколков,
и я не сплю, я лишь убит,
и только.

И забыть, и забыться...

Разбежаться и прыгнуть в сугробы,
с головою укутаться в снег,
и забыть, и забыться... И чтобы
разбудили меня по весне
воробьи щебетаньем небрежным.
Чтоб умыл теплый мартовский дождь,
и на ушко влюбленный подснежник
прошептал: "Не меня ли ты ждешь?.."

...И от нежности ранних цветов
возродиться пронзительной птицей,
ни секунды не помня про то,
что хотел и забыть, и забыться...

Гроза

Вот росчерк молний — вензель Бога
всевышним штампом в бланке неба.
Наряд на влажную уборку
вручен погоде. Та от гнева
зашлась в раскатах кашля грома,
пугая кошек, сны, прохожих...
И первой каплей — самой громкой —
вонзился в стекла дождь. Похоже

на выстрел. Впрочем, дальше хуже —
идет пальба со всех орудий,
бурлят-шипят воронки в лужах,
а тучи напирают грудью
на город, что в испуге стонет,
под страшным шквалом погребенный.
Он стар и дряхл, он слаб в ладонях,
но чист, как маленький ребенок.

Просыпаешься утром...

Просыпаешься утром,
а солнце уже на ногах.
И щебечет о чем-то своем воробьиный народ...
Прошепчу себе: "Счастье?.."
и сам же отвечу: "Ага..."

и вблизи разгляжу эту синюю птицу,
что вот
здесь на ветке уселась, пичуга —
смешной хохолок;
"Здравствуй, здравствуй, родная!" —
ей руки навстречу тяну...
И проснусь окончательно.
Солнцем залит потолок.
И часы заплетают секунды
в косички минут...



Олег БОРУШКО

Мария

Программе Skype посвящается

Позабыть и проснуться? Почти как уснуть, умереть.
Уместить на полях, на обертке от детского мыла
Две строки о тебе — и оставить навечно гореть
Истекающий воском фитиль подросткового пыла.

Ты сегодня блондинка. Брюнетка была бы видней
В искаженном окошке вебкамеры поутру рано,
Где родство проступает не светом студенческих дней,
А количеством пикселей на единицу экрана.

Мой компьютер для умной беседы не слишком хорош:
Слишком мягкий режим на окраине жесткого диска.
На простые вопросы, к примеру: "Ну, как ты живешь?"
Ставлю прочерк по каждому пункту из длинного списка.

Так во сне пулеметная очередь — без огонька,
Без единого звука и без боевого задора.
То ли по недосмотру примерзла к гашетке рука,
То ли просто несет холодком от стекла монитора.

Ничего не случилось, а снова кончается день.
Делать вид ни к чему, а не делаешь — даже красиво...
Зарабатывать деньги и скучно, и попросту лень,
А стихи сочинять — все никак не поймаю мотива.

Впрочем, здравствуй, Мария. Лекарства не выдумать нам,
К виртуальным заутреням так устремившимся пылко.
Но скажу по секрету (чего нам — своим пацанам!):
Тут у нас за углом — по одиннадцать фунтов бутылка.

Гений ремесла

"Монблан" не пишет, и "Мартель" горчит,
да и душа не требует соблазна.
Мария, я надеюсь, ты согласна,
что без соблазна — рукопись молчит.

Вернее, ничего не говорит,
как ни тасуй и ни коверкай слоги.
Я словно бы шагаю по дороге,
где ни одно окошко не горит.

А вспыхнет на последнем этаже,
поманит — долгожданная примета!
Но знаешь наперед источник света,
и гаснет свет в окошке и в душе.

Уехать? По накатанной пойдешь
в гараж, где все налажено к отъезду:
автомобиль, готовый мчаться к месту,
где впечатленья сыплются, как дождь.

Зарницы человеческих страстей,
действительности влажные картины —
лишь мутный оттиск подлинной картины,
речитатив для сводки новостей,

трезвон прибрежной гальки. Здесь пора
сказать стихами, то есть безыскусно:
расплатой за познание искусства
является молчание пера.

Но в роли полномочного посла,
с конца капота весь — лазурь и никель,
мне салютует в солнечной тунике
немой и гордый гений ремесла.

Портретик

Четвертый день ребенок в доме,
в ушах, извилинах, висках.
Пошел поесть. В дверном проеме
она с младенцем на руках,

как в четырехугольной раме.
Какой затасканный сюжет!
А впрочем, кажется, в исламе
такого нет.

И третий лишний на картине
плечом оперся о косяк,
дав отдых телу. Вдруг в квартире
быт содрогнулся и иссяк

в момент, когда на скрип в прихожей
над сыном обернулась вдруг.
Какой обыденный, расхожий,
какой божественный испуг!

Ночью

Без повода, задолго до рассвета
проснувшись, находил глазами руку,
я находил ее почти по звуку,
как узнают собрата по привету.

У самого лица, поверх подушки,
немой вопрос в полуоткрытой горсти.
Не отрываясь, я глядел послушно,
по недосмотру приглашенный в гости.

Как тайное переливанье крови,
в окне менялись очертанья ночи.
Я, недвижим, лежал с рукою вровень,
я сам себе казался беспорочен.

А лунный луч — он выведет из тени
узоры тонких линий на запястье,
скользнет к лицу и подле губ застынет,
как серебро для первого причастья.

Гюзель

Я не храню семейные обеты,
мои кумиры — ночь и алкоголь.
Все кошки серы, грешники отпеты,
и ангелы пострижены под ноль.

Как в смертоносном танце Саломея —
туркменочка со шрамом на лице
любила, словно бы писала мелом
на белоснежном ватманском листе.

Ей не терпелось выглядеть живее,
чем лица предков в глиняных гробах,
но голый почерк ветра-суховея
сквозил в ее движеньях и губах.

Он звал подняться с купленной постели
и разрешить рискованный вопрос:
какие духи дремлют в гибком теле,
и что сулит рисунок тонких кос?

И я изнемогал в ее порывах —
подобье солнцем выжженных пространств,
и радостная грация надрыва
была верней — дика и горделива —
всех на земле бесплатных постоянств.

Ах, не ищите в голосе трагизма,
трагизм смешон, когда такая власть!
И исцеляет душу от цинизма
за пять червонцев купленная страсть.

Лондон

Александр МАРДАНЬ

Аншлаг*
(История одного покушения)
Грустная комедия

Действующие лица:

Юрий Петрович — худрук столичного театра, 52 года
Константин Георгиевич — негоциант, 49 лет
Актрисы театра:
Лариса — 29 лет
Анастасия — 28 лет
Надежда — 31 год

Действие происходит в наши дни.

Все живут играя, но только актеры играя живут.
Автор

Картина первая

Кабинет художественного руководителя столичного театра. Открывается дверь, входит молодая женщина, за ней хозяин кабинета.

Юрий Петрович: Лариса, у меня три минуты. Через час нужно быть в мэрии. Если ты опять по идиотскому вопросу, то ничего не изменилось.

Лариса: Нет, я по нормальному. Поменяйте мне числа на следующий месяц.

Юрий Петрович: Зачем?

Лариса: Хочу к маме слетать.

Юрий Петрович: Так лети.

Лариса: У мамы юбилей 18-го, а у меня "Свадьба" 19-го.

* Перевод с немецкого:
1. Удар.
2. Покушение.
3. Смета, оценка, расчет.
4. Игра в палочку-выручалочку.
5. Объявление, что все билеты на спектакль проданы.

Юрий Петрович: Снова замуж выходишь?

Лариса: Да... За Антона Павловича.

Юрий Петрович: Бедный Чехов... Ты только сегодня узнала, когда у мамы день рождения? И с каких пор художественный руководитель занимается числами?

Лариса: Пусть Настя вместо меня сыграет. Она же репетировала. А я, если надо, ее "На дне" подстрахую.

Юрий Петрович: В скафандре или с аквалангом?

Лариса: Не смешно. Ну хоть в чем-то вы мне можете пойти навстречу? Сколько я вас просила назначить меня на роль Нины? Кстати, Лариса по-гречески — чайка. А в результате играет Надька.

Юрий Петрович: Не Надька, а Надежда Константиновна.

Лариса: Вы и роль Настасьи Филипповны ей отдадите. Хотя мне обещали.

Юрий Петрович: Обещать — не назначить. Савельева, почему ты все время интригуешь? Играешь главные роли в трех спектаклях. А добьемся финансирования — построим малую сцену, мы с тобой замечательный спектакль по Чехову сделаем.

Лариса: Я знаю, я вредная...

Юрий Петрович: Ты не вредная, ты полезная. Но противная при этом.

Лариса: А какой спектакль по Чехову?

Юрий Петрович: "Душечку". У тебя замечательно получится.

Лариса: А если б ваша Надежда Константиновна была более покладиста, деньги бы на малую сцену давно появились.

Юрий Петрович: Ты сейчас о чем?

Лариса: А то вы не знаете, как за ней председатель попечительского совета ухаживал?

Юрий Петрович: Ты в курсе, что любопытной Варваре нос оторвали?

Лариса: На базаре... Ухаживал, ухаживал, в Анталью приглашал, а она: "Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна", — вместе с малой сценой... для родного театра... Введите меня в "Чайку", я бы в очередь с ней играла. Сразу станет видно, где талант, а где амбиции.

Юрий Петрович: Нашла конвоира. "Введите, выведите..." Талант это интуиция, а для тебя... нахальство — второе счастье.

Раздается звонок по внутреннему телефону. Юрий Петрович нажимает кнопку громкой связи.

Женский голос: Юрий Петрович, вы Борисову на шестнадцать встречу назначали?

Юрий Петрович: Какому Борисову?

Женский голос: Его зовут Константин Георгиевич, как маршала Жукова.

Юрий Петрович: Жукова звали Георгий Константинович, а так звали Паустовского.

Женский голос: Извините. Но через две минуты он будет у нас.

Юрий Петрович: Мне же в мэрию. Скажите, что меня нет!

Женский голос: Это же Борисов.

Юрий Петрович: Ну и что?

Женский голос: Тот самый! Мне начальник его охраны звонил.

Пауза.

Юрий Петрович: Твою бабушку! Вспомнил... Конечно, я его жду... (*Отключает громкую связь.*) Ладно, Лариса, разберемся с твоей мамой, иди на репетицию. Осторожно на лестнице, охрана вооружена.

Лариса быстро уходит. Юрий Петрович оглядывает кабинет, суетясь, достает и ставит на стол пепельницу, несколько раз репетирует широкую улыбку и рукопожатие. Ставит и убирает со стола бутылку коньяка.

Звонок по внутреннему телефону.

Юрий Петрович: Приглашайте, я жду.

Входит элегантно одетый мужчина среднего возраста. Юрий Петрович встает, идет к нему навстречу. Мужчина внимательно смотрит в лицо Юрию Петровичу и, чуть помедлив, протягивает руку.

Гость: Здравствуйте. Константин Георгиевич.

Юрий Петрович: Здравствуйте. Юрий Петрович. Очень приятно. Присаживайтесь, где вам удобно.

Гость садится в кресло, Юрий Петрович — за свой стол.

Юрий Петрович: Знаете, я когда с вами поговорил по телефону, то, честно говоря, не понял, что это вы. То есть вы сказали, что зайдете, нам есть о чем поговорить. А я и не подумал, что вы — именно тот Борисов.

Константин Георгиевич: А если бы поняли — то не приняли?

Юрий Петрович: Да нет, что вы! Я очень рад видеть вас в нашем театре. Может, чаю или кофе хотите?

Константин Георгиевич: Нет, спасибо.

В кабинете повисает пауза. Каждый собеседник ждет, что разговор продолжит другой.

Юрий Петрович: Вообще-то, мы должны были на гастроли в Питер уехать. Но прокатчик оказался слабенький. Билеты плохо продавались... В последний момент отменили. Весной поедем... Может, все-таки чаю?

Константин Георгиевич: Нет-нет, спасибо.

Константин Георгиевич осматривает кабинет, рассматривает фотографии, висящие на стене.

Юрий Петрович: Труппа у нас хорошая. Неплохая труппа. Проблема, что многие снимаются. Понятно — там больше платят. Хотя сейчас, сами знаете, снимать стали меньше... Вот недавно "Чайку" выпустили... Пресса хорошая. Ну, кто-то поругал, кто-то похвалил, как обычно... Планировали малую сцену в этом году открыть, но все упирается в деньги... Попечительский совет есть, но опять же, у всех кризис, поэтому о реконструкции речь не идет... А может, по рюмочке? На улице-то холодно.

Константин Георгиевич: Нет, спасибо. Я не пью.

Повисает пауза.

Юрий Петрович: Я практически тоже. Так вот... если гости. С драматургией сейчас, сами знаете, — новая драма в моде, но я к ней как-то осторожно... Зрителей тоже не поймешь, чего они хотят. Впрочем, так всегда было... Еще корпоративные вечера устраиваем. Да вот... совсем забыл: у нас детские спектакли хорошие. "Морозко", "Щелкунчик". Мы, кстати, и детские корпоративы организуем. Если у вас внуки... или, может, дети, то можно и такое. Дети сначала спектакль смотрят, а потом вместе с актерами торт едят, в разные игры играют, шарики надувают. Весело получается. Недавно внук мэра у нас день рождения отмечал.

Константин Георгиевич: Нет, спасибо. Дети выросли, внуков нет.

Юрий Петрович: А я, кажется, понимаю. Вы по поводу здания? Могу сейчас организовать просмотр. Но вы знаете: с точки зрения недвижимости мы такое же государственное учреждение, как, например... прокуратура.

Константин Георгиевич: Не совсем. Вас посещать намного приятнее.

Юрий Петрович: Спасибо. Хотя статистика утверждает, что к нам ходит всего два процента населения города плюс приезжие. Театр заставляет думать. А думая, редко кто остается собой доволен.

Константин Георгиевич: А те, кто ходят, — довольны собой?

Юрий Петрович: Всегда собой довольны — дураки, а к нам ходят умные. Просто думать они уже привыкли. А может, воды минеральной? Есть с газом, есть — без.

Константин Георгиевич: Нет. Спасибо. Я недавно проезжал мимо вашего театра. Был сильный дождь, колесо пробило. Охрана хотела пересадить

меня в джип, а я в джип не захотел. Время — без пяти семь. Остановились как раз напротив кассы. Я вспомнил, что в театре уже лет двадцать не был. Ну, на разных мероприятиях, как вы говорите, корпоративах, а на спектаклях — ни разу. Решил — пока они колесо меняют, зайду, посмотрю, что идет. "Чайка". Купил билет. На охране сэкономил. Сказал, что в театре я в полной безопасности. В антракте не ушел. Хороший спектакль у вас получился.

Юрий Петрович: Спасибо. Я "Чайку" давно хотел поставить.

Константин Георгиевич: И актрису на роль убийцы удачно подобрали.

Юрий Петрович: Какой убийцы? Может, вы перепутали? Это не у нас было. Тут по соседству один театр акунинскую "Чайку" поставил. Там все персонажи по очереди Треплева убивают.

Константин Георгиевич: Ну что вы, я редко ошибаюсь. Это ваш спектакль.

Юрий Петрович: Какая же она убийца? Она жертва.

Константин Георгиевич: Но последняя, кто видел его живым. А как вы сами думаете — почему он застрелился?

Юрий Петрович: Ну, на это много причин. Каждый сам делает вывод.

Константин Георгиевич: Зачем она сказала, что любит другого? Могла не говорить. Этим и довела до смерти. Она не жертва...

Юрий Петрович: Странное убийство, без мотивации. Не думаю...

Константин Георгиевич: А почему Чехов назвал эту историю именем хищной птицы? Назвал бы "Голубкой". Или "Уткой". Дичи на озерах стрелять — не перестрелять.

Юрий Петрович: Дикой уткой назвать не мог. Ибсен так назвал пьесу за двенадцать лет до "Чайки". И потом утку можно пожарить и съесть, а убийство чайки бессмысленно.

Константин Георгиевич: То есть без мотивации... Герой убивает чайку, а Чайка убивает героя. Ее знаете, как ловят? В петлю. И если неосторожно к ней приблизиться, она выклюет охотнику оба глаза за секунду.

Юрий Петрович: Любопытно, не знал.

Константин Георгиевич: А недвижимость меня не интересует.

Пауза.

Юрий Петрович: Мне лестно, что вы ходите в наш театр. Почему только не предупредили? Билеты покупаете... Я бы пригласительные организовал...

Константин Георгиевич: Спасибо... Вы, конечно, не совсем понимаете цель моего визита. Скажите, тут говорить можно? Не слушают? (*Осматривает потолок помещения.*) В пожарной сигнализации камер нет?

Юрий Петрович: Не проверял, но думаю — нет. Что у нас подглядывать? Придет один актер, нажалуется на другого. Или актриса числа просит.

Константин Георгиевич: Какие числа?

Юрий Петрович: Мы даты спектаклей числами называем. Чего нас слушать? Финансовые потоки театры огибают, а говорить сейчас все дозволено. Цензуры нет. Ставь что хочешь, ходи в чем хочешь... Главное чтоб деньги в кассе были. Не можем позволить идеологию, не подкрепленную проданными билетами. У меня водитель — рыбак. Часто повторяет "Нанизывайте на крючок, что нравится рыбе, а не вам". Вот и нанизываем. Мейнстрим ловим, настроение. Ищем, как Костя Треплев, новые формы. Не всегда находим. Но готовы помочь, чем можем. Так что слушаю вас внимательно.

Константин Георгиевич (*достает из кармана связку ключей, перебирает их в руках*)**:** Сейчас попытаюсь сформулировать цель моего визита... Возможно, произведу на вас странное впечатление. Понимаете, у меня проблема наоборот, она не в том, что чего-то нет, а в том, что все есть. Дома, машины, яхта. Недавно "Тольфстрим" купил.

Юрий Петрович: Течение?!

Константин Георгиевич: Нет, так самолет называется. Пять тысяч миль без посадки. У меня даже остров есть. В Карибском море. Небольшой, но с пресной водой. Пляжи замечательные. Причал построили. Вертолетную площадку. Сейчас взлетную строят, чтобы самолет мог приземлиться. Ну, остальное в интернете прочитаете. А вот главного... Главного нет. То есть — жена и дети есть. Правда, взрослые... Проблема, наверное, в том, что меня никто не любит. Жена давно, дети недавно. Любовница — убежденная материалистка, про остальных я и не говорю. Друзья кончились. Остались партнеры по интересам. Или интересанты по партнерству. Это, к сожалению, уже долго. Я, наверное, не один в таком состоянии.

Юрий Петрович: "Винный погреб есть, а штопора нет". Бывает...

Константин Георгиевич: Просыпаешься, умываешься и не знаешь, что делать с жизнью. Ничего не хочется, даже хотеть не хочется. Куда идут в таком случае? В церковь. Или сразу на кладбище. То есть к Богу по прямому варианту, без посредников. А вы, если не секрет, в загробную жизнь верите?

Юрий Петрович: Честно? В Бога верю, а в загробную жизнь... не очень. Если ошибусь, будет приятный сюрприз.

Константин Георгиевич: Но это если в рай попадете, а если...

Юрий Петрович (*смеется*)**:** Ад мне не грозит, в худшем случае — чистилище. Да не будет сюрпризов.

Константин Георгиевич: Так вы и ставите.

Юрий Петрович: Может, поэтому вам и нравится.

Константин Георгиевич: В общем, с церковью у меня не сложилось, но это отдельная тема... (*Пауза.*) И тут колесо пробило. Зашел в театр и почувствовал что-то знакомое, близкое. Вспомнил, как в детстве в него в первый раз попал, с бабушкой. В большом городе в большой театр. "Сказка о царе Салтане". Полет шмеля... Мир на сцене сказочный. Другая жизнь, зазеркалье. Мы жили в небольшом городе, там таких театров не было. Но с тех пор то, что происходило на сцене, меня завораживало. Я даже влюбился в первый раз в Снегурочку на каком-то утреннике. Это я сейчас понимаю, что ей лет сорок было. (*Пауза.*) Как-то нас всем классом на "Ромео и Джульетту" повели... Красивая она была. Мне казалось, будь я на сцене рядом с Джульеттой, был бы выше, сильнее, смелее. Потом без класса на этот спектакль раз десять ходил. Мечтал о ней. Не представлял, что она, простите, в туалет ходит. Понимаю, что произвожу на вас впечатление ненормального... Нормальные в метро ездят, а я на "Гольфстриме" летаю.

Юрий Петрович: Не все в метро. Я, например, на машине езжу.

Константин Георгиевич: Да я не про это. Не хотел вас или кого-то обидеть.

Юрий Петрович: А мы не обижаемся. Мы вас внимательно слушаем.

Константин Георгиевич: Так вот, когда я у вас "Чайку" смотрел, в голову пришла мысль, что мне нужно в театр. Вспомнил, как в детстве хотелось на сцену, чтобы стать другим.

Юрий Петрович: Я, кажется, понял... Вы хотите играть. Это детская мечта. Хотели быть актером, но — не сложилось, правильно?

Константин Георгиевич: Нет.

Юрий Петрович: Что-то написали? Есть интересный материал?

Константин Георгиевич: Материала полно — шить некому.

Юрий Петрович: Вы хотите поставить?

Константин Георгиевич: Если я играть не умею, как же ставить?! Понимаете, я бы хотел оказаться в зазеркалье, куда других не пускают. И еще. Я хочу, чтобы меня любили. У меня есть одна история. Он и она. Он постарше, она помоложе. Я потом расскажу. Есть наброски. Понимаю, у вас репертуар, вы государственное учреждение, почти как прокуратура. Но я оплачу постановку и все, что нужно. Нужен режиссер и одна актриса.

Юрий Петрович: Значит, все-таки вы хотите играть.

Константин Георгиевич: Я не хочу играть, я хочу жить.

Юрий Петрович: В театре не играть нельзя. Вы закон соленого огурца знаете?

Константин Георгиевич: Не помню.

Юрий Петрович: Простой закон. Свежий огурец, помещенный в раствор соленой воды, через некоторое время становится соленым. Это я вам на всякий случай...

Константин Георгиевич: Спасибо за информацию.

Юрий Петрович: Что касается вашего предложения... если все оплатите, это может быть даже интересно, как такая... новая форма, и... раз в месяц можно камерный спектакль... может быть.

Константин Георгиевич (*перебивает*)**:** Нет, вы не поняли. Я хочу каждый день.

Юрий Петрович: В Средние века актеров хоронили за оградой кладбища не только потому, что они искажали лик человека, созданного по подобию божьему, но и из-за гордыни, первого смертного греха.

Константин Георгиевич: При чем здесь гордыня? Мне необходимо каждый день, иначе меня это не спасет.

Юрий Петрович: Константин Георгиевич, вы, наверное, не знаете, но есть такая пьеса — "Месье Амилькар, или Человек, который платит"...

Константин Георгиевич (*перебивает*)**:** Представьте — знаю. Перед встречей с вами я кое-что прочел... Там главный герой, если не ошибаюсь, где-то раздобыл денег, и через агентство нанял жену, дочку, друга, папу, маму, еще кого-то, поселил всех в загородном особняке. Они все делают за деньги, а потом расстраиваются, когда его полиция забирает за растрату. И понимают, что они его полюбили. Нет, я не об этом. Я же не в эскорт-сервис пришел, а в театр... Но я хочу — каждый день.

Юрий Петрович: Да, но у нас же репертуарный театр.

Константин Георгиевич: Понимаю. Но ведь вы хотели построить малую сцену. Давайте сделаем. На сколько зрителей планируете?

Юрий Петрович: Двести мест.

Константин Георгиевич: Впрочем, неважно, сколько людей на меня будут смотреть. Мне главное, где я окажусь.

Юрий Петрович: Но малая сцена — это тысяч триста. Условных единиц.

Константин Георгиевич: Не страшно. А проект, согласование на реконструкцию у вас есть?

Юрий Петрович: Да, все есть... кроме денег.

Константин Георгиевич: Замечательно.

Юрий Петрович: Но все-таки — каждый день...

Константин Георгиевич: А как на Западе? Там спектакль играют ме-

сяц, два, три, а то и год подряд. Один мюзикл в Лондоне двадцать пять лет идет. Каждый день. И потом, я же сказал — вы не будете зависеть от сборов, будут зрители или нет.

Юрий Петрович: Ну, тогда хорошо. Мы же ищем новые формы. Вот одна из новых форм. Олигарх играет... простите — живет на сцене. Каждый день.

Константин Георгиевич: Знаете, я не люблю слово "олигарх". Оно мне напоминает "олигофрен". Им обоим чего-то не хватает: одному — ума, другому — денег. Кстати, деньги дают намного меньше возможностей, чем кажется, когда их нет... Называйте меня по-другому. Негоциантом, например.

Юрий Петрович: Негоциант — это тот, кто договаривается?

Константин Георгиевич: Да, сегодня — с вами договорюсь.

Юрий Петрович: Можно посмотреть пьесу? Хотя бы расскажите сюжет или фабулу.

Константин Георгиевич: А чем они отличаются?

Юрий Петрович (*усмехаясь*)**:** Мотивацией, точнее, ее отсутствием.

Константин Георгиевич: Интересно. Если договоримся о главном, — расскажу. Там не будет жесткой линии. Каждый день можно по-разному играть. Героиня любит героя, а ситуации меняются.

Юрий Петрович: Замечательно. Вы меня заинтриговали. И как долго вы хотите, чтобы это представление шло?

Константин Георгиевич: Для начала — год.

Юрий Петрович: Год?! Каждый день?! А как же ваш остров? И потом, актрисе, кто бы она ни была, придется отказаться от других ролей. И еще от многого...

Константин Георгиевич: Конечно, придется. Мы подпишем с ней контракт, она не сможет уезжать из города, заниматься чем-то еще, там много пунктов.

Юрий Петрович: А в материальном плане?

Константин Георгиевич: Сколько у вас актриса получает в среднем?

Юрий Петрович: Ну, где-то эквивалент тысячи долларов в месяц...

Константин Георгиевич: Тогда мы предложим ей тысячу в день. Пятьдесят процентов авансом. Пятьдесят — пропорционально за каждый спектакль. На всякий случай застрахуем ее жизнь и здоровье. На такую же сумму. Но нам нужен третий.

Юрий Петрович: Если такие условия предлагаются актрисе, то, думаю, третий найдется. Вам же моя "Чайка" понравилась? Надеюсь, что и режиссера не обидите.

Константин Георгиевич: Не обижу.

Юрий Петрович: Спасибо. А я с утра думал, что день какой-то — не заладился. Все с утра не так. А вы пришли — и понимаю, что наоборот, все очень даже так.

Сигнал громкой связи.

Женский голос: Юрий Петрович, вы опоздаете в мэрию.

Юрий Петрович: Мария Ивановна, я в мэрию не поеду. Позвоните, придумайте что угодно. Скажите, что у меня приступ.

Женский голос (*взволнованно*)**:** Какой приступ, Юрий Петрович?

Юрий Петрович: Радости! Но вы им это не говорите. Будем говорить правду, только правду, но не всю. (*Отключает связь.*) Константин Георгиевич, зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? У меня сейчас репетиция идет. Хотите — пригласим несколько актрис, проведем кастинг?

Константин Георгиевич: Давайте. Как говорят таксисты — раньше сядешь, раньше выйдешь.

Юрий Петрович (*по телефону*)**:** Мария Ивановна, пригласите Ларису, Надежду и Анастасию. (*Отключает телефон, обращается к Константину Георгиевичу.*) Ну, мы им сейчас о предлагаемых обстоятельствах контракта говорить не будем.

Константин Георгиевич: Конечно, зачем нарушать чистоту эксперимента. Скажите, сколько, по-вашему, займет реконструкция?

Юрий Петрович: При стопроцентном финансировании месяца три-четыре. Сделаем все быстро, качественно и дешево. Смета у меня практически готова.

Константин Георгиевич: Не получится.

Юрий Петрович: Почему?

Константин Георгиевич: А вы закон магического треугольника знаете?

Юрий Петрович: Не помню.

Константин Георгиевич: У него три стороны — "Качественно", "Быстро" и "Дешево". Как только выбираете любые две, третья исчезает. Если быстро и дешево, — то некачественно. А если качественно и быстро, — то недешево. И так далее.

Юрий Петрович: Интересное наблюдение, с постановками происходит то же самое.

Раздается стук в дверь. Входят три молодых женщины.

Юрий Петрович: Три грации. Красота, изящество и радость. Присаживайтесь, богини.

Женщины рассаживаются.

Юрий Петрович: Познакомьтесь — Константин Георгиевич. Анастасия, Лариса, Надежда. Всем очень приятно. Не знаю, знаком ли вам Константин Георгиевич, но в данном случае он — потенциальный продюсер будущего спектакля.

Лариса: Антреприза?

Юрий Петрович: Нет, это будет наш репертуарный спектакль. Но об этом — после. Мы бы хотели сейчас определиться с исполнительницей, поэтому я попрошу вас вспомнить лучшие годы вашей жизни и сыграть этюд. Вы влюбились в человека, которого увидели первый раз в жизни.

Анастасия: Прямо здесь?

Юрий Петрович: Нет, будем строить декорацию. Считайте, что вы на вступительном экзамене.

Лариса: А во что вступаем?

Юрий Петрович: В светлое будущее. Девочки, соберитесь. У вас не будет второго раза произвести первое впечатление... Анастасия, вы первая. Константин Георгиевич, нет, не надо вставать. Вы сидите в кресле. Допустим, это скамейка в парке.

Анастасия проходится по кабинету, проходит мимо Борисова, на секунду ее нога замирает в движении, она делает шаг назад, оборачивается, внимательно смотрит на Константина Георгиевича, молча садится рядом с ним, трогательно смотрит на него. Достает из сумочки пудреницу, секунду смотрится в зеркало.

Юрий Петрович: Достаточно, спасибо. Теперь, Лариса, твоя очередь.

Лариса подходит к Надежде.

Лариса: Дай на секунду сумочку.

Роется в сумке, достает пачку сигарет.

Лариса: Спасибо.

Проходит мимо Константина Георгиевича, останавливается возле него.

Лариса: Простите, у вас не найдется зажигалки?

Константин Георгиевич: К счастью, нет. Не курю.

Лариса: Простите.

Она отходит, через шаг оборачивается, возвращается.

Лариса: Да вообще-то, я тоже не курю. Хотелось познакомиться. Меня зовут Валентина. А вас? Впрочем, не говорите. Я сама угадаю. Валентин. Нет, Константин. Правда, я угадала? Может, нам куда-то пойти, посидеть? Мне кажется, что вам одиноко. Вы не подумайте, я не удочка, просто вы мне понравились. (*Придвигается к нему поближе.*)

Константин Георгиевич: Все-все, спасибо, достаточно.

Юрий Петрович: Теперь Надежда.

Константин Георгиевич: Не нужно, мне все понятно.

Юрий Петрович: Всем спасибо. Все свободны, то есть идите на репетицию.

Лариса: А как представление называться будет?

Константин Георгиевич: А так и будет — "Представление".

Женщины выходят из кабинета.

Юрий Петрович: Первая или вторая?

Константин Георгиевич: Третья. (*Кладет связку ключей в карман.*)

Юрий Петрович: Интересно... Хотя — да, вы же ее в "Чайке" видели, она Нину играет, которую вы подозреваете в убийстве. Она у нас актриса характерная, в прямом и переносном смысле.

Константин Георгиевич: Это что значит?

Юрий Петрович: Это значит, что характер у нее сложный. Хотя — тут все непростые. Так что — по рукам?

Константин Георгиевич: Договорились.

Пожимают друг другу руки. Константин Георгиевич внимательно рассматривает свою ладонь после рукопожатия.

Юрий Петрович: Пальцы пересчитываете?

Константин Георгиевич: Привычка. Кстати, большого не хватает. (*Прячет его и показывает режиссеру кисть наружной стороной.*)

Юрий Петрович (*смеется*)**:** О, кажется, закон соленого огурца начинает действовать.

Константин Георгиевич: В понедельник я к вам заеду. В шестнадцать будет удобно?

Юрий Петрович: Абсолютно.

Константин Георгиевич выходит. Юрий Петрович достает из шкафчика заготовленный коньяк и фужер, наливает полфужера и выпивает залпом. Гаснет свет.

Картина вторая

Прошло пять месяцев.

Кабинет художественного руководителя. Юрий Петрович сидит за своим столом и что-то пишет. После непродолжительного стука дверь открывается, и в кабинет входит Лариса.

Лариса: Юрий Петрович, можно?

Юрий Петрович: А-а, Лариса-актриса, актриса-Лариса. Чайка по-гречески. Утка по-пекински. Присаживайся.

Лариса: Спасибо.

Лариса садится.

Юрий Петрович: Так, слушаю тебя внимательно. В "Чайке" играешь. "Чай, теперь твоя душенька довольна?"

Лариса: Довольна, Юрий Петрович. Но вы понимаете...

Юрий Петрович: Лариса, когда я слышу "вы понимаете", мне сразу становится не по себе, и я перестаю понимать.

Лариса: Вы понимаете, Юрий Петрович...

Юрий Петрович (*перебивает ее*)**:** А хочешь, поставим "Сказку о рыбаке и рыбке"? Для тебя много ролей — крестьянки, дворянки, царицы. И корыто в реквизите найдется. Или тебе опять уехать надо? Мама день рождения раз в квартал отмечает?

Лариса: Юрий Петрович, даже не знаю, как сказать.

Юрий Петрович: Просто, без употребления идиоматических выражений.

Лариса: Меня утвердили на главную роль.

Юрий Петрович: Кто?.. Где?.. Когда?..

Лариса: Вчера. На ТВ. В формате "4 плюс 1".

Юрий Петрович: Плюс один — это ты?

Лариса: Из четырех серий полнометражный фильм сделают. История певицы.

Юрий Петрович: Тоска-а-а.

Лариса: Певица не оперная, а эстрадная.

Юрий Петрович: Да, на оперную ты не похожа. А петь кто будет?

Лариса: Ищут. Съемки начинаются в следующем месяце.

Юрий Петрович: Ну, по ночам будешь сниматься. Я из-за тебя репертуар ломать не буду.

Лариса: Юрий Петрович, я должна была поставить вас в известность.

Юрий Петрович: Ставлю в этом театре я!.. В том числе и в известность.

Лариса: Да, Надьку поставили. Про нее уже вся пресса написала. Одна критикесса с хорошим вкусом назвала статью "Покушение на театр"...

Юрий Петрович (*перебивает*)**:** Критики делятся на две категории — первых нельзя пускать в театр до написания рецензии, вторых — после... Критик не должен иметь вкуса, иначе он превратится в кулинара. Руководствоваться нужно критериями, а не пристрастиями... А тебе кто мешал стать героиней? Дали этюд разыграть...

Лариса: При чем здесь этюд? Говорят, он на "Чайку" десять раз приходил.

Юрий Петрович: А Сталин на "Дни Турбиных" — шестнадцать.

Лариса: Правда?

Юрий Петрович: Есть такая легенда.

Лариса: А я бы на месте Нади на такой контракт не согласилась.

Юрий Петрович: Поторговалась бы еще?

Лариса: Дело не в деньгах... Кстати, "чтобы новым русским стать, бутылок сколько надо сдать"?

Юрий Петрович: Сама придумала?

Лариса: Прочла у кого-то. А где в их "Представлении" искусство? Искусство где?

Юрий Петрович: В сериале, где ж еще?

Лариса: Нет, Юрий Петрович, если серьезно. Экспозиция, завязка, развитие, кульминация, финал. А у них что? Ну, разговаривает мужчина с женщиной, женщина с мужчиной. Бросают реплики, как мячик. А мораль в чем? Где сверхзадача? Разве это театр? Это ток-шоу. Даже не "Окна", а "Форточка" какая-то.

Юрий Петрович: Слышь, домушница, у Надежды Константиновны, в отличие от тебя, есть способность к импровизации. Джаз играют не все музыканты.

Лариса: Джаз — музыка толстых.

Юрий Петрович: Тебе это дедушка-кагэбэшник рассказывал? Джаз — музыка умных. Не надо Надю жалеть, лучше меня пожалей. Теперь Настю на роль Нины вводить, пока ты искусством в сериале будешь заниматься.

Лариса: У меня дедушка в прокуратуре работал.

Юрий Петрович: Извини, обознался.

Лариса: А мне нашего кагэбэшника, представьте, жалко.

Юрий Петрович: Кого?!

Лариса: Ну, Константин Георгиевича, Борисова... КГБ.

Юрий Петрович: В этом смысле... Да, "и милосердие иногда стучится в их сердца..."...

Лариса: Жалко, потому, что он ненормальный... Юрий Петрович, а почему человек сходит с ума? Бесится с жиру?

Юрий Петрович: Или из-за его отсутствия. И потом, жир у каждого свой. Пьянчужка, который берет вторую бутылку красненького вместо закуски, тоже бесится с жиру. Кстати, знаешь, что младшим братьям по ра-

зуму, обезьянам, которые в клетках сидят, ежедневно положена бутылка крепленого вина?

Лариса: Да ну!

Юрий Петрович: Представь себе. Понятно, что полбутылки выпивает старший брат, работник зоопарка, но стакан им перепадает.

Лариса: Зачем?

Юрий Петрович: Иначе они тоже с ума сходят. Так что наличие острова и личного самолета для схождения с ума не обязательно. С другой стороны, когда у человека много лишнего, он сам становится лишними и начинает рассуждать о смысле жизни и одиночестве.

Лариса: Что-то я этого не замечала у сильных мира сего.

Юрий Петрович: А снаружи не видно. Только изнутри. Может, поэтому он пошел искать новое измерение.

Лариса: Пятое?

Юрий Петрович: Может, и двадцать пятое. Новое. Или хорошо забытое старое. Он вошел в театр, как в алтарь храма, за иконостас. Всем нельзя, а ему можно. Недаром говорят, что театр тоже храм. Только в церковь человек приходит общаться с Богом, а в театр — с Человеком. В церкви, как правило, не о спасении души просят, а о решении проблем насущных. А в театр приходят смотреть, как эти проблемы решаются.

Лариса: А те, которые по десять раз спектакль смотрят, — зачем приходят?

Юрий Петрович: Эти? (*Пауза.*) На сеанс психотерапии. Театр врачует души.

Лариса: Так мы здесь — врачи-психиатры?

Юрий Петрович: Ты пока санитарка.

Лариса: Я?!

Юрий Петрович: Ну ладно, медсестра.

Лариса: Мне кажется, что врачевание душ — это пафос.

Юрий Петрович: Пафос — сын Пигмалиона и Галатеи. Прости за эрудицию. Выскакивает в самых неожиданных местах... Например, в разговоре с тобой.

Лариса: Юрий Петрович, а если бы он на шахту устроился, он бы тоже для себя новое измерение открыл? И стоило бы ему это — ноль. Даже не ноль, а плюс шахтерская зарплата.

Юрий Петрович: Меркантильная ты. Может, наш "сын расчета и отваги" шахтером уже был. На постсоветском пространстве потомственных олигархов нет. Еще не выросли.

Лариса: А почему на их "Представление" столько мужиков ходит?

Юрий Петрович: Самоидентификация. Им хочется, чтобы их любили.

Лариса: Так она ж его вроде как и не любит. Все как в жизни, что-то обсуждают, разговаривают, ругаются иногда... Разве в остальных спектаклях женщины мужчин не любят? А в зале девушки до брака, женщины после развода, бабушки и немного мужиков мелкой россыпью... Вот я и говорю: у них не театр, а шоу, которое начинается с того, что его охрана всех магнитом ощупывает, и сумочки выворачивают. Что они там ищут?

Юрий Петрович: Тухлые яйца, что еще...

Лариса: В чем оригинальность? В том, что спектакль каждый день? Это как мюзикл. Те тоже каждый день играют и поют. Удобно — декорацию менять не надо. А где "новая форма"? Дуэт, состоящий из любителя и профессионала? Смотрите "Ледниковый период" и "Танцы со звездами". Кстати, знаете, почему у них такая популярность?

Юрий Петрович: Хромые танцуют, меццо-сопрано на коньках катается.

Лариса: На коньках и медведи катаются. Зрителям интересно не как они танцуют, а как падают.

Юрий Петрович: Да, чайка — птица злая... По себе судишь?

Лариса: А что, кто-то судит по-другому?

Юрий Петрович: Тогда почему у нас аншлаг? На сцене не скользко.

Лариса: Ждут, чтобы наш герой споткнулся, а еще лучше — упал.

Юрий Петрович: Не дождутся.

Лариса: Юрий Петрович, а правда, что он под костюм бронежилет надевает?

Юрий Петрович: Нет, только шлем.

Лариса: Какой шлем?

Юрий Петрович: Как у космонавтов.

Лариса: Все время шутите...

Юрий Петрович: По вышеназванным причинам не верьте, барышни, мужчинам.

Лариса: Вопросов больше нет, спасибо.

Юрий Петрович: Это тебе большое спасибо за известность, в которую ты меня поставила.

Лариса: Большое вам на здоровье, Юрий Петрович.

Выходит из кабинета.

Картина третья

Прошла неделя. Пустая сцена театра. На сцене Юрий Петрович прохаживается в режиме туда — сюда. Появляется опоздавшая Настя.

Анастасия: Юрий Петрович, извините, опоздала, пробки.

Юрий Петрович: Знаете, почему женщины живут дольше мужчин? ...Они все время опаздывают... Поскольку Треплев на больничном — надеюсь, дома, а не на репетиции антрепризы, — я буду за него реплики подавать и за Чехова ремарки. Давайте с того места, где он целовал землю.

Анастасия: "Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть!"

Юрий Петрович: Не надо страдать. Когда страдают, жалеют себя, а она просит прощения у Треплева: "Вы прекрасный, умный человек, вы много лучше Тригорина, но люблю я его. Я, может, и хотела бы, но, к большому сожалению, не могу дать вам то, о чем вы просите". От жалости к нему у нее почти останавливается дыхание, поэтому она не кричит. Не стонет. Это почти шепотом. И не заламывайте руки. Это раньше в театрах слышно было хорошо, а видно плохо, поэтому нужны были крупные жесты.

Анастасия: Понятно. (*Продолжает.*) "Я — чайка"...

Юрий Петрович: Стоп-стоп-стоп... Что вы, царевну-лебедь играете? Этот повторяющийся рефрен: "Я чайка" — это борьба за жизнь. Она смертельно больна этой любовью, но пытается выжить.

Анастасия: Ясно. (*Продолжает.*) "Не то. Я — актриса".

Юрий Петрович: И сразу: нет, я жива, я теперь личность, хоть и без него.

Анастасия: "И он здесь"...

Юрий Петрович: Она успокаивает себя, почти медитирует, чтоб взять себя в руки. "Он здесь — это ничего, это нормально, я спокойна, я почти спокойна. Я успокоюсь!"

Анастасия: "Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа"...

Юрий Петрович: За неимением Тригорина она свои извинения перед ним высказывает Треплеву. Говорит о том, что такую женщину, которой она была, невозможно любить. Можно лишь презирать. И Тригорин не виноват, что бросил ее. Это она виновата, что была такой мелочной, бездарной на сцене.

Анастасия: "Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а уменье терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни".

Юрий Петрович: Вот здесь уже лучше... В словах об умении терпеть я слышу голос Антона Павловича. И он знает, о каком творческом терпении идет речь. Между провалом "Чайки" в Петербурге и триумфом ее в Москве прошло два года.

Анастасия: Когда он писал "Чайку", об этих провалах и успехах еще ничего не знал.

Юрий Петрович: Логично... Но предвидел, исходя из собственного опыта. Не спорьте с режиссером, а терпите и веруйте. Ваша героиня умоляет Треплева найти какой-то способ рассказать Тригорину, что она стала другой, такой, как он хотел. Рассказать ему об этом, чтоб он вернулся к ней. И это даже не просьба, это мольба о том, чтобы ее оставили жить, чтобы не убивали. А вы сейчас, словно на собрании, героическую биографию рассказываете. Не забывайте, что задача театра — растрогать. Растрогать зрителя, а не удивить. Удивляться он ходит в цирк. Так, дальше я за Треплева.

Юрий Петрович: "Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание".

Анастасия: "Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (*Пожимает руку*.) Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть"...

Юрий Петрович: "Останьтесь, я дам вам поужинать"...

Анастасия: "Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю

страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? (*Читает.*) "Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли".

Юрий Петрович: Достаточно. Как вы думаете, зачем Нина признается Косте в любви к Тригорину? Ведь этим она его убивает. Через несколько минут он застрелится. Это убийство по неосторожности или умышленное?

Анастасия: Скорее — в состоянии аффекта.

Юрий Петрович: Как на войне? Там все убивают в состоянии аффекта, наверно, поэтому не несут ответственности. Нет, здесь другое. Чем Костя ее спровоцировал? Откуда такая жестокость? Или бездушность... Говорит одно, думает другое, делает третье. Делает больно когда-то любимому человеку и тем самым убивает его.

Анастасия: Вы на самом деле так думаете?

Юрий Петрович: Так думает Борисов, а я ищу в его рассуждениях ошибку.

Анастасия: Говорят, он раз десять приходил на "Чайку".

Юрий Петрович: Значит, зацепило. Увидел что-то про себя, про то, что волнует.

Анастасия: Можно, мы сделаем перерыв, и я покурю?

Юрий Петрович: Давайте не будем, я вас лучше леденцами угощу. (*Угощает Настю конфетами.*) При помощи этого безобидного средства бросил курить, чего и вам желаю.

Анастасия: Юрий Петрович, вот они играют свое "Представление" уже почти три месяца. Можно, я задам вам бестактный вопрос? А в чем режиссура? Ее же там не видно.

Юрий Петрович: Хвала режиссеру, чьи уши не торчат из-за спин актеров.

Анастасия: Интересная история — драматургии нет, режиссуры не видно, а аншлаг имеется.

Юрий Петрович: Кстати, у этого немецкого слова много значений. Это и удар, и расчет, и покушение, и даже игра в палочку-выручалочку. Что касается того, что все билеты на спектакли проданы, то "чем дальше от театра, тем ближе к нему"... Актер бывает вооруженным и безоружным. В первом случае он выходит на сцену, и ему уже все режиссер выстроил, он заранее знает все движения, мысли и эмоции персонажа. Такой актер

защищен. А когда намечен только общий рисунок роли, актер рискует, но в момент игры рождается нечто живое, единственное в своем роде... Конечно, проще выходить в броне отрепетированного, главное — не приклеиться к усам своего героя. Но искренность, которая рождается в момент репетиции, исчезает... Как исчезает живое вино, которое обрабатывают серой и запечатывают в бутылки.

Анастасия: Почему вы со мной так не репетируете?

Юрий Петрович: К классике подход классический. Тренироваться будем на современниках.

Анастасия: Но ведь в их спектакле нет действия.

Юрий Петрович: Помните, что писал Чехов о "Чайке" в письме жене?

Анастасия: Не помню.

Юрий Петрович: Значит, это я Ларисе рассказывал... "Страшно вру против условий сцены, в моей пьесе мало действия, много разговоров о литературе и пять пудов любви".

Анастасия: Только вся любовь безответная... Борисов тоже хотел пять пудов любви, но сыграть ее нельзя.

Юрий Петрович: Почему? Если фильм эротический — еще как можно. А серьезно, если нельзя сыграть любовь, то надо играть ее доказательства, что Надя и делает.

Анастасия: Нас учили, что играть можно только глаголы, а не существительные.

Юрий Петрович: Не знаю, один актер хорошо цыпленка табака изображал.

Анастасия: Лично мне подробные разговоры про любовь кажутся душевным стриптизом. У нас не принято открытое проявление чувств. А где у них драматургия?

Юрий Петрович: Мой водитель говорит: "Где вода, там и рыба". Есть конфликт — есть и драматургия. Вернемся к классике....

Анастасия: Юрий Петрович, почему Борисов покупает чужую любовь?

Юрий Петрович: Своей нет, а деньги есть. Что делать?

Анастасия: Искать подлинную.

Юрий Петрович: Вы когда голодны, купите колбасу или пойдете на базар покупать натуральные продукты и три часа готовить обед?

Анастасия: Это другое.

Юрий Петрович: Только на первый взгляд. Понимаете, он пришел в театр, как в церковь, за спасением.

Анастасия: Мне трудно понять его проблемы, я после развода не всегда до зарплаты дотягиваю.

Юрий Петрович: Денег, как и внимания, всем не хватает. Знаете, как помирить богатых и бедных? Одним нужно сделать вакцинацию от зависти, вторым от жадности.

Анастасия: Дело не в зависти. Старый рецепт: если тебе плохо — влюбись, если тебе плохо — трудись. Что ж он в театр пришел, а не в тайгу поехал, лес рубить?

Юрий Петрович: У меня есть знакомые, они зимой садятся в джип, выезжают за город и едут по бездорожью, пока в снегу не застрянут. Потом идут в ближайшую деревню одалживать лопаты, откапывают джип. Или проще — едут в лес без зажигалок, с одной спичкой. Костер сооружают. Во-первых, холодно, во-вторых, всем курить хочется, а спичка одна. Такие вам нравятся или вы их считаете идиотами?

Анастасия: Я с такими не знакома. А что касается идиотов, то когда Настасья Филипповна бросает деньги в камин, с этого момента она перестает для меня существовать. Не нужны деньги — отнеси их в приют. Нет, для нее собственные эмоции выше всех страданий мира... Может, я меркантильный человек... Будете ставить — не предлагайте мне эту роль...

Юрий Петрович: Но ведь деньги из огня вытащили.

Анастасия: Дело не в деньгах, а в поступке. Неважно, будет ли у меня роман с мужем моей подруги, я не должна идти на встречу с ним.

Юрий Петрович: Почему?

Анастасия: Потому что это муж моей подруги. Может, и свидания не случится, мы просто поговорим. Но если я из дома вышла накрашенная, собранная и в красивом белье, значит, я ее предала.

Юрий Петрович: Когда?

Анастасия: В тот момент, когда надела красивое белье.

Юрий Петрович: То есть Настасья Филипповна надела красивое белье, бросив деньги в огонь? Интересная трактовка.

Анастасия: А Борисов предал себя в тот момент, когда начал искать простого, человеческого своими олигаршьими способами.

Юрий Петрович: Что вы имеете в виду?

Анастасия: То, что слесарь дядя Вася, у которого проблем полная хижина, малую сцену не построит, и стриптизершу за миллион не наймет. И себя в качестве шеста на сцене не поставит. Чтобы стать привлекательным, надо отдавать, а он пришел в театр брать. Те, у кого есть деньги и власть, должны вести себя так, чтоб им простили и то и другое.

Юрий Петрович: Кому должны? Всем, кому должны, они уже давно простили... Извините, повторюсь. Он пришел к нам за спасением, за палочкой-выручалочкой. Так что же, нам его прогнать? Может, он чувствовать не умеет, радоваться? Мне в детстве мама тоже говорила — посмотри на себя, улыбнись, ты же радоваться совсем не умеешь. Я, когда случается удача, радуюсь минуту-две. Потом вспоминаю, что удача сейчас, здесь, в этой точке, а этих точек еще столько... только удачи в них нет... А когда случается неприятность, наоборот, погружаюсь в нее как минимум до следующего утра... Характер — это судьба...

Анастасия: Выходит, мы обречены на самоедство?

Юрий Петрович: Нет. Мы настроены природой на выживание. Как только съели банан, сразу надо оглянуться по сторонам, нет ли тигра или змеи, и где мы воды попьем, где на ночлег останемся? Вокруг враждебный мир. Наверное, это осталось в подсознании... Хотя мир и не стал более дружелюбным. С другой стороны, если сейчас хорошо, значит, надо добиться еще чего-то, потому что это уже есть. В погоне за следующим "чего-то" начинаются очередные неприятности...

Анастасия: А вообще, у него комплексы.

Юрий Петрович: Да, это правда... Один складской и два нефтеперерабатывающих Давайте вернемся к Чехову, время идет.

Анастасия: Можно личный вопрос?

Юрий Петрович: В порядке исключения.

Анастасия: Почему Цветаева не любила Чехова?

Юрий Петрович: Наверно, потому что он никогда бы не подписался под ее строчкой "Я знаю правду, все прочие правды прочь". Чехов свою правду знал, но с уважением относился к правдам других.

Анастасия: Я раньше не обращала внимания, а ведь все герои в пьесах Чехова не просто несчастны, а несчастны безнадежно. Кто виноват?

Юрий Петрович: Не знаю, наверно, жизнь виновата в том, что люди не понимают друг друга. А вообще, где вы в русской литературе счастливых героев видели? В сказках, да и то не во всех... Это при коммунистах социальный заказ поступил на "огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной". До этого страдали.

Анастасия: А "Капитанская дочка"? Счастливый конец.

Юрий Петрович: Исключение, которое подтверждает правило.

Анастасия: Получается, если не чувствуем запаха боли, то и героя нет?

Юрий Петрович: Каждому человеку трудно. Поэтому подсознатель-

но нравится тот, кому еще хуже. Во всяком случае, не ощущаешь себя одиноким. Знаете историю про рыжего клоуна?

Анастасия: Не помню.

Юрий Петрович: Приходит к психотерапевту мужик, говорит, депрессия у меня. Ничего не хочется, того и гляди повешусь. А врач ему — я мог бы прописать вам таблетки, но советую сходить в цирк. Мне тоже было грустно, пошел на представление, а там рыжий клоун. Солнечный, веселый. Посмотрел — и вся дурь из головы ушла. Сходите в цирк... А мужик ему: "Нет, не получится". Врач: "Почему? Билеты недорогие". А тот: "Дело не в билетах, просто рыжий клоун — это я".

Анастасия: Грустно...

Юрий Петрович: Вот я смотрю на Борисова и думаю — он в театр пришел, а мне как рыжему клоуну куда идти?

Анастасия: У вас-то что не так?

Юрий Петрович: Думаете, у меня проблем нет? Дети разъехались, жена выросла... До завкафедрой... Мы с ней теперь оба — руководители.

Анастасия: Я слышала, что она замечательный лингвист.

Юрий Петрович: Да... Это очень важно для брака.

Анастасия: А мы?... Мы вас любим.

Юрий Петрович: Но странною любовью...

Анастасия: И Лариса...

Юрий Петрович: Что — Лариса?

Анастасия: А то вы не знаете, что она была в вас влюблена.

Юрий Петрович: Лучше бы она театр любила. Так, перекур закончен. Пойдемте репетировать.

Анастасия выходит в центр сцены.

Анастасия: "Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть!"

Юрий Петрович: Вашу бабушку! Я же просил — не надо страдать...

На сцене гаснет свет.

Картина четвертая

Прошло несколько дней.

На сцене Константин Георгиевич и Надежда.

Они играют, обращаясь к арьеру. Мы видим окончание их "Представления", как будто сквозь стеклянную стену.

Гостиная. Он сидит на диване, на столике чайный прибор.

Он: Где ты, где твой чай?

Она: Иду-у-у!

Она вносит поднос с чайником и прочим. По ходу диалога разливает чай.

Он: Ужинать после театра всегда поздно.

Она: А до — слишком рано. И все время смотришь на часы — успеешь, не успеешь.

Он: Учитывая, какой спектакль мы посмотрели, ужинать надо было не до и не после, — а вместо.

Она: А мне понравилось.

Он: Интересно, что?

Она: Решение, музыка...

Он: Музыка? Скорее — да. В ней есть некий ритм. А чья она?

Она: Том Вэйтс, "Русский танец".

Он: Русский? Не похоже.

Она: Ну, так он его назвал. Американские горки в Америке называют "русскими".

Он: Давай тоже наоборот — не чаю, а вина выпьем.

Она: Открывай.

Он: Красное, белое?

Она: Розовое.

Он уходит со сцены и возвращается с открытой бутылкой вина и двумя бокалами.

Он (*поднимает бокал*)**:** За нас! (*Чокаются, выпивают.*) Стой, а где же цветы?

Она: Кажется, в машине забыла.

Он: Обидно...

Она: Ну, не обижайся, ты же не напомнил... Главное, что ты их подарил. Как обычно, в субботу.

Он: Жаль. Мне всегда нравилось смотреть, как, зайдя домой, ты занимаешься цветами — подрезаешь, ставишь в воду, — а потом делаешь все остальное.

Она: А есть женщины, которые относятся к цветам по-другому?

Он: Не знаю, я давно дарю их только тебе.

Она: Допустим. Налей мне еще.

Он наливает. Пауза. Молча пьют вино.

Она: Скажи, а что такого необыкновенного было в том счете?

Он: В каком?

Она: Который ты так тщательно изучал в ресторане?

Он: Я изучал счет?

Она: Как будто хотел выучить наизусть.

Он: А что зазорного в том, что я прочитал, за что именно должен отдать деньги?

Она: Обычно ты смотришь на итоговую цифру.

Он: А сегодня я посмотрел на все.

Она: Неправда. Ты пять минут делал вид, что изучаешь счет, чтобы не реагировать на пьяных козлов, которые матерились в трех метрах от твоей женщины. Вместо того чтобы подойти и дать в морду.

Он: Во-первых, не пять минут, во-вторых — задумался. Поверь, мне есть о чем думать, кроме поведения соседей в ресторане. В-третьих, в сегодняшнем спектакле тоже звучал мат, но тебя это не задевало. И уйти в антракте ты не согласилась.

Она: В театре мат был оправдан характером героя.

Он: И в ресторане тоже. Мужики выпили, расслабились... Такие у них характеры.

Она: А те двое, что все время пялились на меня?

Он: Противные типы.

Она: Вот именно!

Он: И что? Нужно было устроить скандал? Ну, обратили внимание на красивую женщину, значит, у них хороший вкус. Мне даже нравится, когда на тебя оборачиваются.

Она: Безусловно! Ведь это значит, что ты сделал правильный выбор.

Он: Не драматизируй! (*Поднимает бокал.*) За хороший вкус — мой, твой, вина, театра.

Она: А ты когда-нибудь дрался за какую-нибудь девочку, которую обидели?

Он: За девочек? Дрался. Часто... А один раз — за ту, которую обидели. Мало того, что отлупили, так она еще и ушла с обидчиком.

Она: Понимаю, девочка тебя кинула.

Он: Послушай, в чем дело? Что случилось? Что не так?

Она: Все так.

Он: Но я же вижу, что не так. Что я такого сделал?

Она: Ты все делаешь так, даты помнишь, суббота — театр, ресторан, цветы. А ты не делай, а сделай... что-то необычное — например, морду кому-то набей!

Он: В ресторане? Все, тебе больше не наливать, раз пьяной драки захотелось!

Она: Захотелось! В том-то и беда...

Он: Ну хорошо, я поеду и набью им морду, если они еще не ушли... Или они мне.

Она: Нет, драться надо было тогда.

Он (*с сарказмом*): Ты решаешь, когда надо? Чего ты хочешь?

На сцене повисает пауза.

Она: Давай разговаривать?

Он: Наконец-то нашла место и время.

Она: Ну, пожалуйста... Помоги мне. Что-то происходит.

Он: Хорошо, давай разговаривать.

Она: Когда мы молоды, нам приятно, что из-за нас мальчишки дерутся. А когда взрослеем и замуж выходим, то уже страшно, когда муж в драку лезет. А сегодня мне этого захотелось... И это меня удивило... Даже испугало... Понимаешь, о чем я?

Он: Боюсь, что да.

Она: Мне всегда хотелось идти домой, когда я знала, что ты дома. А когда тебя нет — ждать тебя. Идти в супермаркет, покупать продукты и готовить обед, хотя очень хочется есть. Но без тебя — это не еда. А теперь я перекусываю на ходу...

Я никогда с подругами о нас не говорила. Смешны были бы советы, что полезно проводить время друг без друга, по отдельности ездить в отпуск. А теперь я об этом думаю. Не знаю, хочу ли я этого, но страшно, что такие мысли приходят в голову!

Он: Подожди, подожди, надеюсь, речь не о том, что меня часто нет дома, что я не хочу быть с тобой, что не уделяю внимания?

Она: Конечно, нет! Не притворяйся, ты все понимаешь... Не сбивай меня. Как легко было с тобой молчать! И не нужно было расспрашивать, все само говорилось...

Ты обращал внимание, как громко играет в ресторанах музыка? Она не дает говорить, но большинство выбирает рестораны с музыкой погромче. Потому что музыка дает возможность молчать, когда разговаривать не о чем. Да и в театре мы молчим, говорят другие. В чем-то похожие на нас....

Он: Мы похожи. Может, даже очень
На тех, кто нужен нам. Но не они.
Так на севере бывают летом ночи
Удивительно похожими на дни.

Она: Красиво. А чье это?

Он: Не помню.

Она: Правда, мы сейчас лишь похожи на тех, кто нам нужен... Я думаю, думаю об этом и боюсь. Боюсь, что говорить станет не о чем.

Он: Ну вот сейчас ты нашла о чем говорить... А теперь позволь мне. Ты все пытаешься проанализировать, тонкости выискиваешь, а хоть раз ты просто сказала мне, что любишь? Ни разу. Я тебе в любви признавался, а ты мне никогда.

Она: Для тебя так важно слово?

Он: Сказать "люблю" еще не значит любить, но не сказать — значит?! А что легче сказать — "люблю" или "не люблю"?.. Расскажи мне эту историю...

Она: Какую историю?

Он: Откуда я знаю, какую. Но ведь какая-то есть? Тогда, на озере... Все шумят, болтают, а вы разговариваете друг с другом, как будто вокруг никого. Мы с ней сидим рядом, смотрим на вас, друг на друга, ничего не понимаем и чувствуем себя лишними.

Она: А вот об этом я говорить не буду.

Он: Почему?

Она: Потому что если бы была история, то не было бы общения в такой компании. Тема закрыта.

Он: А почему ты считаешь, что можешь отвечать или не отвечать? Ты считаешь, что имеешь право судить всех, а сама боишься сказать правду.

Она: Я ничего не боюсь. Точнее, боюсь всего, что, впрочем, одно и то же.

Он: Не знал, что рядом такая бесстрашная трусиха.

Повисает пауза.

Она: Когда я была маленькой, и мы жили в коммунальной квартире, у нас в комнате стоял шкаф.

Он: И ты его боялась?

Она: Не перебивай. Шкафу было лет сто, он занимал полкомнаты, у него было много полок, ящиков, он казался загадочным миром, в котором можно путешествовать, раскрывать тайны, находить клады. Часть замков поломалась, но не все. Ты в детстве любил залезать туда, куда нельзя?

Он: Я и сейчас люблю.

Она: Мне строго запрещали открывать то, что закрыто, но когда я оставалась одна, это было любимым занятием. Был один ящик, ключи к которому я найти не могла. И вот однажды под стопкой маминых рецептов нашла ключ. Там были непонятные бумаги, и я попыталась его закрыть. И тут ключ застрял! Я крутила его и так, и этак, пока он не сломался. Я пыталась вытащить обломок из скважины — отверткой, ножницами, иголкой — ничего не получалось. Положила обломанный ключ на место.

И стала ждать. Ждать и бояться. Я чувствовала себя преступницей, но сознаться в своем преступлении не могла. Чем больше времени проходило, тем невозможнее становилось признание.

Он: Родители не заметили? Или сделали вид?

Она: Не знаю, но это было настоящей пыткой, я все время ждала вопросов, придумывала новые ответы, один невероятнее другого... Родители не спрашивали, я мучилась, стало казаться что я — это другая девочка, а я со стороны наблюдаю, как она выкручивается, как прячет страх и делает вид, что ничего не произошло. Мне было стыдно за ее бездарную игру. Я наблюдала за родителями. Я уже не любила, а боялась их, за то, что когда-нибудь они обнаружат мое преступление. И за то, что медлят с этим открытием. Может, они решили меня так воспитывать? Я не могла найти выхода.

Он: И кто его нашел?

Она: Никто. Родители дождались новой квартиры, мы переехали, а шкаф как не подлежащий перевозке разломали и выбросили. И никаких тайн в том ящике не было. Но я первый раз поняла, что такое ситуация, которая не имеет решения. И что такое одиночество.

Он: И понесла эти страхи дальше?

Она: Поменяла на новые. Расскажи мне свои.

Он: Зачем тебе?

Она: Легче будет... Иногда для спасения и слова достаточно.

Он: Спасение?.. Это было давно. Мы вышли на яхте в залив, погода была хорошая, море тихое, вода теплая. Шли в двух милях от берега. Я заметил какой-то странный предмет. Подходим ближе — а это женщина плывет. Причем от берега. В макияже, в ушах золотые сережки... Мы окликнули ее, предложили помощь. Она жестом показала, что все в порядке. Мы пошли дальше. Идем, а у меня чувство тревожное, что-то не так. Развернули яхту, пошли назад, а она исчезла. Еще раз повернули, потом еще... Погода стала портиться. Солнце ушло, море из голубого превратилось в серое... Задул порывистый ветер... Мы волновались вместе с морем, но ее так и не нашли.

Она: Ты испугался, что она утонула? Что вы не вытащили ее из воды?

Он: Я испугался, что не принял правильного решения. С одной стороны — может, она чемпион мира по плаванию... И для того чтобы утопиться, не нужно отплывать на две мили... От помощи она отказалась. Вытащить из воды насильно? Но мы же не со спасательной станции. Она могла потом заявить, что ее хотели изнасиловать. А с другой стороны, надо было вытащить... Может, она была пьяна? Как можно оставлять женщину одну в нескольких милях от берега? Ведь это почти открытое море...

Если в открытом море видят человека — звучат команды: "Человек за бортом!", "Полный назад!", "Стоп, машина!", "Шлюпку на воду!". И его вытаскивают независимо от желания, потому что от долгого пребывания в соленой воде он мог с ума сойти... Вокруг вода, а пить ее нельзя... Соленый раствор... Хотя мы все в этом растворе: крови, пота, слез... С рождения, и даже раньше... Главное не сойти с ума...

Она: У японцев есть такое понятие — гири, долг чести. То есть ты должен тому, кто тебе помог. Если помочь упавшему на улице человеку подняться — это значит воспользоваться его положением, чтобы навязать ему долг благодарности. Поэтому лучше пройти мимо, если тебя не просят, это вежливо и порядочно.

Он: Но это же не в Японском море случилось! Кто ждет благодарности за доброе дело? Все знают, что добро у нас наказуемо. Стыдно ли мне, что я так поступил? Не знаю... Мне страшно, что я не знаю! Я все время мучаюсь: так или не так нужно сделать в той или другой ситуации, здесь или там? Нет, нет... Это не проблема выбора. Ты же знаешь, я достаточно уверен в себе, во всяком случае, партнеры в этом не сомневаются. Я вроде надежный человек, но никто не знает главного. Чем дальше, тем больше я натыкаюсь на вопросы, не имеющие решения. Для меня. Я не могу себя найти, как ту женщину. И тебя... Ты ведь никогда не просила помощи. Сегодня в первый раз. Прости, не могу больше говорить. Пойду подышу воздухом.

Она: Ты хочешь вернуться в ресторан?

Он: Нет, просто пройдусь. Я устал, мне надо подумать.

Она: Подожди, останься. Мы оба устали, уже поздно. Куда ты в таком состоянии? (*Берет его руки в свои, поглаживает их.*) Успокойся, успокойся... Все будет хорошо. Тогда на море тучи были?

Он: Сначала облака.

Она: Вот видишь. Что же можно было разглядеть на воде: солнце, облака, игра воды — это как в театре, когда меняют освещение, что-то появляется, что-то пропадает. Может, и не было той женщины? А волны были?

Он: Нет, было тихо.

Она: Успокойся, если шторма не было, она могла сама добраться до берега, она же прекрасно плавает, если несколько миль уже проплыла. Она ведь не просила о помощи?

Он: Не просила.

Она: А другие яхты были поблизости?

Он: Были, но не очень близко.

Она: А сколько прошло, пока ты вернулся?

Он: Минут двадцать...

Она: Кто-то мог проплыть рядом и подобрать ее. Может, скутер какой-то. Там ведь везде кругом прямо. Море... (*Пауза.*) Для меня море это мамины ноги. Длинные и сильные. Когда я была маленькая, она клала меня на них и качала, как на волнах... Я знаю, что все закончилось хорошо.

Он: Откуда?

Она: Чувствую... Я всегда чувствую, когда ты делаешь что-то неправильно, даже если ты об этом не говоришь. Слава Богу, мы столько лет вместе. Сядь, успокойся, ты весь дрожишь. Не уходи сейчас, не оставляй меня. Как бы мне ни было страшно, мне спокойней, когда ты рядом, я чувствую защиту, я знаю, что ты все решишь, придумаешь, найдешь выход. Мне с тобой хорошо. Я тебя не боюсь. Страшно снять перед кем-то кожу, но если все получается, — это счастье. Или любовь. Ты — мое счастье. Прости мне мои глупости, в конце концов, я только женщина. И я люблю тебя. Я действительно тебя люблю.

Он: Я тоже. Ты только не смейся, но я проголодался.

Она: Вот и отлично. Сейчас я что-то приготовлю.

Он: Может, закажем чего-нибудь?

Она: Пиццу?

Он: Нет. Давай суши.

Она: Заказывай. И саке не забудь. А с меня — гири.

Он: И гантели. Причем золотые.

Она: Да ну тебя.

Подходит к нему и целует его в щеку.

На арьере опускается занавес. Слышны аплодисменты. Константин Георгиевич и Надежда еще раз выходят на поклоны. Возвращаются назад на сцену. Им вручают цветы, они кланяются зрителям. Занавес снова опускается. Они подходят ближе к авансцене. Рабочие убирают сцену.

Надежда: Спасибо, Константин Георгиевич. Ну как?

Константин Георгиевич: Мне понравилось. А вам?

Надежда: Мне тоже, особенно стихи. Чьи они?

Константин Георгиевич: Мои.

Надежда: Так вы — поэт?

Константин Георгиевич: Был когда-то... В прошлой жизни.

Надежда: Прочтите что-то еще.

Константин Георгиевич: Ну... Например, почти экспромт...

Достает из кармана связку ключей, начинает перебирать их в руках. Читает стих:

Сколько слов безрассудных я вам не сказал,
Сколь желаемых встреч не назначил...
Не дарил вам цветы, не носил на руках,
Не робел, приглашая на ужин,
И в своих неоправданно смелых речах
Не сказал я, что буду вам нужен.

Надежда: Замечательно. Что играем завтра? Надо заказать исходящий реквизит.

Константин Георгиевич: У меня есть предложение на сегодня. Три месяца как мы играем "Представление", и я хотел бы осмелиться и пригласить вас на ужин... ну, чтобы отметить первый квартал.

Надежда: Спасибо, вы очень внимательны, но я в это время уже не ем.

Константин Георгиевич: Хорошо. Давайте тогда отметим юбилей завтра за обедом.

Надежда: Перед спектаклем я тоже не ем.

Константин Георгиевич: А как же нам пообщаться в неформальной обстановке?

Надежда: А разве на сцене мы общаемся формально? Критика утверждает, что мы здесь живем. Вы ведь хотели жить. Кажется, получилось... Хорошая тема для завтрашнего спектакля — мы отмечаем юбилей, первый...

Константин Георгиевич: Отмечают первый, хотя важнее — нулевой. Но мне хочется сказать нечто, предназначенное только для вас, зрителям об этом знать не обязательно.

Надежда: Константин Георгиевич, у нас все замечательно, я вам бесконечно благодарна. Я никогда не была так популярна. Каждый вечер аншлаг, и в проходах такие люди, что хочется передать со сцены кресло, чтобы они сели... Благодаря контракту я поменяла квартиру, купила машину. Все замечательно. И мне надо готовиться к завтрашнему спектаклю. Скажите, что мы завтра играем? Я и так не всегда понимаю, куда у нас пойдет.

Константин Георгиевич (*продолжая перебирать ключи*)**:** Вы меня не понимаете. Я... Мне кажется, что это именно то, ради чего я все затеял. Сейчас я понимаю: беда не тогда, когда не получилось то, чего сильно хотел. Это не страшно. Не получилось сейчас — потом получится. Беда — это когда ты ничего не хочешь. Смерть желаний... То есть пить, есть и так далее хочешь, но эти процессы, как разноцветные шарики, которые уже не

радуют. От жизни ничего не хочешь. А я захотел. Сегодня. Впервые за многие годы.

Надежда: Чего захотели?

Константин Георгиевич: Полететь с вами на остров. Давайте улетим на неделю?

Надежда: А как же контракт? Проданные билеты?

Константин Георгиевич: Не страшно. Выплатим неустойку. Перенесем на поздний срок.

Надежда (*смеется*): Билеты и так все наперед распроданы. Простите, но я не хочу на остров.

Константин Георгиевич: Не хотите? Хорошо. Давайте в Париж или в Венецию... А хотите — в Токио. Билеты заказывать не надо, у меня свой самолет. Он пять тысяч пролетает без посадки.

Надежда: Да не хочу я никуда лететь!

Константин Георгиевич: Почему?

Надежда: Высоту плохо переношу, при посадке уши болят.

Константин Георгиевич: Тогда поплывем на речном теплоходе. А потом пересядем на морской.

Надежда: За неделю не уложимся.

Константин Георгиевич: Не страшно. Если вы согласны — можем и в кругосветное плавание.

Надежда: А морская болезнь?

Константин Георгиевич: Я начинал свою карьеру грузчиком. На пассажирском теплоходе.... Старший смены, а нас было двое, учил меня, что каждый должен за ящик хвататься первым, тогда работа поделится поровну... В любви, наверно, тоже так. Для того чтобы полюбили тебя, надо, чтобы полюбил ты.

Надежда: Это условие необходимое, но не достаточное. Константин Георгиевич, честно — спасибо за вашу откровенность. Дело в том, что я не хочу с вами, потому что... Нет, мне очень нравится с вами на сцене...

Константин Георгиевич: Подождите. Вы пять минут назад смотрели на меня так, что я не поверю, что вы со мной не хотите.

Надежда: Я все-таки актриса.

Константин Георгиевич: А ваши глаза? Ну, Бог с ними, с глазами... Сегодня вы держали меня за руку так, что я чувствовал, что вы ко мне неравнодушны. Вы впервые взяли меня на сцене за руку. И минуту не выпускали... Это тоже игра?

Надежда: Если честно, у вас сегодня дрожали руки. Поэтому я их и держала.

Константин Георгиевич: Дрожали? Да, у меня утром была неприятность. Обстреляли машину, когда я ехал на работу, ранили водителя. Весь день в прокуратуре, отпустили только на спектакль... Великая сила искусства.

Надежда: Простите, но я же не знала. Хотя... с самого начала чувствовала, что-то случилось. Надо было отменить спектакль. Вас не задели?

Константин Георгиевич: Меня задели... Вы... Когда меня прикрыли и придавили к сиденью, я жалел только о том, что не увижу вас вечером. Понимаете — во мне что-то случилось.

Надежда: Я понимаю.

Константин Георгиевич: Когда-то в молодости читал книгу... Не помню названия. Там человек шел по мосту, а незнакомая девушка прыгнула с него в воду. Он хотел броситься, чтобы спасти, но не решился. Потом часто приходил на этот мост и звал: "Девушка, бросьтесь в воду еще раз — и спасите нас обоих". Это в книжке. А в жизни была другая история. С женщиной, которая у меня работала. Иногда мы встречались вне работы. Однажды она сказала, что любит меня и не может находиться рядом просто так. Либо мы меняем что-то в нашей жизни, либо она уйдет. Я не придал этому особого значения, подумал — ни к чему... Отшутился. А через неделю понял, что к чему, но ее уже не нашел... Ее ищут много лет. Как вы понимаете, ищут хорошо, но найти не могут... А сейчас я нашел вас.

Надежда: Знаете, отвечу откровенностью на откровенность. Когда нас пригласили в кабинет к Юрию Петровичу, а потом рассказали об этом проекте, о том, что вы несколько раз приходили на "Чайку" и выбрали именно меня, я подумала, что это — попытка познакомиться поближе. Что "очередной купец будет приставать с любезностями"... Из тщеславия многие хотят дружить с актрисами.

У меня был поклонник. Не знаю, богаче вас или нет... Он тоже пытался ухаживать. Но у меня такой характер: если человек не нравится, то уговаривать себя, что нравится, я не буду. Поэтому ничего у нас с ним не получилось... Я про одиночество тоже не понаслышке знаю. У меня были моменты, когда приходишь домой, и хочется квартиру с сигнализации не снимать, чтобы милиция приехала. Пусть оштрафуют, но чтобы кто-то искренне заинтересовался тобой и тем, что ты делаешь.... Когда началась эта история... не знаю, роман вы хотели со мной... писать или небольшой рассказ, я ждала подобного разговора. Ждала, что вы будете рассказывать, как придумали эту историю, увидев меня в роли Нины, и вам пришлось построить малую сцену, чтобы завоевать мое внимание. Может, и не ждала, но думала об этом. Было даже немножко обидно, а какое-то время —

множко, что не начинаете ухаживать... Хотя чего жаловаться? Популярность, достаток, много зависти — что еще нужно? Но буквально месяц назад благодаря вашему проекту я познакомилась с одним человеком и, простите, влюбилась.

Константин Георгиевич: Господи, вы же целый день заняты! Когда вы успели?

Надежда: Успела.

Константин Георгиевич: И кто он, если не секрет? Разве что журналист?

Надежда: Вы сами сказали....

Константин Георгиевич: Моя ошибка. Надо было в контракт ввести пункт "Никаких журналистов".

Надежда: Он брал у меня интервью, несколько раз был на наших спектаклях.... Вы ему тоже очень нравитесь.

Константин Георгиевич: Надеюсь, не так, как вы.

Надежда: Да. К счастью, я нравлюсь больше, и это прекрасно. Я вам очень признательна. Очень благодарна. Но у меня такой характер. Можете навести справки. Вы странный в одном, я в другом. Мне нравится, когда человек интересен невзначай, а не по совокупности причин. В общем, ситуация, как в "Дубровском", — поздно!

Константин Георгиевич: При чем здесь "Дубровский"? Вы же с вашим журналистом еще не повенчались?

Надежда: Если вам не нравится "поздно", тогда "рано". И потом — найдется та женщина, которую вы ищете. Пройдет время — и все образуется. У вас все будет хорошо. Раз ищете — значит, есть надежда, а это главное.

Константин Георгиевич: Надежда умирает последней.

Надежда: Неправда. Последним умирает человек. Константин Георгиевич, что мы играем завтра?

Константин Георгиевич: Завтра... Надежда есть, а надежды нет... Ну, вы же предложили. Давайте сыграем юбилей. Юрий Петрович оказался прав, в театре не играть нельзя!

Надежда: Простите за бестактный вопрос... Ваша жена была на "Представлении"?

Константин Георгиевич: Не поверите, но и ей вы понравились больше.

Надежда: Спасибо. До встречи. (*Улыбается.*) И не опаздывайте. Хотя вы никогда не опаздываете. Это я один раз, и то неправда. Завтра мы должны сыграть еще лучше.

Константин Георгиевич: Обязательно. Обещаю, что руки дрожать не будут.

Убирает связку ключей в карман.

Надежда: Будьте осторожны.

Константин Георгиевич: Наверное, я нервничал, собираясь пригласить вас на ужин. Теперь это позади. Простите...

Константин Георгиевич уходит первым.

Картина пятая

Прошел день.

По сцене нервно ходит Надежда. Входит Анастасия.

Анастасия: Тебе просили передать.

Передает Надежде конверт. Надежда бросает его на столик.

Надежда: Потом, потом, Настя, сейчас не до этого. Где Борисов? Уже время, полный зал, а он где?

Анастасия: Не звонил?

Надежда: Нет. А охрана его на месте?

Анастасия: Не знаю, не обратила внимания. Хотя постой, по-моему, сегодня проходили без обыска. И Юрий Петрович ничего не знает?

Решительно входит Юрий Петрович, в руке у него зажженная сигарета.

Юрий Петрович: Спектакля не будет. Все, Надежда, не нервничай. Анастасия, заберите сигарету. (*Затягивается, отдает ей зажженную сигарету, она уходит.*) Все, все. Все со сцены, я должен объявление сделать. Поднимайте занавес. (*Обращается к гипотетическим зрителям.*) Уважаемые господа. Спектакля сегодня не будет. Деньги можно получить в кассе.

Крики из зала: Мы три цены за билет платили! Перенесите спектакль на другой день! А что, собственно говоря, случилось?

Юрий Петрович: Случилось то, что главный герой не может участвовать в спектаклях. (*Обернувшись к рабочим сцены.*) Опускайте занавес, вашу бабушку!

Занавес опускается. Надежда подбегает к худруку.

Надежда: Что произошло? С ним что-то случилось?

На сцену быстрым шагом входит Лариса.

Лариса: Вы слышали, сейчас по телевизору передали...

Юрий Петрович резко оборачивается и взглядом останавливает ее.

Лариса осекается.

Надежда: Что передали?

Лариса (*после паузы*)**:** В этом году ожидается... очень жаркое лето.

На сцену вслед за Ларисой быстро выходит Анастасия, берет ее под руку и уводит со сцены.

Надежда: Юрий Петрович, что случилось? В чем дело?

Юрий Петрович: Дело в том... что Константин Георгиевич... улетел на свой остров.

Надежда: Надолго?

Юрий Петрович: Не знаю, может, навсегда. Но ты не расстраивайся. Теперь у нас есть малая сцена. И мы с тобой замечательный спектакль по Чехову сделаем. Идем, идем...

Надежда: Идите, Юрий Петрович, я вас догоню.

Юрий Петрович уходит. Надежда берет со столика письмо, начинает читать.

Надежда: Здравствуйте, Надя! Пишу вам искренне — здравствуйте! Когда вы будете читать эти строки, меня уже не будет рядом. Кажется, так принято начинать прощальные письма.

Контракт будет оплачен полностью. Для меня это важно. Не хочу быть виноватым перед вами, как и винить вас.

Что касается того, что "пройдет время и все образуется", — вы ошибаетесь. Проходим мы. Время остается.

В театре часто случаются и рождение, и смерть. В жизни — намного реже. Вчерашнее покушение показало, как близка смерть. Хотя все наше "Представление" было покушением... Теперь уже и не знаю, на что...

Пауза. Дальше читает молча. Потом рвет бумагу на мелкие части, которые падают на сцену. Уходит.

На сцене медленно гаснет свет. Освещенной остается только часть сцены, на которой лежат обрывки письма.

Голос Константина Георгиевича (*озвучивает не прочитанное Надеждой*)**:**

На сцене вы рассказали о любви ко мне. Наверно, только артисты могут играя жить. У меня так не получилось. Я выбрал вас... для спасения. Как оказалось — от жизни... Получилось.

Когда человек тонет, его может спасти только тот, кто рядом. Условие необходимое, но, увы, не достаточное... Простите и прощайте. Представление окончено.

Одесса
Декабрь 150-го года от рождения А.П. Чехова

Виктория КОЛТУНОВА

Такой странный непонятный Мардань

Имя драматурга А.Е. Марданя мне было знакомо давно. Знала, что он плодовитый драматург, его много и часто ставят в Украине и за рубежом. Смотрела его спектакли.

Что-то нравилось, что-то нет. Но когда я узнала, что свою первую пьесу он написал в 2003 году, у меня был шок. По его известности, по количеству постановок я была убеждена, что это автор с большим стажем.

Спектакли по его пьесам идут в Москве, Санкт-Петербурге, Липецке, Орле, Уфе, Уссурийске, Чите, Бугульме, Ставрополе, Котласе, Кирове, Химках, Клине, Перми, Пензе, Киеве, Днепропетровске, Днепродзержинске, Харькове, Луганске, Донецке, Белой Церкви, Краматорске, Симферополе, Севастополе, Мукачево, Николаеве, Кировограде, Одессе, Усть-Каменогорске, Кишиневе, Тирасполе, Иерусалиме, Софии, Бургасе и Шумене, Вологде, Рымнику-Вылче, Минске, Бишкеке, Ереване.

Устала перечислять.

Итак, в промышленно-военно-морском городе Владивостоке родился мальчик, вырос, и решив связать свою судьбу с морем, окончил школу с математическим уклоном, затем поступил в одесский "Водный", альма-матер капитанов и штурманов, тоже успешно окончил, поплавал по морям и океанам, двинулся в бизнес и там преуспел, то есть был человеком сугубо техническим, практическим и даже прагматическим.

И вдруг – на тебе! В 47 лет он неожиданно заболевает такой эфемерной субстанцией, как театр. И первая же написанная им пьеса получает жизнь на сцене, что бывает крайне редко. Как правило, начинающие драматурги мыкаются со своим первенцем годами, пока обратят на себя внимание.

Мало того, пьесой заинтересовался не кто-нибудь, а Иосиф Райхельгауз, прославленный худрук театра "Школа современной пьесы".

А дальше пошло-поехало. Одна пьеса за другой. И все обретают сценическое воплощение. Хотя он продолжает заниматься бизнесом, какими-то перевозками, металлами, то есть сугубо техническими вещами.

Это странность первая, технарь-драматург!

Странность вторая. Пьесы получают отрицательные отзывы. Критики набрасываются и рвут на части. С удовольствием разбирают по косточкам "Лист ожиданий" и "Девочки". А театры хватают пьесы и ставят! Кто-нибудь тут же предположит, что бизнесмену нетрудно найти "общий язык" с руководством театра. Ну, подкинул дровишек в отопительное устройст-

во нищего учреждения культуры. Ан нет. Зритель-то идет! Билеты покупают, сидят, смотрят, хлопают. Актеров к рампе вызывают.

И полная касса – вот тебе и дровишки, только абсолютно легальным путем. Да и то, что я успела узнать о Мардане из нашего очень короткого знакомства, как-то не вяжется с таким примитивным образом устройства своих дел, он производит впечатление человека искреннего и самолюбивого. А самолюбие, гордость интеллигентного человека – первая запорука чистоты нравов.

И он продолжает писать. А потом из-под его пера начинают выходить вещи, достойные самой высокой похвалы.

Странность третья. Вещи, достойные самой высокой похвалы, соседствуют с совсем простецкими. С одной стороны, "Очередь" и "Последний герой", а с другой – "Борщ в четыре руки" и "Бартер", где все прозрачно предсказуемо, а потому скучно. Ну, вроде как на одну ногу надел замшевый сапог с бронзовыми заклепками работы Кристиан Лабутена, а на другую домашнюю тапочку. А писал-то один человек.

Рассмотрим поближе пьесу "Последний герой". История наших дней. Крутая фирма "Атлантида" намеревается построить высотный дом, для чего из старых хрущевок выселяют их жителей. Хрущевки пойдут под снос. Никакой чернухи. Убийств нет. Бывшим жильцам предлагают честную денежную компенсацию, на которую они могут купить другие квартиры, в новых домах, может быть, даже лучше, и люди довольны, считают, что им повезло. Даже представитель "Атлантиды" Виталий, который, по сложившимся на сегодня литературным стереотипам, должен бы являть собой образ жестокого служителя "постсоветского неокапиталистического" строя, тоже нарисован автором необычно. Мягкий, сочувствующий выселенцам человек. Просто делает свою работу.

Но неожиданно сталкивается с твердокаменным упрямством одного из владельцев квартир – Виктора. Ему так же, как и всем остальным, предлагают адекватную (на то время) его развалюхе цену – 20000 долларов. За эти деньги можно купить приличную квартиру, что и делают остальные жильцы хрущевки. Однако Виктор категорически не желает брать эти деньги. Он требует больше. "Атлантида" идет на уступки. Разумные. Но Виктор требует 200000 долларов, что совершенно неприемлемо и непонятно ни руководителям строительной фирмы, ни даже его собственной жене.

Его жена, скромная учительница Люся, тоже не сразу решается расстаться с квартирой, в которой прошли ее детство и юность, жили ее роди-

тели. Но, в конце концов, здравый смысл берет верх. Тем более что чем дальше, тем больше денег предлагает им фирма. Доходит до сорока тысяч, потом до шестидесяти... восьмидесяти...

Появляются, как черти из коробочки, разные претенденты на эти деньги, свои права заявляет дочка, даже давно выехавшая из этой квартиры Татьяна, сестра Люси, что очень характерно для нашего времени.

Все упирается в непоколебимое нежелание Виктора идти на уступки. Двести тысяч и не меньше. В одной из украинских газет я прочла такую рецензию на эту постановку в режиссуре Дмитрия Богомазова. Цитирую:

"По сюжету "Последний герой" – нечто напоминающее притчу, мораль которой позаимствована из "Сказки о рыбаке и рыбке". Безработный романтик Витя с женой учительницей Люсей, почти как пушкинская старуха, методично набивают цену за кровные метры, и их квартира действительно дорожает день ото дня. Вот только несговорчивое семейство ни в какую не соглашается на переезд меньше чем за миллион долларов. Здесь господину Марданю вроде самое время уклониться от сюжетных стереотипов и явить чудо – хотя бы такое близкое сердцу бизнесмена, как пачки с купюрами в руках у бедной учительницы. Увы, с моралью, как и с драматургической логикой, у бизнесменов строго, а значит, разбитое корыто обязательно появится в положенном месте. В финале зазнавшийся безработный остается без копейки, дом разрушен, у коллег из "Атлантиды" незапланированная прибыль, с которой автор, не отходя от сцены, кажется, готов их поздравить.

Елена Рыбакова (Коммерсантъ)"

Ой, не так дело обстоит, ой, не так!

Нет здесь никакой сказки, и морали о наказанной жадности тоже нет. Потому что не в жадности дело. А вот в чем.

Виктор – маленький человек. Всю жизнь проживший "маленьким человеком", а значит, унижаемым, зависимым от каждого чиновника, от каждого швейцара на входе. Он сгорбился, свыкся со своей долей неудачника, не чаял уже вырасти даже в собственных глазах, и его мечты о будущем бизнесе, который он обязательно наладит, не более чем самоуспокоение и оправдание перед любимой женой.

И вдруг – о чудо! От него что-то зависит! Эти крутые бизнесмены, которые вчера проехали бы мимо него на "Мерседесе", как мимо светофора, механически отметив помеху справа или слева, посылают к нему гонца, договариваются, как с равным! Он может требовать от них уступок, ставить им условия, диктовать! Эти крутяки, которые раньше его в упор не

видели, вынуждены с ним считаться! Впервые в жизни Виктор чувствует себя человеком. Он упивается своим новым положением, и ничего, что уже отключили свет, воду, что жена и дочь ушли, он потерпит, он добьется, докажет своей семье и этим "солидным людям", что он такой же, как они. Не хуже! Умеет жить!

В финале Виктор терпит поражение. Его семья соглашается взять деньги, использовав свое право приватизации. Фирма получает право выселить Виктора силой.

Прибывшие рабочие ищут его, чтобы выдворить из дома, так как уже подъехала техника, и дом вот-вот рухнет под ее ударами. Виктора нигде нет, и они решают, что он сам ушел. Дают сигнал начинать снос.

На этом пьеса заканчивается, и автор так и не раскрывает, где Виктор, куда он делся, почему вдруг с потолка, как и в начале спектакля, закапала вода, хотя она уже давно отключена. Открытый финал.

Мне кажется, что если бы зритель знал точно, что Виктор в доме, что он гибнет под руинами, если бы дом рухнул прямо на сцене (необязательно это показывать, достаточно дать это понять, фонограммой, например), то финал был бы определенно трагичным. Современный конфликт неокапитализма с рудиментами социалистической романтики закончился бы откровенной и непреложной победой капитала.

Бунтарь-одиночка был раздавлен махиной сложившихся в обществе бездушных отношений, но отстоял свое личное достоинство, пусть даже ценой жизни.

Спектакль, таким образом, приобрел бы еще большее философское звучание.

И действительно, "Последний герой" в постановке Киевского академического театра драмы и комедии на Левом берегу Днепра на ежегодном вручении театральной премии "Киевская пектораль" был представлен в пяти номинациях, в том числе как "Лучший драматический спектакль года", и получил премию за лучшую мужскую роль.

"Девочки". Пьеса родилась из одного объявления, которое Мардань увидел в газете: "Мать и дочь ищут спонсора". Возможно, женщины, поместившие это объявление, имели в виду всего лишь получение в подарок подержанной мебели. Но воображение писателя подсказало другой вариант, и родилась пьеса, в которой две "ночные бабочки" играют роль матери и дочери для пожилого извращенца. В пьесе присутствует стройный сюжет, вполне реально выписаны характеры путан, ставших на нехороший путь в силу обстоятельств. Тема не нова благодаря кинофильму "Интерде-

вочка", первой ласточки на ниве сексуального просвещения советского народа, этот самый народ с изумлением обнаружил, что у нас, оказывается, в СССР, секс все-таки есть! И даже еще раньше был, во времена Ивана Грозного. Только мы его иначе называли, простым русским словом... э... ну, в общем, у нас свое, национальное название!

А по-культурному это секс и есть! Затем косяком пошли другие литературные произведения и фильмы, призывавшие увидеть в путане живого человека, а не порочный выплод загнивающего Запада. Так что нынче объяснять, что проститутка тоже человек, поздновато. Вытаскивать на подмостки мысль не первой свежести следует только тогда, когда на эту мысль ополчается общество и принимается ее ниспровергать. Однако наше общество не ополчается. Более того, целая половина его, мужская, приветствует, а вторая половина – лучшая, иногда даже поддерживает практически, по мере сил. С перехлестом на современном культурном пространстве количества нагруженных под завязку физиологическими подробностями произведений эта пьеса вроде как лишняя. Однако в ней-то, как и в других работах Марданя, откровенной физиологии нет, зато есть довольно неожиданный детективный ход, есть нарастание интриги, есть хорошо выписанные характеры, и смотрится она с неослабевающим интересом.

"Антракт". Или, как она называется в Одесском русском театре, "Неприличное название".

На полтора часа зритель получает возможность заглянуть за кулисы и подглядеть жизнь театра "как она есть". То есть увидеть не готовый результат, выносимый на сцену, а то, что происходит в гримерке, репзале, в кабинете главного режиссера. Такое подглядывание внутрь чего-то закрытого от посторонних глаз превратилось в последнее время в отдельный жанр, вспомним телесериалы о больницах или вершину такого рода – знаменитые романы А. Хэйли "Аэропорт" и "Отель", где читатель, обезумев от любопытства, заглядывает в диспетчерскую аэропорта или лифтовое хозяйство отеля. Правда, у Хэйли все поддерживается на высочайшем уровне, во-первых, его писательским мастерством, во-вторых, лихо закрученной детективной интригой романа.

В "Антракте" мы такой интриги не найдем. Но первый акт вызывает в зале неподдельный интерес. Зритель заглядывает в гримерку, слушает разговоры актрис между собой и с главным режиссером. Впервые слышит служебную реплику: исполнительница роли такой-то – на сцену! Ага, вот оно как, они не сами по себе выходят, их вызывают. А между выходами

они, оказывается, не тексты повторяют, а обсуждают самые простые дела, кто с кем да почему. Интересно!

Завязка сюжета – к нам едет ревизор. То есть режиссер. Бывший режиссер этого театра Павел Богомолов, который когда-то крутил в нем романы то с одной, то другой актрисой, возвращается в провинциальный театр столичной знаменитостью. Среди актрис поднимается паника. Оживают похороненные на дне сердца чувства и надежды. Снова просыпается соперничество. Не нравится это и главному режиссеру, он боится, что блестящим ловеласом увлечется его молодая жена.

Богомолов привозит пьесу, которая своей новомодной брутальностью шокирует скромных провинциальных актрис и главного режиссера. Однако всякие "неприличные" слова, которые приходится произносить актрисам по роли, накаляют атмосферу всеобщего возбуждения и придают герою в их глазах налет "столичного шика".

В конце концов, сходятся на том, что он поставит другую пьесу, попроще.

Второй акт посвящен репетициям этой пьесы. На сцене кровать, на которой в спектакле будет лежать человек, находящийся в коме, а вокруг него по очереди читают монологи мать, жена, дочь, любовница и сестра. Каждая в монологе открывает свое настоящее отношение к герою, которое она, возможно, никогда не высказала бы в обычных обстоятельствах. Очень интересный сюжетный ход!

А что же наш герой? Как много лет назад он уехал, не сказав ни слова, разбив сердце одной женщине и обидев другую, как не посчитал нужным тогда перед ними извиниться-объясниться, так и сейчас вдруг срывается с места и, наплевав на все, исчезает. Перебаламутил, дал надежду, плюнул в душу и исчез. Как говорят нынче в народе, "стрекозел". А где же мораль? А нигде. Нет ее. И не надо. Не нужна она здесь. Просто перед нами на сцене прошли человеческие типажи. Мы изучили закулисье театра, и что еще интереснее, закулисье человеческих душ. И такое решение имеет полное право на существование.

"Лист ожиданий". Та самая, первая пьеса Марданя. Она, как правило, вызывает умиление у всех театральных критиков женского полу. Даже у весьма высокопоставленных критических дам. Потому что, как ни странно, написанная мужчиной в самом расцвете своей мужской стати, напоминает мне типично женскую прозу. Речь, конечно же, о любви. Конечно же, роковой. Двое людей, Он и Она, встречаются через равные промежутки времени, любят друг друга. Но расстаться со своими прежними семьями не могут или не хотят. Перед нами проходят 30 лет их жизни

и редких встреч в разных городах и странах. И именно этот срез, тридцатилетний срез жизни нашей страны, стань он предметом исследования драматурга и режиссера, мог бы вытянуть пьесу на самый высокий уровень. Однако я не видела ни одной постановки "Листа ожиданий", где режиссер озаботился бы анализом или хотя бы беглым осмотром процессов, происходивших в стране на протяжении тридцати лет. Нам постоянно рассказывают только о двух людях, которые время от времени любят друг друга в разных странах. Тогда, возможно, это драма людей, скованных непреодолимыми обстоятельствами? Почему они не расстанутся с прошлыми спутниками жизни и не обретут счастье? На этот вопрос пьеса тоже не отвечает. Здесь нет никаких внешних обстоятельств, которые препятствовали бы их соединению. Или, скажем, психологических. Ну, например, говорю условно, Она не может расстаться с мужем, потому что это навредит его карьере, а Он просто жалеет свою жену, потому что она и так несчастна (у нее нет одной ноги, слишком некрасива, неудачница, у нее нет шансов на другое замужество и т. д. – выбирайте свой вариант). Тогда мы бы стали свидетелями трагических обстоятельств, мешающих героям сделать шаг навстречу счастью. Возник бы конфликт. То есть у режиссеров, если уж они выбрали эту пьесу для постановки, есть как минимум два варианта привнесения остроты момента в драматургический материал – либо внешние препятствия в жизни героев, либо жизнь страны на фоне любовной истории встреч, что также могло бы стать очень интересным фактом сценического воплощения пьесы. Возможно, наверное, что-то третье, не знаю.

Но именно то, что я видела, не выходит за рамки женских всхлипов: ах, любовь-любовь, а где это у нас в чемодане была еще баночка малинового варенья?

Театральный критик из Москвы В. Федорова сказала на одном из семинаров "Встречи в Одессе": "Лист ожиданий" – лучшая пьеса Александра Марданя".

Ну, не надо, Валентина Борисовна, не принижайте драматурга, у него получше имеется.

Здесь возникает интересный вопрос взаимоотношения драматурга и режиссера или же взаимоотношения режиссера и драматургического материала. Вопрос, требующий отдельного исследования, но поскольку данная статья посвящена именно драматургу Марданю, мы его разберем на примере именно его нескольких пьес.

Итак, яркий пример таких не сложившихся взаимоотношений: "Аме-

риканская рулетка. № 14" в постановке Херсонского музыкально-драматического театра им. Н. Кулиша, режиссер Л. Николаенко.

Пьеса, не претендующая на вселенские масштабы философии, но веселая, разбитная, что называется, "для народа". И тут проявилась интересная часто совершаемая режиссерами подобных спектаклей ошибка. Дело в том, что режиссер осуществил данную постановку, что называется, "в лоб". Коль написана смешная, эксцентричная до нелепости фраза-реплика героя (или ситуация), то так ее и поставили, так ее – гротескно – и сыграли. И получилось "масло масляное". Этакая режиссерско-актерская тавтология. А представим себе, что все эти "нелепости" отыгрывались бы на полном серьезе, в манере классического академизма. Вот тогда и стало бы по-настоящему смешно, потому что комедийным моментом послужило бы столкновение серьезности "проживания" актером ситуации с ее драматургическим комизмом, совмещение несовместимого.

Более того, при удачной умной режиссуре эта пьеса могла бы перерасти в замечательный ироничный пародийный спектакль. О котором писали бы: вот, новое явление... тонкая ирония. Пародия на современные характеры и отношения. Но, увы...

Критики, естественно, ухмыляются. С удовольствием кусают и со вкусом пережевывают. А на самом деле здесь А. Марданю просто не повезло с режиссером.

Бывает еще хуже, пьеса просто превращается в свою противоположность. Вроде и текст сохранен, а на сцене другие люди действуют.

Так получилось с пьесой "Ночь святого Валентина". Я ее прочла до просмотра спектакля и смогла составить себе определенное представление. Согласно прочитанному, пьеса предполагала столкновение чистой интеллигентной возвышенной женщины с грубостью и реалиями современной жизни. Ее муж лжет ей, изменяет. Для того чтобы сбежать от нее к любовнице, подсыпает ей в бокал снотворное. Уходит. А вместо него на сцене появляется таинственный персонаж, некий Валентин. То ли это сам святой Валентин сошел с неба утешить ее, показать, что любовь еще жива на свете, то ли это ее неистовая жажда человеческого тепла, плод ее воображения. Драматург не открывает нам, кто это, но это и неважно. Возможно даже, что это подосланный мужем провокатор. В финале героиня погибает, выпив тот самый бокал и заснув за рулем.

Однако все это в пьесе. На сцене же Луганского театра мы увидели не бывшую учительницу, тоскующую по прежней наполненной смыслом жизни, а безвкусно одетую тетку с манерами завсегдатайки ресторанов.

Престарелый Валентин в мешковатом длинном пиджаке никак не тянул на романтическую мечту. И главная ошибка режиссера – это сцена гибели героини. Муж, которого очень правдиво, темпераментно играл заслуженный артист Украины Е. Кравцов, вдруг оставил свою достоверность и совершенно холодно отреагировал на гибель близкого человека, женщины, с которой прожил двадцать лет. По пьесе, он слышит о разбившейся машине по радио, значит, она успела отъехать далеко и уснула. В спектакле героиня разбивается сразу во дворе. Опять фальшь. Только что кричала, переживала – и тут же уснула? А муж, вместо того чтобы броситься к обломкам машины, спокойненько, как Синяя Борода, набирает номер на мобильнике, чтобы сообщить следующей жене, что место свободно.

Холодно и противно.

Еще мелочь, но неприятная. По пьесе, зритель должен переживать, выпьет героиня бокал со снотворным или нет? В этом одна из двух основных линий интриги. Однако на сцене стол заставлен пустыми и совершенно ненужными бокалами. Из-за этой неряшливости реквизита бокал со снотворным теряется в их количестве, "не играет". К тому же момент, когда актриса выпивает снотворное, она пробегает вскользь, не акцентирует. И в конце концов, зритель остается в недоумении: может, выпила, а может, нет?

Пьесу жалко. А режиссера за глупость и халтуру не оштрафуешь...

Как должен относиться драматург к такому искажению не только текста, но и трактовки пьесы?

У автора есть право запретить постановку в случае несогласия с режиссером. Да, деньги потрачены, потрачены труд и время, но автор запрещает так трактовать свой замысел. А практически это сделать невозможно. Потому что тут же "слух пойдет по всей земле великой". И театры не захотят с таким принципиальным автором работать. Не будут брать его пьесы. Так что приходится терпеть. В театре хоть есть надежда, что в другом городе другой коллектив отнесется к драматургическому материалу с большим уважением и пониманием. А бедные киношные драматурги и такой надежды лишены. Коль прозвучала финальная команда кинорежиссера: "Стоп мотор! Снято! Всем спасибо", – то уж не переделаешь.

В одном из своих интервью А.Е. Мардань сказал: "Сегодня в театрах все стремятся к внешней эффектности: красиво повернуться, на ножке попрыгать. Часто в спектакле появляется "пьесоборчество", то есть режиссер берет пьесу, ради того чтобы с ней же и сражаться. Зачем? Возьми любого другого автора, который тебе созвучен. Ведь от такой борьбы спек-

такль выигрывает очень редко, а зритель, как правило, проигрывает. Но если режиссер берет эту драматургию и поднимает ее на другой уровень, когда значение пьесы удваивается, утраивается, – тогда лишь достигается настоящий театральный эффект".

Последняя фраза – золотые слова!

Особенно если вспомнить, что можно было бы сделать из "Американской рулетки", какую смешную, ироничную вещь, и что из нее сотворили.

И на десерт такой блеск, как "Очередь". На мой взгляд, это лучшая пьеса Марданя. По глубине мысли, по отточенности литературного выражения, по заостренности ситуаций.

Это пьеса – притча, построенная на библейских мотивах, в которой на сцене выстраивается в очередь к врачу вереница современных человеческих типажей, связанных между собой прямыми социальными взаимоотношениями, а именно: Налоговый инспектор, Судья, Бизнесмен, Правоохранитель, Журналистка, Профессор, Артисты, Товарищ с Востока, Маклер, Дамы из санэпидемстанции, Милиционеры, Рекламный агент и другие. Каждый из них взаимодействует с Медсестрой.

Сюжетная интрига заключается в том, что Врач (по библейской аналогии – лжепророк), которого ожидает очередь пациентов, не может к ним приехать, потому что занимался сексом в стиле садо-мазо с чужой женой, и у них сломался замок наручников. Доктор прикован к спинке кровати, а у него под кабинетом в очереди сидит муж любовницы и порывается все бросить и вернуться домой. Совершенно прелестная ситуация! Очередь ждет врача, и пока что выясняется, кто чем дышит. Симпатии ни один не вызывает. Опять же по библейской аналогии – Человечество. На стене висит картина – человек, умывающий руки. То есть Понтий Пилат. Появляется Христос в образе маляра. Согласно Евангелию, все бросаются к нему за помощью, просят исцелить. Но затем, как и в истории, сдают его милиции (римлянам для распятия). Человечество неисправимо!

Вот это как раз та пьеса, в которой нет ни одной шутки из жизни одесской Молдаванки, ни одного бородатого анекдота, все чисто самостоятельно марданевское, но смех в зале не умолкает.

Пока я читала пьесу, тоже смеялась и радовалась. Но потом посмотрела на диске ее постановку в Киевском театре драмы и комедии на Левом берегу. Режиссер решил ее в стиле гротеска. Имел на это полное право. Но... Постановка эта полностью копирует стиль и манеру знаменитого кинорежиссера Киры Муратовой. Зачем? Привнести на сцену находки другого режиссера из смежного вида искусства? Находки-то чужие. Даже Медсестра явно

копирует любимую актрису Муратовой Ренату Литвинову. Походка, жесты, повторение одних и тех же фраз. Но у Ренаты это получается органично, потому что у нее внешность декадентской дивы и манеры из того же времени. У нашей Медсестры это получается грубо и не вяжется с ее образом в прологе, в котором она еще "не вошла в образ" Ренаты.

Кстати, в последнем своем фильме, "Мелодия для шарманки", Кира Муратова отказалась от многих вещей, которые были скопированы в театральной постановке "Очереди". От заострения образов персонажей, от привычных у нее повторов фраз. Она уже от этого ушла. Портрет общества в целом, да, у Муратовой доведен до абсурда, но средства, которыми она выразила эту мысль, уже приведены в более или менее адекватное обыденности состояние.

И потому возникло впечатление, что режиссер спектакля Дмитрий Богомазов создал пародию на более ранние фильмы Муратовой. (Или подражание, что еще хуже.) Сам по себе жанр пародии дело замечательное. Тонкая пародия подмечает недостатки оригинала, вскрывает их и тем самым движет культурный процесс к совершенству. Но пародия тогда хороша, когда она специально создается на определенное произведение, стиль или жанр. А взять совершенно самостоятельное, полновесное, ничем не уступающее по качеству муратовским сценариям произведение и извести его на пародию – это просто бесхозяйственность. Неуважение к материалу. Зачем было ваять из мрамора статую, чтобы потом накинуть на нее поношенную одежку с чужого плеча? Тем более странно, что Богомазов сильный режиссер с "лица необщим выраженьем", ему ли быть похожим на кого-то, пусть даже на культовую Киру Георгиевну? Сам-то тоже, поди, культовый. Я не против гротеска, на здоровье. Но самостоятельного, а не копии.

Кстати, все-таки насчет гротеска. Сыграть на внешних броских вещах легче, чем углубляться в замысел, искать новые возможности в языке сценического раскрытия идеи драматургического материала. И с актером работы поменьше: надел на него дурацкий костюм, очки на пол-лица, велел завывать поэффектнее – и образ есть. Зрители смотрят с интересом, смеются. Поискать нечто, идущее изнутри образа, – куда сложнее.

А теперь вернемся к трем странностям Александра Марданя.

Первую странность объяснить легко. Технарь-драматург. Ну, значит, технарь он по профессии, а в душе всегда был театралом. Потому что театралом не становятся, театралом рождаются. Технарь-инженер-бизнесмен, в голове которого неожиданно возникают совершенно точные драматур-

гические сюжетные ходы и построения. И удивляться здесь надо не тому, что он пьесы пишет, а тому, что у него с бизнесом хорошо получается. Многие творцы приходят в вузы искусства, сначала окончив, по настоянию родителей, "приличный" вуз. Получив "настоящую" профессию. Но потом техническую профессию бросают. А Мардань не бросил. Зачем? Он и в ней преуспевает.

Вторая странность намного интересней. Прочитала я о нем в Интернете массу всякой критической ругани. И де плоско, и вторично, и юмор весь на бородатых анекдотах построен. Не обо всех пьесах, конечно, но о многих.

Но народ-то идет! Но театры ставят! И вон их уже сколько! Не только в Украине, но и в России, и Нью-Йорке, где у него точно никакого блата. Его пьесы идут в двенадцати странах мира – около девяноста спектаклей.

Так в чем же дело?

Где-то у него я прочитала, что театр это квадрат. И все четыре его стороны равны. А именно: драматург пишет пьесу про себя. Режиссер ставит про себя. Актеры играют про себя. А зритель смотрит про себя.

Вот тут, я думаю, собака зарыта. В его пьесах зритель смотрит про себя! (Даже в "Очереди", но только в соответствующей постановке.) Он себя видит на сцене, впрямую видит, и ему это интересней в миллион раз, чем смотреть на чужого героя, с которым он будет себя ассоциировать, искать аналогии. Здесь ничего искать не надо, вот он я – Василий Петрович, только в другом костюме. Но этот Василий Петрович думает так, как тот, что в зале сидит, ведет себя, как тот, что в зале сидит, и даже анекдоты рассказывает те самые. Да, пусть с бородой, но он же вчера в курилке именно этот анекдот и рассказал. А теперь ему интересно, что с тем сценическим Василием Петровичем будет, чем кончится сюжет, может, и ему так в жизни поступить?

Мы можем сколько угодно выискивать подтексты и различные грани в классике. Но это интересно тем, кто в состоянии по своему образованию и уровню своего ай-кью увлечься выискиванием подтекстов. Сколько таких зрителей в зале? Основная-то масса – люди, увлеченные сюжетом, а не подтекстами. И пришли они в театр... нет, не только развлечься, как вы только что непременно подумали. Они пришли еще затем, чтобы чему-то поучиться в своей реальной, именно реальной, сегодняшней жизни. Даже если они этого не осознают. На подсознательном уровне. И если они видят на сцене себя, и это им что-то еще дает в плане жизненного опыта, то на такую пьесу они и пойдут. Себя, своих соседей, друзей, сослужив-

цев... Узнают именно те ситуации, которые им знакомы из окружающей жизни, поймут, как надо из них выбираться... Или наоборот, как не надо...

Мардань нашел ту нишу, которая на сегодняшний день не была заполнена, вопияла своей пустотой. Инстинктивно почувствовал, нащупал именно тот пласт драматургии, который сегодня востребован, нужен народу. И в этом причина его успеха.

И наконец, странность третья. Соседство замечательных и совершенно "никаких" пьес.

Этому явлению в украинском языке есть специальное название – "нетерплячка".

Объясняю. Написал человек пьесу. Сходу написал. Вылилось. И готово, подписался, вложил в прозрачный файл, пьеса есть.

А надо бы отложить. На месяц, может, больше. И весь этот месяц ходить и думать – а что можно с этой пьесой такого сделать, чтобы поднять ее на более высокий уровень? Что еще в нее привнести, какое обобщение, какие блестки? Какой поворот сюжета? Стоит человек у плиты, борщ готовит. И вдруг в форточку, ну, не знаю... метеорит влетел! И вся его жизнь переворачивается.

Станиславский говорил: идите от себя! И добавлял – и идите как можно дальше.

Вот и тут так надо сделать. Написать от себя, а потом пойти дальше и дальше. Выше и выше.

Терпение надо иметь, терпение. Если уж муза повадилась сюда захаживать, то непременно навестит еще не раз.

Мой отец, кинодраматург Григорий Колтунов, сказал мне как-то: "Знаешь, чем талант отличается от драмодела? У таланта встречаются иногда слабые вещи. Но драмоделу Богом не дано сотворить хоть одну вещь талантливую".

У Марданя много талантливых вещей...



Евгений ДЕМЕНОК

Соня Делоне возвращается в Одессу



Иногда бывает так, что жизнь и судьба другого человека, пусть даже жившего давно и далеко от вас, вдруг начинает интересовать вас гораздо больше сиюминутных дел, занимать почти все ваши помыслы, вы с восторгом рассказываете об этом человеке своим друзьям, иногда даже надоедая им излишней назойливостью и эмоциональностью. Так случилось у меня с Соней Делоне.

Не могу похвастаться тем, что хорошо знал биографию этой удивительной женщины и замечательной художницы до того момента, как руководство Всемирного клуба одесситов попросило меня написать ряд статей об одесских художниках для диска "Они оставили след в истории Одессы". Мне достались большей частью художники-эмигранты – довольно большая группа, уехавшая из России в начале прошлого века. Это и Василий Кандинский, и Владимир Баранов-Россине, Михаил Ларионов, Давид Бурлюк. На одном из интернет-сайтов я наткнулся на информацию о том, что в Одессе родилась и Соня Делоне – всемирно известная художница, чье имя присутствует во всех энциклопедиях искусства XX века, кавалер ордена Почетного легиона, первая женщина, чья персональная выставка состоялась в Лувре. Вдохновленный и воодушевленный, я начал активно искать информацию о ней. Каково же было мое удивление – нет, скорее изумление, – когда на большинстве сайтов местом рождения Сони Делоне была указана вовсе не Одесса, а Градижск, Гражист или другие города с похожим названием! Начать хотя бы с Википедии – самого популярного сейчас интернет-ресурса. Статьи о Делоне есть почти на двадцати языках, и Википедия четко разделилась на три категории. Русская, украинская, итальянская и голландская версии не сомневаются – маленькая Сара Штерн родилась в Градижске, который находится нынче в Полтавской области в Украине. Английская версия тоже говорит о Градижске, но добавляет: "возможно". А вот в немецкой, порту-

гальской, и самое главное, – во французской версии указано: "Градижск около Одессы". Понятно, что авторы решили подстраховаться. Также понятно, что никакого Градижска под Одессой не существует. Ну, а испанская версия без сомнения указывает на Одессу как на место рождения нашей героини. Другие уважаемые ресурсы, доступные в Интернете, например, Encyclopedia Britannica и различные варианты еврейских энциклопедий снова пишут о Градижске. А в многочисленных статьях о художнице Градижск и Одесса вновь чередуются. Что касается печатных изданий, которые оказались у меня под рукой, то, например, в солидной книге "Women Artists in the 20 and 21 Century" всем известного издательства TASCHEN местом рождения Сони Делоне указан Gradisk; а в большущем альбоме "Современная живопись" московского издательства "АСТ/Астрель" числится Гражист, близ Одессы. Черт знает что, право слово!

История начала приобретать детективный оборот, и меня разобрал нешуточный азарт и желание установить истину. Забегая вперед, скажу, что это заняло у меня около полугода. Но прежде чем продолжить рассказ о своем расследовании, я хочу подробнее рассказать о самой Соне Делоне.

Начнем с того, что настоящее имя Сони – Сара Штерн. В пятилетнем возрасте она попадает в семью своего дяди, брата матери, преуспевающего петербургского адвоката Генриха Терка – именно его фамилию она возьмет себе позже как псевдоним, – и получает прекрасное образование и воспитание. Во время школьных каникул девочка путешествует по Европе, знакомясь с лучшими коллекциями музеев Франции, Германии, Италии. Ее способности к живописи были замечены школьным учителем рисования, и по его совету она в восемнадцатилетнем возрасте отправляется учиться в Художественную академию в Карлсруэ. Через два года Соня, или Софи Терк, принимает решение переехать в Париж как признанный центр искусства. В Париже она поначалу занимается в академии "Ла Палетт" и проводит много времени в художественных галереях, студиях, входит в круг радикальной французской молодежи. В то время начинающая художница находится под влиянием Ван Гога, Гогена, Руссо, фовистов. В 23 года Соня Терк выходит замуж за немецкого критика, коллекционера и галериста Вильгельма Уде, занимавшегося примитивистами и современной живописью. Пышная свадьба происходит в Лондоне, но буквально через год Сара оставляет Вильгельма и связывает свою жизнь с молодым талантливым абстракционистом Робером Делоне, с которым познакомилась в доме мужа. Их встреча положила начало одному из самых романтичных, крепких и плодотворных творческих союзов. Че-

рез год после свадьбы у четы Делоне родился сын Шарль (в будущем известный историк джаза). Отношения супругов с Вильгельмом Уде на протяжении всей жизни остаются удивительно добрыми. Вильгельм покупал полотна у Робера и теперь уже Сони Делоне, хорошо понимая, насколько они талантливы.



Тем временем Робер и Соня не прекращают поиски своего стиля, своего языка. После 1911 под влиянием кубистов Соня Делоне уходит в своих работах от натурализма и фигуративности в сторону геометрии и абстракции, экспериментирует с ритмом и с разложением цвета. В 1913 Гийом Аполлинер, который познакомил супругов Делоне с Блезом Сандраром, назвал версию кубизма, которую развили в своих работах Соня и Робер, орфизмом. Соня создает иллюстрации к кубистической поэме Сандрара "Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской" (1913), которая переиздается до сих пор. В основу оформления книги был положен разработанный супругами Делоне принцип симультанизма (одновременности).

Большое влияние оказывают на Соню колористические эксперименты мужа. Она начинает писать симультативные картины и вместе с Робером выставляться на многих выставках в Париже, Праге, Берлине, Будапеште, Варшаве, Америке. В 1912-1913 супруги Делоне разрабатывают принципы живописного орфизма – разновидности кубизма, которая основана на подчеркивании цветовых эффектов и динамики, скрытой в цветовых сочетаниях. В 1913 году Соня Делоне представляет свои первые орфистские работы в салоне Независимых.

Первая мировая война заставляет супругов переселиться из Парижа в Испанию и позже в Португалию, где они прожили шесть лет, с 1914 по 1920 год, и подружились со многими местными художниками. В Испании Соня Делоне знакомится с Игорем Стравинским, Сергеем Дягилевым, Вацлавом Нижинским. Для антрепризы Дягилева она создает эскизы костюмов и декораций к балету "Клеопатра" на музыку А.С. Аренского (Мадрид, Барселона; 1918). В 1916 художница экспонирует в Осеннем салоне



предметы прикладного искусства, выполненные с использованием приемов кубизма и орфизма. Проводит персональные выставки в Стокгольме (1916), Бильбао (1919), Берлине (1920). В этот период Соня берется буквально за все: создает модели одежды и обуви, рисунки к игральным картам, силуэты автомобилей, театральные костюмы. Она ткет ковры, иллюстрирует книги. Без труда переключается с одного вида деятельности на другой, и все ей удается.

В 1920 супруги Делоне возвращаются в Париж. В 1923 вместе с В.С. Бартом и Х. Грановским Соня Делоне осуществляет постановку пьесы Тристана Тцара "Воздушное сердце". В 1925 участвует в Международной выставке декоративного искусства вместе с Александрой Экстер, Натаном Альтманом, Давидом Штеренбергом. Соня Делоне становится крупнейшим мастером ар-деко, ее находки начинают широко использоваться в дизайне, керамике, сценографии, рекламе. Она разрабатывает рисунки тканей для лионских фабрик, в 1924 открывает вместе Жаком Хеймом ателье мод "Симультанистский бутик", где демонстрирует модели одежды, производственных костюмов, рисунки тканей, эскизы интерьеров и даже проекты оформления автомобилей. Во многом именно благодаря этому стиль ар-деко, синтезирующий модерн и авангард, стал определяющим фактором межвоенной моды. Завоевания ар-деко были закреплены вышедшими в Париже альбомами художницы (Ткани и ковры Сони Делоне, 1928; Композиции. Цвета. Идеи, 1930).

Художница не оставляет и станковую живопись. В 1931 она становится одним из организаторов салона "Абстракция – Созидание", а в 1939 – авангардистского салона "Новая реальность", вносит большой вклад в послевоенный подъем французского абстракционизма, по-прежнему сохраняя геометрическую ритмику ярких, спектрально дополняющих друг друга цветов. Создает также эскизы для мозаик и витражей, занимается керамикой, книжной графикой, текстильным дизайном.

В 1937 происходит важное событие – супруги Делоне участвуют в оформлении интерьеров французского павильона на Всемирной выстав-

ке в Париже, для которого Соня создает панно величиной в 235 квадратных метров. Ее работа была отмечена золотой медалью. В 1938 она проводит большую персональную выставку в Городском музее Амстердама.

Робер Делоне умирает в 1941 году от рака. Несмотря на постигшее ее горе, Соня с удвоенной энергией продолжает работать над совместными проектами, стремится увековечить память мужа, публикуя его теоретические труды. Она пишет воспоминания о Робере и своих друзьях – Г. Аполлинере, П. Пикассо, М. Жакобе, Ф. Леже, Ж. Браке, А. Экстер (близкой подруге), В. Кандинском, Н. Альтмане, А. Архипенко и других. Почти на всех выставках абстрактного искусства, буквально заполонивших Европу после войны, Делоне экспонирует свои и мужнины работы. Это групповые выставки "Конкретное искусство" в галерее "Друэ" (1945), "Первые мастера абстрактного искусства" в галерее "Меет" (1949) и другие. Ее персональные выставки проходят в парижских галереях "Бинг" (1954), "П. Бере" (1964), Лувре (1964), Музее современного искусства (1967/1968). В поздний период Соня Делоне создает большой цикл абстрактных картин "Ритм и цвет", в которых на смену резким контрастам пришли плавность цветовых переходов и умеренная яркость.

В 1963 году Соня дарит Франции – Национальному музею современного искусства – 117 своих и Робера работ. Через год в Лувре проходит пышная презентация дара, и Соня Делоне становится первой художницей, чья персональная выставка состоялась в этом знаменитейшем музее. Заслуги художницы обретают признание – она становится кавалером ордена Искусств и литературы, в 1973 году получает гран-при города Парижа за свой труд в области искусства, а в 1975 году становится обладательницей высшей награды Франции, ордена Почетного легиона.

Соня Делоне прожила долгую, яркую и насыщенную жизнь. Художница умерла в Париже 5 декабря 1979 года. Ей было девяносто четыре года.

В 1985 в Музее современного искусства в Париже состоялась выставка, посвященная 100-летию со дня рождения художницы. Сегодня работы художницы очень высоко оцениваются любителями живописи и коллекционерами – в 2002 году полотно Сони Делоне-Терк "Рынок в Миньо" было продано за 4,5 млн. евро, более чем в пять раз выше каталожной оценки. Картина, кстати, была куплена русским коллекционером. Произведения Сони Делоне находятся во многих мировых музейных собраниях, в том числе в Музее современного искусства в Париже, ГМИИ им. А.С. Пушкина и других. К сожалению, ее работ нет в Украине – стране, где она родилась, хотя имя стоит одним из первых среди художников



мирового авангарда, и она никогда не забывала земли, давшей ей жизнь и способность видеть все краски мира.

Казалось бы, у художника и человека такого масштаба темных пятен и путаницы в биографии не должно быть по определению. Как оказалось, она есть, и еще какая! Причем это признают практически все биографы художницы. Если с парижским периодом, то есть фактически со всей "взрослой" ее жизнью ясно абсолютно все, петербургский период – от пяти до девятнадцати лет – тоже освещен довольно неплохо, то вот с детскими годами тогда еще Сары Штерн, от рождения и до пяти лет, ясности нет никакой. Вся существующая у биографов информация основывается на обрывочных воспоминаниях 93-летней художницы, которые записал ее приятель Жак Дамас.

Итак, продолжу историю о своих изысканиях. Для того чтобы установить истину, я купил все значимые биографии Сони Делоне, издававшиеся в мире, и ее единственную прижизненную автобиографию, вышедшую в Париже, когда художнице было уже 93 года. У нас их найти невозможно, хорошо, что есть родственники и друзья во Франции и Америке. Довольно быстро выяснилось, что причиной путаницы являются несколько строк из автобиографии Сони Делоне "Nous irons jusqu'au soleil" ("Мы идем за солнцем"), которая увидела свет за год до ее смерти, в 1978 году. Автобиография написана в сотрудничестве с Жаком Дамасом и Патриком Рейно. Детским годам там посвящена самая маленькая глава, и в ней на 12-й странице Соня единственный раз указывает, что ее отец работал на метизной фабрике в Градзихске (Gradzihsk). Потом это название перекочует в хронологию, данную в конце книги, уже как место ее рождения. Правда, там она названа не Сарой, а Sophie – опять путаница. А так как города с названием Градзихск в Украине нет, в дальнейших книгах и статьях появляется Градижск – самый близкий по звучанию и написанию украинский город.

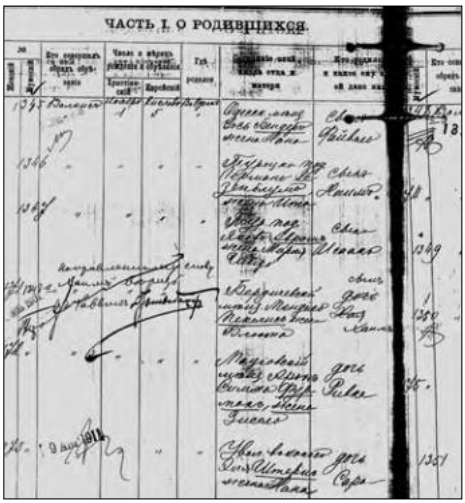
Одна из лучших биографий Сони Делоне вышла в 1995 году в Нью-Йорке. Автор, Стенли Барон, написал ее в сотрудничестве все с тем же

Жаком Дамасом, другом последних лет художницы. В биографии детству тогда еще Сары Штерн традиционно посвящено всего несколько страниц. Авторы пишут: "Несмотря на то, что она была абсолютно щедрой и общительной женщиной, были в ее прошлом моменты, которые она обсуждала с трудом. В ее автобиографии, которую она опубликовала в 1978 году, описание первых двенадцати лет жизни занимает не больше семи страниц и с трудом может быть названо детальным". А дальше авторы пишут: "Большинство официальных биографий и каталогов указывают, что он родилась в украинском городе Градижске (иногда пишут Граджинск) на Днепре; на самом деле в своей книге она пишет о нем как о городе, в котором ее папа работал на фабрике. А в ее завещании, заверенном нотариусом, местом рождения указана Одесса. Замена Одессы на Градижск с трудом подается объяснению".



В другой биографии Сони Делоне, вышедшей в США в 1989 году, автор Аксель Мадсен пишет о том, что она родилась в Градижске даже не 14-го, а 15-го ноября 1885 года. С именами родителей все в порядке, зато Мадсен дает совершенно невероятные сведения о том, что к моменту появления Сары на свет у супругов Штерн уже был сын, а вообще, вместе с Сарой, у них было пятеро детей. Надо отметить, что с именами родителей, к счастью, ни в одном источнике путаницы нет – Эли (Элиас) и Ханна Штерн, в девичестве Терк.

Наши украинские авторы Александр Нога и Ирина Кодлубай в своей замечательной монографии "Соня Делоне возвращается в Украину через Львов" приводят документы из архива известного киевского искусствоведа Дмитрия Горбачева: объявление во французской газете за 1908 год о свадьбе Сони и Вильгельма Уде, где указано, что она родилась в семье Элиаса и Ханны Штерн в Одессе, и документ, выданный в том же году в Санкт-Петербурге заместителем нотариуса Питером Финдайзеном, где указано, что Сара Штерн родилась 1 ноября 1885 года в Одессе в семье


ЧАСТЬ I. О РОДИВШИХСЯ.

уволенного в запас Элиаса Штерна и фрау Ханны, урожденной Терк, о чем в книге записей одесского раввината сделана запись под номером 117. Казалось бы, нет места для сомнений. Но все же авторы не делают однозначного вывода о том, что Соня Делоне родилась в Одессе, – наверное, из осторожности. Ведь большинство источников указывают на Градижск-Граджинск-Гражист.

Таким образом, установить истину можно было, только найдя подлинные документы в архивах. Определяющим моментом для меня стало получение архивных сведений из Одесского и Полтавского областных архивов – в Градижске всего 7 тысяч жителей, и своего архива нет. И вот с помощью одного из лучших одесских краеведов Александра Розенбойма в моем распоряжении оказался документ, который поставил, наконец, все точки над "i". Это копия листа из книги записей одесского раввината за 1 ноября 1885 года, части первой "О родившихся". Заместитель Санкт-Петербургского нотариуса ошибся на одну цифру – запись под номером 1173 гласит о том, что в этот день у уволенного в запас Эли Штерна и его жены Ханы родилась дочь Сара. А несколькими месяцами раньше, а именно 16 июня, под номером 244 в книге "О бракосочетаниях" сделана запись о том, что 21 мая 1885 года состоялся брак Эли Штерна, холостяка, с дочерью одесского мещанина Товия Терка, девицей Ханою. У обоих это был первый брак. Обряд бракосочетания совершил раввин Политковский. Элиасу на тот момент было 27 лет, Хане 22. Совершенно очевидно, что Сара родилась через пять месяцев после бракосочетания родителей, то есть никакого первенца до нее быть не могло.

Для чистоты эксперимента я все же позвонил, а потом сделал запрос в Государственный архив Полтавской области. Устно мне ответили, что все архивные данные по евреям, родившимся и жившим в Полтавской области до Великой Отечественной войны, были в военные годы уничтожены. В письме ответили более официально – метрические книги для запи-

сей рожденных городка Градижск Кременчугского района Полтавской области в Госархив Полтавской области не поступали.

Откуда же взялся Gradzihsk? Думаю, вспоминая в столь преклонном возрасте раннее детство, нетрудно ошибиться. Ведь после переезда к дяде в Санкт-Петербург Соня видела отца лишь единожды, а маму не видела больше никогда, и в Одессе также больше не бывала. У нее остались яркие эмоциональные воспоминания – глубокий белый снег зимой, большие желтые подсолнухи летом, яркие краски Украины, о которых она будет потом много говорить, и которые, несомненно, оказали влияние на ее творчество. Видимо, эмоции живут в памяти дольше, чем детали. А Градижск, я думаю, – это просто слово "городишко", оставшееся в памяти маленькой девочки. Похожий случай произошел с дедушкой – тоже, кстати, одесситом, – знаменитого французского певца Джо Дассена. Но это уже совсем другая история.



Валентин МАКСИМЕНКО

Лексикон Петра Соломоновича

Профессор П.С.Столярский был одним из величайших скрипичных педагогов XX столетия. Жак Тибо, например, считал, что "его педагогика – это то, чем должно гордиться мировое искусство".

Примерно то же говорили Жозеф Сигетти, Генрик Шеринг и другие авторитетные музыканты. Чтобы понять их правоту, нет нужды углубляться в теорию, достаточно просто перечислить имена некоторых его выдающихся его "детей" – учеников: Натан Мильштейн, Михаил Фихтенгольц, Самуил Фурер, Елизавета Гилельс, Борис Гольдштейн, Альберт Марков, Давид Ойстрах. Педагогика Столярского определила дальнейшее развитие скрипичного исполнительства. Вспомним хотя бы "внуков" Петра Соломономича только по линии одного его "сына" – Д. Ойстраха: В. Пикайзен, Э. Грач, С. Снитковский, Р. Файн, О. Пархоменко, О. Крыса, О. Каган, М. Секлер, В. Климов, Л. Исакадзе, Г. Кремер...

Этот славный ряд далеко не исчерпан, а прерываю перечень из чисто стилистических соображений. Главное же понятно – панорама скрипичного искусства XX столетия действительно во многом определяется питомцами школы Столярского.

А сам Столярский был сыном скромного деревенского музыканта. Ему не довелось получить достаточно высокого общего образования. Он не без труда писал по-русски (его дела вели дочь Нелли, секретарь Анетта Бычач, другие помощники), так и не освоил хорошо русскую речь. Его оговорки, курьезные фразы становились "притчами во языцех", передавались из уст в уста, становились легендами. Я годами коллекционировал высказывания Петра Соломоновича, тщательно проверяя их достоверность с помощью перекрестных свидетельств его коллег и учеников. Все эти люди относились (и относятся) с пиететом к личности Педагога, не без смущения подтверждая истинность тех или иных его фраз, почему-то полагая, что лексикон Столярского принижает значимость его достижений. По-моему, это заблуждение. Относительно легко чего-то достигнуть при поддержке семьи, "университетов", но, по сути, "из грязи" выйти в истинные "князи" – удел людей выдающихся. Правда не принижает, а возвышает личность Столярского.

Пожалуй, самой популярной стала его фраза "школа имени мене" (рука сама тянулась вынести ее в заголовок этого материала, но я сознательно не делаю этого). В двадцатые-тридцатые годы в Советском Союзе уч-

реждениям культуры присваивали имена живущих людей. Так, в Москве был театр имени Всеволода Эмильевича Мейерхольда, в Одессе имя Анатолия Васильевича Луначарского носил знаменитый Театр оперы и балета. Позднее, когда стали присваивать имена ушедших, родилась грустная шутка: имена творцов присваивают, скажем, театру не в расцвете творческой жизни, а когда она естественно идет на спад после кончины создателя, невольно дискредитируя деятелей культуры (вспомним хотя бы Георгия Александровича Товстоногова или Николая Павловича Акимова).

Но вернемся в Одессу. Первая в мире детская музыкальная школа-интернат для особо одаренных детей еще при Петре Соломоновиче получила название "Школа имени профессора П.С. Столярского".

Очень популярной была и остается фраза Столярского "Ваш мальчик обыкновенный гениальный ребенок" (свидетельство Л. Маркеловой). Учитывая стеснительность учеников Петра Соломоновича, "дававших показания", я в дальнейшем буду ограничиваться лишь их инициалами, любому же пуристу, который заподозрит меня в "принижении достоинства" педагога или даже отсебятине, готов дать полную ссылку на первоисточник.

В духе "эпохи построения социализма" Петр Соломонович называл свою школу "фабрикой талантов" (замечу, что в его школе пестовались индивидуальности, не в пример нынешним "фабрикам", действительно штампующим "фабрикантов"). Когда он отправлялся с учениками для выступлений в разные города Союза, Столярский говорил, что "везет вагон талантов".

После одного из успешных выступлений своих питомцев в столице Петр Соломонович сказал секретарю А. Б.: "Дай телеграмму в Одессу, что школа прошла с большим фуражом" (он имел в виду – с фурором).

Выступая в Одессе с отчетом о поездке, Столярский заметил: "После такого успеха школа будет иметь большой символ к работе", – подразумевая, что успех станет стимулом к дальнейшей работе (А. П. Б.).

По свидетельству Л. Н. Г., Петр Соломонович сказал однажды: "Нас наградили за нашу работу, но мы не должны забывать то место, из которого вышли". Как говорили в старой Одессе, "не подумайте плохого": Столярский хотел сказать, что не следует самообольщаться успехом, нужно продолжать настойчиво работать там, где успехи закладываются, – в школе, классах, "откуда вышли".

Отвлекаясь на время от лексикона и курьезов, замечу, что Петр Соломонович обладал чувством юмора, владел своим специфическим языком образных сравнений. Его ученики А. Б., М. Г., А. П. и другие запомнили такие высказывания педагога во время уроков:

"Не спеши, не веди смычок так быстро. Представь себе, что это твоя зарплата. Ты должен ее не сразу израсходовать, а распределить на длительное время".

"Кого ты хочешь перегнать? Играть не скрипке – это не прыгать на лошади. Покажи мне красивую музыку".

"Что такое воробей? Это соловей, который не выучил свои трели".

Добиваясь благородного звучания инструмента, учитель говорил: "Не следует думать, что слово *скрипка* происходит от слова *скрип*".

Обращая внимание на необходимость придерживаться стиля произведения, педагог просто и доходчиво говорил: "Играй мне Баха, а не Оффенбаха".

Объясняя, как следует держать скрипку, Петр Соломонович говорил о "ключнице", имея в виду... ключицу. Кстати, ему принадлежат слова о том, что "скрипку нужно держать гордо". Я вспоминаю это всякий раз, когда один из хороших скрипачей нашего симфонического оркестра выходит на эстраду, "подчеркнуто" неся перед собою скрипку, наверное, с расчетом на аплодисменты. Да, нести ее надо гордо, но просто. Без тени манерности.

Свидетельство А. Л.: "Один из учеников Петра Соломоновича играл с акцентированной экспрессией, "украшениями". Столярский сказал ему: "Представь себе, что люди строят дом, но он еще не готов, нет потолка. А на стены они уже начинают лепить украшения. Это правильно будет? Нет. Не гори, как вундеркинд. Они быстро сгорают. Когда придет настоящая сила, будут и украшения".

Возможно, стремление к образности, пусть несколько заземленное, пришло к Столярскому от одного из его педагогов О. Шевчика, любившего говорить: "Сперва научись чисто играть гамму, а потом будешь есть конфетки".

Столярский утверждал, что если шахматы это спорт, то с не меньшим основанием можно считать спортом и игру на скрипке. "Попробуйте выстоять на ногах час, два, три, и при этом играть. Это не каждому под силу – нужна сноровка, должны действовать и руки, и мозг".

Он любил учеников, но был очень требовательным к ним. И ученики любили его. Обычно слушались безоговорочно. Тем более впечатляет такой эпизод непослушания, о котором мне рассказала скрипачка А. П. уже в конце жизненного пути. Столярский часто приглашал в свой класс выдающихся гастролеров и показывал им учеников. Однажды он продемонстрировал, кажется, Жаку Тибо, лишь нескольких учащихся. Другие одаренные ребята обиделись и... не пришли играть в ансамблях, которые Петр Со-

ломонович тоже хотел показать высокому гостю. Столярский не мог поверить в реальность случившегося, а участница "забастовки" и спустя полвека вспоминала об этом эпизоде ослушания с болью и раскаянием.

Еще один любопытный эпизод. Ученический коллектив записывали на пластинку. Столярского не предупредили о начале записи, он считал, что продолжается репетиция. В одном месте, не удовлетворившем его, Петр Соломонович возмущенно закричал: "Что ты играешь, корова! Я сейчас брошу тебе пульт в голову".

Когда запись дали прослушать и дошли до злополучного места, все рассмеялись, а педагог растерялся и сказал: "Разве это я? Я не говорил такого". Он был искренен – сказанное сгоряча, в состоянии аффекта, не отражало его истинного отношения к ученикам.

Рассказавшая об этом его ученица и в свои 80 считала, что подобные факты не следует делать достоянием людей, чтобы ненароком не бросить тень на облик Учителя.

Подчас огрехи лексики и наивность Столярского обретали неожиданный смысл. Так, выступая в Москве в Наркомате просвещения, Петр Соломонович следующим образом выразил свою благодарность партии и правительству за открытие школы (к слову, тогда она располагалась в Лютеранском переулке, рядом с консерваторией): "Для меня это счастье, что удалось создать чудесную детскую музыкальную школу, да еще накормить голодных детей. Поэтому разрешите мне поблагодарить товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и другие шишки" (в несущественно отличающихся вариантах довелось это слышать от разных учеников Столярского).

Как высокую честь Петру Соломоновичу предложили вступить в партию (многим приходилось добиваться этого годами, выстаивая длинные очереди, как за любым дефицитом; недаром же кавээнщики позднее острили: "Мы отстояли социализм в очередях"). И, как водилось, Петру Соломоновичу стали задавать традиционные вопросы.

"Почему вы хотите вступить в ряды партии?" – "Потому, что я стою на советской площадке", – сказал Столярский. На вопрос "Что вам дала советская власть?" Петр Соломонович искренне ответил: "Эмку". Речь шла о том, что ему была выделена легковая машина "М-1" производства Горьковского автозавода. По тем временам это была большая редкость. Получив машину, Столярский предложил покататься на ней по городу своему коллеге, пианисту и композитору Лазарю Яковлевичу Саксонскому. Тот прихватил с собой малолетнего сына Володю, о чем Владимир Лазаревич,

ныне известный пианист, заслуженный артист Украины, благодарно помнит по сей день (не могу не заметить, что замечательный музыкант Лазарь Саксонский за более чем четвертьвековое служение Музыке не был отмечен никаким почетным званием – это одна из, увы, многих несправедливостей нашей жизни).

С упомянутой "эмкой" связано еще одно "мо" Столярского. По рассказу Л. Г., Столярский однажды сказал: "Открой калитку", – имея в виду... дверцу автомобиля.

Петр Соломонович обрастал в Одессе легендами, как корабль ракушками.

Один из его учеников М. Гольдштейн издал в Иерусалиме книгу об учителе. Этот факт заслуживает благодарности, кстати, некоторые примеры взяты мною из этой книги. Приведу фрагмент работы Гольдштейна: "Один из взрослых учеников Столярского был арестован. К Петру Соломоновичу пришел следователь и попросил вспомнить, не имел ли ученик связей с немцами. В это время немцы воспринимались как фашисты. Столярский сказал: "Да, я знаю, что он связан с немцами, могу даже сказать, с кем". Следователь взял записную книжку и приготовился записать. "Например, он имел связи с Брамсом, Шубертом, Шуманом, Бахом". Следователь записал все, поблагодарил и ушел. Столярский даже не подумал о том, что сказал чепуху. Потом он мне сказал: "Пусть они сами разберутся, это их хлеб".

Мне этот рассказ кажется маловероятным: в 37-м году с "органами" не шутили. Это, скорее всего, легенда. Вересаев говорил, что легенды могут отражать суть людей. Например, Пушкину и Дантесу сопутствуют существенно разные легенды. Что до рассказа Гольдштейна, то в нем, как в легенде, по-моему, отразилось сочувствие Столярского, человека глубоко порядочного, людям, попавшим в беду.

Не могу отделаться от чувства, что эпизод с "немцами" появился как дань идеологии. Сатирик точно сказал, что "их" идеология очень похожа на "нашу" – там многое излагается, как в газете "Правда", только с частицей "не". То, что у нас со знаком "плюс", у них со знаком "минус", и наоборот. Основанием для моего предположения может служить и такой пример. Гольдштейн помещает ректора консерватории первых послевоенных лет композитора К.Ф. Данькевича в "первые ряды антисемитов". Когда я спросил об этом профессора Л.Н. Гинзбург, она категорически отвергла утверждение Гольдштейна. Не берусь быть категорическим судьей, но не привести разные точки зрения считаю невозможным...

Думается, нельзя воспринимать Петра Соломоновича ни как "верного сына коммунистической партии", ни как "борца с советской властью" (последнее прочитывается в книге М. Гольдштейна). В самом деле, если в 1917-м году, по воспоминанию Д.Ф. Ойстраха, Столярский вывел на улицы Одессы учащихся с исполнением "Марсельезы", то не нужно забывать, что за несколько лет до этого унисон учеников Столярского исполнял сочинение А.Ф. Львова "Боже, царя храни"...

Столярский не был политиком, он был человеком, сочувствовавшим обездоленным – голодающим (об этом рассказано в книге М. Гольдштейна), репрессированным – всем, кто попадал под колесо истории...

....Интересно замечание М. Гольдштейна о том, что "Столярский говорил спонтанно, не задумываясь над сочетанием слов". Наверное, отсюда и множество курьезов. Например, Петр Соломонович ценил деятельность ректора консерватории Канделя, а как-то на собрании сказал: "Берите пример с Канделя. Он никогда не говорит глупости. Он делает их". По–видимому, он хотел сказать, что ректор делает дело.

Не утруждаясь выбором и расстановкой слов, Столярский мог сказать своему любимому ученику Д. Ойстраху: "Додик, не плутайся между ног, иди прежде". Он имел в виду: "Не путайся под ногами, иди впереди нас".

По воспоминаниям аккомпаниатора Давида Ойстраха Фриды Бауэр, Давид Федорович "был исключительно артистичен, необычайно точно копировал любого человека". В частности, он замечательно изображал самого Петра Соломоновича с его характерными интонациями, жестами, движениями. Столярский, прослышав об этом, просил ученика показать, как он его копирует. После естественных колебаний Давид Федорович согласился. Показывая учителя, он говорил какие-то "правильные слова" из "репертуара" Петра Соломоновича. Столярский увлекся так, что воспринял пародию как копию оригинала и выразил полное согласие с тем, что говорил от его имени ученик. Великий Учитель был не только трепетно влюбленным в скрипку, но и искренним, простодушным человеком.

Столярский говорил, что чем больше играют на скрипке, тем лучше... для здоровья. Нашелся отец одного ученика, который выразил сомнение в этом. Столярский ответил ему: "Чем лучше руки двигаются, тем больше они отгоняют от человека всякие болезни". Своему юному ученику он сказал однажды: "Вполне сочувствую твоей простуде, но самое лучшее лекарство – взять скрипку в руки и играть не менее трех часов (! – **В. М.**) упражнения и этюды. Организм разогреется,

и микробы подохнут от звуков скрипки". Ученик поверил и позднее признался, что после трехчасовой игры значительно лучше почувствовал себя" (М. Г.).

Петр Соломонович, сам счастливый супруг... ревновал учениц. Он был противником браков до окончания учебы. Узнав стороной о матримониальных планах А. П., он довел ученицу до слез придирками к... ее игре. Она не понимала, в чем дело: играла старательно и вроде бы хорошо, а педагог недоволен. И лишь когда он стал рассуждать о том, что "скрипке нельзя изменять", догадалась о причине придирок.

Специфический лексикон Петра Соломоновича был всесоюзно известным. Выдающийся пианист и педагог, профессор московской консерватории А.Б. Гольденвейзер с большим уважением относился к деятельности Столярского. Ознакомившись с методикой его преподавания, он даже обратился к правительству с предложением организовать в Москве детскую музыкальную школу, аналогичную одесской (такая школа была открыта, знаменитая ЦМШ). Но Гольденвейзеру же принадлежит и шутливое предложение издать "русско-столярсий словарь".

Да, у Столярского был свой "словарь", связанный с лексиконом еврейских местечек, одесским лексиконом. Его внимательно слушали и хорошо понимали окружающие. Понимали и высоко чтили гениального педагога-самородка, пусть и не ограненного высокой эстетикой.

Если, читая этот материал, вы улыбнулись, – отлично. А теперь снимем шляпы в знак уважения к Маэстро, так много сделавшего для мировой культуры.



Белла ВЕРНИКОВА

Петр Вейнберг, переводчик Гейне
Об одном редком издании

В советскую эпоху Генрих Гейне (1797-1856) перешел в разряд нечитаемых классиков. Но в начале XX столетия Гейне, со дня смерти которого не прошло и полувека, оставался актуальным поэтом в русской культуре.

Книга Генриха Гейне "Еврейские мотивы" в переводе Петра Вейнберга (СПб.: Изд. Ш. Бусселя, 1902) входит в богатое собрание русской иудаики Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме. На первой и последней страницах книги имеются экслибрис и библиотечные штампы, позволяющие считать, что этот сборник поступил в библиотеку во второй половине 1920-х годов и ранее принадлежал русскому еврею, статскому советнику и доктору медицины Льву Давидовичу Пласкову. "Еврейские мотивы" дополняют ряд русских переводных изданий Генриха Гейне начала прошлого века, когда вышли два собрания его сочинений (одно под редакцией П.И. Вейнберга, другое – под редакцией П.В. Быкова) и различные однотомники поэта.

Составитель и переводчик книги Гейне "Еврейские мотивы" Петр Исаевич Вейнберг (1831-1908) был широко известен в России начала XX века переводами на русский язык классиков – Шекспира, Гете, Гюго и др., а также современных немецких и австрийских писателей, писавших о европейском еврействе, в их числе – Карл Гуцков, Леопольд Комперт, Бертольд Ауэрбах, Карл-Эмиль Францоз, Леопольд Захер-Мазох. П. Вейнберг переводил произведения разных жанров – он перевел с немецкого монументальный труд Г. Карпелеса "История еврейской литературы", комедию Г. Лессинга "Евреи", драму К. Гуцкова "Уриэль Акоста" и пр. К слову, повесть Ауэрбаха "Поэт и купец" в переводе Вейнберга вышла отдельным изданием в 1902 г. в той же типографии Ш.Ф. Бусселя.

Петр Вейнберг с раннего детства жил в Одессе, учился в пансионе Золотова, в гимназии и на юридическом факультете Ришельевского лицея. Его первая книга "Стихотворения Петра Вейнберга" была издана в Одессе в 1854 г., в нее вошли переводы из Горация, Гюго, Байрона и оригинальные стихи. Выпускник Харьковского университета Петр Вейнберг уже в середине 1850-х гг. увлекся поэзией Гейне, о чем свидетельствует псевдоним "Гейне из Тамбова" (в 1856-58 гг. Вейнберг служил в Тамбове), которым он подписывал сатирические стихи, печатавшиеся в журналах "Искра" и "Стрекоза". Появлению этого псевдонима предшествовал курьез-

ный случай: в 1856 г. в журнале "Русский вестник" была опубликована подборка оригинальных стихов Петра Вейнберга, которые редакция приняла за переводные и поместила под заголовком "Из Гейне". Впоследствии, живя в Петербурге, П.И. Вейнберг несколько десятилетий занимался переводами и изданием произведений любимого поэта.

В выходных данных сборника "Еврейские мотивы" указано, что книга издана в петербургской типолитографии Ш. Бусселя (Мытнинская набережная, 9). В фондах Национальной библиотеки Израиля хранится несколько брошюр на русском языке, напечатанных в 1902-1908 гг. в этой типолитографии, содержание которых свидетельствует об особом интересе Ш.Ф. Бусселя к изданию русско-еврейской публицистики, направленной против погромов и антисемитских выступлений русской печати и ратующих за гражданскую эмансипацию русского еврейства.

Сборник "Еврейские мотивы" открывается переводом статьи "Гейне и еврейство" А. Штродтмана – немецкого биографа и издателя Гейне, взятой из его книги "H. Heines Leben und Werke". В примечании редакции подчеркнуто значение данной статьи для русских читателей: "Статья эта интересна тем, что рисует отношение поэта к знаменитому "Обществу еврейского просвещения и науки" и главным его деятелям: Леопольду Цунцу, Моисею Мозеру, Людвигу Маркусу и др. В русской литературе эта часть биографии великого поэта еще недостаточно разработана". В статье освещена причастность Гейне к этой организации в 1822-23 гг., а также история самого общества, за несколько лет своего существования заложившего основы науки о еврействе – иудаики – на немецком языке и в дальнейшем послужившего образцом для всех создаваемых в Европе XIX века еврейских просветительских обществ. В том числе, при создании в 1860-х гг. в Петербурге и Одессе "Общества распространения просвещения между евреями в России".

Приведенные в статье Штродтмана, а также в биографическом очерке "Генрих Гейне" А. Горнфельда в шестом томе "Еврейской энциклопедии" цитаты из переписки поэта с Моисеем Мозером свидетельствуют о душевной драме Гейне, связанной с его еврейством. В 1825 г. он перешел в лютеранство, что позволяло рассчитывать на получение государственной службы и в то же время вызвало душевные переживания, оставившие след в творчестве поэта.

В книге "Еврейские мотивы" представлена в русских переводах Петра Вейнберга проза и поэзия Гейне, относящаяся к разным периодам его литературной работы. В сборник вошел ранний неоконченный роман "Баха-

рахский раввин", в основу которого положены сказания о средневековых кровавых наветах и еврейских гонениях в немецких прирейнских землях в XII-XV вв. (в тех же местах распевает свои волшебные песни Лорелея из знаменитого стихотворения Гейне). Помещена здесь и поэтическая баллада "Иегуда Бен-Галеви" – о великом талмудисте и поэте "золотого века еврейства" в Испании, написанная и опубликованная в последний период творчества Гейне. С этими публикациями связаны два стихотворения Гейне, также включенные в сборник. Одно из них предваряет балладу "Принцесса Шабат", другое – с подзаголовком "При посылке экземпляра "Бахарахского раввина" – было напечатано в более раннем переводе П.И. Вейнберга в "Восходе" (1882, № 4-5).

Любопытен словесный портрет Петра Вейнберга конца XIX века, оставленный И.А. Буниным после встречи с ним в артистической известного зала Кредитного общества: "Петр Исаевич Вейнберг, душа всех литературных вечеров Петербурга, в великолепнейшем фраке и белом галстуке, с острым и голым черепом, совершенно юношескими глазами и душистой серебряной бородой, столь длинной и узкой, что его звали за нее Черномором..." .*

Просматривается грустная параллель в литературной судьбе двух евреев, плодотворно работавших в немецкой и русской культуре: в памяти широкого читателя остались романсы на стихи этих поэтов – "Лорелея" на стихи Генриха Гейне и "Он был титулярный советник" на стихи Петра Вейнберга (музыка А.С. Даргомыжского).

Иерусалим



* Цит. по кн.: Марков А. Магия старой книги. М., 2004. С. 163.

Евгений НИКОЛАЕНКО

Простое может сложным стать

Горсть листьев,
Звезд и светлячков,
Тетрадь на осень открываю
И в дужках золотых очков
Синь неба смутно отражаю.
Александр Дмитриев

В декабре минувшего года ушел из жизни великолепный одесский художник, заслуженный деятель искусств Украины Александр Дмитриев. Зная о его тяжелой болезни, друзья торопились подготовить и открыть персональную выставку мастера. Не успели... Выставка все равно должна состояться, но, увы, Сашу это уже не порадует.

Меня связывала с Дмитриевым многолетняя искренняя дружба, и это дает мне право на эти заметки. Мне захотелось сделать их прочувствованными и понятными не только для профессионалов, но и для многочисленных любителей творчества этого замечательного художника.

Четверть века назад я назвал Александра главным керамистом Одессы, на что он безапелляционно ответил:

– Женя, ну почему керамист? Я просто художник.

А в стихах подтвердил:

Простое все вдруг сложным станет,
А сложность видишь в простоте.
Так жизнь в тупик порою ставит –
Кто эти? Может быть, не те...

Конечно же, Саша – непревзойденный мастер керамики. Его керамические произведения разноплановы – как в изготовлении, так и в своей художественной сущности: это вазы, декоративные подставки, внешние части каминов, архитектурные элементы. Но кроме изделий, имеющих прикладное значение, есть в его творчестве и камерные художественные творения абсолютно другого толка. Ряд работ под общим названием "Дорогами войны" – это большие и малые панно с включением в композицию отдельных смертоносных деталей и фрагментов. Это может быть искореженный взрывом металл, отстрелянные гильзы, осколки снарядов, что де-





**Работы А. Дмитриева
из коллекции М. Кнобеля**





Работы А. Дмитриева из коллекции Музея современного искусства Одессы



лает и без того уродливое явление войны еще более зримым, осязаемым и ненавистным.

Дмитриеву мало было пользоваться доступными, столетиями отработанными приемами, он находился в постоянном поиске экспериментатора. Вот один из примеров. Художник изготовил большую напольную вазу. Изделие по своим габаритам не могло поместиться в печь для обжига. Тогда Александр попытался обжечь ее с двух сторон. Из-за разности температур произошли диффузные изменения материала, но это не обескуражило художника: проблемные места он затянул декоративной кожаной шнуровкой, что придало творению особое пикантное изящество, рельефность и устранило излишнюю статичность. Вот так Дмитриев недостатки средств производства обратил на пользу творчества. Он использовал в своих работах смальту, дорогие огнеупорные краски, позолоту, и это не только позволяло создавать уникальное цветовое сочетание, но и рождало особый ритм света и тени, благодаря которому кажется, что предмет сам излучает красочный свет.

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит
Любовь и радость бытия.

В молодые годы Александр был большим непоседой, любителем путешествий по среднеазиатским республикам. Его манит старина, и из-под его кисти выходят удивительные полотна – "Улочки Бухары", "Красный Самарканд", "Серебряная Бухара". У Дмитриева свое, особое понимание декоративности, что нашло выражение в стремлении стилизации формы как в живописных полотнах, так и в пластических произведениях.

Со временем художник полюбил одиночество, что, в общем-то, естественно для творческого человека. Время от времени Саша как-то незаметно исчезал из поля зрения друзей-приятелей и возвращался из этой "командировки" со многими живописными полотнами. Просматривая художественные работы Дмитриева перед написанием этого очерка, я сделал для себя неожиданное открытие. Вот – зима, заснеженный одесский дворик, холодные ультрамариновые шапки снега на заборах, портиках и дымоходах. Следующая "командировка" – цветущий сад, весенние прогалины и долгожданное солнце. Еще одно уединение и – одесский зной, палящие лучи, ласковое море и романтический парус. Наконец – осень, люби-

мая пора художника: "Я осени люблю тоскливую опрятность...". Для меня это ассоциируется с циклом "Времена года" Вивальди, кто-то другой может услышать музыку Чайковского, в любом случае – это талантливое свидетельство взаимосвязи разных ипостасей творчества.

Александр мог выйти за рамки своего амплуа, стиля, и это были не пробы кисти, а новое удивительное творение мастера. Мне припоминается один случай. Будучи в гостях у известного одесского коллекционера Михаила Кнобеля, я остановился у акварели, которая носила название "Дождь на реке". Увлеченный увиденным, не заметил, как ко мне подошел Михаил Зиновьевич и прервал мои размышления вопросом:

– Ну, как ты думаешь, кто автор?

– Не знаю, но это талантливо, – ответил я.

– Это Саша Дмитриев.

Оказалось, акварель пролежала долгие годы среди бумаг, а теперь, заключенная в паспарту и раму, явилась во всей своей тихой красоте. Капли дождя и плывущие по реке пузырьки – предвестники продолжительного ливня – создавали настолько реальную картину, что я поневоле поежился. Даже воздух, казалось, наполнился запахами летнего дождя...

Творчество Дмитриева – это сложный разноплановый процесс. С возрастом художник стал мудр, он мыслил сложными философскими категориями. Свой более чем полувековой творческий опыт он в течение многих лет передавал студентам Грековки и художественно-графического факультета педина. Художник огромного таланта, Александр Дмитриев сыграл большую роль в развитии одесского прикладного искусства, монументальной и станковой живописи. Его работы украшают частные коллекции, музеи и картинные галереи многих стран мира. А вот нас, земляков, он не часто баловал показом своих работ. С тем большим нетерпением мы будем ожидать его выставку, которая, к огромному нашему сожалению, будет посмертной...







**Работы А. Дмитриева
из коллекции М. Кнобеля**





Работы А. Дмитриева из коллекции Музея современного искусства Одессы



Люсьен ДУЛЬФАН

О Мише Вайнштейне и о других...

"Сизый, лети, голубок, в небо лети голубое..."
Е. Бачурин

Это было очень-давно, в середине прошлого века, во времена, когда не было мобильных телефонов, компьютеров и т. п.

Союз советских художников, лелея молодые таланты, пригласил нас в Дом творчества "Сенеж", оплатив проезд и обеспечив сказочные условия для работы: мастерские, все материалы – твори, лепи, режь гравюры. Я нашел киргизов (я родился в эвакуации, во Фрунзе), узбеков. Мы сидели за одним столом, разговоры были на одну тему: творчество, искусство. Строили планы на будущее, мечтали об успехе.

Приехала комиссия из Москвы: искусствоведы, критики, представители союзных республик Союза художников СССР. Мой новый знакомый журналист Гриша Анисимов представил меня: "Одессит, редкая птица". Я – с кисточкой в руках, перепачканный красками, в трусах (дело было летом). "Скажи, как тебя зовут". Женщины из комиссии, одетые с большим вкусом, с азиатскими украшениями, окружили меня. Я, сделав паузу, ответил: "Люсьен". Мой вид и имя произвели впечатление. "А фамилия?" – спросили все хором. "Дульфан", – ответил я. "Вы француз?" – спросили все разом. Я как настоящий одессит ответил вопросом на вопрос: "Вы Шарля де Голля знаете?" – "Конечно", – ответили. Опять пауза, картинно вытирая кисть, спрашиваю: "А Голду Меир вы знаете?" (дело происходило в 1968 году, после разрыва отношений с "сионистами-агрессорами"). Наступила неловкая пауза. "Так я их внебрачный сын". Раздался гомерический смех.

Нас, молодых художников, было человек сто из всех советских республик от Прибалтики до Дальнего Востока. Украинская группа художников состояла из Валентина Реунова, Зои Лерман по кличке Божья Матерь из-за бесконечной доброты и готовности всегда прийти на помощь, ее талантливой половины Юрия Луцкевича (царство ему небесное), замечательного человека, умницы и потрясающего колориста.

Как мы познакомились. Была организована поездка в Загорск к святым мощам. Лето, август, жара. Небольшой автобус, с группой, включающей художников из ГДР, Болгарии и Венгрии, и нас человек двадцать. Мы запаслись ящиком водки (теплой) и коробкой шоколадных конфет. Выпили, сомлели, пели песни, пытались танцевать. Автобус остановился на

переезде. Ждем поезда довольно долго. Тишина, подмосковный дремучий лес. Все осоловелые дремлют. Одинокая оса жужжит. И вдруг один сумасшедший (это был я) завопил: "Ахтунг, минэн, ахтунг, партизанэн!". Немцы вывалились кубарем из автобуса и стали от смеха кататься по траве.

Поехали. Подходит очаровательная девушка: "Меня зовут Зоя Лерман, я из Киева". Познакомились. Она спрашивает, чуть зардевшись: "Помните, на выставке в Киеве была представлена ваша картина "Цирк приехал?" Когда показывали вашу картину, мы, молодые художники, стояли за приемной комиссией. Картина нам очень понравилась, но комиссия ее отклонила, мотивируя тем, что на флагштоке рядом с цирком шапито развевался не украинский флаг". "Дело в том, что молдавский флаг красный с зеленым, гармонирующие цвета, а украинский (синий с красным) не канает", – перешел на жаргон я. "Так вот, мы упросили дать вашу работу нам и за неимением красок закрасили зеленую полоску губной помадой". – "Ну, цэ другэ дило!" – сказала комиссия и приняла работу на мою первую республиканскую выставку.

Эти нахлынувшие воспоминания о нас, о молодости, которая "Нэ вэрнэтця вона"...

Во главе группы украинских художников был Миша Вайнштейн, который уже тогда был легендой. Кареглазый, с копной иссиня-черных волос. Окончивший Киевский художественный институт с отличием, он как отличник и сирота получил квартиру в Киеве. Обаятельный человек, невероятный труженик, он писал картины, делал заказные работы, рисовал сотни, тысячи набросков.

Приехав в Дом творчества, каждый писал заказную работу. Миша начал писать огромный холст для себя, для друзей и для истории. Работа эта может украсить любой музей мира. Это говорит человек, проживший в США двадцать лет и повидавший сотни выставок, музеев, галерей. Я думаю, что Мишина работа "Двенадцать" – шедевр.

Название подразумевает двенадцать апостолов, двенадцать художников-семидесятников, оставивших след в мире искусства. Огромный холст разбит на двенадцать квадратов, в каждом – образ художника или его картина. Себя Миша изобразил со спины, в ракурсе, делающим наброски. Игорь Обросов – русский богатырь, скрестил руки на груди. Автор этих строк с сияющей лупеткой (именно лупеткой!), улыбающееся восторженное лицо, одет в ярко-красную рубашку гарибальдийца. Ласло Пушкаш, западноукраинский венгр, впоследствии уехавший в Венгрию. Эдуард Лимонов, в поэтическом трансе, изображен в ярко-желтых тонах, с тонки-

ми изящными очками, в руках книга, как летящая птица. В верхнем левом углу знаменитый азербайджанский экспрессионист Наримамбеков. Борис Кочешвили, замечательный график, москвич. Леня Пинчевский на фоне яркого молдавского ковра. Наш всеобщий любимец бард Евгений Бачурин с неизменной гитарой. Зулейка Бежбеук-Меликян, дочь гениального армянского художника Бежбеук-Меликяна, веселая и трогательная. Портрета Володи Стрельникова нет, а есть его пейзаж: домик, лодка – и всё, но как выразительно! Одна из самых интересных фигур этого апостольского иконостаса – мой закадычный друг Джамбул Джумабаев, царство ему небесное. Джамбул, маленький веселый азиат "с раскосыми и жадными глазами" – жадный к жизни и любви, он гостил у меня сорок лет назад. Потом я гостил у него, на своей "исторической родине" во Фрунзе. В квадрате – портрет Джамбула на фоне киргизского узора, под которым письмо с адресом города Фрунзе. Дело в том, что он каждый день получал по два больших письма от любящей жены Ло, кореянки с изумительным профилем японской принцессы. Он тоже писал ей по два письма в день!

Джамбул был самобытным глубоким философом, врожденным живописцем. В 1997 году была выставка киргизских художников в Лос-Анджелесе, и галерейщик подарил ему золотые часы.

Мы не просто дружили, мы любили и уважали друг друга, и поддерживали во всем.

Джамбул назвал свою дочь в честь моей жены Диной, а сына Эмилем с честь знаменитого австрийского кинопродюсера, который был сослан в Киргизию, Эмиля Оттопрингера. Да, иных уж нет, другие уж далече.

В следующий приезд Миша привез большую идею, или, как говорят в Америке, большой проект. Я помню три картины из этого цикла. Первая так и называется: "Первые". На ней изображена группа молодых комсомольцев, которые картинно расположились вокруг пулемета (какой-то хитрый пулемет, Миша нашел его фото в архивах). Люди разных национальностей фотографируются на память перед боем. Над ними красный флаг, флаг надежды... Эта работа была отправлена на Кубу, на выставку, может быть, в поддержку Фиделя в трудной задаче построения коммунизма. К сожалению, на обратном пути в трюме теплохода эта картина была сильно испорчена. Вторая картина из этого цикла называлась "Днепрогэс" – огромный серый холст, глухая стена плотины, полная безвыходность. Под ней группа людей, положив руки на плечи друг другу, ногами месят бетон. Серая масса, люди-машины.

Изумительная по живописи, серебристо-мерцающая тысячами градаций серого цвета.

Приехала комиссия, не приняли, не одобрили, раскритиковали. Миша страшно расстроился. Я посоветовал ему вверху, над бетонной стеной, показать полоску голубого неба. Миша сделал это. Комиссия пришла в восторг и приняла ее на ура.

Я, будучи необузданным хулиганом, все время подтрунивал над Мишей. Ко мне явилась группа киевлян с предупреждением не трогать живого классика, угрожали побить!

Не помогло. То я клал Мише под подушку кирпич, то насыпал в носок бетон, уверяя, что необходимо быть ближе к натуре, к жизни, к Днепрогэсу.

Помню замечательный вечер, приехал Евгений Бачурин с гитарой и Эдуард Лимонов.

Лимонов читал свои стихи. Бачурин пел свои песни, которые я помню до сих пор. Миша делал наброски. Мне не сиделось. Я донимал Мишу. Довольно долго он терпел. Наконец Миша не выдержал, вскочил красный как рак... и мимо меня прогудел паровоз с огромным кулаком. Я едва увернулся. Все были разочарованы, требовали повторить заезд поезда и размазать меня по стене. Я, почувствовав, что симпатии на стороне Миши, разорвал на себе единственную красную рубашку с криком: "Стреляй, белогвардейская морда!".

Мы с ним не просто дружили, я для него заменил брата, утонувшего еще в юности при попытке спасти тонущую девочку.

Заработав деньги, я уговорил Мишу поехать в Грузию. Купили два билета в Гагры. Это было счастливое время. Мы говорили взахлеб о Тарковском, Параджанове, мечтали о будущем. Приехали мы с ним аккурат в Судный день. Я объявил Мише, что в этот день я – еврей, и держу пост. Миша что-то бормотал о прелестях Бессарабки (рынок в Киеве), о ее колбасах и квашенной в бочках капусте. Я пресекал некошерные разговоры и следил, чтобы Миша не ел по дороге на море виноград, свисающий с кустов. Потом через пару дней я срезал палку, нашел леску, прицепил крючок и начал ловить рыбу.

Мы прихватили для кайфа сковородку и примус прямо на пляж: "Половое чувство на природе гуще", – как писал в стихах Э. Лимонов. Я заметил, что местные джигиты ловят рыбу и выбрасывают ее в море. Один генацвале подошел и предупредил, что эта рыба ядовитая. Он подошел к крану, открыл воду и продемонстрировал: сколько ни промывай эту рыбу, с нее продолжала течь слизь. Рыба была без чешуи. Я объяснил ему, что

мы такая нация, что нам до сраци радиация. Они нам отдавали весь улов. Мы ее тут же жарили и с огромным аппетитом ели, запивая белым вином. Выжили. Правда, почему-то в конце нашего путешествия вся кожа с моих подошв слезла. Кстати, в Древнем Египте перед бальзамированием у фараонов срезали кожу с подошв ног. Наверное, чтобы в вечность не перенести грехи земной жизни.

Вспоминаю подробности Мишиной жизни перед его болезнью почек и уходом в мир иной. Он получил повестку на беседу в КГБ. Не пошел по болезни. Лежит в мастерской, давление за 200. Стук в дверь. Приходит молодой капитан КГБ. Здоровается. Миша объясняет, что не может шевельнуться, а не то что идти куда-то. Капитан спрашивает (а время было вначале массовой эмиграции): "Понимаете, Моисей Моисеевич, люди из Толстовского фонда идут к вам, по линии ХИАС'а – тоже к вам. Чем объяснить ваше внимание и помощь предателям Родины?".

В это время – стук в дверь, входит старушка, полька. "Получите, Леокадия Казимировна, ваши деньги". И Миша дает ей довольно большую сумму денег. "Ой, спасибо, Мишенька, вы просто золотой человек". И уходит.

Миша объясняет капитану, что он купил у этой женщины акварели ее умершей дочери. Они ему не нужны, но нужно помочь!

"Да вы и вправду замечательный человек!" – говорит капитан.

Нью Йорк



Михаил ПОЙЗНЕР

"Ах, Одесса моя, ненаглядная..."

Мелодия и незатейливые слова этой песни знакомы с детства.

Все это невольно возвращает в другое время. И как-то очень трудно вернуться назад, в наше сегодня. По правде говоря, и не хочется... Перед глазами мелькает еще та "старая" жизнь – молдаванский дом, походы с мамой за руку на Новый базар, школьный двор, домашние застолья, радиоточка, патефоны и проигрыватели, пластинки еще того Апрелевского завода или какой-то нашей хитрой одесской артели.

Конечно же, голос Утесова. И только Утесова!

Окунаешься в теплоту той жизни...

Когда еще не "ушла былая доброта".

Когда внезапно начинаешь понимать, что поют это о твоем доме, о тебе, о самом большом и трепетном. Что это большое принадлежит и тебе.

Когда ты делаешь первые взрослые шаги по известным всему миру улицам.

Когда натыкаешься на историю, преследующую тебя буквально на каждом углу.

Когда это входит в тебя на всю жизнь, переплавляясь в любовь и преданность, крайнюю необходимость, неприкосновенный запас и душевное равновесие.

Когда ты это никому ни за что не отдашь.

Когда рвешься сюда с самых дальних закоулков, какие "золотые горы" там бы ни обещали...

Надо обладать большим талантом и убедительностью, чтобы выразить накопившиеся чувства к родному городу (и вообще к чему-то или кому-то родному) – не повторяясь, не замыкаясь, говоря это от себя лично и одновременно от всех сразу.

Так и задумывалась "Ах, Одесса моя, ненаглядная...".[1] Задумывалась самим Леонидом Осиповичем Утесовым.

Но все по порядку.

Автор стихов "Ах, Одессы..." Владимир Петрович Котов практически неизвестен Одессе и одесситам. Композитор – Андрей Яковлевич Эшпай.

Ныне здравствующий Андрей Яковлевич Эшпай – выдающийся советский и российский композитор. Народный артист и лауреат всего, что

[1] Песне "Ах, Одесса моя, ненаглядная" посвящены публикации А. Галяса в газете "Вечерняя Одесса".

только существует. Родился в 1925 г. в семье известного композитора Якова Андреевича Эшпая. Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями.

А.Я. Эшпай автор блестящих балетов, среди которых "Ангара" (1976), "Круг" (1980), множества симфоний, музыки и песен к кинофильмам (их более 50). Достаточно вспомнить "Ночной патруль" (1957), "Повесть о первой любви" (1957), "Страницы былого" (1957), "Жажда" (1959), "Исправленному верить" (1959), "Карьера Димы Горина" (1961), "Первый троллейбус" (1963), "Майор Вихрь" (1967), "Адъютант его превосходительства" (1969), "Трактир на Пятницкой" (1977), "Поздняя любовь" (1983), "Униженные и оскорбленные" (1991) и др.

Его мелодии вошли в сердца многих. Даже если не знаешь имени автора, они возвращают нас в ту или иную жизненную ситуацию. Заставляют задуматься и вспомнить, улыбнуться и простить... Кто не знает "Москвичей" ("...Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой..." – на слова Е. Винокурова) или "Мы с тобой два берега у одной реки" (слова Г. Поженяна)?!

Однако вернемся к "Ах, Одессе...".

Слово самому Андрею Яковлевичу[2] :

"...Мне посчастливилось довольно много поработать в чудесной Одессе! Я написал там (в Одесской киностудии) музыку к кинофильмам: "Жажда", "Повесть о первой любви", "Исправленному верить", "Страницы былого", "Водил поезда машинист", и всегда работа там проходила в подлинно творческой атмосфере.

В фильме "Повесть о первой любви" была песня на слова В. Котова "Отчего, почему, и не знаю сам, я поверил твоим голубым глазам...". Она стала довольно популярной. (Ее пел даже польский певец Ежи Полонский.)

И вот как-то в разговоре со мной Леонид Осипович Утесов (сам Утесов!) попросил меня – не могу ли я разрешить ему эту песню (с другими словами) спеть. И чтобы в песне уже говорилось бы об Одессе. Разумеется, я согласился с радостью. Утесов был любимцем публики. Это был артист большого таланта, большого масштаба. Он был серьезен, умен, остроумен. Необычайно требователен к себе и окружающим. Всего себя он отдавал творчеству, чем и завоевал любовь слушателей, всенародную любовь.

Одесса – особенный город. Здесь соединились культуры многих национальностей, что и создало этот необыкновенный сплав – Одесса...

[2] Из письма А.Я. Эшпая автору 02.10.10.

Как я узнал (уже недавно), Утесов обратился к В. Котову, который и сделал новую поэтическую версию этой песни..."

Очевидно, что инициатива создания "Ах, Одесса моя, ненаглядная" принадлежит Леониду Утесову.

Владимир Котов очень тонко и бережно сумел передать чувства Утесова к родному городу. Здесь нет фальши, здесь просматривается вся жизнь Леонида Осиповича... И голос его, пробивающийся сквозь время.

Для сравнения приведу тексты этих двух песен-"близнецов":

Почему, отчего…

Для меня в этот день,
Словно в мае, сирень,
Помню, цвела.
Неожиданно ты
В мою жизнь и мечты,
Помню, вошла.

Почему, отчего – и не знаю сам,
Я поверил твоим голубым глазам?
И теперь скажу тебе:
– Ты одна в моей судьбе,
Ты одна в моей судьбе.

Дорогая, поверь,
Я не в силах теперь
Сердце унять.
Ты, как свет, мне нужна,
Ты должна, ты должна
Это понять.

Почему, отчего – и не знаю сам,
Я поверил твоим голубым глазам?
И теперь скажу тебе:
– Ты одна в моей судьбе,
Ты одна в моей судьбе.

Ах, Одесса моя, ненаглядная…

Пролетают года,
Ну а ты, как всегда,
Всюду со мной!
И как прежде, маня,
Ты ласкаешь меня,
Город родной!

И везде, и всегда
Слышу голос твой.
Ты волною звенишь,
Ты шумишь листвой.
Не напрасно ты зовешь:
Ты действительно хорош.
Ты действительно хорош!

Ах, Одесса моя ненаглядная!
Без тебя бы не мог, вероятно, я
Ни душою молодеть,
Ни шутить, ни песни петь.
Ни шутить, ни песни петь.

Черноморская даль,
Ты в ночи навевай
Сладкие сны.
Песни ты распевай,
Город светлой моей
Первой мечты!

Тексты эти созвучны, точны и непосредственны.

Теперь о Владимире Петровиче Котове (1928-1975 гг.).

В.П. Котов родился в Москве в семье инспектора железнодорожных школ. Мать – сельская учительница. Окончил литературный факультет Московского педагогического института (1950). Со слов самого В.П. Ко-

това: "...Маяковский стал... моим самым любимым поэтом, моим литературным вождем и вдохновителем. Я почувствовал себя "мобилизованным и призванным".

Сразу же после окончания института Константин Симонов пригласил его работать в "Литературную газету", однако В. Котов пошел в "Комсомольскую правду". Печатался в "Крокодиле", "Огоньке", "Правде". В 1955 г. в издательстве "Молодая гвардия" выходит его первая книга стихов "Летние дни". В 1958 г. – принят в Союз писателей СССР (по рекомендации поэта Владимира Луговского).

Заведовал отделом поэзии журнала "Молодая гвардия". Дружил с Евгением Вучетичем, Назымом Хикметом, Василием Чуйковым.

В.П. Котовым написано много замечательных песен в соавторстве с известными композиторами: Родионом Щедриным, Андреем Эшпаем, Юрием Чичковым и др.

Он автор песен к популярнейшим кинофильмам "Повесть о первой любви", "Высота" ("Не кочегары мы, не плотники...").

Песни на его слова исполняли Леонид Утесов, Гелена Великанова, Николай Рыбников, Владимир Трошин, Ирина Бржевская, Эдуард Хиль, Майя Кристалинская.

По признанию самого В.П. Котова:

"...Очень люблю песни. С давних пионервожатских лет не представляю себе ни своей жизни, ни своего творчества без песен.

Но можно ли написать песню заведомо популярную, заведомо всеобще любимую? Это решает сама жизнь".

Время показало, что Владимиру Петровичу Котову это удавалось не единожды.

...Талант Владимира Котова высоко ценил Леонид Утесов. Ниже приведу несколько его письменных обращений к В.П. Котову.[3]

Дорогой Владимир Петрович!

Опять письмо от Вас и опять теплое и ласковое.

Спасибо, спасибо, спасибо.

Читаю и думаю: Вот поэт, и хороший поэт, пишет мне столько хороших слов.

Стою ли я этого?

Честное слово, не кокетничаю.

Если я могу тронуть Ваше сердце, значит, я все-таки чего-то стою.

[3] Переданы автору вдовой поэта Л. А. Думцевой. Публикуется впервые.

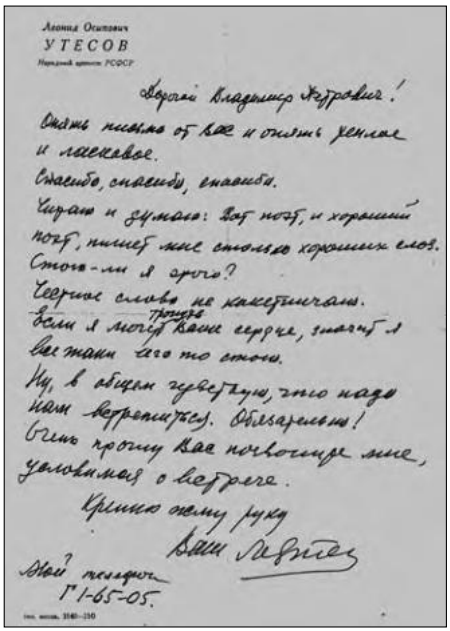
Ну, в общем, чувствую, что надо нам встретиться. Обязательно!

Очень прошу Вас, позвоните мне, условимся о встрече.

Крепко жму руку,

Ваш Л. Утесов

Мой телефон Г1-65-05.



Леонид Осипович
УТЕСОВ
Народный артист РСФСР

Дорогой Владимир Петрович!

Огромную радость доставили Вы мне присылкой сборников Ваших стихов. Это было неожиданно и приятно. Читаю с наслаждением.

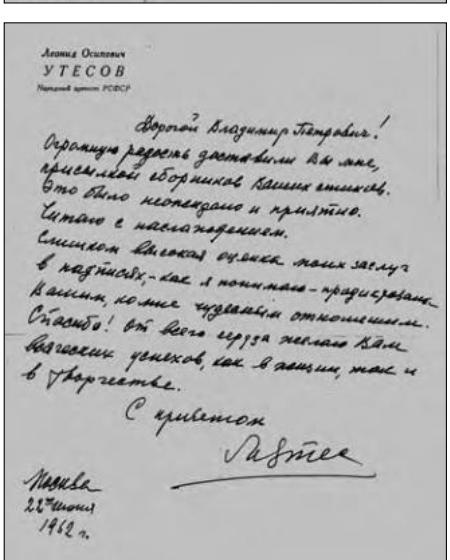
Слишком высокая оценка моих заслуг в надписях, – как я понимаю – продиктованы Вашим ко мне чудесным отношением. Спасибо! От всего сердца желаю Вам всяческих успехов, как в жизни, так и в творчестве.

С приветом Л. Утесов

Москва 22го июня 1962 г.

Дорогой мой Владимир Петрович!

Только сегодня я увидел Вашу книжку "Сокольники". Живу я сейчас не в Москве, а в Переделкино, в доме творчества. Сердечно Вас благодарю за книжку. Очень сожалею, что так поздно узнал, что Вы в Москве. Если Вы не были на моем выступлении, то и об этом сожалею. Хоть я и пел старые песни, но успех был



Леонид Осипович
УТЕСОВ
Народный артист РСФСР

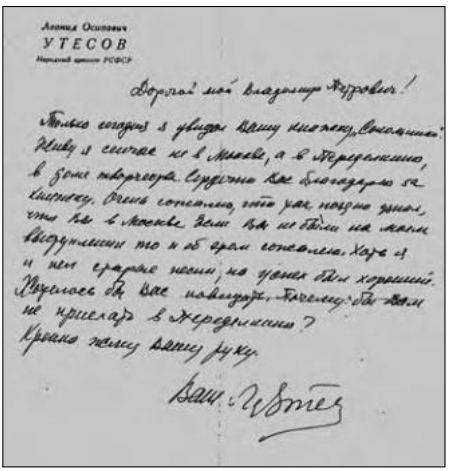
Дорогой Владимир Петрович!

Огромную радость доставили Вы мне, присылкой сборников Ваших стихов. Это было неожиданно и приятно. Читаю с наслаждением.

Слишком высокая оценка моих заслуг в надписях – как я понимаю – продиктованы Вашим ко мне чудесным отношением. Спасибо! От всего сердца желаю Вам всяческих успехов, как в жизни, так и в творчестве.

С приветом

Москва
22 июня
1962 г.


Леонид Осипович
УТЕСОВ
Народный артист РСФСР

Дорогой мой Владимир Петрович!

Только сегодня я увидел Вашу книжку, сказанные. Живу я сейчас не в Москве, а в Переделкино, в доме творчества. Сердечно Вас благодарю за книжку. Очень сожалею, что уже поздно узнал, что Вы в Москве. Если Вы не будете на меня рассердились то я об этом сожалею. Хорошо и что сейчас наши не ушли бы хороший. Хотелось бы Вас повидать. Почему бы Вам не приехать в Переделкино?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Л. Утесов

хороший. Хотелось бы Вас повидать. Почему бы Вам не приехать в Переделкино?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Л. Утесов

Кто-кто, а Леонид Осипович мог разглядеть в начинающем литераторе талантливого поэта-песенника. Сколько тепла и заботы о молодом поэте со стороны маститого деятеля советской эстрады! Сколько добрых слов и сердечных напутствий!

Все же свои лучшие лирические стихи, изданные отдельной книгой "Муж, влюбленный в свою жену" (Рязань, 2004 г.), В.П. Котов посвятил жене Лидии Александровне Думцевой.

...Владимир Петрович Котов рано ушел из жизни. По воспоминаниям современников – Ивана Дроздова, Игоря Кобзева и др., – он много пил, превращаясь... из интеллигентного и аристократического в грубого и бесцеремонного. Котов как бы продолжил печальный список русских писателей, "унесенных водкой", – Борис Ручьев, Василий Федоров, Николай Рубцов, Алексей Фатьянов... Да только ли писателей?!

...Владимир Петрович выступал против... еврейской экспансии в русской литературе. В частности, он писал (очевидно, подражая любимому Маяковскому):

Вы, кто словом
приблудным красен,
И кто внемлет им
средь тишины,
Вы ведь просто
разносчики грязи
Производства одесской
шпаны,
Той, что всюду,
всегда и поныне,

Чтя лишь
нимбы монет золотых,
Прет походом
на наши святыни,
Не имея своих никаких!

Печально, но факт...

Так и получилось. С одной стороны "Ах, Одесса моя ненаглядная...", с другой – "одесская шпана", не имеющая свои святыни (?!!). Тут ни убавить, ни прибавить...

Известно, что Котов работал над публицистическим ответом "Клеветникам России", пустившим по свету анекдоты про Чапаева, объявившим "великий поход" на русские святыни, видя в этом попытки подменить русские ценности на мишуру, как когда-то колонизаторы покупали у туземцев золото за стеклянные бусы ("За стеклянную бусинку", 1969).

Кому сегодня не понятно, что таким способом русскую литературу не защитить? И нуждаются ли "русские святыни" в такой защите и защите вообще?!

В завершение приведу слова вдовы поэта Лидии Александровны Думцевой :[4]

"...В конце 60-х годов поэт Игорь Кобзев уговорил нас с мужем приехать к нему на дачу в Семхоз, чтобы посмотреть продающийся там дом и купить его. Что мы и сделали – т. е. приехали в самый разгар веселья.

Дело в том, что Игорь предлагал самым почетным гостям своим посадить на его участке дерево. В этот день прямо перед нашим приездом дерево посадил гость из Одессы. И мы вошли с мужем, когда застолье только началось. И вдруг все запели: "Ах, Одесса моя ненаглядная! Без тебя бы не смог, вероятно, я ни душою молодеть...". Раздались аплодисменты в конце пения. А я спросила у Игоря: "А почему поют неправильно? Надо не "душою молодеть", а "помолодеть"..."

Он шепнул: "Потом скажу. А к Володе не приставай с вопросами про эти слова".

И я-то, обожавшая Одессу, т. к. с 13 лет каждое лето проводила именно в этом городе. Отец мой – Шмаков А.Г. был знаменитым изобретателем аппаратуры для обработки цветной пленки гидротипным способом, позволявшим экономить большое кол-во серебра...

[4] Из письма Л.А. Думцевой автору 27.09.10.

Это все я веду к тому, что вся аппаратура, изобретенная отцом, изготавливалась на одесском заводе "Кинап". (Директором был Лазарев, ставший потом предс. одесского совнархоза.) Бывая в Москве, Лазарев гостинице предпочитал нашу квартиру на Смоленской. А я однажды жила на его даче по линии Большого Фонтана. Да и кандидаты в мужья у меня были одесситами.

Короче. Игорь Кобзев рассказал мне, что в один из самых тяжелых периодов жизни Владимира Котова он оказался в Одессе. И воспрянул духом, вобрав в себя, впитав красоту и театра, и Потемкинской лестницы, величавость порта, ласковость моря и многое другое... А знаменитый одесский рынок "Привоз". ("А вот кому липкая бумага! Кто не купит, тот не будет спать!")

(Та поездка В. Котова в ненаглядный город была, конечно, до нашего знакомства.)

И еще... Если все же нынешняя цивилизация на нашей планете сгинет, то когда-нибудь представители другой народившейся цивилизации обнаружат в бухте Севастополя герметичную капсулу, оставленную в XX веке для потомков. И в этой капсуле – песня на слова Котова (кажется – "Я не забуду"...)".

Думается, что не одному Котову Одесса помогла "душой помолодеть" и воспрянуть духом. Такой уж это город.

Что можно к этому добавить?

Осталась Одессе песня.

Песня, которую поют.

Песня, которая застряла в памяти поколений.

Песня, которая и сегодня навевает "сладкие сны" – сладкие сны о ненаглядном городе-призраке. Городе, который и твоя судьба, и твоя совесть, и наша надежда на будущее.



Алена ЯВОРСКАЯ

Хромой Митя

В 1928 году был опубликован роман Ильфа и Петрова "12 стульев". Все одесские литераторы и причастные к литературе одесситы знали, кто прототип (и тезка) главного героя — Остап (Осип) Шор. Но все же Бендер списан не с одного человека. Среди прочих упоминали и уже знаменитого в Москве Валентина Катаева, и совсем не знаменитого Дмитрия Ширмахера. Впрочем, все это было на словах и, бесспорно, пальма первенства принадлежит Остапу Шору.

А Дмитрий (он же хромой Митя) остался, в основном, в мемуарах, написанных уже в шестидесятые годы. Практически все указывают его роль в организации "Коллектива поэтов", где в 1920 году собирался будущий цвет южнорусской школы. Не как поэта, конечно, а как человека, умеющего устроить быт. Недаром же от его фамилии чаще всего остается вторая часть — "махер", делец по-одесски.

Впервые он попал на литературные страницы как один из героев стихотворных мемуаров — поэмы "Веселый странник", написанной Марком Тарловским в 1935-м, через год после смерти Э. Багрицкого. Поэма увидела свет лишь в 2009 году в книге М. Тарловского "Молчаливый полет", составленной Е. Витковским и В. Резвым.

Тарловский сделал то, за что перед автором преклоняются литературоведы и музейные сотрудники, — снабдил поэму комментариями. Учитывая, что фамилий автор не называет (собственно, тот же прием использовал спустя сорок лет и В. Катаев в повести "Алмазный мой венец"), а дает псевдонимы: "Дидель" — Багрицкий, "пегий лентяй", "сатирик пестрогубый" — Ильф, портреты: "как Бонапарт, он сам был всех мизерней" — намек на невысокого Юрия Олешу, упоминает факты биографий: "носил артиллерийские штаны" — В. Катаев, цитирует стихи или отсылает к названию книг: "лучи наследственных ассоциаций" — о повести Л. Славина "Наследник". В такой ситуации объяснения автора очень облегчают жизнь читателя (в отличие от ситуации с тем же катаевским "Алмазным венцом").

Один из комментариев к началу четвертой главы:

"В 3-й и 4-й строках подразумевается хромой человек, который был почти единственным организатором нашего коллектива, нашего питания, наших вечеров и т. д. На блатном (воровском) жаргоне, словечками из которого он любил пересыпать свою речь, "ксива" обозначает документ,

дающий право жительства, "линка" — паспорт на чужое имя, "кукла" — сверток, в котором якобы находятся деньги, или к. н. ценность".

Итак, первое появление нашего героя:

Здесь Дидель наш сидел, о рыбах грезя,
Как об излишествах Сарданапал,
Когда однажды к нам пришкандыбал
Безногий махер на своем протезе.

Тот махер был общественным бродилом,
Благодаря которому всходил
И опадал почтенный рой светил,
Приравненный к литературным силам.

Пришкандыбав, герр махер просюсюкал:
"Наш коллектив сорвал бы славный куш —
Нужна фальшивка, восемь мертвых душ,
Ксив по-блатному, линок или кукол"...

Дальнейшее действо необходимо предварить комментарием автора. "В коллективе поэтов появились чуждые нам люди, по существу графоманы, которые решили взять "власть" в свои руки, что было бы нам всем, а хромому "махеру", кормившемуся около этого дела, особенно неприятно. Единственным средством не допустить к рулю нежелательных людей было создание своего большинства на близившихся выборах правления. Для этого наш "махер" и придумал описываемый трюк. Багрицкий, которого мы подбили на участие в этой затее, отнесся к ней с добродушным сочувствием, считая, что для изгнания графоманов и для поддержания товарищей можно создать на один вечер несуществующих поэтов".

И, так как мы не поняли ни слова,
Он пояснил: "Мы обретем права,
Когда нас будет всех не двадцать два,
А тридцать, резолюция сурова.

Вы знаете, я как-никак пролаза,
И если надо, то сверлю как бур,
Но я споткнулся из-за этих дур
О круглую печать Губнаробраза.

Они уперлись, эти Соломонши:
— Куда годится поетариат,
Где двадцать два поэта, — говорят, —
Еще прослойки не бывало тоньше.

Вчера вот мы писали ассигновку
На клуб кожевников — так их семьсот!
Нет, тридцать — это минимальный счет,
Да и на тридцать выдавать неловко. —

Как вам понравятся такие типы?
Однако музам нужен же приют,
И если нам иначе не дают, —
Возьмем (тут он вздохнул) посредством липы.

Я, собственно, уже набрал ораву,
И не была бы роль моя тяжка,
Будь у меня на них по два стишка,
То есть, что требуется по уставу.

Бюрократической решили лапой,
Товарищи, поэзию прижать!
Но что за труд куплетов нарожать
Иль их состряпать, правда? Дидель, стряпай!"

Хихикнул Дидель: "Тот же для потехи
Был Меримэ использован прием.
Вот кельты с Макферсоновым враньем,
Вот с Краледворской рукописью чехи...

Где западные, гей, твои славяне,
Балканских поджигатели кулис?
Мир обману я, Дидель-стихопис,
И гайдукам насочиняю дряни.

Кто первый?" — Счетовод. — "У счетовода
Должны быть амфибрахии про то,
Как хорошо не надевать пальто,
Когда стоит весенняя погода.

А кто второй?" — Таперша. — "У таперши
Должна быть хореическая дрель
О том, что вот апрель и карусель,
А он ушел, и ничего нет горше.

Кто третий?" — Адвокат. — "Из адвоката
Польются метры гностиков-пиит.
И, между прочим, течь им надлежит
Как можно более витиевато.

А кто четвертый?" — Шмара. — "В стиле шмары —
Спивать за блат, за зуктеров, за шниф,
За шибеников и за темный киф,
За шкары, сары, шары и бимбары.

А пятый кто?" — Голкипер. — "Ну, голкипер
Опишет через ухарский пеон,
Как "свечкою" потряс он стадион
И выиграл бы, если бы не триппер.

Шестой?" — Портниха. — "Музыки портнихе!
Пусть ейный обожаемый предмет
Лежит на пляже, будучи одет
В шикарный дактилический пиррихий.

Седьмой?" — Матрос. — "От имени матроса
Я паузником свежим изложу,
Как парусником резало межу
Под свист холста, поставленного косо.

Кем кончим?" — Командиршей. — "Командирше,
Что маузер таскает на ремне,
Пришлись бы впору, думается мне,
Заливисто-частушечные вирши..."

Необходимые для понимания текста авторские комментарии: "Дрель — жаргонное южное слово, обозначающее выдумку, шмара на воровском жаргоне означает гулящую девку, блат — кражу, зуктер — любовника,

шниф — кражу, шибеник — висельника, темный киф — расправу арестантов с товарищем, шкары — брюки, сары — деньги, шары — глаза, бимбары — часы". И еще: "Багрицкий любил мистифицировать профанов, читая им стихи классиков и, между прочим, Языкова, под видом ученических опытов каких-то красноармейцев и т. д. Напыщенные неучи не раз попадались на эту его удочку".

Затем Митя (уже поименованный) возникает под пером художника — в мемуарах Евгения Окса "Клуб поэтов":

"Однажды она [Адалис] сказала: "Есть пустая буржуйная квартира — мы устроим там клуб поэтов..."

И вот она привела Ильфа и меня на улицу Петра Великого. В квартире был хозяин — Митя Ширмахер.

Он был хром, носил ортопедический сапог, лицо имел бледное, один глаз был зеленый, другой был желт. Опираясь на палку и хромая, он показал нам комнаты. Их было две, довольно обширных, обе с выходом на балкон. Двигаясь, он ласково ощупывал рукой шелковую обивку кресел и большие атласно-желтые портьеры. В комнатах сохранилась мягкая мебель и даже рояль. Мелких предметов, посуды, ваз не было — их начисто унесла волна эвакуации.

После нескольких предварительных условий, чтобы все расходы по квартплате и освещению оплачивались поэтами, с чем мы немедля согласились, Митя перешел к главному вопросу, прося совета у Музы [Адалис], из чего лучше можно сшить костюм — из занавесок или обивки. Поняв, какая угроза нависла над креслами, мы, после долгих дебатов и консультаций, видя, что отговорить Митю от задуманного не удастся, с болью в сердце остановились на занавесках. Через некоторое время действительно на Мите и его верном молодом адъютанте Юре появились баснословно ярко-желтые, блестящие френч и галифе, чем-то отдаленно напоминающие костюм какого-то XVII столетия.

Митя Ширмахер принадлежал к славному племени одесских комбинаторов. Я же прозвал его "хромой бес Тюркаре". Он в самом деле близок был героям Лесажа. Но пока что он был небезынтересным собеседником и гостеприимным хозяином. <...> Все правление без труда разместилось в удобных креслах зала. Здесь были поэтессы Аделина Адалис и Зинаида Шишова, Эд. Багрицкий, Юра Олеша, Илья Файнзильберг (Ильф), его брат художник Миша, Гриша Гуковский, конечно, наш хозяин Митя Ширмахер и его верный соратник Юра, и, наконец, моя скромная персона.

Вскоре в клубе стараниями Мити появился маленький биллиард, которым все увлеклись, за исключением, конечно, наших поэтесс. <...> Вскоре был устроен праздничный вечер — открытие Клуба. Фундаментальной основой был бочонок спирта, трофей обменной операции Мити Ширмахера. Он обещал за него подошвенную кожу — некоему лейтенанту германской армии, но, зная, что час эвакуации вот-вот наступит, не торопился с ее доставкой. Дождавшись нужного момента, Митя буквально вырвал из рук немца заветный бочонок, обещая, что тележка с кожей находится за углом. Лейтенант бежал, догоняя свою часть, а трофей — бочонок — Митя пожертвовал для открытия клуба.

Операция была в духе той эпохи. Такой бочонок имел мифическую стоимость. Блага доставались часто не вполне благовидными способами".

После такого демонического портрета достаточно прозаичны строки Сергея Бондарина:

"На улице Петра Великого помещался коллектив поэтов.

И вот здесь-то в те времена я познакомился с Митей, будущим прообразом Остапа Бендера. Литературный герой сатиры, ставшей популярной и знаменитой, заимствовал кое-какие черты от этого Мити, а кое-что от другого человека по имени Остап. Я знал их обоих.

Можно только дивиться, откуда у Мити, прихрамывающего на одну ногу, столько энергии и предприимчивости. Стихов он не сочинял и не декламировал чужих, но знался дружески со всеми пишущими, а главное — чего уж теперь скрывать — прихрамывающий, всегда улыбающийся Митя Махер чуть ли не с детских лет умело обделывал свои делишки и охотно помогал другим — с той же ловкостью, что и его земляк и двойник — рослый рыжий, грубоватый Остап. Этот тоже не сочинял стихов, прибился он к поэтической братии заодно и вслед за своим братом поэтом Фиолетовым. <...>

Вернемся, однако, к хромому Мите.

Ловкач ухитрился занять обширную квартиру, наполненную обломками стильной мебели. Вселения в заброшенные квартиры в те годы случались нередко. С Митей поселился Багрицкий, которому наскучило жить в полутемной и вонючей квартире на Ремесленной улице у мамаши. <...>

Группа "Зеленой лампы" — Багрицкий, Олеша, Зинаида Шишова — успешно перенесла сюда вкусы и манеры зеленой лампы — преданность Пушкину, истинно поэтическое бескорыстие...

Все это привлекало и очаровывало с первых же звуков голосов молодых и, право, вдохновенных. Стихи, стихи, стихи... И, конечно же, теперь

это ясно: нужно быть благодарным и Мите, и рыжему Остапу, безотказно принявшим на себя мелкие бытовые заботы — выхлопотать через нарооб раз несколько дополнительных пайков или достать стекло для окон, дрова, устроить горячие ужины для поэтов, выступавших по вечерам в кафе поэтов "Мебос", что значило "Меблированный остров"".

И последнее упоминание — в книге Ростислава Александрова: "Это было летом 1920 года на той же улице Петра Великого, но в доме № 33, где бойкий окололитературный молодой человек, пописывающей изредка стихи под незатейливым псевдонимом Митя Агатов, занял, по обыкновению того времени, пустовавший зал в квартире № 4. В 1928 году земляки-поэты узнали Митю в плутоватом агенте по распространению изданий Цекомпома из повести Валентина Катаева "Растратчики"".

Кто знает, гордился ли Митя таким литературным отображением, но говорят, что в среде одесских деловаров старики в шестидесятые-семидесятые поминали "хромого то ли Митю, то ли Моню, любившего называть себя "великим комбинатором".



Александр МУЗЫЧКО

"Работаю довольно много, но без особого удовольствия"

Судьба одесского историка С.Я. Борового в 1930-е годы в свете его малоизвестных писем

Многие годы историк Саул Яковлевич Боровой (1903-1989) олицетворял в Одессе не только разносторонне образованную личность, полиглота, педагога, специалиста в различных отраслях гуманитаристики (иудаике, русистике, украинистике, книговедении, палеографии), но и одного из немногих старых интеллигентов, переживших репрессии 1930-х годов. Известный еврейский историк Ю.И. Гессен в начале 1930-х годов причислял С. Борового к уходящему типу "русско-еврейской" интеллигенции[1], конкретнее, – "русско-еврейских историков". И все же, думается, что в культурной ориентации, системе личных и деловых связей С. Борового сосуществовали не только традиции русской и еврейской, но и западноевропейской, украинской и советской культур. Его мировоззрение выходило за узкие политические или культурно-национальные рамки.

В последние двадцать лет биография С. Борового привлекает повышенный интерес. Главными достижениями в изучении деятельности ученого следует признать издание его чрезвычайно ценных "Воспоминаний", проведение в Одессе конференции памяти С. Борового и выход в свет монографии херсонских историков В. Андреева и Н. Чермошенцевой.[2] Но вряд ли можно говорить об исчерпанности темы. Многие вехи жизни историка требуют дополнения и уточнения на основе нововыявленных источников, что утверждают и его ведущие биографы.

Важное значение в биографистике имеет реконструкция личных и деловых связей, которые создавали интеллектуальное поле деятельности ученого. Необходимым материалом для создания полноценной биографии личности, ее внутренних переживаний, мотивации, развития мысли и т. п. является эпистолярное наследие.

Основную канву для исследования своей жизни дал сам С. Боровой в своих воспоминаниях. Однако, как и любой подобный источник, воспоминания содержат лишь контуры событий. В частности, историк нечасто упоминал о своей переписке, не говоря уже о кратком пересказе ее содержания, как это делали некоторые другие мемуаристы. Личный же фонд С. Борового в Государственном архиве Одесской области содержит лишь весьма немного писем к одесскому историку, преимущественно второй половины XX в. Письма же С. Борового известны современным биографам в еще более ограниченном количестве, и опять же, – большинство из них относятся ко второй половине XX века – не самому "темному" периоду в его биографии. Привлекает внимание лаконичность боль-

шинства этих писем. Так, киевский профессор А. Введенский неоднократно упрекал С. Борового в чрезмерной краткости его писем: "Вы со мной в письмах все еще остаетесь ракомотшельником и человеком, застегнутым на все пуговицы"[3]. Рискнем связать это обстоятельство со сложными испытаниями, которые выпали на долю Саула Яковлевича в 1930-е годы, а затем и в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

В то же время 1930-е годы для С. Борового, в отличие от большинства его коллег (например, М. Слабченко), к счастью, не стали для него временем физической или интеллектуальной смерти. Из всех перипетий ему удалось выйти не только нравственным человеком, но и интеллигентом. Уже в 1961 г. А. Введенский писал С. Боровому: "Вы меня всегда радуете своей широтой своего замкнуто-отшельнического творчества. Живете по возможности без людей, но целиком для людей. И беседуете с людьми на темы от Адама и до наших дней... Вы в одном отношении совсем не современный историк, такую широту научных интересов умели иметь только историки прошлого, как, например, Р.Ю. Виппер. Одно слово – молодец, не на наш современный образец, людей узких, как узкая щелка. Чудесный Вы человек!"[4] (к сожалению, эту блестящую и яркую характеристику до сих пор игнорировали биографы С. Борового).

Сегодня новые источниковедческие находки в питерских и киевских архивах позволяют полнее представить жизнь С. Борового в трудные 1930-е годы, которые он сам определял как "водораздел" в своей научно-литературной деятельности.[5] В частности, публикуемые ниже письма С. Борового 1930-1936 годов иллюстрируют уже отмеченную нами "многовекторность" связей и культурных ориентиров одесского историка.

С одной стороны, его адресатом был выдающийся питерский/ленинградский еврейский историк и литературовед Сергей Лазаревич Цинберг (1873-1939). Письма С. Борового к С. Цинбергу сегодня хранятся в Санкт-Петербургском архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук. Этот архив не пользуется большой популярностью среди историографов и, наверное, поэтому до сих пор эти письма С. Борового малоизвестны. Исключением является монография московского историка Г.А. Элиасберг о С. Цинберге[6]. Приведя несколько предложений из писем С. Борового, историк совершенно справедливо отметила, что письма "свидетельствуют не только о заинтересованном внимании к научным исследованиям друг друга, но и о доверительных человеческих отношениях, установившихся между ними в то время". По мнению биографа, сохранившиеся в архиве С. Цинберга письма С. Борового, А. Гурштейна, И. Нусинова, Д. Гофштейна, И. Добрушина свидетельствуют об уважительном отношении к известному ученому со стороны "молодых", тех, кто искренне поддерживал идею создания советской еврейской культуры.

С. Боровой вспоминал, что познакомился с С. Цинбергом, о котором до этого знал только из литературы, во время поездки в Ленинград в декабре 1925 года[7]. Кроме того, он познакомился с С. Гинзбургом, Ю. Гессеном и другими классиками еврейской историографии, которые чрезвычайно благоприятно отнеслись к молодому историку как

к продолжателю лучших традиций. С. Боровой характеризовал С. Цинберга как чудеснейшего человека, самоотверженного ученого, мученика и праведника. Отношения между старшим и младшим историками приобрели "семейный" характер. С. Боровой вспоминал, что С. Цинберг говорил, что, "смотря на меня, он вспоминал своего сына, моего ровесника, умершего в ранней молодости". "Я верил, – говорил он, – что сын станет таким, как вы..." Надписывая посылаемые мне тома "Истории литературы", он называл меня "достойным представителем нового поколения" и своим "духовным сыном"...".[8]

Нельзя сказать, что письма С. Борового рисуют совершенно новую картину его жизни в начале 1930-х годов. О своих мытарствах, вызванных нарастающим давлением "партийных ученых", он достаточно подробно писал в воспоминаниях. Однако письма чрезвычайно оживляют слова, записанные уже с достаточно ощутимой хронологической дистанции. В то же время к почти неизвестным биографическим фактам следует отнести упоминания С. Борового о своей поездке в Молдавию и на Кавказ, нереализованные научные планы изучения биографии Саббатая Цви и главное, в целом, они утверждают образ С. Борового как одного из последних носителей традиций классической еврейской историографии.

Еще менее, чем письма к Л. Цинбергу, известны письма С. Борового к выдающимся украинским ученым – историку Наталье Дмитриевне Полонской-Василенко (1884-1973) и книговеду и библиографу Юрию Алексеевичу Меженко (1892-1969). Эти письма раскрывают украинский вектор деятельности и научных связей одесского историка. До сих пор эпистолярными источниками для изучения этого аспекта служили только два письма С. Борового от января 1930 года к, по его словам, "наиболее прославленному и авторитетному знатоку Сечи" днепропетровскому историку Дмитрию Ивановичу Яворницкому.[9]

Очень лаконичное письмо С. Борового к Н. Полонской-Василенко при этом имеет большое источниковедческое значение, так как на сегодня является единственным документальным свидетельством личных связей между этими учеными. Более того, из текста письма четко видно, что историки были знакомы между собой лично и, скорее всего, это письмо не было единственным. Очевидно, историки познакомились во время работы Н. Полонской-Василенко летом 1927 г. в одесском архиве над документами Запорожской Сечи. Н. Полонская-Василенко, в частности, вспоминала, что в неукраинизованной Одессе с ней в архиве все общались на украинском языке.[10] Вероятнее всего, среди этих людей был и С. Боровой, очень хорошо знакомый с этим фондом по научной и архивной работе.

Если воспоминания Н. Полонской-Василенко лишь чрезвычайно косвенно свидетельствуют о знании С. Боровым украинского языка, то это можно прямо утверждать на основании его письма к Ю. Меженко – в то время научному директору Ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Обстоятельства знакомства и сотрудничества с книговедом С. Боровой подробно описал в своих воспоминаниях. С 1922 по 1931 г. Ю. Меженко возглавлял Украинский научно-исследовательский институт книговедения, был редактором журнала "Бібліологічні вісті". С 1924 г. С. Боровой со-

трудничал с этим институтом и его изданием, главным образом, благодаря благоприятному отношению к нему Ю. Меженко. "Бібліологічні вісті" С. Боровой в дальнейшем называл лучшим книговедческим журналом за все время существования СССР. Ю. Меженко в его памяти остался как увлеченный, доброжелательный, очень энергичный и деятельный человек.[11] Письмо С. Борового позволяет установить малоизвестный факт увлечения историком филателией, а также свидетельствует о том, что высокие нравственные критерии в оценке коллег в отнюдь не высоконравственных условиях того времени он демонстрировал не только в своих позднейших воспоминаниях, но и откровенно формулировал в письмах к современникам. Дружбу и переписку с Ю. Меженко С. Боровой старался поддерживать и в послевоенное время, однако не нашел большого отклика у своего тогда уже киевского коллеги (с 1945 г. Ю. Меженко возглавил Библиотеку Академии наук УССР).[12] Возможно, причиной сдержанности Ю. Меженко была все нарастающая опальность одессита в условиях позднесталинского антисемитизма.

Несмотря на то, что пока не удалось обнаружить ответные письма упомянутых адресатов С. Борового, имеющиеся тексты важны не только для более полной реконструкции биографии одесского историка, но и его коллег. По этой причине считаю необходимым опубликовать в приложении полные тексты писем С. Борового с сохранением орфографических особенностей оригиналов.

I. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). – Фонд 86 (С.Л. Цинберга), опись 2, дело 207 (л. 4, 7 – конверты)

Письма С.Я. Борового к С.Л. Цинбергу, Одесса – Ленинград

Выражаем большую признательность за помощь в подготовке к публикации этих писем ведущему научному сотруднику Института восточных рукописей РАН Семену Мордуховичу Якерсону.

Письмо № 1, Листы 1-2

Одесса, 30 XII 930

Дорогой Сергей Лазаревич, очень хочу знать, что у Вас слышно? Как печально, что мне все не случается заскочить в Лнград! Скоро ли ожидаете 3-ий том своей "истории"[13] и т. д.? Буду очень-очень рад получить от Вас какую-нибудь весточку, хоть и самую краткую.

О себе много нового рассказать не могу. Очень занят. Служба, кое-ка-

кие лекции и т. д. Довольно много должен писать: статьи для книги "Очерки по истории евреев на Украине", пишу также статьи для Аксенфельдовского академического издания. "Сечь"[14] моя еще пока не печатается, хоть и лежит несколько месяцев в типографии. Это меня весьма нервирует. Настроение вполне среднее. Вот приблизительно все. Если ко всему этому прибавить бесконечную суету заседаний, совещаний и т. д., то, сами понимаете, что для "жизни" почти не остается.

Знаете ли что-нибудь о Сауле Моис[15]?

С искрен. уважением и приветом

С. Боровой

P. S. Можно ли где-нибудь достать "Еврейскую старину"[16]?

Письмо № 2, Лист 3

Одесса, 18 января 1931

Дорогой Сергей Лазаревич,

Я застал Ваше милое письмо, вернувшись из столицы Молдовской республики (Тирасполя), куда ездил по приглашению их НКПроса[17] для консультации по вопросам организации научной биб-ки. Там имел поучительные встречи с евреями, созидателями молдовской культуры, языка и литературы (почти все – идиш[18] – молдовск. писатели ex nostru[19]). Как вы видали, и я занимаюсь любимым делом – между делом. (Совсем недавно, наприм., вышла моя книга по вопросам научно-библиотечного строительства на украинском языке.)

Я не вижу сейчас "Литовский еврейский журнал"[20], так что не знаю, что там написано о моей Сечи (не могли вы послать мне вырезку). Сообщаю Вам, что эта работа будет печататься *в первую очередь* на идиш[21] в издании Еврейского Института Академии Наук Украины (кажется, отдельным изданием); причем обещают довольно скоро сдать ее в печать. (Уже потом она появится по-украински в другом издании.) Надеюсь, что летом она сможет выйти. Размером работа небольшая: с приложением листов 7. Но я считаю, что по своим *материалам*, она совершенно исключительного интереса и ломает установившиеся представления об еврейской жизни на Украине 17 и, особенно, 18-го веков. В основу ее положены остававшиеся неизвестными архивные материалы из *запорожского* архива (в том числе один документ на идиш[22]) – результат моих утомительных поисков, – а также обширная литература (мало давшая). Я все надеюсь, что мне удастся побывать в Ленинграде, тогда познакомиться с ней подробно. Если же нет – пошлю на прочет, если у Вас будет такое желание.

Понимаю хорошо истоки Вашего элегического настроения, но уверен, оно безосновательно. Не сомневаюсь, что буду иметь возможность приветствовать Вас с окончанием Вашей "Истории", которая займет такое почетное место в нашей литературе.

Пару недель назад здесь промелькнул тов. Дашевский[23] (на пути в Евпатории). Был у меня и произвел весьма неопределенное впечатление.

Что это за фрукт?[24]

Не забывайте
Преданного Вам
С. Борового

Письмо № 3, Листы 5-6

Одесса, 30. VI 31.

Дорогой Сергей Лазаревич,

Спешу ответить Вам на Вашу открытку. Я, как видите, в Одессе, где пробуду еще не менее месяца. В Августе я рассчитываю уехать в Дом отд. Цекубу в Буюрнусе (Гурзуф), а в сентябре *мечтаю* о Москве и Ленинграде. Я подчеркиваю, "мечтаю", так как на М-ву и особенно Ленинград у меня вероятно не хватит наличности.

Все же кто знает, может быть через два-три месяца встретимся. Будете ли Вы в сентябре в Ленинграде? Должен ли писать, но для меня связан Лнгрд с Вами! "Сечь" моя Запорожская давно должна была бы выйти в свет (в "Истор. сборнике" Евр. Института в Киеве), но там печатание ведется, по истине, рабскими темпами. Мало того, не надеюсь увидеть эту работу раньше осени. За это время я написал еще очерки об Аксенфельде[25] (по вопросу о социал. корнях его творчества, в связи с отношениями мужчины и женщины[26], кот. пойдет во втором томе издания его сочинений (конечно, Вы видали первый том?) и очерки истории евреев на левобережной Украине XVII-XVIII в. И еще возился с разными вещами с разным успехом.

Кстати, две недели назад в Киеве на Всеукр. библиографическом совещании (на кот. и я присутствовал) мои "Нариси з історії євр. книги, 1925-26"[27], несколько запоздало стали предметом "дискуссии", и очевидно такая же мне предстоит и по исторической линии. Эх, хотелось бы Вас повидать и еще рассказать о разных делах своих. Как у Вас? Как подвигается работа над "Историей".

По моему, Вы сейчас уже работаете над самыми легкими (для Вас) частями.

С нетерпением жду книги.

Крепко обнимаю Вас

С. Боровой

Письмо № 4, Листы 8 – 8 об.

Одесса, 28.VII 31

Дорогой Сергей Лазаревич,

Позавчера получил 3-ий том В. "Литературы", а дня два до этого Ваше письмо.

Сейчас, немного дней до отпуска, я как то особенно занят и мне не хочется в эти дни сверхмерного рассеянности[28] начинать эту книгу, которая требует особой настроенности – и по своей теме и по моему отношению к ее автору. Как дети десерт оставляю ее "на потом".

Вы вряд ли догадываетесь, что как раз тема этого тома мне особенно близка. Я начинал свои занятия еврейск. историей размышлениями над проблемами еврейского средневекового духа. Тогда же задумал большую работу о Сабатае Цеви[29] – для которой я все время что то делал, в последние годы – к сожалению, – совсем мало, подбираю материал. – Цеви я хочу разсмотреть, как своеобразную историческую материализацию многовековой идеологической подготовки; как трагическое и парадоксальное столкновение жизни, как она есть (экономика, политика, будни...) с миром идей... Я еще не оставил надежду, что когда нибудь напишу эту книгу. Но она должна быть результатом очень большой работы.

Недавно я закончил небольшой очерк по истории евреев на левобережьи Украины XVII-XVIII в. Не думаю, что б его хорошо приняли и даже боюсь обвинения в ..... антисемитизме. Но думаю, что давно пора писать сурово и точно (без слащавости) о суровых и трудных вещах. Если сложатся благоприятно обстоятельства (у меня лично на это мало надежд), то я размахнусь и напишу курс истории евреев на Украине. Это очень трудная – во всех отношениях – тема.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за книгу и такое "созвучное" письмо.

Не забывайте
Преданного Вам
С. Боровой

Письмо № 5, Лист 9

Буюрнус (Гурзуф)

2.IX.1931

Дорогой Сергей Лазаревич,

8-ого числа рассчитываю выехать в Ленинград (где собираюсь провести 7-10).

Не удивляйтесь если получите (не наверное) по своему адресу телеграфно деньги из Одессы. Деньги будут для меня. Я позволил себе указать Ваш адрес, так как решительно еще не знаю, где остановлюсь.

Итак в надежде на скорое свидание

Ваш С. Боровой

Письмо № 6, Лист 10 – 10 об.

Одесса, 20.III.1932

Дорогой Сергей Лазаревич,

у меня гостит сейчас Ник. Осипович Тепер. В наших бесконечных разговорах мы часто вспоминаем вас. Н. Осип. с удовольствием вспоминает часы, проведенные недавно у вас. От него же я узнал, что вы были нездоровы, но уже оправились. Надеюсь, что сейчас вы себя совсем хорошо чувствуете: очень рад был бы получить от вас весточку.

У меня нового ничего нет. Работаю довольно много, но без особого удовольствия. Работы мои не печатаются, и трудно надеяться, что бы в ближайшем будущем что-либо появилось. Конечно, это меня весьма печалит.

Что у вас, выходит ли 4-ый том и т. д.?

Сердечный привет вашей супруге

Ваш С. Боровой

Разрешите сказать Вам спасибо за пару часов странных, не привычных, так несовременных. Я всегда ценил das Uneigennmüsse[30]. Настоящее – в преодолении эпохи, среды, класса, типа. Все, что поддается раскрытию при помощи категории этих, не стоит и раскрывать. Этого не понимает ходячее суеверие. Не могу простить Вам того что Вы где то пытаетесь реабилитировать наших просветителей. Это – [?] и – мелкий. Челядь. Их не следует понимать, понять. Конечно, я не противник амнистии, и – даже наоборот. И во всех сферах. Но нельзя амнистировать властителей, власть имущих, а просветители и их идейки еще никогда так остро не давали себя знать, как именно теперь. Перелистываю с Саулом Як. Вашу Историю[31]: у него только 3 тома. Как хорошо, что Вы пустили в оборот разговорно-еврейский – молящийся [?] (простите эту абракадабру!).

Такое обилие странных, больших образов и несвоевременных, потусторонних, сторонних идей. Ибо есть тенденция в народнической и народничествующей среде урезать духовный паек до минимума и начинать историю евр. духа с Аксенфельдаи – "Коль мевасер"[32]. С этим нужно всячески бороться. Кастрация. Ваш монументальный, несвоевременный и так

современный труд – радостный, радующий труд. Молодец![33] Привет искренний супруге, так гостеприимно принявшей незнакомца. Н. Теппер.

Письмо № 6, Лист 11

Одесса, 18.X.1932

Дорогой Сергей Лазаревич,

все узнаю насчет Вас из 3-их рук. Вот сегодня пишет мне милый Рафес[34] [?], что выходит Ваш 4-ый том и т. д. В душе порадовался за Вас.

Несколько времени назад вернулся из погибельного Кавказа, где совсем неплохо провел месяц. Сначала жил в прекрасной Теберде, потом *прошел* через Клухорский перевал (почти 3 тыс. метр. над ур. м.) по бывш. Воен.-Сухумской дороге, что бы проехать из Сухума сюда. Здесь же дома скучно и бесперспективно. Дела мои, как и раньше, прочно заморожены. Просто таки впадаешь в отчаяние. Писал Вам на эту тему раза 3. Ответа не было. За что?

Всего Вам доброго

Не забывайте
Ваш С. Боровой

II. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИИУ). – Фонд 542, опись 1, дело 268, лист 142

Письмо С. Борового к Н.Д. Полонской-Василенко, Одесса – Киев

Одесса, 2.XI.35

Многоуважаемая Наталья Дмитриевна,

только на днях я узнал о постигшей Вас потере.[35] Позволю себе выразить свои чувства искреннего участия.

Понимаю, что эта потеря особенно тяжела для Вас сейчас, когда Вы все еще не у дел, лишены возможности вести свою привычную исследовательскую работу. Не попробуете ли Вы связаться с Ленинградскими академическими учреждениями. Мне кажется, что Вы смогли бы заинтересовать своими работами.

С искрен. уважением

III. ЦГАМЛИИУ. – Фонд 365, опись 1, дело. 335, лист 1 – 1 оборот

Письма С. Борового к Ю. Меженко, Одесса – Ленинград

Одеса, 27.VIII.36

Дорогий Юр. Олексєєвичу,

ніяк не зрозумію, як це Ви довідалися, що я змінив приміщення. Це трапилося в самі останні дні й про це майже ще ніхто не чув й в Одесі.

Літо я провів на дачі під Одесою. Багато працював (писав). Але майже зовсім не відпочивав та почуваю себе так собі.

З великою охотою чекатиму на марки. На жаль в мене для Вас зараз нічого не має, але в близький час сподіваюсь, що зможу надійслати exlibris и та мабуть щось з марок.

Чи немає у В "піонерів" в 15 к., та Добролюбова (крім 10 к.)?

Про Л. І. Б. можу сказати таке: він *непоганий робітник*, але не досить симпатична людина, хоч це намагається не виявляти.

Є в нього не елементи подхалимства, кар'єрізму; він страшенно любить бути адміністратором, залежних від нього людей він експлуатує... Так було принаймні в Одесі. Мабуть за цей час він змінився.

Повторюю: чекаю на марки!

Моя адреса: Короленко 11, кв. 31

З приветом С. Боровой

Днями повернувся з відпустки. Бачив лише один обіжник[36] з В. бібки[37] (про В. бібліографію періодики)

Надійшлемо через день-два відповідь.

Примечания

[1] Об этом феномене в целом см.: Клир Д. О русско-еврейской интеллигенции (К постановке вопроса) // Евреи в России: История и культура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.А. Эльяшевич). – СПБ, 1994. – С. 75-79.

[2] Чермошенцева Н.М. С.Я. Боровий як дослідник історії України / Автор. дис. канд. наук: 07.00.06. – К., 2009. – С. 9; Андрєєв В.М., Чермошенцева Н.М. Саул Боровий: єврейський вектор історії України. – Херсон, 2010. – 191 с.

[3] Государственный архив Одесской области. – Ф. Р-7400, оп. 1, д. 6, л. 39-40, 79.

[4] Там же, л. 27.

[5] Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 168.

[6] Элиасберг Г.А. "...Один из прежнего Петербурга". С.Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист. – М., 2005. – С. 117-118.

[7] Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 130.

[8] Там же, с. 183-184.

[9] Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького. – Вип. 1: Листи вчених до Д.І. Яворницького / Упоряд.: С.В. Абросимова, А.І. Перкова, О.В. Піцик. Н.Г. Чередник. – Дніпропетровськ, 1997. – С. 99-100.

[10] Ульяновський В. Наталя Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: сторінками життєпису // Полонська-Василенко Н.Д. Історія України. – Т. 1. – К., 1995. – С. XLII.

[11] Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 131.

[12] Публикацию нескольких послевоенных писем С. Борового к Ю. Меженко см.: Музичко О.Є. Взаємодія Одеського та Київського книгознавчих осередків у листуванні одеситів С.Я. Борового, Ф.Є. Петруня, І.Я. Фааса з киянами Ю.О. Меженко та Б.І. Зданевичем // Вісник Одеського національного університету. Серія Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – 2010. – Т. 15. – В. 20.

[13] Имеется в виду фундаментальный труд С. Цинберга "История еврейской литературы европейского периода", над которым он работал с 1915 г. Он рассмотрел около тысячи лет еврейского творчества в Европе на иврите, арамейском, арабском и идиш, а также на нееврейских языках. Первые четыре тома (от испано-арабского периода до истории литературы на идиш) были написаны С. Цинбергом на русском языке в 1915-20 гг. Однако на русском языке вышла в свет только первая книга, посвященная испано-арабскому периоду (Киев, 1920; на обложке и заглавном листе – 1919). Кроме того, выходили в свет отдельные работы, представляющие собой отрывки из "Истории". Одна статья вышла на иврите ("Хе-Авар"; 1918). Попытки перевести весь труд на иврит в 1918 г. и в середине 1920-х гг. при поддержке Х.Н. Бялика и др. не увенчались успехом. В то же время С. Цинберг начал переводить весь труд на идиш, с конца 1920-х гг. он печатался в Вильно под названием "Тешихте фун дер литератур бай идн" (тт. 1-8, 1929-37; т. 9, Н.-Й., 1966). Публикация на идиш реализовала идею книги – открыть читателям на идиш мир литературы на иврите и таким образом сблизить обе литературы и их читателей. Задачу книги С. Цинберг видел в том, чтобы дать по возможности полную картину всего еврейского духовного и культурного творчества, причем он учитывал три фактора: хронологический, географический и языковой. Труд С. Цинберга сочетает элементы популяризации и научного исследования, основывающегося на первоисточниках.

[14] Боровой С.Я. Евреи в Запорожской Сечи // Исторический сборник. – Вып. 1. – 1934. – С. 141-190.

[15] Гинзбург Саул Моисеевич (1866-1940) – историк евреев. В 1930 г. эмигрировал из СССР. В 1920-е годы был одним из вдохновителей и помощников С. Борового в занятиях историей евреев.

[16] "Еврейская старина" – историко-этнографический журнал, который выходил в 1909-1930 гг. под редакцией Ш. Дубнова и С. Цинберга.

[17] Народный комиссариат народного просвещения – советский руководящий административный орган просвещения.

[18] Слово "идиш" написано на языке идиш.

[19] "Бывшие наши" (лат.).

[20] Название журнала написано на языке идиш.

[21] Слово "идиш" написано на языке идиш.

[22] Слово "идиш" написано на языке идиш.

[23] Возможно, речь идет о Пинхасе Израилевиче Дашевском (1879-1934, ?) – деятеле сионистского движения.

[24] Слова "Что это за фрукт?" написаны на иврите.

[25] Аксенфельд Исраэль (1787-1866) – еврейский романист и драматург на языке идиш. В 1824 г. И. Аксенфельд поселился в Одессе, где занимался адвокатской практикой и торговлей. В 1864 г. переехал в Париж. Автор 30 романов и пьес, проникнутых духом просветительства, сочувствием к тяжелому положению евреев в черте оседлости и резко сатирическим отношением к хасидам и особенно к хасидским цадикам. Написанная С. Боровым вводная статья ко второму тому собрания сочинений И. Аксенфельда осталась неопубликованной. Лишь гораздо позже С. Боровому удалось опубликовать статью "Исроэл Аксенфелд (биографишер этюд)" ("Исраэль Аксенфельд (биографический этюд)") в сборнике "Менделе ун зайн цайт" ("Менделе и его время", М., 1940).

[26] Слова "отношения мужчины и женщины" написаны на языке идиш.

[27] Боровой С.Я. Нариси з історії єврейської книги // Бібліологічні вісті. – 1925. – № 1-2. – С. 47-58; 1926. – № 1. – С. 36-48.

[28] Слово написано на языке идиш.

[29] Саббатай Цви (1626-1676) – выдающийся деятель еврейского мессианского, саббатианского движения, паломник.

[30] Дружеское времяпрепровождение, общение (нем.).

[31] Слово "История" написано на языке идиш.

[32] Название журнала написано на идиш – "Голос вестника", еженедельник на идише, который выходил в Одессе в 60-е годы XIX в. (приложение к ивритскому журналу "Ха-мелиц").

[33] "Йишар кохаха" – молодец! здорово! продолжай в том же духе! Одобрительное приветствие на языке идиш по случаю удачного выступления артиста или работы сочинителя.

[34] Возможно, речь идет о Моисее Григорьевиче Рафесе (1883-1937) – еврейском общественно-политическом деятеле, мемуаристе и историке еврейского общественного движения.

[35] Имеется в виду смерть 3 октября 1935 г. в Киеве мужа Натальи Дмитриевны, выдающегося украинского историка, академика Всеукраинской Академии наук Николая Прокофьевича Василенко (1866-1935).

[36] Обіжник – циркуляр.

[37] "Всенародна бібліотека України" – основана в 1919 г. Предшественник современной Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

Поэзия пережила человека

В этом году, в январе, мы отметили две даты двух ровесников – Осипа Мандельштама и Ильи Эренбурга.

Для моего поколения воспоминания "Люди, годы, жизнь" И. Эренбурга были энциклопедией, толчком к самообразованию. Именно в этой книге в 1961 году были опубликованы не только воспоминания об О. Мандельштаме, но и целиком два его замечательных стихотворения.

Нужно ли удивляться тому, что, когда студент мехмата МГУ Валентин Гефтер решил провести вечер поэзии Мандельштама, он обратился к И.Э. Эренбургу. Тот принял его, составил план вечера, подсказал, кого пригласить. Об этом вечере – первом в СССР вечере памяти О. Мандельштама, на котором председательствовал И. Эренбург, есть несколько воспоминаний. Но впервые мы публикуем почти стенографический отчет о нем, который записала Генриетта Савельевна Адлер, жена писателя Сергея Бондарина, одесита по рождению и юности. Рукописный текст расшифровал краевед, хранитель одесской истории и культуры, друг С.А. Бондарина и Г.С. Адлер Сергей Викторович Калмыков.

И еще одно уточнение. Студент МГУ, чье исполнение стихов Осипа Мандельштама так понравилось Илье Эренбургу, – Дима (позднее – Вадим) Борисов. Именно он впоследствии стал представителем А.И. Солженицына в СССР, способствовал публикации "Доктора Живаго" Бориса Пастернака в "Новом мире".

"Поэзия пережила человека", – сказал на вечере Илья Эренбург. Это относилось, безусловно, к Осипу Мандельштаму. Но сейчас мы вправе сказать – и к Илье Эренбургу, его ранние романы, статьи военных лет, поздние стихи живут и в наши дни.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Вечер памяти Осипа Эмильевича Мандельштама

Мехмат МГУ, 13 мая 1965 г.

И.Г. Эренбург:

Мне выпала большая честь председательствовать на первом вечере, посвященном большому русскому поэту, моему другу О.Э. Мандельштаму. Этот вечер устроен не в Доме литераторов, не писателями, а в университете молодыми почитателями поэта. Это меня глубоко радует. Я верю в вашу любовь к поэзии, верю в ваши чувства и я радуюсь тому, что вы молоды. Мандельштам только сейчас возвращается к читателю. Правда, в журнале "Москва" была напечатана подборка стихов и статья Н.К. Чу-

ковского. Вчера я получил журнал "Простор", где опубликован цикл замечательных стихов. Алма-Ата опередила Москву. В жизни много странностей. Начинает Алма-Ата, а не Москва. Начинают студенты, а не поэты. Это и странно, и не странно.

Что сказать вам о поэзии Мандельштама? Прочувствованных речей я произносить не умею, кое-что о нем как о человеке я уже написал. Хочу сказать, что русская поэзия 1920-30 гг. непонятна без Мандельштама. Он начал раньше. В книге "Камень" много прекрасных стихов. Но эта поэзия еще скована гранитом. Уже в "Тристии" начинается раскрепощение, создание своего стиха, ни на что не похожего. Вершина – 30-е годы, где он зрелый мастер и свободный человек. Как ни странно, именно 30-е годы, которые часто в нашем сознании связаны с другим, годы, которые привели к гибели поэта, определили и высшие взлеты его поэзии. Три воронежских тетради потрясают не только необычной поэтичностью, но и мудростью. В жизни он казался шутливым, легкомысленным, а был мудрым. В 1931 году, прошу не забывать о дате, он написал: "За гремучую доблесть грядущих веков" (читает 16 строк полностью). Все в этом стихотворении – правда. Вплоть до фразы "и меня только равный убьет". Его, человека, убили неравные. Но поэзия пережила человека. Она оказалась недоступной для волкодавов.

Сейчас он возвращается. Здесь внизу студенты спрашивали, нет ли лишнего билета, как люди просят стакан воды. Это жажда настоящей поэзии. Книга стихов давно составлена и ждет. Она может прождать еще, быть может, год, быть может, пять лет, меня ничто не удивит, но она выйдет. Теперь это понимают уже все. День, когда она выйдет, будет праздником. Ведь нельзя вместить не только в эту аудиторию, но и в Лужники всех тех, кто любит поэзию Мандельштама. Я ничего не хочу внести от той горечи, которая в каждом из нас, тех, кто знал его, видел, знал, как трагически он умирал. Пусть стихотворение 1931 года будет в моих устах единственным напоминанием о судьбе большого поэта, который был виноват только в том, что жил во время, созданное для пера бессмертных – как казалось Тютчеву, – в котором были волкодавы, убившие Мандельштама.

Мне радостно, что я председатель, но это, конечно, (*неразб.*): председатель может говорить лишь то, что входит в сознание собравшихся людей.

Н.К. Чуковский:

Я встречался с Мандельштамом в течение 17 лет. Не очень часто. Не был с ним очень близок. Всегда знал, что это огромный русский поэт. Всю жизнь восхищался им. И во время войны, когда так особенно нужны

стихи, я чаще всего вспоминал стихи Блока и Мандельштама. Я прочту отрывки из моих воспоминаний о Мандельштаме, что были опубликованы в журнале "Москва". (*Читает.*) Из поздних стихов знаю только те, в которых отрекается от "Камня". "Уничтожает пламень сухую жизнь мою, – и я уже не камень, а дерево пою". Мы, тенишевцы, сидели на деревянных скамьях, а он стоял перед нами: читал торжественно, задирая маленькую голову. Крымские впечатления обосновали необходимость возвращения к эллинизму. Смысл стихов дошел до меня позже. Тогда я был заворожен звуками и буквально задыхался от наслаждения. (*Читает "На странной высоте блуждающий огонь".*) Второе стихотворение, написанное в Крыму при Врангеле. (*Далее Н. К. читает описание комнаты Мандельштама, говорит о "безбытности" его и читает "Соломинку".*)

Мандельштам был полон чувства собственного достоинства и самоуважения и очень обидчив. В Евгении он изобразил себя, это он и был "самолюбивый пешеход". Точно написал об этом в стихотворении "Леди Го дива".

Литературную деятельность он начал вместе с акмеистами, потом отошел. Стихи ему удавалось печатать редко. Вот последний сборник "Стихотворения", изданный в 1928 году тиражом в 2000 экземпляров. В "Звезде" был напечатан цикл стихов об Армении. Его стихи переписывались от руки. Читатель этих стихов – только из среды образованной интеллигенции. Он был лишен великого счастья – говорить языком подлинной поэзии и вместе с тем обращаться к миллионам. Этим счастьем в указанную эпоху оказались наделены только Блок и Маяковский.

Мандельштам был великим русским поэтом для узкого круга интеллигенции. Он станет народным, это неизбежно, когда весь народ станет интеллигентным. (*Смех, аплодисменты.*) Он находился в тревожном, нервном состоянии духа, испытывал душевную угнетенность, помню его с горсткой пепла на левом плече. Последний раз видел его у Стенича, там была и Ахматова. Мандельштам был в сером пиджаке, рукава были длинные. Этот пиджак накануне подарил ему Ю.П. Герман. (*Надежда Яковлевна – "Это были брюки, а не пиджак".*) Ахматова читала тогда "Мне от бабушки татарки...". С тех пор я на всю жизнь запомнил стихотворение: "Жил Александр Герцевич...".

И.Г. Эренбург:

Когда я открывал вечер, я не сказал, и не знаю, одобрит ли мои слова Надежда Яковлевна, которая в этом зале. Она прожила с Мандельштамом все трудные годы, поехала с ним в ссылку, она сберегла все его стихи. Его жизни я не представляю без нее. Я колебался, должен ли я сказать, что на

первом вечере присутствует вдова поэта. Я не прошу ее выйти сюда... (*Слова заглушает гром аплодисментов, они долго не смолкают, все встают. Надежда Яковлевна, наконец, тоже встает и, обернувшись к залу, говорит: "Мандельштам писал: "Як величьям еще не привык...". Забудьте, что я здесь. Спасибо вам". Все еще долго хлопают.*)

Артистка N посредственно читает стихи из армянского цикла и "Тречанку".

Н.Л. Степанов:

Мандельштам в моей памяти остался как Поэт с большой буквы в несколько романтическом представлении. Он совсем не похож на тех разбитных, ловких, оперативных литераторов, которые готовы откликнуться на самый последний крик моды. При этом для меня Мандельштам при всем различии масштаба сходен в чем-то с Хлебниковым. Это впечатление сложилось с первой встречи, с 1922-1923 года. Я тогда писал стихи грамотные, не очень оригинальные и даровитые. Блока уже не было, единственный человек, который мог мне сказать, писать мне стихи или нет, был Мандельштам. Я приехал в Москву, пришел в Дом Герцена и спросил беспечно и развязно первого встречного: "Где живет Мандельштам?". Он ответил: "Это я". Я вручил ему благоразумно четыре стихотворения, он их прочел. Неважно, как он отнесся к ним (*Смех*), во всяком случае, с большей демократичностью, чем вы. (*Снова смех.*) Он стал со мной говорить о поэзии, о Пастернаке и Тихонове. Видимо, он воспринял мои стихи как подражание Тихонову. Прямо так он не сказал, но дал понять. С тех пор я стихов не писал.

У него не было заданной поэтической позы, было подлинное величие поэта. Прав Н. Чуковский – у Мандельштама есть детали обстановки, но это не быт. "Мне так нужна забота, и спичка серная меня б согреть смогла..." Быт отходит от бытового звучания. В нескольких словах охарактеризовать его невозможно. Ему, без сомнения, принадлежит большое будущее. Он уже определил во многом пути нашей поэзии. Можно наметить две-три темы, этапа. Поэзия "Камня" – архитектура пропорций внутренней сдержанности. Он во многом напоминает Батюшкова, Державина – по роскошному поэтическому рисунку. (*Читает "Адмиралтейство".*) Дальше в "Тристии" намечается новая, большая тема, может быть, одна из центральных – гуманистическая, эллинистическая, узнавание всечеловеческой гармонии, к которой он стремился и прообраз которой он видел в Элладе. Стих становится прозрачнее, он как бы просвечен фоникой античности. (*Читает из статьи о русском языке.*) Звучащая плоть слова,

насыщенность языка музыкой – и не только звуковые повторы – свойство поэзии Мандельштама. Весь строй, лад его стихов противостоял и противостоит спешной, небрежной, газетной недоработке, тому, что так часто наблюдается в современной поэзии. Как ювелир слова он один из самых замечательных.

Третий этап – 30-е годы. В стихах этих лет есть, конечно, и автобиографические элементы, но главное, как всегда у Мандельштама, общее. Трагические испытания, которые выпали на долю не только ему, но всему народу. И в этих трагических стихах звучит эллинская музыка, но по-новому. При всей тяжести, которая давит на поэта, он сохранил веру в красоту и справедливость мира. (*"Я должен жить, хотя я дважды умер".*) По своему совершенству, по конденсированности, по поэтичности трудно что-либо поставить рядом. Он лирик прежде всего, не случайно не писал поэм.

Студент МГУ Борисов читает подряд:

"Бессонница, Гомер, тугие паруса...";

"Я не слыхал рассказов Оссиана...";

"На страшной высоте блуждающий огонь...";

"Я вернулся в мой город, знакомый до слез...";

"Ламарк".

Арсений Тарковский (*начинает как бы с середины фразы*)**:**

...у Мандельштама никогда не будет такой эстрадной славы, как у Есенина и Маяковского, и слава Богу, что не будет, нет ничего ужаснее такой славы. (*Аплодисменты.*) Он был сложившимся поэтом в традиции Пушкина, Овидия, Батюшкова. Когда он резко изменился, изменил поэтику, в его стихах звучало иное время, иное пространство. Там, где он был поэтом старого русского акмеизма, где слово было однозначным, там оно стало многозначным. Слову теперь предоставлена большая власть над миром и поэтом. Работа – уже не описание мира, оказалось, что лучше подчиниться словесной системе. У Мандельштама прекрасное зрение, возможность выражать, удивительная по тонкости метафорическая система. Он не выносил мелочной лирики, излияния ни холодных, ни горячих чувств. Он не любил стихов, похожих на него, любил, например, стихи Бренгофа. (*Надежда Яковлевна, с места: "Чепуха!".*) В его поэзии пересекались дарование и время. Он труден для невнимательного понимания. Когда читается "век-волкодав", то ведь это век, который давит волков и попутно наваливается на плечи поэту. Идея социального переустройства мира была ему очень близка, – он весь в пафосе первых пятилеток. Он очень не любил снобистских мальчиков, ему казалось, что жизнь важнее.

Вершина поэзии Мандельштама – "Стихи о неизвестном солдате". Мандельштам один из основоположников того нового мироощущения, с которым связаны теория относительности, открытия Резерфорда, живопись Пикассо, фильмы Чаплина. В поэзии он первый разрабатывал стихию нового мироощущения. Самое важное – его связь со словарем, со всем богатством русского языка. Он далек от расхожего романса. Его известность в литературе близка известности другого великого русского поэта – Баратынского. (*Аплодисменты.*)

Студент Щукинского училища читает стихи "Я люблю эту бедную землю, потому что другой не видал".

Варлам Шаламов (*бледный, с горящими глазами, напоминает протопопа Аввакума, движения некоординированы, руки все время ходят отдельно от человека, говорит прекрасно, свободно, на последнем пределе – вот-вот сорвется и упадет*)**:**

Я прочитаю рассказ "Шерри-бренди", написал его двенадцать лет тому назад на Колыме. Очень торопился поставить какие-то меты, зарубки. Потом вернулся в Москву и увидел, что почти в каждом доме есть стихи Мандельштама. Его не забыли, я мог бы и не торопиться. Но менять рассказ не стал. Мы все свидетели удивительного воскрешения поэзии Мандельштама. Впрочем, он никогда не умирал. И не в этом дело, что будто бы время все ставит на свои места. Нам давно известно, что его имя занимает одно из первых мест в русской поэзии. Дело в том, что именно теперь он оказался очень нужным, хотя почти и не пользовался станком Гутенберга. О Мандельштаме говорили критики, что будто бы он отгородился книжным щитом от жизни. Во-первых, это не книжный щит, а щит культуры. А во-вторых, это не щит, а мы. Каждое стихотворение Мандельштама – нападение.

Удивительна судьба того литературного течения, в рядах которого полвека назад Мандельштам начинал свою творческую деятельность. Принципы акмеизма оказались настолько здоровыми, живыми, что хотя список участников напоминает мартиролог – мы говорим не только о судьбе Мандельштама, известно, что было с Гумилевым, Нарбут умер на Колыме, материнское горе, подвиг Ахматовой известны широко, – стихи этих поэтов не превратились в литературные мумии. Если бы этим испытаниям подверглись символисты, – был бы уход в монастырь, в мистику. В теории акмеизма здоровые зерна, которые позволили прожить жизнь и писать. Ни Ахматова, ни Мандельштам не отказывались от принципов своей поэтической молодости, не меняли эстетических взглядов. Говорят,

что Пастернак не принадлежал ни к какой группе. Это неверно, он был в "Центрифуге" и очень горько сожалел об этом. Ни Мандельштаму, ни Ахматовой ничего не пришлось пересматривать. Давно идет большой разговор о Мандельштаме. Здесь лишь миллионная часть того, что можно сказать. В его литературной судьбе огромная роль принадлежит Надежде Яковлевне. Она не только хранительница стихов, она самостоятельная и яркая фигура. (*Читает рассказ "Шерри-бренди".*)

И.Г. Эренбург:

Наш вечер окончен. По-моему, он был очень хорошим. Пусть не обижаются мои товарищи писатели, но для меня самым лучшим был студент МГУ, который чудесно читал стихи. Может быть, как капля, которая, все-таки съест камень, наш вечер приблизит хоть на день выход той книги, которую мы все ждем. Я хотел бы увидеть эту книгу на своем столе. Я родился в один год с Мандельштамом. Это было очень давно. Впрочем, со времени того периода, который называется периодом беззакония, тоже прошло уже много времени. Подростки стали стареть. Пора бы книге быть.

Товарищи, вечер окончен. Спасибо вам!

Отпечатано по рукописному конспекту
Генриетты Савельевны Адлер (1903-1996 гг.)



НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Слишком много думать неприлично" 263

"Слишком много думать неприлично"

Среди старых сборников пьес начала прошлого века в фондах Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького сохраняется редкая книжка: "Веселый театр "Миниатюр": 12 веселых пьес репертуара театра "Орфеум" и "Фоли-Каприз". На обложке обозначено, что это третий сборник подобного рода. Выходные данные скудные, нам лишь сообщают, что это издание Л. Фрадкина, отпечатано в типографии Торгового дома "И. Маймин и Г. Тепер" на ул. Ришельевской, 26, в 1914 году. Значится авторство текстов М. Чернова, но, листая книгу, обнаруживаем, что это переводные французские фарсы и водевили (перевод действительно М. Чернова), или же пьесы с заимствованным сюжетом.



Чернов, Арди, Зеленская, Утесов, Баранова, Юрьев



Вронский, Неволина, Орлова, Баранова, Сорин, Муратов

Увы, нам достался бракованный экземпляр, в котором несколько раз повторяются одни и те же страницы и совсем отсутствуют другие. Но даже по сохранившимся фрагментам, да и по названиям пьес ("Женщина за 30", "Рецепт мужьям", "Тайна одной ночи "Замени меня", "Последняя фигура кадрили, или Я не хочу быть старой девой" и т. д.) понятно, что все эти сюжеты построены на анекдоте, в их основе житейские ситуации, варьируется тема адюльтера. Достоинством является умело построенный диалог. И тут не приходится удивляться, так как Михаил Ильич Чернов – признанный и любимый Одессой король фарса, и думается, он не из графоманских соображений занялся переводом и переделкой французских пьес – ему чуть ли не еженедельно был необходим свежий репертуар.

В театральных мемуарах и старой одесской периодике мы не раз встретим имя Мих. Чернова. Леонид Утесов, например, вспоминал: "Из Петербурга приехал великолепный актер Василий Вронский и создал вместе с фарсовым артистом Михаилом Черновым комедийно-фарсовый театр. Успех этого театра был огромен. Тонкий, изящный Вронский


Русскій Театръ
ФАРСЪ
Вас. ВРОНСКАГО
и Мих. ЧЕРНОВА
съ уч. М. С. СТОСИНОЙ.

5, 6 декабря	Повтореніе бенефиса М. С. СТОСИНОЙ 1) „Теодоръ и К°“ въ 3 д. 2) „Побѣдителей не судятъ“ въ 1 д.
7 декабря	— Въ 48-ой разъ — „Поташъ и Перльмутеръ“.
8 декабря	— Въ 10-й разъ — „ЛЕНТА ЛЮБВИ“ въ 4 д.
9, 10, 11 декабря	— СЕНСАЦІЯ! — „Молчи, моя Бестія“.
12 декабря	Благотворительный спектакль. — Гвоздь прошлаго сезона! „ЦАРЬ МОДЪ“.

Начало музыки въ 8 час., фарса въ 8½ час.

и безмерно толстый Чернов составляли великолепную контрастную пару. Одесса просто сошла с ума. Особенно любили их в пьесе "Поташ и Перламутр..." (Л. Утесов. Спасибо, сердце! – М., 1976).

Владимир Галицкий в книге "Театр моей юности" (Л., 1984), описывая свое одесское детство, пишет: "мой любимец Чернов".

Необходимо напомнить, что 14-19 гг. были невероятно сложными в судьбе людей. Первая мировая война и последующие испытания не оттолкнули одесситов от театра. Читаем у В. Галицкого: "Тогдашнее количество зрелищных предприятий в Одессе сейчас просто удивляет. Они возникали как грибы после дождя. "Дождем" стала лихорадочная атмосфера военного времени, побуждавшая публику искать забвения... Одесситы были избалованы театром. Тогда считалось: прежде чем "пройти" в Москве и в Петербурге, надо "пройти" в Одессе. Но у одесской публики были свои вкусы и особенность: она не очень разбиралась в тонкостях, игру ей подавай жирную, яркую, темперамент и энергия должны фонтанировать, – тогда одессит доволен. Массовый потребитель был такой. Война еще больше подогрела эмоции. Атмосфера ажиотажа, взвинченности...". Поэтому маленькие любительские театрики, где царил дух импровизации, сатиры и веселья, были весьма востре-


В.М. Вронский


М.С. Стосина


М.И. Чернов



бованы. К тому же, туалеты, обязательные в больших театрах, тут не требовались. Зрители сидели в пальто и калошах, получая свои два часа развлечения.

И все-таки не хочется забывать слова Игоря Нежного: "Одесса издавна слыла театральным городом. Ее публика понимала толк в искусстве и больших, и малых форм..." (И. Нежный. "Былое перед глазами". – М., 1965). Ему вторит эстрадный артист Владимир Коралли: "Одесская публика отличалась профессиональностью своих оценок. У нее нельзя было проскочить на арапа. Удивительно, как это простая одесская публика даже в самом затерянном театрике судила всегда не только беспристрастно, честно, но и точно... Талант они угадывали сразу. Может быть, поэтому так трудно было завоевать успех в Одессе" (В. Коралли. "Сердце, отданное эстраде". – М., 1988).

Поэтому неудивительно, что театр Вронского и Чернова "Фарс" (организован в середине ноября 1914 года) пользовался большим успехом, да и выступления этих артистов на других одесских подмостках всегда вызывали благосклонность театральной критики. Даже строгий ироничный Незнакомец (Борис Флит) не мог не оценить дарования Мих. Чернова. Что уж говорить о других. В газете "Одесское обозрение театров", журналах "Театр и кино", "Фигаро", "Стрелы" и др. рассыпаны многочисленные комплименты артисту: "Какую бы пьесу здесь ни ставили – театр переполнен... Чернов пользуется у публики доверием неограниченным. Все, что бы он ни делал, вызывает неизменное одобрение и смех. Правда, артист не брезгует шаржем, но в целом он отличается темпераментом, столь необходимым в комедии, как и в драме...". Отклики на спектакли Мих. Чернова могут свидетельствовать о том, что артист, как мы бы сказали сегодня, несомненно обладал харизмой. Посудите сами: "г. Чернов в фарсе положительно купается и веселит публику. И поэтому публика любит этого "короля фарса"... "Бенефис талантливого директора труппы театра "Фарс" М.И. Чернова, много потрудившегося для создания в Одессе фарса тонкого и изящного... Все билеты проданы – артист чрезвычайно популярен и любим...", "...Каждый





жест, каждое слово артиста вызывает беспрерывный хохот у публики...", "...г.Чернов безукоризнен. Он один спасает почти весь фарс, своей игрой он вызывает истерический хохот...", "В этом фарсе по обыкновению бесконечно фортелит и пускает свои специфические фразочки Мих. Чернов. Но все это делается так легко и действительно смешно, что незаметной становится и "фарсовая пластика" и пр. "с душком"...

Доносят до нас атмосферу театра того времени многочисленные фото, зарисовки и карикатуры, рассыпанные в старой одесской периодике. Конечно, Мих. Чернов, не только в силу своего комедийного таланта, но и благодаря выразительной внешности неоднократно становился объектом внимания известных художников, таких, как Сандро Фазини, MAD, Самуил Фикс.

К сожалению, у нас нет полной биографии артиста. "Фарс" закрылся летом 20-го года. Многие к этому времени уехали. Талантливые люди уже в 18-19 гг. понимали, что "воздух Совдепии такой, что в нем дышать невозможно...".

Подавленность и униженность происходящим вынудили покинуть Одессу и создателей театра "Фарс". Но если дальнейшую судьбу Вас. Вронского можно проследить вплоть до его смерти после второй мировой войны в Николаевской тюрьме, то о жизни за рубежом Мих. Чернова ничего не известно. Единственное, что удалось узнать, — артист вынужден был покончить с собой в гитлеровской Германии...

Мы вспоминаем сегодня талантливого одесского комика Михаила Чернова, публикуя воспоминания о нем, фотографии, шаржи, рецензии, отдавая дань памяти еще одной незаурядной личности в истории творческой Одессы.

Татьяна ЩУРОВА

Из книги театральных воспоминаний Игоря Нежного "Былое перед глазами"

...Существовал еще один вид театрального предпринимательства. Иногда этим делом занимались сами актеры. Типичным представителем театральных предпринимателей такого рода был Михаил Ильич Чернов. Вместе со своим компаньоном Василием Вронским он держал театр "Фарс", пользовавшийся в Одессе большим успехом и популярностью. Вас. Вронский и Мих. Чернов (именно так печатались на афише их имена) были не только хозяевами этого театра, но и его премьерами, первый — любовник-фат, второй — комик.

Между прочим, Чернов, следуя тогдашней моде, выступал на сцене преимущественно в нижнем белье. Эта форма одежды вполне соответствовала содержанию шедших в его театре фарсов. Все настолько привыкли к своеобразному туалету Чернова, что когда однажды он играл, облаченный в полный костюм, это выглядело сенсационно. На другой день в городе говорили: "Вы знаете, вчера у Чернова спектакль шел в сукнах...".

Вронский занимался главным образом вопросами творческими, Чернов же ведал всей административно-хозяйственной частью. Он был, бесспорно, хорошим, талантливым актером и вместе с тем — первостатейным дельцом.

Все финансовые дела театра Чернов вел в маленькой записной книжечке. Он не признавал никаких сложных бухгалтерских расчетов, документов, ведомостей и т. п. Руководствовался он единственным, им же самим установленным принципом: расход за вечер должен быть не свыше одной трети сбора. Это значит, что если полный сбор давал, скажем, 600 рублей, то все расходы на вечер не должны были превышать 200 рублей.

— И тогда мы всегда будем дома, — говорил Чернов. Это было его любимое выражение.





Труппы подбирались и строились с таким расчетом, чтобы не было свободных, простаивающих актеров. Весь состав труппы всегда был занят.

Высший оклад в труппе был 300 рублей в месяц. Его получали только сами Чернов и Вронский как премьеры. И когда какой-нибудь актер, нанимаясь, просил 300 рублей, Чернов обычно отвечал:

— Что вы, с ума сошли? У нас же сам Вронский столько получает!..

И только в редких случаях наиболее знаменитым гастролерам платили такую сумму.

Играли ежедневно, без выходных. Самыми плохими театральными днями считались понедельник и пятница. В эти дни почему-то плохо ходили в театр. Тогда Чернов, чтобы поднять сборы, придумал ловкий трюк. По пятницам он широковещательно объявил так называемые "общедоступники", пуская по два человека на один билет или же продавал билет вдвое дешевле. Все хотели воспользоваться таким преимуществом, и театр заполнялся до отказа. А по понедельникам изобретательный Михаил Ильич давал "Гала для бомонда"; на эти представления билеты стоили вдвое дороже. И одесситы также валили валом, ведь каждый хотел принадлежать к бомонду. Таким образом Чернов добивался аншлагов, ничего не теряя, ибо убыток пятниц он покрывал двойным сбором понедельников.

К различным ухищрениям прибегал Чернов и тогда, когда надо было внедрить новый спектакль, поднять у публики почему-либо упавший интерес к театру.

Делал он, например, такие вещи: продавалась, скажем, одна треть билетов, после чего касса закрывалась и вешалась табличка: "Все билеты проданы". На остальные две трети мест Чернов бесплатно пускал родственников, знакомых актеров. Так вокруг спектакля создавался ажиотаж, и на другой день билеты раскупали нарасхват. Или так: до открытия кассы Чернов выстраивал длинную очередь, привлекая для этой цели охот-

ников получить контрамарку. А коль скоро у кассы очередь, значит, в театре что-то интересное. И снова билеты брались с боя.



Для поднятия сборов Чернов придумал еще такой ход. Он выпускал пригласительные билеты на четыре персоны каждый и рассылал их по гостиницам, конторам и на дом. Каждый такой билет давал право на сорок процентов скидки. Но не забывайте, что это, по существу, было четыре билета, так что на один билет приходилась всего лишь десятипроцентная скидка. Но продавалось билетов таким путем значительно больше, и сборы поднимались.

Очень заботился Чернов о рекламе. Он любил рекламу необычную, с размахом, способную удивить, поразить, рассмешить. Однажды Чернов приказал своему администратору Д.О. Млинарису раздобыть где угодно осла. Когда животное наконец было найдено (Млинарис достал его в цирке) и приведено к театру, через спину ему повесили изготовленный по распоряжению Чернова большущий плакат, на котором было написано: "Только я не видел фарс "Ух, и без задержки!". Затем осла пустили с поводырем по улицам Одессы. Результаты не заставили себя долго ждать. Правда, они были не совсем такими, на какие рассчитывал Чернов.

Спустя примерно час-полтора, после того как осла отправили в рекламный вояж, Чернова и Млинариса срочно потребовали к полицмейстеру.

— Что вы наделали! — кричал он на них.— Вы понимаете, что вы наделали!



Оказалось, что осел с плакатом попался на глаза проезжавшему по улице архиерею. Его преосвященство страшно разгневался и счел себя смертельно оскорбленным: ведь он тоже не видел упомянутого фарса, стало быть, он подобен ослу?!

Последовал строжайший приказ — немедленно убрать осла. Но не так-то легко было разыскать его в большом городе. Злополучного длинноухого "просветителя", так оскорбившего архиерейское достоинство, нашли уже где-то на окраине — на Молдаванке. Но и тут Чернов оказался верен себе. Он распорядился, чтобы поводырь вел осла обратно, не снимая плаката, по другим улицам. В конечном счете осел совокупно с архиереем сделали свое дело: Одесса заинтересовалась новым фарсом, и довольный Чернов пожинал плоды своей изобретательности.

В другой раз Михаил Ильич устроил шествие древних римлян. По улицам Одессы медленно и важно выступали люди, одетые в тоги. В руках они несли таблички с надписями "Театр "Фарс" — "Откушенный икс". И, конечно же, люди стремились поскорее приобрести билеты в театр "Фарс", желая узнать, что это за "икс" был откушен, и какое отношение к нему имеют древние римляне.

Так работал Чернов...

Портреты на лету
М. И. Чернов

Мы начинаем нашу портретную галерею артистов с М.И. Чернова не потому, что ставим его выше Станиславского, а его театр выше Художественного и Музыкальной драмы.

М.И. Чернов, конечно, крупная фигура на фоне одесского театра (8 арш. в диаметре), но все же не настолько, чтобы затмить собою славу Полевицкой, Радина или Моисси, или Неждановой.

Но Полевицкие, как корабли, приходят и уходят из порта одесского театра, а Чернов, как маяк, стоит незыблемо в гавани постоянного театрального искусства и как бы знаменует собою и одесские вкусы, и одесские требования к театру...

Вот почему первое место в нашей галерее артистов — М.И. Чернову.

Говорят — Чернов не может выехать из Одессы с тех пор, как вывоз сала запрещен!

И об этом можно только пожалеть.

Это типично одесский актер.

Яркий, шумный, визгливый, крикливый и без брюк.

Одесса все это любит.

Актер в брюках скучен.

Актер без брюк весел и приятен, Чернов ходит по городу без шляпы, а на сцене без брюк.

Это любит Одесса.

Это делает сборы. Вообще, Америка, Варшава и Одесса — три географических места на земном шаре, где Чернов чувствует себя как рыба в воде.

Упаси бог думать, что Чернов не талантливый актер.

В своей сфере он даровит.

Он пьет сало, как парикмахер одеколон. Чувствуешь, что одеколон отвратителен, но все же бреешься.



Он визжит, а не говорит на сцене.

Все роли играет с еврейским акцентом, но выходит смешно, потому что он не бездарен.

Чернов был бы прекрасным артистом в Итальянской Comedie del-arte. Он сочен, шумлив и подвижен.

Весом он 2 Давыдова и 3 Алексеева...

Объем — точно грузовик, ест, как 3 красногвардейца.

Любит делать пикантные заглавия на афишах.

На искусство смотрит трезво:

Главное суметь составить афишу — играть уже второстепенное дело.

"Сам толст; его артисты тощи".

Платит всем дешевле других.

Его брат Львов в промежутке между контролем билетов и хозяйственными распоряжениями играет 6 ролей: все без грима и в одном и том же пиджаке...

Сходит.

Играет одну и ту же пьесу 8 раз в сезон как новинку, только меняя заглавие.

Сходит.

Чернову все прощают, потому что он талантлив...

И безбрючие, и халтурность дела, и старые пьесы, и сало, и скуку порой.
Он талантлив и потому что он
— Одесское!..
Два качества, которые любят одесситы.

Незнакомец

Театральные открытки М.И. Чернов и В. Вронский.

I.

Их "фарс" для многих так приятен, —
Твержу я это от души.
За пару "ловких отсебятин"
Считают вечно... барыши...
Пусть "Поташ" будет снова... снова...
И... снова публика придет,
Чтоб посмотреть живот Чернова
И как по нем рукой он бьет.
А впрочем, это лишь на сцене,
Вообще ж, его он бережет.
Я поумерю песнопенье
И... пощажу его живот...
В "Ловушке" или в старой пьесе
Шикарен Вронский (я не льстец!)
Немало им у нас, в Одессе,
Покорено уже сердец.
Да! Суждено "Ловушке" в "шуме"
Сезон приятнейший провесть.
Ведь шла она в "Аквариуме"
И в "Русском слове" отзыв есть!!)
.....
Слышали ль вы шепот конский?
С "Ловушкой" зрели ль трех гонцов?..
.....
Чего не выдумает Вронский?!
Чего не сделает Чернов?!!



З. Задорин

Театр "Фарс"



"Комедия легкого жанра" — вот что культивируют в Русском театре директора и премьеры труппы гг. В. Вронский и М. Чернов.

Этот жанр, правда, не строго выдержан, но в этом виновато скудное предложение "легких" пьес на отечественном рынке.

Ставятся переводные (главным образом с французского) и оригинальные пьесы фарсового актера С. Сабурова.

Исполнение пьес живое; бойкое и стройно сглажено.

На фоне общего исполнения выделяется яркий комедийный актер г. В. Вронский.



Мягкий, благодушный юмор артиста здесь (в ролях Пилубье — "Лента любви", Бодаев — "Бабник") был вполне уместен. Г. Вронский одарил аудиторию моментами искреннего оживления и самой непосредственной веселости.

М. Чернов, второй "кит" труппы, широко пользуется своим хотя и элементарным, но все же сочным юмором.

Он смешит без конца публику, но и ему самому очень весело и приятно играть.

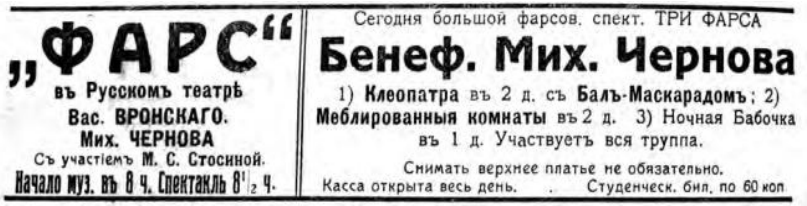


Летний "фарс"

Какую бы пьесу здесь ни ставили — театр переполнен. Шедший в продолжении двух прошлых сезонов фарс "У ног вакханки" собрал полный сбор.

Фарс отличается отсутствием самой примитивной сценической логики, но дружный ансамбль артистов сделал свое дело. Вас. Вронский и Мих. Чернов поддерживают интерес к театру. Министр юстиции в изображении г. Вронского — великолепен.

Артистически изящный г. Вронский среди артистов "фарсовой труппы" выделяется комедийной школой.


„ФАРС“
въ Русскомъ театрѣ
Вас. ВРОНСКАГО.
Мих. ЧЕРНОВА
Съ участіемъ М. С. Стосиной.
Начало муз. въ 8 ч. Спектакль 8½ ч.
Сегодня большой фарсов. спект. ТРИ ФАРСА
Бенеф. Мих. Чернова
1) Клеопатра въ 2 д. съ Балъ-Маскарадомъ; 2) Меблированныя комнаты въ 2 д. 3) Ночная Бабочка въ 1 д. Участвуетъ вся труппа.
Снимать верхнее платье не обязательно.
Касса открыта весь день. Студенческ. бил. по 60 коп.



Г. Чернов пользуется у публики доверием неограниченным. Все, что бы он ни делал, вызывает неизменное одобрение и смех. Правда, артист не брезгает шаржем, но в целом он отличается темпераментом, столь же необходимым в комедии, как и в драме...

Летний "фарс" Бенефис М. Чернова



Бенефициант пользуется популярность как насадитель фарса.

В этой области М. Чернов чувствует себя действительно свободно и легко. Для бенефиса выбраны были две пьески.

В первой, "Игра с болваном", — у бенефицианта небольшая роль, внимание публики привлекает в. Вронский, талантливый комедийный актер.

Себя показать удалось М. Чернову только во второй пьеске, "Тетка Чарлея".

Здесь большой простор для сценического дарования артиста, который уморителен в женской роли "Тетки Чарлея".

Публике все это очень нравится, и она продолжительными аплодисментами поощряла артиста.

Пьесы были хорошо срепетованы.

Бенефицианта много вызывали.

Была масса подношений.

Л. Тригорин

ПУТЕШЕСТВИЕ

"Язык Италии златой..."

Об итальянской – наряду со многими другими – составляющей Одессы написано немало. Это касается и исторических вех, и участия итальянцев в становлении и развитии Южной Пальмиры, и их вклада в многонациональную сокровищницу культуры, искусства, зодчества. Упомянем здесь лишь объединителя Италии Гарибальди, архитектора Бернардацци, звезд оперы и драмы, пленивших молодых Пушкина и Бабеля... В нашем музее – полотна великих итальянских мастеров. Одна из главных улиц Одессы называлась Итальянской, в городе есть Генуэзская и Итальянский бульвар. Мы и сегодня ходим по тротуарам из вулканической плитки Везувия – ее привозили в Одессу в трюмах кораблей как балласт, а обратно возвращались с зерном.

Еще об итальянцах в Одессе – в публикации Ростислава Александрова на страницах этого номера альманаха.

Об Италии – и материалы традиционной подборки "Путешествие".Три одессита недавно побывали в этой стране, и каждый увидел ее по-своему.

Феликс КОХРИХТ
Рим Феллини 276

Стас ЖАЛОБНЮК
SPQR 283

Иван ЛИПТУГА
Милан: Дуомо и Скала 284

Феликс КОХРИХТ

Рим Феллини





Всю свою юность, пришедшуюся на хрущевско-эренбурговскую Оттепель, я открещивался от "железного Феликса": меня нарекли не в честь основателя ВЧК Дзержинского, а в память о деде с материнской стороны – лесоторговце из Шепетовки. Звали его Эфраим, по-домашнему – Фроим, дедушка Фройка.

...Назвать советского младенца библейским именем родители не решились и подыскивали похожее – на "Ф". Так я стал Феликсом. Не самое, поверьте, удачное имя для послевоенного пацана – пусть даже из многонационального и тогда еще толерантного одесского двора. Да еще – огненно-рыжего. Приходилось драться, отстаивая и цвет волос, и имя.

Для мамы я был Фелинькой. В школе, да и после нее меня переиначивали в соответствии с литературными и иными пристрастиями. К примеру, в годы увлечения Хемингуэем и Сэлинджером прозвали на американский лад – Филом, да и сегодня Женя Голубовский иной раз позовет меня именно таким образом. Знаток джаза Юра Затворницкий именовал Феличеком – в честь известного чешского саксофониста. Однокашник Вова Владимирский нарек по-простецки – Филимоном. а то и Филей. Олег Губарь ласково окликает: Теофил...

А вот художник Люсик Межберг, с которым мы в молодости пробивались на закрытые просмотры зарубежных кинофильмов, особенно на ленты итальянских мастеров, называл меня Феллини. Мы были преданными поклонниками великого режиссера и знали наизусть "Дорогу", "Сладкую жизнь", "Восемь с половиной". Мог ли я тогда предположить, что буду брать интервью у друга синьора Федерико, автора сценария гениального "Амаркорда" Тонино Гуэрро, и он подарит мне свой рисунок...

Но это было значительно позже, а в 60-70 годы я дружил с молодыми ребятами, только начинавшими поиск своего пути в искусстве. Если Межберг к тому времени уже состоялся и слыл известным мастером,

то Саша Ануфриев был в самом начале пути. Он искал и находил свою манеру в экспериментах художников Нового времени и вскоре стал одним из основоположников одесского авангарда. По мнению многих критиков и искусствоведов, "Портрет на фоне Колизея" является знаковым образцом творчества Ануфриева периода его становления. По воле судьбы быть изображенным на фоне древнего римского сооружения выпало мне.

И вот почему. Именно я поздним июльским вечером 1961 года помог Саше утащить с улицы в его с юной Ритой коммуналку на Осипова афишу белорусского театра, гастролировавшего в Одессе. Она была выполнена на добротном дефицитном холсте, оборотная сторона которого подходила для воплощения созревшего у Саши замысла. Именно я, как оказалось, более всего соответствовал этому замыслу.

...Впрочем, Саша со мной своей задумкой не поделился, а просто усадил на железной супружеской кровати, заставил опереться на ее спинку и замереть...

Через час с небольшим он повернул холст к нам. И я, и Рита с изумлением увидели некий персонаж с огненной вздыбленной шевелюрой, за которым грозовые тучи неслись над древними стенами Колизея. От меня у него наличествовали цвет волос и глаз... Это был я, но не "тогдашний" – веселый одесский паренек, а человек, многое уже переживший и прочувствовавший... Иными словами – как бы портрет Дориана Грея авансом.

Не буду входить в подробности своей жизни, но через годы у меня случились именно такие глаза, но вскорости, к счастью, остались лишь на портрете. А вот шевелюры огненной уже нет.

В начале 80-х годов Сашу Ануфриева – бунтаря и "абстракциониста" – вынудили покинуть СССР. Вскоре он попал в Рим, и там его случайно увидел наш общий приятель. Саша сидел в кафе, облокотившись спиной на железную ограду, а за его спиной высился Колизей, и по римскому небу неслись грозовые тучи. Он – жгучий брюнет – повторил меня на ТОМ портрете...

Накануне нынешнего 2011 года мы с Таней прилетели в Рим. Ранее бывали в Италии, но в Вечном городе оказались впервые. Разумеется, мы с друзьями – Алексеем и Леной – заранее составили маршруты прогулок по Риму, отметили на карте исторические памятники и музеи, о которых слышали с детства. Но, признаюсь, мне не терпелось прежде всего побывать у стен Колизея и увидеть наяву то, что Саша десятилетия назад угадал в своем воображении.

Как я и предполагал, он оказался на высоте. Стены древнего архитектурного колосса оказались именно того – приглушенно терракотового



(римского!) оттенка, который я бы рискнул назвать античным. В этот декабрьский день тучи из-за Тибра неслись над пустыми глазницами арены, предсказывая, словно Авгуры, неминуемый дождь. Но он не состоялся в этот предновогодний день – и это было мне подарком!

Я привез с собой репродукцию портрета, и римские зеваки, и любопытные туристы стали свидетелями моей попытки заглянуть в молодость...

Уверен, этого не стоило делать, но так хотелось!..

Колизей начал возводить император Веспасиан в 72 году н. э.

Я много читал об этом символе древнеримской идеологии, о лозунге "Хлеба и зрелищ!", актуальном и сегодня, но лишь здесь из путеводителя узнал, что основной рабочей силой на этом режимном объекте были пленные иудеи, привезенные из разрушенного Иерусалима. Строили на века...

А потом мы взбирались на Римские холмы, где Таня кормила вечных римских кошек...

Чуть было не встретились с римским папой в садах Ватикана – он только что прогуливался по любимой дорожке...

На развалинах императорского дворца я вслед за незабвенным Каем Юлием Циммерманом, делившим с бухгалтером Берлагой палату в Доме умалишенных города Черноморска, вскричал, обращаясь к моим спутникам: "Все на Форум!". И они с пониманием последовали за мной.

Римские гетеры предложили скидку мне – как легионеру...

Любопытно, что за восемь дней мы не встретили ни одного мужчину с римским профилем...








TAXI
4994









В Пинакотеке мы увидели античного Лаокоона с детьми и змеями, и наш – одесский – показался нам ничуть не вторым: надо бы и его, как римского, убрать с улицы и укрыть от стихий и варваров...

На площади Венеции, уловив момента, можно сделать барышне уно комплименто...

Много великолепных картин Караваджо – в музеях, на виллах, в церквах. Каждую рассматривали породственному, волновались, как бы не украли...

Видел я, как сомалийцы у Тритонова фонтана свежим римским утром ранним белокурым двум арийцам предлагали Тициана...

Ложечка дегтя в бочку римского меда (а он здесь на удивление душистый!). Как известно, великий Гоголь подолгу жил в Вечном городе, ему хорошо работалось в кафе "Greco" – здесь он писал "Мертвые души". Нынче этому куртуазному заведению стукнуло 260 лет, и оно всегда переполнено. Все здесь дивно – и интерьеры, и старый рояль, на который, бывало, облокачивался писатель... И при этом великолепии нам подали (8 евро чашка!), пожалуй, самый хреновый кофе за мою жизнь – даже тот, что я пил в 1950 году из бачка в пионерлагере на 10-й станции Большого Фонтана, был куда лучше. Зато в крохотном – и тоже всемирно известном – кафе " S. Eustachio" (недалеко от Пантеона) мы насладились эспрессо (1 евро!), приготовленным по рецепту, который владельцы заведения передают по наследству и держат в строгом секрете...

Тридцать первого декабря вечером ужинали в уникальном ресторанчике, где к пасте (макаронам) предлагают сотни соусов, один из которых называется "Мафиози".

Взрослые и дети, кушайте спагетти! И тогда вы не умрете – ни за что на свете...

После ужина отправились на один из семи римских холмов, на котором стоит президентский дворец. Запаслись традиционными для этого



случая бутылочками шампанского и с двенадцатым ударом часов сделали первый глоток. Из окошка третьего этажа кто-то выглянул и взмахнул рукой. Судя по восторженной реакции римлян, это был президент...

Небо над Вечным городом озарили огни фейерверка, впрочем, куда более скромного, чем те, что взрываются на склонах Ланжерона по случаю дня рождения владельца прибрежного кафе...

За день до отъезда мы отправились к фонтану Треви, в котором вожделенная скандинавская дива Анита Экберг плескалась на глазах изумленного ее статуарностью Марчелло Мастроянни – альтер эго (второго "Я") Федерико Феллини, снявшего здесь одну из ключевых сцен своего шедевра "Сладкая жизнь". В этот фонтан каждый, кто мечтает еще хотя бы раз побывать в Риме, должен через левое плечо правой рукой бросить монетку... Так мы и сделали, но местные бомжи будут немало разочарованы: мне подвернулась копейка...

В Риме снималось много культовых фильмов. Упомяну классику неореализма – "Рим открытый город" и "Мама Рома" с неистовой Анной Маньяни, романтичную любовную историю "Римские каникулы" с трогательной Одри Хепберн, но, пожалуй, точнее и глубже суть Вечного города – с его солнечными площадями и сумрачными катакомбами, гениями и злодеями, грешниками и праведниками, возвышенным и земным – открыл нам фильм "Рим Феллини", звучащий, как имя и фамилия.

Рим Феллини. Мой Рим.

Лишь в Одессе я вспомнил, что и сам ношу всю жизнь вполне римское имя. По-латыни Felix означает – Счастливый. Видимо, так оно и есть.

P. S. Я отсканировал фото с портретом, сделанные в Колизее, и отослал их по электронной почте Саше Ануфриеву, который давно живет в США, а он в ответ – свои новые работы.

Портрет на фоне Колизея

Тане

...Сорок с лишним лет назад, воображение имея,
Саша А. писал портрет: я на фоне Колизея.
Был я тогда отменно рыж, тучи мчались, словно галки...
Мы не в Риме были с А., а в одесской коммуналке.
На холсте том – воплощенье гладиаторских потех,
за окном – девичий смех, салки, жмурки и скакалки...
...Сорок с лишним лет спустя в предвкушеньи мавзолея...
Сорок с лишним лет спустя, нетерпение имея,
мы с Татьяной подошли к камням щербатым Колизея.
Все ты, Саша, угадал – и про небо, и про тучи...
Но в коммуналке было лучше.
"Жизнь промчалась словно сон..."
За банальнейшую рифму вряд ли буду я прощен.
"Память юностью согрета..."
Не судите, господа, местечкового поэта.
Вот вам новость – навсегда:
в Колизее есть туннель, но только в нем не видно света.
Я над головой поднял репродукцию портрета...
Был ли смысл в сеансе том? Жду, не нахожу ответа...
Вспомнил тех, кого уж нет:
тех художников гонимых,
их завистливых коллег,
критикесс непримиримых...
Стих мой явно затянулся.
Понят мною ваш намек.
Вот и папа римский подошел к оконцу,
в Ватикане блимкнул огонек...
Пора нам собираться в путь – мы засиделись за границей.
Признаюсь: надоела пицца.
В Одессе ждут нас борщ, компот, котлета.
Пожалуй, вот и все про мой портрет.
Как в Риме говорят, конец cupletta.



Вечный город

А. Б.

Да будь ты хоть негром преклонных годов
иль обладатель тугих кошельков...
Ниспровергатель марксистских основ,
а в прошлой жизни – погонщик ослов...
Да будь ты из яйцеголовых,
схоластов – на все и за сколько готовых...
Да будь ты хотя бы из мудаков,
из нудных таких стариков...
Да стань ты и впрямь журналист-моралистом,
имеющим зуб, но со свистом...
Или блестящим пианистом-солистом.
Да будь ты из квелых старушек-лифтерш,
что видят во сне заводных стриптизерш...
Да будь из парнишек фартовых
и барышень ихних – добрых и клёвых...
Иль ловишь ты ловко воришек махровых
и греешь подагру в носочках махровых —
хотя и не новых...













Пусть ты изобрел адронный коллайдер,
хотя ты в любви – отстой-аутсайдер.
Да будь, черт с тобой, ты из клятых совковых...
Того и гляди – из Галактик сверхновых!
Ну нет у меня больше рифм – пусть хреновых!
Беру тебя крепко за ворот!
За мной повтори и запомни, сынок,
что
РИМ – ВЕЧНЫЙ ГОРОД!

1 января 2011 года
Рим
Фото автора

Стас ЖАЛОБНЮК

SPQR

Италия занимает меня давно — с детства, когда я впервые увидел репродукции картин Рафаэля, Ботчеллии, Караваджо. Я еще ничего не знал об этих художниках, но уже чувствовал их магическую власть надо мной...

А спустя годы я как бы вновь ощутил работы этих гениев в преломлении великих кинорежиссеров — Феллини, Антониони, Росселини, в книгах Умберто Эко...

Но увиденная воочию Италия оказалась и такой, какой ее являют нам эти Мастера, и совсем иной. Какой? Над этим мне еще придется немало поразмышлять.

Многое потрясает меня в этой стране. И прежде всего, — Рим. Основа государственности, самосознания и реализации итальянцев в современном мире.

В столице цезарей меня заворожила аббревиатура из четырех букв: SPQR. Это — начальные буквы латинской инвективы: "Senatus populus que romanus", что означает "Сената и народа Рима". Она встречается на колоннах храмов, стенах дворцов, на камнях Колизея.

Как и тысячелетия назад, все это принадлежит Риму. Принадлежит человечеству.

Пусть ты изобрел адронный коллайдер,
хотя ты в любви – отстой-аутсайдер.
Да будь, черт с тобой, ты из клятых совковых...
Того и гляди – из Галактик сверхновых!
Ну нет у меня больше рифм – пусть хреновых!
Беру тебя крепко за ворот!
За мной повтори и запомни, сынок,
что
РИМ – ВЕЧНЫЙ ГОРОД!

1 января 2011 года
Рим
Фото автора

Стас ЖАЛОБНЮК

SPQR

Италия занимает меня давно — с детства, когда я впервые увидел репродукции картин Рафаэля, Ботчеллии, Караваджо. Я еще ничего не знал об этих художниках, но уже чувствовал их магическую власть надо мной...

А спустя годы я как бы вновь ощутил работы этих гениев в преломлении великих кинорежиссеров — Феллини, Антониони, Росселини, в книгах Умберто Эко...

Но увиденная воочию Италия оказалась и такой, какой ее являют нам эти Мастера, и совсем иной. Какой? Над этим мне еще придется немало поразмышлять.

Многое потрясает меня в этой стране. И прежде всего, — Рим. Основа государственности, самосознания и реализации итальянцев в современном мире.

В столице цезарей меня заворожила аббревиатура из четырех букв: SPQR. Это — начальные буквы латинской инвективы: "Senatus populus que romanus", что означает "Сената и народа Рима". Она встречается на колоннах храмов, стенах дворцов, на камнях Колизея.

Как и тысячелетия назад, все это принадлежит Риму. Принадлежит человечеству.

Иван ЛИПТУГА

Милан: Дуомо и Скала

Спустя две недели после возвращения из Италии моего друга и наставника Феликса Кохрихта, проникнувшись его занимательными историями о новогоднем путешествии в стольный град Рим, я решил, что для комплексного освещения в нашем альманахе этой замечательной страны мне просто необходимо съездить в ее северную столицу — Милан. Правило "желание — это уже пятьдесят процентов успеха", как обычно, сработало, и мне буквально сразу позвонил хороший друг Григорий Бойко и спросил, не хочу ли я с ним и его очаровательной супругой съездить на недельку в Европу и посетить Милан. Конечно же, я с радостью принял приглашение и уже вечером мы составили план путешествия. Маршрут начинался в Цюрихе, проходил через заснеженные швейцарские Альпы на юг, в Северную Италию, и после во французскую часть Швейцарии — любимую Женеву. Главным пунктом назначения был Милан.

Исходя из опыта путешествий за рулем, я взял в аренду комфортабельный и надежный мини-вэн "Крайслер Вояжер". Наш путь из центральной Швейцарии до Милана проходил по следам похода генералиссимуса российских морских и сухопутных войск Александра Васильевича Суворова. Проезжая по современному горному серпантину мимо отвесных серых ущелий, мы не переставали удивляться подвигу легендарного полководца, решившегося с сорокатысячной русской армией, снаряжением и провизией отправиться в непроходимую чащу Альп, чтобы освободить итальянцев и швейцарцев от французских оккупантов. И хотя спустя лишь год после ухода Суворова и его войск из Швейцарии Наполеон восстановил свою власть над большинством территорий северо-западной части Италии, Ломбардии и Швейцарии, местное население высоко оценило подвиг, и в знак глубокой благодарности соорудило на перевале Андерматт огромный по тамошним меркам памятник русскому полководцу в виде гигантского креста, высеченного в скале.

Подъезжая к Милану, уже поздно вечером мы попали в сильный туман. Как мы узнали позже, подобные туманы в зимнее время в Милане — нормальное явление. Плотность тумана настолько высокая, что даже выхлопные газы и дым из труб домов остаются возле поверхности земли, и у нас поначалу сложилось впечатление, что мы въехали в зону лесного пожара.

В Милане мы поселились в уютном небольшом отеле на главной площади города, которая названа в честь знаменитого собора — Дуомо. Было

уже около одиннадцати часов вечера, на площади практически не было людей. Фонари были погашены, одинокая уборочная мини-машина наматывала зигзагами круги по площади. Несколько бангладешских парней в ожидании случайных ночных туристов продавали с рук синенькие светящиеся вертолетики, которые они по очереди запускали из рогатки в небо, и те на фоне ночного величественного фасада Собора, медленно кружась, падали вниз. Парням удалось продать нам несколько этих незамысловатых игрушек, правда, к их удивлению, поторговавшись с одесситами, их пришлось отдать по себестоимости. Уходя, мы еще долго смеялись, глядя на удивленно-сосредоточенное лицо уличного коммерсанта, пересчитывающего деньги.

На площади стояла огромная, уже наполовину "раздетая" елка. Несколько рабочих на вышке снимали с нее игрушки. Как я узнал позже, это была самая дорогая в мире — в нынешнее Рождество — елка от Тиффани, которая обошлась в 350 тысяч евро. Знаменитая торговая марка установила ее здесь неспроста: на главной на площади Милана она открывает ювелирный магазин. Когда на следующий день я наблюдал, как гигантское дерево распиливают на части, то подумал о том, что эта ель, наверное, была свидетелем суворовских сражений в Альпах. И вот спустя столетия ради нескольких недель промоакции Тиффани ее срубили и превратили в рекламный бренд...

Мы прошлись по ночному украшенному огнями пассажу-галерее



Витторио Эммануэле II. Она считается одной из главных достопримечательностей Милана, здесь расположены многие знаменитые магазины, как, например, Gucci, или самый первый магазин братьев Prada, также Louis Vuitton, в ней есть известные во всей Европе кафе и рестораны. Галерея имеет форму латинского креста с площадью в центре. Она строилась по проекту архитектора Джузеппе Менгони, по замыслу которого площадь полностью переделывалась и расчищалась от мелких застроек. Галерея строилась на протяжении двенадцати лет в шестидесятых и семидесятых годах XIX века. Менгони очень беспокоился о безопасности во время строительных работ, но по грустной иронии судьбы, в последний день перед открытием галереи архитектор упал с разбиравшихся строительных лесов и погиб. Объявили траур и установили правило: вывески магазинов пассажа должны быть оформлены в черно-золотых тонах. Оно действует и по сей день, и абсолютно все магазины, кафе и рестораны оформлены в этих цветах. Даже клоунский "Макдональдс" не стал исключением.

Галерея соединяет две площади — Дуомо и ту, на которой расположены театр Ла Скала и мэрия. Вечерняя прогулка была интересной и увлекательной, но мы немного продрогли и решили, что нам было бы правильно отметить приезд в Милан, и зашли в небольшой бар, где нас встретил радушный официант по имени Сальвадоре. Хотя заведение уже закрывалось, он предложил нам выпить чаю и замечательной, если не смотреть на цену, итальянской граппы. Удивительно то, что в итальянских барах и кафе, даже если заказываешь один напиток, то бесплатно в придачу тебе приносят оливки, орешки, чипсы, фокаччо, нарезанные колбаски — и получается вполне сносный перекус. В нашем случае так и получилось, к граппе и чаю мы получили весь набор шарового счастья.

На следующие два дня мы запланировали посещение собора Дуомо, совершение шопинг-променада по знаменитым миланским магазинам в период построждественских скидок и, конечно же, поход в Ла Скала. Утром туман развеялся, и площадь Дуомо, залитая солнечным светом, была полна людей и голубей. Мы стояли в самом ее центре, за нами — памятник королю Витторио Эммануэлю работы Эрколе Роза, а перед нами — Собор. Сказать, что он красивый и величественный, — ничего не сказать.

Дуомо является четвертой по величине церковью в мире и третьей в Европе после соборов Святого Петра в Риме и Святого Павла в Лондоне. Это — символ Милана. Множество шпилей, башенок, колонн и скульптур из белого мрамора, сплетенных вместе воздушными перекру-













shutterstock

PLASKE
ПЛАСКЕ
Energy in motion



ченными опорами, вызывают восхищение и гордость за род человеческий. Одних только статуй снаружи и внутри собора насчитывается три тысячи четыреста.

Этот собор стал постоянной статьей расхода для городских властей и постоянной статьей дохода для многочисленных подрядчиков, обеспечивающих его строительство и постоянно требующуюся реставрацию на протяжении всех веков существования. Фундамент был заложен в 1386 году легендарным правителем Гелаццо Висконти на месте церкви Санта-Мария-Маджоре, а фасад и облицовка белым мрамором со всеми башенками и остальными прибамбасами были утверждены уже Наполеоном в 1805 году. И ни на один день с 1386 года не останавливались работы над совершенствованием собора.

В 1417 году главный алтарь недостроенного собора освятил папа Мартин V, а целиком Дуомо начал функционировать в 1572 году, — после того как его торжественно открыл Карл Борромео, архиепископ Милана, который в 1610 году был канонизирован. В Соборе множество интересных достопримечательностей. Интересна легенда об одном из трех гвоздей, которыми был распят Иисус. Гвоздь был утерян, потом кем-то найден и продан святому Амвросию, после чего последний спрятал гвоздь под куполом над алтарем в специальную нишу. Каждый год в сентябре епископ поднимается на специальном устройстве, сделанном самим Леонардо да

Винчи, на самый верх и достает священный гвоздь, после чего реликвия на два дня выставляется на всеобщее обозрение.

Есть в Соборе и мавзолей Джакомо Медичи, который всю жизнь был наемным убийцей, а в конце ее стал князем, и в 1563 году его захоронили в Дуомо. С правой стороны от главного алтаря стоит статуя христианского мученика святого Варфоломея — одного из двенадцати апостолов Христа. Языческие жрецы, дабы усмирить проповедника, который ездил по странам Центральной Азии и Армении, распяли его вниз головой, но он все равно продолжал произносить христианские молитвы... Тогда они его сняли с креста и живьем содрали кожу, а потом обезглавили. Скульптор Марко д'Аграте в 1562 году изобразил мученика в позе живого человека, но во всей его анатомической наготе — без кожи...

В Соборе замечательные яркие, красочные витражи. С ними связана легенда происхождения шафранового ризотто, которое я лично очень люблю. Оказывается в XVI веке во время росписи витражей собора один бельгийский подмастерье, который смешивал краски, очень любил добавлять в краску шафран для придания ей золотисто-желтого оттенка. Его приятели шутили, что скоро он и в рис будет подмешивать шафран. Однажды маляр так и сделал, чем вызвал у всех восторг, а с тех пор ризотто с шафраном стало носить название "ризотто по-милански".

Из Дуомского собора мы вышли на все ту же людную площадь, мы еще долго гуляли по улицам Милана, посетили крепость и парк, побродили по району художников Брера, после чего отправились в театральную кассу Ла Скала, расположенную в подземном переходе под площадью, чтобы приобрести билеты на вечерний спектакль. Не тут то было. Во-первых, в кассу стояла очередь, во-вторых, когда она дошла до нас, мы узнали, что билетов уже давно нет. Вечером давали оперу Леонкавалло "Паяцы". Быть в Милане и не попасть в Ла Скала — преступление. Мы отправились к театру в надежде купить хоть какие-то места. И здесь — аналогичная картина. Я стоял расстроенный, и тут ко мне подошел мужчина интеллигентной внешности, и совсем как в фильме "Иван Васильевич меняет профессию", из внутреннего кармана пальто показал пачку билетов. Он вежливо на английском языке проинструктировал нас о том, какие места лучше, и так же вежливо взял с нас в два раза дороже, чем эти билеты стоят в кассе. Тут я понял, что за искусство нужно платить, и дорого.

Как партнеру Одесского театра оперы и балета мне было интересно сравнить Ла Скала с нашим зданием. С точки зрения архитектуры, театр Ла Скала, на мой взгляд, уступает одесскому театру. Фасад, расположен-

ный на небольшой площади напротив мэрии, абсолютно ничем не выделяется, и мог бы принадлежать, скажем, любой библиотеке, банку или гостинице. На то были свои объективные причины. Дело в том, что в период строительства здания театра, с 1776 по 1778, его фасад выходил не на площадь, а на узкую улицу, и рассмотреть его красоту не представлялось возможным. Поэтому архитектор Джузеппе Пьермарини решил сосредоточиться на интерьерах, и внутри театр, безусловно, красив и величественен.

Вход в театр — строго по классам купленных билетов. Так как нам удалось купить их только на последний уровень, то мы входили через соответствующую дверь. Доступ к вестибюлям, коридорам не твоего класса закрыт. Купил билеты на галерке — будь добр, поднимайся туда и сиди там, а в "светском обществе" партера и бельэтажа тебе делать нечего.

Зал был заполнен до отказа. Огромная сцена и внушительная оркестровая яма. На сцене одновременно находилось актеров не меньше, чем зрителей в партере. Спектакль решен в современной стилистике. По сцене даже ездили реальные автомобили, правда, с электромотором. Впечатление: грандиозно и впечатляюще. После окончания спектакля я зашел в магазин театра и купил множество сувениров, дисков и книг.

Возвращаясь в Одессу, я знал, что меня с нетерпением ждут в редакции альманаха, чтобы приобщить мои впечатления о Милане к подборке материалов об Италии — стране, с которой Одессу связывает история.

Милан

Фото автора



Нина ДАНИЛОВА

Купе

Жизнь есть процесс утраты иллюзий, вплоть до иллюзии, будто мы живы.
Эшли Бриллиант

Удивительно устроена человеческая память — кажется, что многие события со временем совершенно стираются, исчезают, как будто никогда и не происходили. Но иногда какая-то давно забытая деталь, всплывшая в реальной жизни, вдруг восстанавливает целый пласт прошедшего, причем с довольно интенсивной яркостью картинок. И оказывается, что все хранилось внутри тебя, а вовсе не растворилось бесследно в океане последующих жизненных впечатлений. Жизнь в Израиле предоставила мне неоднократные возможности в этом убедиться. Здесь меня поджидали такие невообразимые совпадения и встречи, что не раз приходилось всерьез задумываться о всемогуществе и изощренности фантазии главного Сценариста наших судеб. Остается только догадываться о дальнейшем развитии каких-то Его замыслов, чтобы наиболее мудро воспользоваться дарованной нам Им же свободой выбора и не слишком сопротивляться этим Высшим планам. Но самая фантастическая встреча произошла не так давно, и это событие заставило меня перенестись в прошлую жизнь, вспомнить кое-что важное и о многом поразмыслить.

В Израиле существует обычай выставлять ненужные вещи на парапеты, скамейки и вывешивать одежду на заборы, чтобы кто-нибудь еще смог попользоваться всем этим добром. По закону благотворительности (на иврите это называется "мицва"), вещи должны быть в чистом и целом состоянии. Народ здесь проживает очень разного достатка. Поэтому некоторые семьи, особенно многодетные, действительно иногда пользуются этой мицвой. Обычно в таких домах люди не задумываются о том, что вещи впитывают энергетику своих бывших хозяев, к сожалению, не всегда положительную.

Однажды я увидела на парапете пару изящных туфель темно-вишневого цвета на высоком каблуке. Я резко остановилась, сразу не отдавая себе отчета в том, что приняла их за свою давнюю трагическую пропажу. Несколько мгновений пребывала в растерянности, которая тут же сменилась уверенностью в невероятности подобных совпадений. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что наше фантастическое свидание с моими любимыми французскими туфлями, украденными более 30 лет назад, действительно состоялось!

В середине восьмидесятых годов мне часто доводилось ездить в чудный город Киев, где находилось головное предприятие нашего одесского отделения госснабовского ВЦ. Я очень любила эти командировки, несмотря на то, что рабочая нагрузка была там весьма интенсивной. В молодости на все хватает времени и сил. Большое удовольствие доставляли прогулки по живописному городу, да и покупки тоже не могли не радовать. В те далекие времена проблемы дефицита распространялись на очень многое. Но кое в чем мне иногда везло просто удивительно. В обувном магазине на улице Леси Украинки удалось купить потрясающие французские туфли по немыслимо низкой "государственной" цене! Они были в продаже только по причине малого 35-го размера, а я в те времена в него прекрасно вписывалась. Трудно описать мое женское и человеческое счастье обладания таким сокровищем. Мало того, что они были редчайшего цвета "гнилой вишни", с изящной колодкой и высоким каблуком, они еще отличались мягкой лайковой кожей и необыкновенно красивой отделкой — вкраплениями мелких лаковых узоров более темного вишневого цвета. И самое главное, что при всех этих прелестях — ходить в них было сплошное удовольствие. Легкие, удобные, устойчивые, оригинальные — само воплощение виртуозного обувного совершенства! В таких туфельках вы просто обречены на восхитительное ощущение женственности и привлекательности, даже если приходится длительное время быть на ногах. Но долго радоваться удачной покупке мне было не суждено.

В сентябре 1984-го года я снова собралась в командировку в Киев. Требовалось в очередной раз оправдать доверие начальства, будучи назначенной основным докладчиком по вопросам компьютеризации задач бухгалтерского учета на техническом совете у генерального директора. Естественно, что новые туфли пришлись весьма кстати.

Фирменный скорый поезд "Черноморец" уходил с одесского вокзала поздним вечером, а в 10 утра уже начинался технический совет. Необходимо было постараться как-то выспаться в купейном вагоне, иногда это по молодости удавалось. Но тогда был не тот случай. Соседями оказались два солидных полковника и миловидная грустная женщина средних лет, которая представилась как бухгалтер Ольга Петровна. Не успел поезд набрать скорость, а веселые общительные проводницы собрать билеты и деньги за постель, как военные стали дружно выгружать неслабый запас провизии на столик и радушно приглашать поужинать чем Бог послал. Меня поразил ассортимент и количество закусок, положенных заботливыми полковницами в портфели своих командированных мужей. Там

присутствовали самые вкусные деликатесы с одесского Привоза, включая малосольную скумбрию, копчености, брынзу, пахнущие укропом огурчики, кислую капусту и фаршированные баклажаны в баночках и т. д. Даже не верилось, что люди собирались провести в поезде всего одну ночь! Я достала из сумки бутерброд с сыром и скромно пристроила его на столике. Ольга Петровна вытащила эмалированный судок с творожной запеканкой, но все решили, что это будет к чаю. Итак, наш ужин начался примерно в 10 часов вечера, а буквально через час мы уже многое знали друг о друге — по крайней мере, я была в этом уверена. Впрочем, из жизни наших военных попутчиков не особенно много можно было почерпнуть (кроме спиртного и отличной закуски). Оба они были совершенно благополучны в службе и семейной жизни. Полковники имели настолько свободные от интеллектуальной нагрузки головы, что помнили вопросы на выпускных экзаменах в военном училище и академии, на которые, судя по всему, успешно ответили много лет назад. Меня просто потрясла эта феноменальная память почти девственно чистых военных мозгов. А вот Ольга Петровна поведала нам свою весьма грустную историю, связанную с потерей миллиона рублей. Этот миллион исчез при составлении бухгалтерского баланса финансовой деятельности предприятия, в котором она работала в городе Виннице. Выяснился этот печальный факт во время попытки сдачи баланса в головной организации, для чего она ездила в Одессу. Несмотря на совместные поиски с ведущими специалистами фирмы, миллион найти не удалось. Ольга Петровна останавливалась на квартире одесских родственников, которые также были подключены к поиску пропавшего миллиона по всем бухгалтерским проводкам. Но все было тщетно. Она применила последний испытанный прием — испекла большую творожную запеканку по специальному рецепту и отнесла половину главной наставнице по бухгалтерии, которая работала в одесской налоговой инспекции. Они вдвоем пили чай с вкуснейшей запеканкой и искали миллион. Но все усилия, по словам несчастной, были напрасны — он пропал, как заколдованный нечистой силой.

После третьей рюмки отличного коньяка, принятого под благородную закусь, в моей программистской голове начала вылупляться идейка-догадка насчет столь удивительно потерянного миллиона. В те годы мне приходилось много работать с бухгалтерами в процессе перевода задач на компьютерный режим. Мысль была очень простой, но по опыту проникновения в бухгалтерскую логику, я уже предполагала, как происходил поиск, и предложила Ольге Петровне проверить суммы, равные пятистам

тысячам рублей. Если одна из таких бухгалтерских проводок была по ошибке занесена в дебет вместо кредита (или наоборот — в кредит вместо дебета, или проведена с отрицательным знаком), то итоговый баланс получит удвоенное искажение — вот вам и миллион! Она с плохо скрываемым недоверием взглянула на меня, но затем со вздохом вытащила папку с балансом. Буквально через несколько минут мы нашли именно такую ошибочную проводку.

Наше купе бурно ликовало! На продолжение банкета были приглашены проводницы. Все от души поздравляли Ольгу Петровну, которой уже можно было пересаживаться на встречный поезд и снова отправляться в Одессу — сдавать исправленный баланс. Вот тут пришла пора "друг другом восхищаться". Все обратили внимание на мои вишневые туфли, которые выглядывали из-под нижней полки. Ольга Петровна даже попросила подержать их в руках, погладила и зачем-то понюхала. Она с привычным недоверием взглянула на мои ноги в шлепанцах, мысленно прикидывая, как мне удается втиснуться в такой размер.

В процессе совместного чаепития мы все не могли не восхищаться совершенно дивным вкусом творожной запеканки с изюмом и цукатами. Проводницы немедленно потребовали рецепт, принесли листки и карандаши. Я записывала, держа на коленях папку с найденным миллионом.

Бумажка утром не обнаружилась, так же, как и мои неповторимые французские туфли. Мы с проводницами и полковниками поочередно долго ползали на коленях, исследуя каждый сантиметр купейного пола, — туфли исчезли гораздо более безнадежно, чем давешний миллион. В ящиках для багажа под обеими нижними полками туфли также не были обнаружены, хотя в первые пять минут поиска я была уверена, что они именно там. Никогда мне не забыть непередаваемую смесь ощущений ужаса, обиды, гнева и сожаления. Ольга Петровна сошла с поезда ранним утром в Виннице, и никто из нас даже не проснулся, чтобы попрощаться с ней. Очевидно, нагло выставленные мною почти сувенирные туфли сыграли с ней злую шутку — соблазн оказался непреодолимым. Комментарии, как говорится, были излишни. Правда, видавшие виды проводницы начали задним числом утверждать, что сразу заподозрили Ольгу Петровну, симулирующую пропажу миллиона: "Небось, сама все и прикарманила — и деньги, и туфли! Всегда в поезде нужно класть обувь под подушку, а вы все интеллигентничаете, все обидеть соседей подозрением боитесь. Вот и гуляйте теперь босиком по лужам. Но все же, как эта ворюга своей запеканкой нас закайфовала!".

Ситуация сложилась неординарная. Поезд прибывал к вокзалу. Накрапывал осенний дождик. Перспектива явиться на доклад к генеральному директору в промокших шлепанцах выглядела малопривлекательной. Всерьез озадаченные полковники предлагали одолжить деньги на покупку новых туфель, но времени на это не оставалось. Отзывчивая юная одесситка из соседнего купе предложила мне свои довольно закрытые плоские белые босоножки 34-го размера, конечно, с возвратом. Вот в таком виде, практически в белых тапочках, сжимающих тисками ноги, и элегантном кримпленовом костюме я и явилась на технический совет. Смеха было больше, чем сочувствия, — это естественно. И конечно же, напрасными были мои поиски аналогичных туфель в обувных магазинах Киева. Ничего подобного мне больше не попадалось. Название предприятия, для которого так удачно был найден миллион, я и не думала запоминать. Мое доверие к попутчикам было подорвано самым циничным образом. Но и привычки класть обувь под голову для дальнейшей жизни без командировочных потерь также не удалось приобрести. Правы были проводницы — интеллигентность диктует другие решения. Например, вообще не спать в поезде, бдительно подремывая и присаживаясь на полке на остановках, дабы не вводить попутчиков в грех искушения. И еще меня долгие годы преследовал синдром ощущения невосполнимой потери при звучании вполне невинного слова "запеканка" — синдром потери доверия к ближнему. Но с этим я довольно успешно боролась, судя по количеству последующих обманов и утрат.

И вот через столько лет мне была уготована встреча с этой незабываемой парой обуви, которая выглядела все такой же удивительно новой, как будто только недавно купленной по счастливому случаю. Очевидно, так никому и не посчастливилось до сих пор чувствовать себя в этих туфельках женственной и стройной. Пока не нашлось другой Золушки. Да и я уже не гожусь на эту роль — размер ноги другой, высокие каблуки давно в прошлом. Но может быть, все же кому-то они еще послужат с моим благословением. Я нежно погладила туфельки и пожелала им найти хозяйку, достойную их красоты.

И все же неисповедимы судьбы не только людей, но и некоторых вещей! Каким образом эти туфли, украденные много лет назад в поезде, могли попасть в Израиль и быть выставленными явно за ненадобностью совершенно не ношеными? Кому могла подарить их Ольга Петровна? И вдруг я совершенно четко вспомнила, что в момент нашего бурного ликования по поводу найденного миллиона полковники обменялись между собой некой фразой, на которую я тогда совершенно не обратила внима-

ния, а теперь она приобрела совершенно конкретный смысл и содержание. Фраза звучала примерно так: "Вот и наша бухгалтерша в военной части Фаничка тоже с удивительно светлой головкой и крошечной ножкой!". Ужасное подозрение-догадка пронзило меня. Неужели я столько лет пребывала в таком отвратительном заблуждении?! Бедная напрасно оклеветанная Ольга Петровна! Но хороши же наши доблестные полковники. Интересно, какой из них решил привезти умненькой Фаничке такой роскошный, совершенно дефицитный подарок? Впрочем, это значения не имеет, все равно по каким-то причинам носить ей их явно не довелось. А расстаться с ними сил не хватило, даже в эмиграцию с собой взяла. Тут я ее очень хорошо понимаю. Был момент, когда даже захотелось вернуться к дому, возле которого стояли туфли-мицва, и разыскать эту самую Фаничку. Интуиция подсказала мне, что это — точное попадание. Интересно было бы поведать ей историю моих приключений в незабываемом купе. Но зачем разочаровывать еще одну женщину в еще одном или сразу двух полковниках? Тем более что дело было так давно. Но вот реабилитация Ольги Петровны доставила мне огромную радость. И даже удалось вспомнить рецепт ее фирменной творожной запеканки. С той поры я готовлю ее довольно часто. В отличие от всяческих иллюзий и заблуждений, творожная запеканка никогда и никого не разочаровывает полностью. Вот этот рецепт:

Исходные продукты: Творог хорошего качества — 800 г или 1 килограмм, 6 яиц, сметана — 100 г, масло сливочное — 50 г, изюм — 50 г, сахар — три четверти стакана, манка — 3 столовые ложки, цедра двух лимонов, цукаты по вкусу.

1) Отделить желтки от белков;

2) растереть желтки с сахаром;

3) растереть творог с желтками;

4) добавить кусочки сливочного масла, сметану, цедру, манку — все хорошо растереть;

5) добавить размоченный изюм и цукаты;

6) взбить белки в крутую пену;

7) осторожно размешать взбитые белки с подготовленной творожной массой;

8) намазать глубокую форму сливочным маслом и вылить в нее творожную массу, поставить в разогретую духовку с температурой 180 градусов;

9) выпекать 40 минут, вначале нижним нагревом, затем нижним и верхним одновременно.

Во время выпекания происходит значительный подъем творожной массы, после охлаждения она частично оседает. И это единственное, но не трагическое разочарование, которое вполне компенсируется пикантным нежным вкусом и ароматом. Каждый раз я мысленно прошу прощения у невинно пострадавшей Ольги Петровны.

Но иногда мне снова начинает казаться, что полковники и их тайно обожаемая Фаничка, может, вовсе ни при чем. А вдруг все это подстроили пройдохи-проводницы во время побудки Ольги Петровны? А потом продали эти туфельки какой-то потенциальной репатриантке. Уж очень они здорово разбирались в психологии пассажиров-интеллигентов. А может, все же Ольга Петровна? Или полковники? Или проводницы?

Да, сюжетец вполне в духе Агаты Кристи, только без трупиков.

А может быть, кто-то из моих давних попутчиков страдал клептоманией? Однажды мне довелось выслушать исповедь пожилой интеллигентной дамы, с которой мы разговорились в ожидании задержанного рейса в Домодедово. На моих глазах она, уплатив по счету немалую сумму и дав официанту хорошие чаевые, спокойно положила в сумку миниатюрную вазочку с икебанкой, стоящую на столике кафе, в котором мы перекусывали, коротая время в полной неизвестности насчет вылета в Израиль. Она подвела под свою пожизненную болезненную слабость подворовывать довольно интересную теорию. Ее амбиции диктовали условия психологического комфорта: почему кто-то другой, а не она, будет владеть понравившейся ей вещью? И почему она должна просто покупать то, что имеет для нее ценность, только если добывается с выбросом адреналина? По беззастенчивому признанию этой вовсе не бедной и, по всей видимости, удачливой женщины, у нее были два самых больших удовольствия в жизни — воровать по мелочам и торговаться по-крупному. В ответ я посетовала, что совершенно не умею и страшно не люблю торговаться, даже когда понимаю, что теряю уважение самих продавцов. Почувствовав нескрываемое непонимание случайной анонимной собеседницы, я пыталась объяснить, на мой взгляд, уважительную причину такой странности. Каждый раз мизансцена торга предстает в моем воображении, как перетягивание на свою сторону некоей условной купюры, — а с противоположной стороны тянет продавец или работодатель. И у меня обычно совершенно нет уверенности, что нуждаюсь в этой купюре больше противника. И чем он сильнее тянет, тем больше я начинаю входить в его положение. А относиться к этим мероприятиям как к спорту и развлечениям никак не удается. Мне гораздо проще сразу уплатить и, как говорит мой муж, в очеред-

ной раз приобрести что-то ненужное. Многие мои друзья не любят ходить со мной по магазинам — при мне им неудобно торговаться.

Собеседница была просто поражена моим ответным откровением и резко заявила, что гордецы и снобы, подобные мне, всегда возмущали ее до крайней степени. И она немедленно лишила меня своего общества, тем более что на наш рейс, наконец, была объявлена посадка.

Эти воспоминания отнюдь не вносят ясность в давние события, только прибавляют горечи. И опять утраченные иллюзии и потеря веры в человеческую порядочность начинают терзать мою душу. И вожделенная запеканка кажется слишком жирной и приторной. Я гоню от себя это наваждение, пытаюсь включить чувство юмора и не понимаю, почему через столько лет мне так важно точно знать, КТО. Этот опыт уже ничего во мне не изменит, ничему меня не научит.

И вот как-то после длительных раздумий я вижу сон, где Ольга Петровна проводит в купе аукцион, который завершается тем, что полковники дают поровну и выкупают каждую из моих туфель по пятьсот тысяч рублей. А я лежу на своей полке в странном гипнотическом состоянии, понимая, что мне чего-то добавили в коньяк, но при этом страшно радуюсь во сне — вот же он, миллион! Найден! Затем каждый из них вручает выкупленную туфлю проводнице — причем дарит, как сувенир, своей симпатии, а те тут же объединяют пару и продают Фаничке, едущей инкогнито в соседнем купе. Наконец, я поняла, что все они были в сговоре против меня. Но почему? Что я им всем сделала, чем так настроила против себя? Неужели все они банальные антисемиты? Не может такого быть! А как же Фаничка? Пользуясь преимуществами свободы передвижения во сне и ужасно боясь проснуться, так и не расследовав до конца это темное преступление, я просачиваюсь в соседнее купе, желая поговорить с Фаничкой. А она тем временем горько рыдает, и соседи пытаются ее утешить — у нее как раз украли большую дорожную сумку, которая стояла под столом, так как не помещалась под полкой. Фаничка в моем сильно запоздавшем вещем сне оказалась татаркой Фаиной, которая ехала навестить своих многочисленных родственников, живущих в Киеве. В сумке было много подарков и мои свежеприобретенные ею туфли...

И тут мне стало так хорошо и спокойно! Я проснулась с ощущением полной гармонии в душе. Железнодорожные воры — кто может быть от них застрахован? Ведь двери нашего купе не запирались на ночь. Почему же нужно обязательно думать на кого-то из своих, в самом деле? Какое упоительное ощущение свободы от всяких разочарований! Как говорят

у нас в Израиле: "Воровать профессионально — это святое!". И отдельное спасибо Зигмунду нашему Фрейду — он доходчиво и так же профессионально разъяснил человечеству, как грамотно иногда подсознание может разобраться в практически неразрешимых психологических проблемах.

Какое счастье — дать свободу событиям развиваться так, как им полагается по судьбе, без перехода на личные заслуги и незаслуженные обиды.

И вообще, на что мы тратим жизнь?!

Бат-Ям



Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок по глупости

В кабинете скучает Депутат. Стук в дверь, входит Посетитель.

Посетитель. Здрасьте. Это вы, значит, наш депутат? А я к вам на прием...

Сзади выскакивает и хватает Посетителя за шкирку мордоворот-охранник.

Охранник. Куда прешь?! Стоит на минуту отойти, а они уже лезут...

Депутат (*охраннику*)**.** Петя, не надо так с народом. Сегодня... Сегодня у меня типа прием, вот народ и потянулся. Иди, Петя, иди... (*Охранник недовольно уходит, Депутат казенно-весело, типа обаяшка.*) Очень рад вас видеть! Чем могу служить?

Посетитель. Служить? Вы мне?!

Депутат. Ну да! (*Фривольно.*) Я же слуга народный. Ваш... хе-хе... избранник.

Посетитель. В каком смысле — мой избранник? Я женат! Моя избранница меня дома ждет...

Депутат. А! Ха-ха! А вы шутник! Ну да ладно... Давайте! (*Скороговоркой.*) Вы же типа пришли со своими нуждами и чаяниями, рассчитывая на типа бескорыстную помощь и теплую типа человеческую поддержку... Короче, распрягайте, что там у вас...

Посетитель. Так я, в общем-то, с жалобой.

Депутат. Ну, естественно! А с чем же к нам нашему народу еще ходить — только с жалобами! Ха-ха! И на кого жалуетесь?

Посетитель. Нет, я не на кого, а на что. Я пришел пожаловаться на глупость.

Депутат. Что-то новенькое! Обычно люди жалуются на ЖКХ, транспорт, на местные власти...

Посетитель. Нет! Меня вполне устраивает это самое слово из трех букв... Ну, ЖКХ... И особенно местные власти... Я пришел жаловаться на глупость. На свою собственную глупость.

Депутат. На свою глупость?! А почему это вы считаете, что вы глупы?

Посетитель. Да потому что наше ЖКХ, и особенно местные власти могут вполне устраивать только полного идиота!.. Только дурака, дебила, кретина, олигофрена...

Депутат. Я не понял... Так вы что, считаете себя... э-э... дураком?

Посетитель. А что тут удивительного? Вот вы что, никогда не считали себя дураком?

Депутат. Я?!. Я — депутат законодательного собрания! Какой же я дурак, когда я там это... ну, решаю с серьезными людьми даже самые неразрешимые вопросы.

Посетитель. Это понятно. Но вот индекс IQ вы себе когда-нибудь измеряли? Индекс интеллекта?

Депутат. Еще чего! К нам в законодательное собрание привозили спецкомпьютер, чтобы измерить интеллект депутатов. Но мы сразу же, немедленно проголосовали, чтобы его увезли. Единогласно!

Посетитель. Почему?

Депутат. Ну, так он же компьютер! С ним же никакого вопроса не решишь... Никак же его не заинтересуешь... Ну, чтобы он тебя правильно оценил... Понимаете?

Посетитель. Не понимаю.

Депутат. Знаете... А вот все-таки видно, что вы дурак! М-да... Вам надо не ко мне ходить жаловаться, а к врачам.

Посетитель. К врачам я уже ходил. Один врач послал меня к другому, тот к третьему, третий к четвертому, потом к пятому, тот к шестому, этот к седьмому...

Депутат. Да я понял, понял. Я ж не дурак какой-нибудь! Ой, извините... И что они сказали?

Посетитель. Говорили разное. Но в одном все врачи были полностью единодушны.

Депутат. Ну вот видите. А в чем именно?

Посетитель. Каждый взял с меня по тысяче рублей. Врачи-то у нас не дураки... Ну, в этом смысле. А вот я все время делаю какие-то глупости! Недавно по глупости не захотел дать денег гаишнику. И сказал, что буду жаловаться. А он у меня права отобрал.

Депутат. Действительно глупость, на ментов лучше не наезжать! Если вы, конечно, не депутат. Между нами... Недавно даже у меня с ними были проблемы, еле-еле их порешал.

Посетитель. У вас-то какие могут быть проблемы?

Депутат. Наехал на лежачего полицейского.

Посетитель. Ну и что? Что тут такого — наехал на лежачего полицейского!

Депутат. Так до этого он был стоячий...

Посетитель. Ужас...

Депутат. Слушайте, а чего вы вообще так переживаете? Наш народ как говорит? "Дуракам — счастье". А самый умный в русских сказках кто? Дурак. В наших сказках он даже обычно на царевне женится, становится представителем, так сказать, правящей элиты.

Посетитель (*воспрянув*)**.** Вообще-то да! Раз он Иван-дурак, то у него и деньги, и полцарства, и жена-красавица!

Депутат. Во-во! (*С сожалением цыкает.*) Правда, это только в русской сказке. В жизни, если у Ивана-дурака бабки, полцарства и жена-красавица, так он или не дурак...

Посетитель (*перебивает*)**.** ...или не Иван...

Депутат. Ну, ладно. Я, конечно, как человек вас понимаю... Но как депутат ничем помочь не могу. Государственный деятель тут, к сожалению, бессилен. Даже моего масштаба...

Посетитель. А я так надеялся... У вас такое умное лицо... Его даже по телевизору показывали...

Депутат (*самодовольно*)**.** Видели меня по телевизору? Когда? Где?

Посетитель. Недавно. Вы на собрании выступали, а какой-то парень начал бросать в вас яйца.

Депутат (*мрачнеет*)**.** Черт знает что... И зачем это показывать по телевизору? Ну вот лично вам это что, понравилось?

Посетитель. Мне?! Да что мне там могло понравиться? Что? Он же в вас так ни разу и не попал...

Депутат. Так, все! Ничем не могу вам помочь! Хотите, честно?.. Вот вы, ну, люди, думаете, что мы, депутаты, встречаемся с вами, чтобы вам чем-то помочь, да?

Посетитель. Ну, не все так думают... А только такие дураки, как я.

Депутат. Ага. Ну, то есть почти все... На самом деле мы с вами встречаемся, чтобы не вам помочь, а себе... Чтобы узнать, что вы о нас думаете.

Посетитель. Что мы думаем, когда вы проноситесь мимо нас с мигалками, проходите мимо нас с телохранителями, улетаете от нас на отдых под пальмы, получив из нашего же бюджета еще и премию на оздоровление?

Депутат. Ну да! Это же вы в стране хозяин — народ! Вот мы и хотим узнать, что наш хозяин об этом думает. Не возражает ли он? Доволен ли?.. Короче, все ли пока тихо...

Посетитель. А что я об этом могу думать? (*Вздыхает.*) Ладно уж. Я же понимаю, что у вас СПИД.

Депутат. Какой еще у меня СПИД?!

Посетитель. Ну, СПИД — синдром приобретенного иммунитета депутата.

Депутат. А! Ха-ха! Надо будет наших повеселить. (*Записывает, повторяя.*) Приобретенного иммунитета... Если б вы только знали, сколько стоит его приобрести... Слушайте, а вы кем работаете? Вам ваша глупость работать не мешает?

Посетитель. Нет, даже помогает. Без нее я бы и работать не смог.

Депутат. Как это?

Посетитель. Ну, умный человек за десять тысяч учителем бы не работал. Глупо это.

Депутат. Да ладно вам! Я же вот работаю депутатом! Думаете, легко работать депутатом?

Посетитель. А было бы тяжело, вы бы не работали... Вы же не дурак.

Депутат. Более чем. Я вообще в нашей фракции лучший — один заменяю 30 депутатов.

Посетитель. Как это?

Депутат (*гордо*)**.** Это рекорд нашего законодательного собрания. Я за 10 секунд успеваю нажать 30 кнопок для голосования.

Посетитель. М-да... Если бы учителя ходили бы на работу так же, как депутаты, уже никто не смог бы ни писать законы, ни читать. Ну ладно, мне пора на работу.

Депутат. Минутку. Как вас записать? (*Берет тетрадку.*) Я тут народ в журнал записываю.

Посетитель. А так и запишите. Приходил народ. Велел передать всем депутатам, чтоб работали. А то он вас уволит. Всех.

Депутат. Во как... А почему же вы тут жаловались на свою собственную глупость?

Посетитель. А потому, что я за вас голосовал... Да... (*Разводит руками.*) Сделал такую глупость...

Уходит, оставляя растерянного Депутата.

Книжный развал

...В ОДЕССЕ



Анна МИСЮК
Куда бы вас послал классик...
Одесса, Мигдаль, 2010

Анна Мисюк — сотрудник Одесского литературного музея. Первоначальный круг ее профессиональных интересов, сформировавшийся еще в Тартуском университете в семинаре Ю.М. Лотмана, — пушкинистика. Вернувшись в родную Одессу, обнаружив со временем, что исчезли "как класс" все знатоки истории еврейской литературы, общественной мысли, она начала изучать одесские страницы еврейской истории. За два с лишним десятилетия скопилось множество статей, докладов, разработок. И вот сейчас часть из них собрана в книгу.

Что привлекает в этом томе? Прежде всего, личностное отношение автора к своим героям. Это не энциклопедические справки, а исследовательский поиск...

Ирония, юмор, анекдот, шутка помогают автору не терять контакт с читателем. И все это вместе создает непринужденную атмосферу, доверительную интонацию, которой и должна обладать настоящая литература.

Кстати, если вы еще не знаете, куда бы вас послал классик, вам непременно нужно прочесть книгу Анны Мисюк.



Элла ЛЕУС
Крепость осознания. Повесть
Одесса, Астропринт, 2010

Первая книга Эллы Леус, как она пишет в предуведомлении, основана на реальных событиях, хоть все персонажи вымышлены.

Трудно однозначно ответить, о чем эта книга. И о ликвидаторах катастрофы на Чернобыльской АЭС, и о любви, и о производственных конфликтах, но прежде всего, о становлении характера, о воспитании характера.

Сейчас, когда в моде "женский детектив",

"женский любовный роман", эта книга может удивить точностью деталей, сочностью языка и, уверен, обрадовать. В круг писателей Одессы уверенно входит еще один автор, со своим мировоззрением, со своей жизненной позицией. Будем ждать ее новые книги.



Виктория одесского артиллериста
Одесса, Optimum, 2010

Директор Одесского историко-краеведческого музея В.В. Солодова составила сборник, посвященный яркому эпизоду Крымской войны, когда благодаря беспримерному мужеству прапорщика А.П. Щеголева и его подчиненных батарее № 6 удалось сорвать план англо-французской эскадры захватить Одессу.

В книгу В. Солодова включила труд Н.И. Ленца "Бомбардирование Одессы 10 апреля 1854 года", а также статьи О. Чижевича "Воспоминания очевидца" и "Записки" П. Алабина.

В предисловии В. Солодова рассказывает биографию Н. Ленца, уточняет, что капитан английского фрегата "Тигр" был похоронен в Одессе не на Карантинном, а на Первом городском кладбище, что памятник английскому капитану выполнил одесский скульптор Верне (Vernet), как дружелюбно отнеслись одесситы к пленным английским морякам.

Думаю, многие сведенья из этой книги расширят круг знаний краеведов, любителей истории нашего города.



С.Б. ОХОТНИКОВ
Археология в Одессе.
185 лет Одесскому археологическому музею
Одесса, Смил, 2010

Автор книги С. Охотников — председатель Одесского археологического общества, заместитель директора по науке Одесского археологического музея. Специалист-античник, он вел раскопки на острове Змеином и в Нижнем Поднестровье, написал 6 монографий и более 150 статей. Но эта книга — особая, так как в ней рассматривается весь период существования

Археологического музея (1825-2010), а по сути, прослежено становление археологии в нашем крае еще до создания музея.

Хотелось бы обратить внимание, что городу было чуть более 30 лет, а в нем уже был создан первый музей. Так что у истоков Одессы стояли Театр и Музей, а значит, Культура.

В книге множество документов, описание библиографических трудов Одесского общества истории и древностей, трудов археологов, работавших на нашей земле.



Неизбежность творчества
Одесса, 2010

Это сборник поэзии и прозы студентов филологического факультета к 145-летию Одесского национального университета имени И. Мечникова. В предисловии составитель сборника — декан филфака доктор филологических наук Евгений Черноиваненко размышляет о "сладости творчества" и необходимости научиться поверять алгеброй гармонию, чтобы понять смысл слов Томаса Манна: "Писатель — это человек, которому писать труднее, чем остальным людям".

Шестнадцать новых для меня имен, шестнадцать молодых авторов, у каждого из которых есть строки, иногда строфы, позволяющие надеяться, что для них творчество действительно неизбежно. Это их судьба. Был бы рад видеть этих молодых людей в клубе "Зеленая лампа" при Всемирном клубе одесситов. А пока три миниатюры из этой книги:

Алина КАЧУРЕНКО

Танка

Смирись, что я
Такая, какая есть.
Я не стараюсь
Казаться лучше затем,
Чтобы меня любили.

Марина МАРТЮШЕВА

* * *

Наверно я цинична для Ассоли
И вижу мир без алых парусов...
И в мире — тень предательства и боли,
И лишь одна спасительна любовь.
Я догонять к двери тебя не кинусь,
И не приплыть к причалу кораблю...
Но умножая минусы на минус,
Я понимаю: все-таки люблю.

Дарья ЦАРИК

* * *

Мышка, мышка, уступи
Мне на время норку...
Мышка, мышка, угости
Старой сырной коркой...
Пожуем с тобой вдвоем,
Ляжем спать пораньше.
Хоть денечек проживем
Без людей и фальши...

...В МОСКВЕ



Роман Ширман — высокое искусство смеха
Москва, Луч, 2010

Эта книга — сборник воспоминаний, искусствоведческих статей, газетных и журнальных публикаций, посвященных основателю и руководителю знаменитого трио "Братья Ширман" — Роману Ширману. Среди авторов книги Юрий Никулин и Эмиль Кио, Владимир Спиваков и Геннадий Хазанов, Сергей Юрский и Роман Карцев...

В этом году отмечается столетие со дня рож-

дения Романа Ширмана (1911-1994). Думается, немало людей придет в Одессе в Театральный переулок, к дому, на котором установлена мемориальная доска: "В этом доме жили известные артисты цирка — клоуны братья Ширман". Естественно, среди них будут одесситы, авторы этой книги. Будет и Феликс Кохрихт, чей очерк "Братья Ширман и рыжий мальчик" был опубликован в нашем альманахе, и Михаил Пойзнер, и Роман Бродавко, и Борис Литвак, и Семен Коган, помнящие братьев Ширман и рассказавшие о них на страницах этой книги.

Надеюсь, приедут из Москвы одесситы Екатерина Ширман и Петр Гулько, чья благодарная память сделала возможным собрать под одну обложку тексты многих и многих замечательных людей.

...В НЬЮ-ЙОРКЕ



Вильям Шекспир. Сонеты
Перевод Эдуарда Хвиловского
Одесса — Нью-Йорк, 2010

Шекспироведы считают, что количество литературы о "Сонетах" уступает только трудам о "Гамлете". Посчитать же все переводы отдельных сонетов и всего корпуса, состоящего из 154 стихотворений, вряд ли возможно. Только недавно на русский и украинский языки перевел "Сонеты" В. Шекспира одессит Георгий Пилипенко. А в конце 2010 года во Всемирный клуб одесситов из США прибыл том "Сонетов" в переводе Эдуарда Хвиловского.

Предлагаем вниманию читателей его перевод одного из самых популярных — 66-го сонета.

Я смерть зову и видеть не могу
Достоинство в унылой нищете
И алчность на пожизненном пиру,
И веру на обугленном кресте,
И золото наград у дураков,
И девственность, растоптанную тьмой,
И совершенство без достойных слов,

И силу, побежденную клюкой,
И музу с перекрытым властью ртом,
И глупость, как всемирный приговор,
И правду, что зовется простотой,
И праведность в плену у подлецов.
Устал я жить. Уйти из бытия,
Но ты как без меня, любовь моя.

Победил ли Эдуард Хвиловский своих предшественников? Мне кажется, что нет. Но, как учили нас классики, безумству храбрых поем мы песню. Дерзайте.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Из прошлого в будущее



Вера СОЛОДОВА
Формування та розвиток документальних колекцій у складі одеських музеїв (1825-2003)
Одесса, Астропринт, 2010

В Историко-краеведческом музее состоялась презентация монографии его директора, кандидата исторических наук Веры Солодовой "Формування та розвиток документальних колекцій у складі одеських музеїв (1825-2003)".

Формирование музейных фондов, в частности, документальных коллекций — процесс длительный. На него влияют глобальные исторические процессы, важные политические события, региональные особенности и, наконец, подвижническая деятельность отдельных личностей. Если этот процесс добросовестно изучен на основе документальных источников, он в той или иной мере становится объективным отражением духовной жизни города, края, всей страны в разные исторические эпохи. Эту истину подтверждает монография В. Солодовой.

И силу, побежденную клюкой,
И музу с перекрытым властью ртом,
И глупость, как всемирный приговор,
И правду, что зовется простотой,
И праведность в плену у подлецов.
Устал я жить. Уйти из бытия,
Но ты как без меня, любовь моя.

Победил ли Эдуард Хвиловский своих предшественников? Мне кажется, что нет. Но, как учили нас классики, безумству храбрых поем мы песню. Дерзайте.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Из прошлого в будущее



Вера СОЛОДОВА
Формування та розвиток документальних колекцій у складі одеських музеїв (1825-2003)
Одесса, Астропринт, 2010

В Историко-краеведческом музее состоялась презентация монографии его директора, кандидата исторических наук Веры Солодовой "Формування та розвиток документальних колекцій у складі одеських музеїв (1825-2003)".

Формирование музейных фондов, в частности, документальных коллекций — процесс длительный. На него влияют глобальные исторические процессы, важные политические события, региональные особенности и, наконец, подвижническая деятельность отдельных личностей. Если этот процесс добросовестно изучен на основе документальных источников, он в той или иной мере становится объективным отражением духовной жизни города, края, всей страны в разные исторические эпохи. Эту истину подтверждает монография В. Солодовой.

В первую очередь, следует отметить актуальность этого научного исследования. Ведь уникальные документальные музейные коллекции в Украине изучены, мягко говоря, недостаточно.

Во-вторых, не вызывает сомнений научная новизна монографии. Следует отметить, что результаты исследований были апробированы Солодовой на международных, всеукраинских и региональных конференциях, изложены в ее многочисленных статьях. Автор определяет особенности создания музейных учреждений Одессы с 1825 (год организации первого музея в Одессе — Музея истории древностей) по 1917 год, в советское время и в период независимой Украины, исследует нормативно-методические основы функционирования одесских музеев, а также отражает проблемы сохранения и использования их документальных коллекций. Немало документальных музейных коллекций были навсегда утрачены по разным причинам, но те, что существуют, нуждаются в обязательной фиксации и учете, и в современных условиях хранения.

Отдельного разговора заслуживает то, как глубоко повествует автор о личном вкладе ряда деятелей, которых по праву можно назвать создателями одесских музеев. Некоторые из них в годы советской власти были репрессированы.

В-третьих, работа исследовательницы, безусловно, может быть использована в практической деятельности — в частности, в написании обобщающих работ по истории региона и города Одессы, в подготовке учебных курсов по музееведению и архивоведению в вузах.

Особо хочется отметить высокую культуру научного издания, которая проявляется в ясности и аргументированности каждого тезиса, в большом справочном материале, ценных комментариях и иллюстрациях. Монография Веры Солодовой адресована не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Роман БРОДАВКО

"Сто" из Одессы

Гете называл стихи поцелуями, обращенными к миру, от которых не родятся дети... Только что во Всемирном клубе одесситов прошла презентация ста именно таких поцелуев.

Собравшимся представили коллективный сборник стихотворений "Сто". В него вошли произведения двадцати одесских поэтов — участников и друзей действующей здесь литературной студии "Зеленая лампа", многие из которых являются членами Южнорусского союза писателей. Название для студии выбрано не случайно. Восходит оно к двум "Зеленым лампам". Первой — пушкинской, начала позапрошлого века.

Тогда друзья Александра Сергеевича собирались в петербургском доме у любителя театра и литературы Никиты Всеволожского, который служил вместе с Пушкиным в Коллегии иностранных дел. И при свете лампы, украшенной зеленым абажуром, в этом дружеском сообществе читались и обсуждались стихи, театральные обзоры, исторические и публицистические статьи. Бунтарство, вольнодумство пронизывают связанные с "Зеленой лампой" стихотворения и письма Пушкина.

А с 1917 по 1919 год в Одессе активно действовала своя литературная студия "Зеленая лампа", в которой крепли таланты молодых тогда Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Валентина Катаева.

Нынешняя "Зеленая лампа" возникла в Одессе два года назад по инициативе прозаика и мецената Евгения Деменка. Ему же принадлежит инициатива по результатам каждого года издавать книгу — авторский или коллективный сборник. По итогам первого года была выпущена книга стихов Алены Щербаковой.

— Немало стихов нового сборника, — говорит руководитель студии, вице-президент Всемирного клуба одесситов Евгений Голубовский, — посвящено поискам настоящей любви, которой людям так недостает в реальной жизни. А отсутствие любви многие замещают алкоголем, наркотиками, погоней за мнимыми ценностями. И мне кажется, что настоящая поэзия призвана уберечь людей от многих заблуждений...

Какой-то особенной задушевностью веет от стихотворения Людмилы Шарги "Верлибры старого двора":

По улицам-страницам странницей
Я тайно по ночам брожу,
О прошлое боюсь пораниться,
Свой взгляд в сторонку отвожу.

Конечно, объясняясь в любви ко всему миру, поэты надеются на взаимность. Но нынешний мир отличается особой жестокостью. И мы видим, как в стихотворении Алены Тищенко "В городе N" у автора накапливается горечь разочарований:

В городе злые большие дома
И туманы такие, что мокнет одежда.
В этой осени можно сойти мне с ума
И забыть это сладкое слово "надежда".

А вот Семен Абрамович находит совсем другие слова для своего города:

А я люблю вот этот странный град,
Люблю его кривые переулки,
Где дух царит свежайшей хлебной булки,
Где шум дворов, по стенам виноград.

Разумеется, что Ирине Дежевой, которой свойственен авангардный поэтический стиль, встречается "белый стих среди зимы". Стремясь найти глубинный смысл слова, Ирина проявляет в своем творчестве некоторое бунтарство против привычных художественных образов, поэтических норм и традиций. Вот и появляется в ее стихотворении почтальон, "у которого шелестом морской стихии согреты в перчатке письма", и который почему-то "вычихивает остров у ворот".

Танда Луговская, похоже, не задумывается о своем месте в ряду поэтов. Она просто выливает на бумажный лист переполняющие ее эмоции и, видимо, в этом находит для себя настоящее счастье. Весьма оригинально разрешает Танда противоречие между "совами" и "жаворонками":

Если совы будут править миром,
Станет мир приветливым и милым:
Посдаем будильники в музеи —
Пусть на них глазеют ротозеи.
Школа, вуз, работа все с полудня
(Это, разумеется, по будням)...

Два раза в месяц, говорит Евгений Голубовский, на встречи в "Зеленой лампе" приходит до сорока поэтов, прозаиков, драматургов, журналистов, людей, живущих сердцем. Конечно, поэзия — это дар Божий. И мы не забываем повторять: горе тому поэту, который в своих экспериментах забывает, что главный и неповторимый инструмент поэтического звучания — его душа.

Владимир КРЕЩУК

Памяти Анны Яблонской



"Мне кажется, у меня осталось очень мало времени", — это была единственная фраза, которую Анна Яблонская записала 21 декабря в своем "Живом журнале".

24 января в Москве в результате теракта в аэропорту Домодедово Аня погибла.

Сегодня многие говорят о предчувствии.

Думаю, она всегда размышляла о жизни и смерти, помнила, как много хочет сделать, написать, но как мало времени...

Школьницей пришла Аня Яблонская в газету "Вечерняя Одесса", где были напечатаны ее стихи. Позднее она писала рассказы и эссе, ей предоставляли свои страницы журнал "Фонтан", газеты "Всемирные одесские новости" и "Порто-франко", московский журнал "Октябрь". Последние пять лет Анна писала пьесы. Ее называли одним из самых талантливых драматургов постсоветского пространства. Об этом свидетельствовали награды конкурсов "Премьера.txt", "Евразия", "Свободный театр".

И трагический полет в Москву 24 января, в конце концов, был связан с тем, что А. Яблонской должны были в этот день вручить в журнале "Искусство кино" премию за пьесу "Язычники".

Спектакли по пьесам молодого драматурга шли в Санкт-Петербурге, Перми, Москве. В Одессе только лишь театр-студия Натальи Князевой поставил ее пьесу.

Обычная в своем неприличии история — нет пророка в своем отечестве.

...А я до сих пор не могу поверить, что смерть Ани реальность. Кажется, раздастся тихий стук в дверь — и войдет она, красавица с грустными улыбающимися глазами, и положит на самый край стола новый текст. И может быть, это будут опять иронические стихи. Такие забавные — и вновь провидческие, как это ее стихотворение.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

На смерть коленок

положи мне руку на колено,
там, где нервов самые истоки,
мы не одиноки во Вселенной,
просто мы вселенски одиноки...
у любви такая масса нетто —
не поднимешь, сколько ни старайся,
видно, на Земле мне жизни нету,
видно, есть мне только жизнь на Марсе...
мне вкололи космос прямо в вену,
экипажи ждут в небесных лодках,
положи мне руку на колено,
там, где стрелка... стрелка на колготках...
мне не жаль ни страха, ни упрека,
мне не жаль ни потолка, ни стенки...
мне не жаль ни Юга, ни Востока,
мне немного жаль свои коленки...



Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей РЕШЕТОВ
Одесский кадетский корпус: страницы истории 6

Олег ГУБАРЬ
"Энциклопедия забытых одесситов" 13

Софронис ПАРАДИСОПУЛОС
Социально-экономический профиль греческой общины Одессы в конце XIX века 21

Из дневника Н.В. Брусиловой 30
Публикация В.М. ШАБАНОВА

Владимир КАТКЕВИЧ
Самый неудобный капитан 41

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Четыре угла 49

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ
Роль земледельческих машин в судьбе Исаака Бабеля 52

ПРОЗА

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
Огонь 63

Алексей ЛУКЬЯНОВ
...показал мужик топор 68

Рада ПОЛИЩУК
Лапсердак из лоскутов 73

Михаил ЛАНДЕР
Прощай, Батуми! 93

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ
По ту сторону Земли 100

ПОЭЗИЯ

Игорь ПАВЛОВ
"Утоли мои печали..." 124

Игорь ПОТОЦКИЙ
"Жизнь моя смутно текла..." 127

Николай ЩЕРБАНЬ
"Все згадую роки дитячі..." 129

Виталий АМУРСКИЙ
Изумруд Босфора 132

Валентина СИЛАНТЬЕВА
Мой мир 136

Александр ЖИГУНОВ
Записи офицера 138

Александр СЕМЫКИН
Ушел герой... 141

Олег БОРУШКО
Мария 144

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Аншлаг 149

Виктория КОЛТУНОВА
Такой странный непонятный Мардань 185

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Евгений ДЕМЕНОК
Соня Делоне возвращается в Одессу 199

Валентин МАКСИМЕНКО
Лексикон Петра Соломоновича 208

Белла ВЕРНИКОВА
Петр Вейнберг, переводчик Гейне 215

Евгений НИКОЛАЕНКО
Простое может сложным стать 218

Люсьен ДУЛЬФАН
О Мише Вайнштейне и о других 221

Михаил ПОЙЗНЕР
"Ах, Одесса моя, ненаглядная..." 226

Алена ЯВОРСКАЯ
Хромой Митя 235

ПУБЛИКАЦИИ

Александр МУЗЫЧКО
"Работаю довольно много, но без особого удовольствия" 243

К 120-ЛЕТИЮ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА И И.Г. ЭРЕНБУРГА
Поэзия пережила человека 255

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Слишком много думать неприлично" 263

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Рим Феллини 276

Стас ЖАЛОБНЮК
SPQR 283

Иван ЛИПТУГА
Милан: Дуомо и Скала 284

АХ, ОДЕССА

Нина ДАНИЛОВА
Купе 291

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 300

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 305

Роман БРОДАВКО
Из прошлого в будущее 310

Владимир КРЕЩУК
"Сто" из Одессы 312

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Памяти Анны Яблонской 314

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 44

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 44

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 067 48-03-705

Подписано в печать XX.XX.2011.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, Украина
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ВСЕМИРНЫЙ
КЛУБ ОДЕССИТОВ



WORLDWIDE
CLUB OF ODESSITES

7, Marazlievskaya St., Odessa, 65014, Ukraine. Tel. +38 (048) 725-45-67